

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УРАЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
– филиал РАНХиГС

МАТЕРИАЛЫ
КОНФЕРЕНЦИИ

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ДОСТИЖЕНИЕ МЕТАБЕЗОПАСНОСТИ КАК АТРИБУТА ГОСУДАРСТВА

Всероссийская
научно-практическая конференция
Екатеринбург, 15-17 сентября 2020 г.

Выпуск 1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
достижение метабезопасности
как атрибута государства v.2020

МАТЕРИАЛЫ
Всероссийской научно-практической конференции

ВЫПУСК'1

Екатеринбург 2020

УДК 34(063)
ББК 67я431
П 68

П 68 **Право в современном мире: достижение метабезопасности как атрибута государства v. 2020** : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 15-17 сентября 2020 г.) : в 3 вып. Вып. 1 / отв. ред. М. Б. Ворошилова ; Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. – Екатеринбург, 2020. – 205 с. – ISBN 978-5-8056-0417-2.

ISBN 978-5-8056-0417-2

В сборник включены научные статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Право в современном мире: достижение метабезопасности как атрибута государства v.2020» (Екатеринбург, 15-17 сентября 2020 г.).

Сборник предназначен для профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов юридических образовательных учреждений и практических работников правоохранительных органов.

УДК 34(063)
ББК 67я431

ISBN 978-5-8056-0417-2

© Авторы, 2020
© Уральский институт управления
– филиал РАНХиГС, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аминов А.Р.</i> Проект гражданского уложения 1905 г. и обычное крестьянское право	6
<i>Анахова В.М.</i> Основные направления гуманизации современной уголовно-исполнительной политики	9
<i>Бадалян К.О.</i> Установление уголовной ответственности за незаконное использование электроэнергии как одно из направлений обеспечения национальной безопасности страны	13
<i>Бахтеева Е.И.</i> Режим коммерческой тайны в организации как обязательное условие привлечения к уголовной ответственности по ст. 183 УК	16
<i>Бельдина О.Г.</i> Блокчейн: новый механизм обеспечения безопасности участников экономических отношений	20
<i>Беляева Ю.В., Павлов А.П.</i> Эволюция форм налогового контроля в условиях компьютеризации	23
<i>Богданов А.С., Мальцева В.А., Бочков П.В.</i> Правовая безопасность кредитных заемщиков в РФ	26
<i>Валиуллина И.Ф.</i> К вопросу о лингвистической экспертизе нормативно-правовых актов Российской Федерации, посвященных защите региональных языков или языков меньшинств	28
<i>Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е.</i> Результаты государственной политики в сфере добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом	30
<i>Вихарев А.А.</i> К вопросу об отраслевой принадлежности договоров в семейном праве	33
<i>Ворошилова М.Б.</i> Признаки злоупотребления правом свободы слова: из опыта исследования	37
<i>Выдрин И.В.</i> Конституционный контекст национальной безопасности	40
<i>Гаврилов С.В.</i> Домашний арест как мера пресечения: проблемы и перспективы применения в контексте либерализации уголовного судопроизводства	43
<i>Говорухина Е.Ю., Новикова А.С.</i> Гарантии государства в области занятости населения	46
<i>Гришин Д.А.</i> Влияние института освобождения от уголовной ответственности на обеспечение метабезопасности при совершении преступлений террористической направленности	51
<i>Громова Н.С.</i> Лингвистическая экспертиза текста: проблемы и перспективы	53
<i>Ефременкова Д.А., Зверева А.Н., Серкова А.А.</i> Правовые проблемы обеспечения авиационной безопасности при международных воздушных перевозках	56
<i>Зубарев М.В.</i> Общие положения гражданского права в проекте гражданского уложения 1905 г.	61
<i>Pyicheva E.G.</i> Achieving legal language efficiency through syntactic and cognitive diversity	63
<i>Качанова Е.А., Капранов А.Е.</i> Некоторые вопросы содержания эколого-экономической политики при реализации национальных проектов в РФ	66
<i>Кожев А.Г., Павлов А.П.</i> Войска национальной гвардии России и США: организационно-правовые основы деятельности	73
<i>Колоткина О.А.</i> Современные угрозы национальной безопасности Российского государства: теоретико-правовой анализ	77

Кузьмина О.В. Гуманизация как одно из направлений уголовно-процессуальной политики России.....	79
Культикова В.В., Жарич В.Т., Бочков П.В. Актуальные вопросы толкования оскорбления как административного правонарушения.....	84
Лиснов П.С. К вопросу об уголовной ответственности за нарушения в сфере пожарной безопасности.....	87
Лукин А.Н., Новикова В.Н. Влияние социокультурных условий на реализацию прав женщин в социуме.....	89
Магда У.И., Черногубова Е.А., Сошникова И.В. Гуманизация уголовной политики как механизм развития современного Российского государства.....	95
Масленникова А.Ю., Чепуркин А.Г. Управление финансами как гарант экономической безопасности компании.....	98
Матанцев И.В. Субординация требований кредиторов при банкротстве в контексте обеспечения экономической безопасности.....	103
Орлов И.А. Использование служебного положения как квалифицирующий признак составов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ.....	105
Осодоева Н.В. Некоторые вопросы, возникающие при рассмотрении уголовных дел по преступлениям террористической направленности.....	109
Остапович И.Ю., Караев А.А. Правовая безопасность личности: понятие и содержание..	112
Поцелуев Е.Л. От юридической грамотности к уважению права и его реализации.....	117
Ровнягина М.Н. Вопрос каузы (цели) гражданско-правового договора в современной российской цивилистике.....	119
Рогожникова Т.М. Психолингвистическая экспертиза конфликтных текстов.....	122
Руколеев В.А., Сошникова И.В. Несовершенство законодательно урегулированной дефиниции понятия «коррупция»: анализ научных подходов и меры по совершенствованию законодательства.....	136
Руженцева Н.Б. Дискурс власти в зеркале современных СМИ.....	139
Савватеев А.И. Стратегия национальной безопасности России: от издания до наших дней	143
Семёнов Н.В. Блокчейн транзакций виртуальных валют, приобретаемых в результате незаконного сбыта наркотиков.....	146
Семякин М.Н. Гражданско-правовое обеспечение защиты прав граждан в условиях развития цифровой экономики.....	151
Сидоров Ю.В. Проблема преобразования государственного строя России в российской юридической науке начала XX в.	154
Силин Е.Д., Токарева Е.А. Особенности правового регулирования удаленной работы....	158
Сипатин А.В. О понятии судебного акта конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации.....	161
Соболева С.М. Социальная ответственность и профессиональная честность в журналистике – взгляд эксперта-лингвиста.....	165
Тараборин Р.С. Между партикуляризмом и унификацией: эволюция государственной политики в сфере гражданского права в Российской империи.....	174
Тепляков И.И. Консультации как новое конституционное полномочие органов публичной власти.....	179

Файзуллина Э.Ф. Фирменные наименования: тождественность либо сходство	181
Фрига Н.В. Перспективы развития административно-правового регулирования государственных информационных систем	183
Хоменко А.Ю., Зиновьев Д.Е., Цыганов А.А., Жукова В.В. Правовые особенности назначения фоноскопической экспертизы: взгляд эксперта	185
Хомякова М.А. Корреляция посмертной трансплантации органов и тканей человека и оскорбления чувств верующих	191
Чельшьева Н.Ю. Перспективы развития законодательства о реновации жилищного фонда в России	194
Шешукова А.В., Фаас Е.С., Каюрова Е.И. К вопросу о коррупционной деятельности в рамках национальной безопасности	197
Щукин А.Е. Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина на территории муниципального образования Российской Федерации: конституционно-правовой аспект	200
Ягофарова И.Д. Пределы в праве как объективная необходимость обеспечения национальной безопасности	203

Аминов Антон Равильевич

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

**ПРОЕКТ ГРАЖДАНСКОГО УЛОЖЕНИЯ 1905 г.
И ОБЫЧНОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВО**

***Аннотация.** Анализируются причины и характер ограниченного инкорпорирования в состав российского гражданского законодательства обычного права русского крестьянства, осуществленного в ходе создания проекта Гражданского уложения 1905 г.*

***Ключевые слова:** Гражданское уложение, обычное право, законодательство.*

Легитимация обычного крестьянского права как гражданского неписаного права, осуществленная в ходе крестьянской и судебной реформ Александра II, была в известной степени легитимацией «авансом», поскольку ни у правительственной бюрократии, ни у общественности и юридического сообщества не имелось в этот момент времени сколько-нибудь подробных и целостных знаний о том, что представляло собой в действительности это право.

Однако по мере накопления сведений о крестьянском или «народном» праве, главным образом, благодаря двум источникам – деятельности волостного правосудия и полевым исследованиям крестьянской общинной жизни и обычаям, перед законодателем и юридическим сообществом встал вопрос о возможности включения норм этого права, преимущественно сосредоточенного в сферах регулирования имущественных (земельных) отношений и наследования, в позитивное гражданское право России.

Было трудно ожидать единства мнений в этом вопросе, что, в частности, показало его обсуждение на Первом съезде русских юристов 1875 г. Одни участники этого представительного юридического собрания считали допустимым хотя бы частичное включение крестьянских обычно-правовых норм в действующее позитивное гражданское право, другие это отрицали, ссылаясь на невозможность систематизации крестьянского права и общую противоречивость его норм [Первый съезд русских юристов 1882: 119-150].

Новую актуальность обсуждение этого вопроса приобрело после указа («повеления») императора Александра III (май 1882 г.) «приступить к общему пересмотру действующих гражданских законов и к составлению проекта Гражданского Уложения, сосредоточив производство означенной работы в Министерстве Юстиции». С этой целью надлежало учредить при министерстве соответствующий комитет с выделением из его состава Редакционной комиссии, на которую и возлагалась обязанность подготовить проект и всю работу окончить в «сравнительно непродолжительное время» [Полное собрание законов 1886: 206].

«До 1882 года, – констатировал А. Х. Гольмстен, – вопрос о нашем обычном праве представлял более теоретический, платонический, чем практический, утилитарный интерес; занимались им лишь из чистой любознательности, из желания добыть новый, преимущественно этнографический, научный материал». Только с 1882 г., когда властью был взят курс на составление проекта нового гражданского уложения, вопрос этот стал «на жизненную почву» [Гольмстен 1894: 47].

В настоящей статье автором анализируется попытка, предпринятая создателями проекта Гражданского уложения по ограниченному инкорпорированию в состав общегражданского законодательства обычно-правовых норм русского крестьянства.

Возобновившееся после императорского «повеления» обсуждение вопроса о крестьянском праве в контексте создания будущего общегражданского законодательства зафиксировало те же две позиции, что были заявлены на Первом съезде русских юристов, но само обсуждение приняло гораздо более острый характер, выявив непримиримость высказанных некоторыми

правоведами точек зрения. «Едва ли в русской юридической литературе есть другая сфера вопросов, – замечал по этому поводу А. А. Леонтьев, – которая породила бы такое разногласие исследователей» [Леонтьев 1895: 5].

В этом отношении нам представляется взвешенной и рациональной позиция, занята видным цивилистом Г. Ф. Шершеневичем. Признавая необходимость распространения Гражданского уложения на крестьянство, он призывал к осторожности и продуманности в решении столь сложного вопроса. По его мнению, сейчас доступ обычаям в уложение должен быть открыт только в отдельных, наиболее важных вопросах, например, в земельных (общинное землевладение). Но его необходимо осуществить с использованием точной юридической терминологии, чтобы обычаи представляли как «заведенный порядок, сила которого должна быть признана кодексом в отношении и других классов общества» [Шершеневич 1898: 121].

К близкой точке зрения склонились и участники Редакционной комиссии, разрабатывавшей проект Гражданского уложения. Общая их позиция сводилась к тому, что «следует стремиться к сближению крестьян в юридическом отношении с прочими сословиями». Поэтому комиссия в принципе выступала за возможно широкое применение к крестьянам правил будущего уложения, но признавала, что некоторые области крестьянского юридического быта, например, общинное владение надельными землями, таковы, что делали невозможным подчинение крестьян соответствующим общим гражданским законам, признающим частную собственность. К этому добавлялись, по мнению комиссии, «неопределенность, неустойчивость, а иногда даже и полное отсутствие обычаев, на основании коих определяются ныне, главным образом, правоотношения крестьян». Исходя из всех этих соображений, было сочтено наиболее правильным ограничиться введением в проект уложения отдельных особых правил, учитывающих своеобразие крестьянских обычаев в вопросах общинного землевладения, подворного владения надельной землей, наследования движимого и недвижимого имущества и др. [Прибавление к проекту Гражданского уложения 1906: 39–41].

Во вторую редакцию проекта Гражданского уложения, подготовленную к началу 1905 г. и получившую официальное правительственное одобрение, статьи, содержавшие положения, регулировавшие гражданские правоотношения крестьянства и отражавшие в значительной степени их нормативную основу, были включены в две книги: Кн. III «Вотчинное право» и Кн. IV «Наследственное право».

В Кн. III крестьянскому праву было уделено место в Разделе VI «Особенные виды поземельной собственности», где оно составило Главу II «Надельные земли крестьян» из 46 статей (ст. 1218–1263), тематически разделенных на «общие положения», «общинное право» и «подворное право» [Гражданское уложение. Т. I 1910: 1085–1118].

Ключевое значение с законодательной точки зрения имело четкое определение правового статуса общинной и подворной земли, то есть, по сути, традиционных форм крестьянской земельной собственности. Но именно в этом вопросе текст статей не отличался должной юридической точностью.

Так, из содержания 29 из 32 статей главы, посвященной «общинному праву», оставалось неясным, во-первых, каковы критерии, определявшие отношение общинной земельной собственности к другим формам земельной собственности, во-вторых, каким образом данные нормы материального имущественного гражданского права соотносятся с соответствующими статьями Устава гражданского судопроизводства и, следовательно, могут иметь практическое правоприменение.

Например, в ст. 1232 содержалось следующее определение: «Право владения общинною землею (ст. 1220) принадлежит числящимся в составе сельского общества крестьянским семействам, на принятых в этом обществе основаниях, то есть по ревизским или наличным душам, по тяглам и т. п.» [Гражданское уложение. Т. I 1910: 1099]. Но, обратившись к ст. 1220, на которую была сделана ссылка, можно было прочесть, что «при подворном праве как усадебные,

так и полевые земли (пашни, покосы и пр.) составляют, в виде подворных участков, собственность отдельных крестьянских семейств. При общинном праве усадебные участки принадлежат отдельным крестьянским семействам, а полевая (общинная) земля составляет собственность сельского общества, причем участки ее находятся во владении отдельных крестьянских семейств». Более того, следующая ст. 1221 вводила дополнительный критерий: «Общественные земли ... состоят как при общинном, так и подворном праве в распоряжении сельского общества» [Гражданское уложение. Т. I 1910: 1090, 1093].

Таким образом, в этих статьях одновременно употреблялись термины «владение», «собственность», «распоряжение», каждый из которых в свою очередь соединялся с юридически неопределенной формулировкой «принадлежат», оставляя открытым вопрос о том, означает ли такая «принадлежность» право владения или право собственности. Видимо, сознавая всю сложность практического оперирования подобными формулировками, Редакционная комиссия прибавила к каждой статье подробные разъяснения. Но тем самым она, по сути, признала, что, оставаясь в рамках действующего законодательства и используя имеющиеся сведения о крестьянских обычно-правовых представлениях, юридически невозможно строго определить общинную собственность и отмежевать ее от подворной.

Несколько большей юридической строгостью характеризовались статьи, где авторы могли, основываясь на сведениях, содержащихся в опубликованных работах по крестьянскому обычному праву, узаконить нормы этого права. Особенно это прослеживалось в ст. 1241–1252, детализировавших правила семейных разделов [Гражданское уложение. Т. I 1910: 1109–1113].

В Кн. IV «Наследственное право» крестьянскому праву была посвящена в Разделе V «Особые порядки наследования» глава «Наследование после крестьян», состоявшая, впрочем, из единственной статьи (ст. 1506) [Гражданское уложение. Т. II 1910: 124].

В ней была де-факто признана полная невозможность совмещения крестьянского обычного права и действующего гражданского права в единых правовых формулах. Ст. 1506 гласила: «К наследованию после крестьян в наделных землях применяются существующие местные их обычаи, а за отсутствием обычаев правила сего уложения. К наследованию после крестьян в недвижимом имуществе, приобретенном крестьянами вне надела, и в движимом имуществе, не составляющем принадлежности хозяйства крестьян на наделных землях, применяются правила сего уложения. Завещания крестьян могут быть совершаемы по общим правилам сего уложения и по особым правилам, постановленным на сей предмет в подлежащих узаконениях». Значит, наследственное право признавалось сферой действия обеих форм права, но закон, оставляя, по сути, вопрос правоприменения без должной определенности, можно сказать, «отступал» перед лицом крестьянского обычая наследования.

Результаты попытки включения отдельных норм обычного крестьянского права в будущее общегражданское законодательство, предпринятой Редакционной комиссией, как следует даже из этого краткого анализа, оказались не слишком продуктивными. Как известно, проект Гражданского уложения 1905 г. не стал законом, поскольку до начала мировой войны в Государственную думу, которая должна была его рассмотреть и принять, внесена была только одна книга V «Обязательственное право». Но в том виде, в котором обычное право вошло в состав Кн. III и IV проекта, мы полагаем, вряд ли при полном его внесении в Государственную думу удалось избежать по этому вопросу острых споров и конфликтов, неизбежно сделавших бы одобрение этой части проекта очень маловероятным.

ЛИТЕРАТУРА

Гольмстен А. Х. К вопросу о собирании и исследовании юридических обычаев // Гольмстен А. Х. Юридические исследования и статьи. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. С. 47-49.

Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. (С объяснениями, извлеченными из трудов Редакцион-

ной Комиссии) / Под ред. И. М. Тютрюмова / Сост. А. Л. Саатчиан. Т. I. СПб.: Изд. Кн. маг. «Законоведение», 1910.

Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. (С объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной Комиссии) / Под ред. И. М. Тютрюмова / Сост. А. Л. Саатчиан. Т. II. СПб.: Изд. Кн. маг. «Законоведение», 1910.

Леонтьев А. А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб.: Изд. Юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1895.

Первый съезд русских юристов в Москве в 1875 году. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1882.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Гос. тип., 1886. Т. II. № 872.

Прибавление к проекту Гражданского уложения. СПб.: Гос. тип., 1906.

Шершеневич Г. Ф. История кодификации гражданского права в России. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1898.

Апахова Валентина Максимовна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГУМАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

***Аннотация.** Рассматривается проблема гуманизации как аспекта повышения эффективности уголовно-исполнительной политики, а также барьеры и несоответствия мероприятий по совершенствованию политики. Выявляются особенности интерпретации проблем, на решение которых нацелена уголовно-исполнительная политика. Подчеркивается необходимость повышения эффективности реализуемых решений посредством четкой формулировки проблем в области уголовно-исполнительной системы.*

***Ключевые слова:** уголовно-исполнительная политика, исправительные учреждения, гуманизация, эффективность государственной политики, осужденные.*

Современная уголовно-исполнительная политика сформировалась из советской политики, так как при распаде СССР потребовалось качественное изменение политики под демократические основы. Безусловно, данная ситуация породила множество проблем на стадии формирования политики, а также при последующей реализации. Советское содержимое было заключено в демократическую форму, что вызвало многие негативные последствия при использовании законодательной базы уголовной политики, а также всяческие нарушения при осуществлении политики на практике, в том числе, и непреднамеренные. По сути дела, происходило оформление законодательства и реализации политики под новую законодательную базу и Конституцию РФ, а не формирование качественного состава политики для удовлетворения определенных целей общества, что не способствовало гуманизации.

Естественно, что законодательные пробелы и противоречия вызывали множество затруднений на практике, данная тенденция наблюдается и сейчас в условиях совершенствования уголовно-исполнительной системы. Многие акты отменяются и редактируются, правоприменительная практика становится более ясной и прозрачной, но уголовно-исполнительная политика нуждается в развитии и более качественной реализации, как и сама система в целом.

Первым шагом к гуманизации уголовно-исполнительной политики стоит считать отмену ссылок и высылков, запрет принудительного труда, а также запрет на смертную казнь [Хван 2019: 178–179]. Данные аспекты сменились на заключение с длительным или пожизненным сроком, что является дорогостоящей мерой, но отвечающей гуманистическому направлению и соблюдающей право человека на жизнь, гарантированное конституцией.

В области уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства произошла существенная гуманизация условий и порядка отбывания наказаний, особенно наказания в виде лишения свободы. Либерализация условий и порядка отбывания наказания, с одной стороны, и введение жесткой системы воздействия администрации уголовно-исполнительной системы в отношении нарушителей режима содержания — с другой [Хворост 2017: 183–184]. Данные аспекты позволили оздоровить обстановку в местах лишения свободы, что сохраняется в настоящее время, но уже с меньшим эффектом.

В настоящее время основным аспектом гуманизации является зависимость поведения осужденного и его положения в исправительном учреждении. При надлежащем поведении и соблюдении режима осужденный получает достаточно полную и развернутую систему льгот (вплоть до выезда домой в отпуск и получения условно-досрочного освобождения) [Бабаян 2017: 231–232]. Стимулирующий эффект оказывают и санкции за нарушение режима – используется жесткая система мер принуждения в виде водворения в штрафной изолятор, помещение камерного типа, перевода в тюрьму, запретов.

При оценке изменений уголовно-исполнительной политики следует учитывать и состояние правопорядка в целом в рассматриваемый период развития государства и самой политики. Правопорядок в государстве определяется состоянием нормативной базы и интенсивностью деятельности правоохранительных органов, но прежде всего стабильностью экономических отношений.

Совершенствование нормативно-правовой базы уголовно-исполнительной политики должно происходить одновременно с решением проблем общества, которые затрагивают социальную и экономическую сферы жизнедеятельности. Существенное влияние на гуманизацию уголовно-исполнительной политики оказывают интерпретации проблем и социальных запросов на изменение отдельных аспектов политики.

Естественно, что различные интерпретации существуют, они должны присутствовать, хотя бы в формальном плане для соблюдения разностороннего рассмотрения проблемы. Зачастую, интерпретации различны лишь по формулировкам (ведут к одинаковой цели при реализации), что создает видимость учета всех мнений, а также предполагает различную направленность главных проблем, при такой ситуации возможны следующие последствия:

– политика, реализуемая в одном направлении, не приводит к совершенствованию системы – так, если нормы содержания заключенных, превышают нормы обеспечения персонала учреждений система не может обеспечить себя эффективным качественным кадровым составом, что не приведет к полноценной реализации норм содержания заключенных [Миронов 2019: 218–219];

– цели политики сформулированы неверно из-за принятия выгодной интерпретации, что не приведет к ожидаемому результату, особенно если все интерпретации, рассматриваемые на властном уровне, содержат одинаковое направление – в данном случае граждане, чьи интересы ущемляются, будут довольно долго проводить инициативу влияния на политику, на ее изменение до высших уровней власти (например с помощью тюремных порталов, на которых публикуются и взаимодействуют родственники осужденных и прочие граждане).

Если же интерпретации существенно разнятся, то это приведет к противостоянию, так как конечный результат также будет отличаться, данное противостояние может привести к следующим последствиям:

– противостояние может стать исключительно политической борьбой, что приведет к привлечению меньшего внимания к политике, ее целям и результатам, что не позволит решить проблемы;

– ни одна из интерпретаций не будет актуальной и будет выбор наименьшего зла, а не действительно качественное решение проблемы.

Так или иначе исключительность ведения РФ предопределяет, что основную интерпретацию предлагает и обнаруживает Президент, обуславливая закрытость сферы от внутривнутриполитических влияний с помощью использования мер принуждения ко всем ее участникам. Президент должен не только соблюдать демократические и международные принципы, но и достигать ситуации выгоды для высших органов власти (а также общества), что предполагает соблюдение баланса, который не всегда доступен на практике, что видно из результатов реализации политики и направлений ее совершенствования.

К оказывающим влияние на гуманизацию в уголовно-исполнительной политике можно отнести общественные организации, которые выступают в защиту прав заключенных и оказывают содействие их родственникам. Мнение общественных организаций, как правило, в значительной степени обсуждается СМИ, но их деятельность влияет на уголовно-исполнительную политику очень незначительно, особенно это касается родственников осужденных, которых общественные организации защищают и активно привлекают для повышения эффективности учреждений, исполняющих наказания.

Относительно СМИ, у ФСИН России существуют собственные печатные издания и интернет ресурсы, которые отображают в основном положительные результаты реализации и перспективные процессы совершенствования уголовно-исполнительной политики, исполняя тем самым направление Концепции развития уголовно-исполнительной системы – повышение престижа уголовно-исполнительной системы. При обнаружении элементов, влияющих на формирование политики, данные издания характеризуют будущие направления, которые совпадают в последствии с принятыми решениями – то есть поддерживают государственные направления, что не является объективным влиянием, а скорее, описанием того, что в скором времени примет государство на официальном уровне.

СМИ, не относящиеся к ФСИН России, трактуют, как правило, жесточайшие нарушения, коррупционные элементы, что работает против уголовно-исполнительной политики и ее реализации [Спиридонова 2016: 508–509].

Существует и противодействие из-за закрытости уголовно-исполнительной системы – СМИ не всегда обладают достаточной информацией для объективной оценки какого-либо решения, что дает повод легко оспорить опубликованную информацию.

Уголовно-исполнительная система довольно жесткая, закрытая и формализованная, что предполагает значительное ограничение круга лиц, которые владеют полной информацией для разработки вариантов решения проблем и реализации гуманизации. Как правило, решения базируются на отчетности учреждений ФСИН России, которые передают информацию в министерство Юстиции – на основании анализа отчетов и сопоставляясь со стратегией министерство принимает последующие трактовки проблем и выдвигает варианты решения.

Альтернативным вариантом в данном случае являются решения Президента РФ, которые направлены не только на ликвидацию старых проблем, но и на формирование новых направлений политики, а также на совершенствование и перспективу развития уголовно-исполнительной политики.

Постановка задачи предполагает составление основы акта, который будет передан на нижестоящие уровни всеми субъектами формирования. Поиск альтернатив для гуманизации осуществляется на основе отчетов (исключение неудачного опыта), при этом мало используется зарубежная положительная практика, несмотря на стремление соответствовать международным нормам. Критерии принятия решения определяются как вынужденные (необходимые или

международные), либо доступные, то есть оценка ресурсной базы. Критерием решения также должен быть учет мнений общественности, что редко встречается в российской действительности.

Реализация основных направлений современной уголовно-исполнительной политики в области гуманизации обуславливает необходимость постановки и решения следующих задач:

- обеспечения правового статуса личности осужденных в деятельности органов, исполняющих наказание и организаций, учреждений, отдельных граждан, содействующих им в этой работе, является приоритетным направлением реформирования уголовно-исполнительной системы и рассматривается в качестве ключевого направления развития уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного права России;

- повышение эффективности работы по достижению целей уголовной ответственности и эффективности борьбы с преступностью за счет неукоснительного исполнения всех предписаний приговоров суда и надлежащего обеспечения правового статуса осужденного к уголовному наказанию;

- дальнейшее обеспечение дифференциации и индивидуализации правового статуса личности осужденного и самого процесса исполнения наказания с учетом поставленных целей;

- установление и закрепление твердых, научно обоснованных критериев классификации осужденных, в основу процесса должны быть положены: уровень социально-нравственной запущенности личности, мотивы и характер совершенных преступлений, степень криминальной направленности в образе жизни осужденных;

- создание в крупных регионах центров по предварительной классификации осужденных основной задачей которых является определение места дислокации исправительного учреждения, условия содержания в нем и установление индивидуальной методики обращения с конкретным осужденным;

- дальнейшее совершенствование системы правового стимулирования процесса исправления осужденных к лишению свободы и их социальной адаптации после освобождения от наказания.

Для повышения эффективности уголовно-исполнительной политики необходимо внедрение гуманизации как основополагающего элемента исправления осужденных для полноценного возврата в общество. Гуманизация является наиболее эффективным инструментом соблюдения прав человека при попадании в уголовно-исполнительную систему, но ее эффективность можно оценить лишь при грамотном применении.

ЛИТЕРАТУРА

Бабаян С. Л. Дополнение системы поощрений осужденных новыми видами как важное направление развития уголовно-исполнительной политики // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 3. С. 230-235.

Миронов Р. Г., Щербаков А. В. Современное состояние функционирования уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2019. № 2. С. 209-220.

Спиридонова А. А., Уварова Е. С. Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России // Молодой ученый. 2016. №26. С. 508-511.

Хван Т. С. Высылка за пределы Российской Федерации как вид уголовного-наказания // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 176-178.

Хворост Е. А. Отсрочка отбывания наказания как инструмент либерализации и гуманизации современной уголовной политики России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 1. С. 181-186.

Бадалян Карен Оганесович
Главное следственное управление
ГУ МВД России по Свердловской области

**УСТАНОВЛЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ
КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ**

***Аннотация.** На основе анализа судебной практики, положений действующего законодательства, рассматриваются вопросы квалификации умышленной неоплаты стоимости бездоговорного потребления электроэнергии сетевыми организациями. Формулируются предложения по решению выявленных проблем.*

***Ключевые слова:** бездоговорное потребление электроэнергии; незаконное использование электроэнергии; причинение имущественного ущерба, экономическая безопасность.*

В настоящее время надежное развитие общественных отношений в сфере производства, распределения и потребления электроэнергии является одним из приоритетных направлений в области обеспечения национальной безопасности. Защита объектов топливно-энергетического комплекса (далее по тексту – ТЭК) от преступных посягательств является одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел.

Современное состояние криминогенной ситуации на объектах ТЭК характеризуется значительным ростом числа организованных преступных посягательств, причиняющих значительный ущерб российской экономике.

Преступные действия по незаконному использованию электрической энергии являются наиболее распространенными в сфере ТЭК и способны причинить существенный материальный ущерб производителям и поставщикам электроэнергии, что в свою очередь, повлечет за собой подрыв экономической безопасности страны.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим деятельность субъектов электроэнергетики на розничных рынках электроэнергии (мощности), является Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике».

В результате разделения субъектов электроэнергетики возникла необходимость в формировании новых договорных моделей взаимоотношений на рынках электроэнергии (мощности), где сложилась следующая договорная модель взаимоотношений субъектов розничного рынка и потребителей:

– потребители электроэнергии (мощности), так называемые «конечные потребители», потребляющие электроэнергию для собственных производственных или бытовых нужд. Указанные «конечные» потребители приобретают электроэнергию (мощность) на розничном рынке у энергосбытовых организаций. В качестве энергосбытовых организаций выступают гарантирующие поставщики, для которых заключение договора с потребителем является обязательным, и энергосбытовые организации, которые свободны в заключении договоров с потребителями.

– гарантирующие поставщики, энергосбытовые организации, исполнители коммунальных услуг, обязанные в силу своих договорных отношений с конечными потребителями урегулировать отношения по передаче электроэнергии до объектов потребителей (точек поставки на розничном рынке) с сетевой организацией (по договору энергоснабжения). Кроме того, потребители электроэнергии (для собственных нужд) оформляют отношения по передаче электроэнергии (мощности) с сетевой организацией посредством заключения договора оказания услуг

по передаче электрической энергии (мощности). Такой договор является публичным и обязательен к заключению для сетевой организации, возмездность оказываемых услуг по передаче электроэнергии обязательна в силу требований п. 2 ст. 26 закона «Об электроэнергетике» [Барышева 2011].

В соответствии с пунктом 6 Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных Постановлением Правительства от 27.12.2004 № 861, все собственники и иные законные владельцы объектов электросетевого хозяйства вправе оказывать услуги по передаче электрической энергии и получать за это плату только после установления для них регулятором тарифа на услуги по передаче электрической энергии. В отсутствие тарифа услуга не оплачивается, но при этом владелец электросетевого имущества не вправе препятствовать перетоку электроэнергии по своим сетям.

– сетевые организации и иные владельцы сетевого оборудования, которые приобретают электроэнергию в целях компенсации потерь в своих сетях у гарантирующих поставщиков, энергосбытовых организаций путем заключения договора купли-продажи электроэнергии (мощности).

В целях исполнения своих обязательств перед потребителями услуг сетевые организации, через сети которых идет электроэнергия до потребителя, заключают между собой договор оказания услуг по передаче электроэнергии.

Тарифная модель, применяемая с 2008 года, предполагает установление единого («котлового») тарифа для одной из сетевых организаций, а также индивидуальных тарифов для всех остальных сетевых организаций региона, предназначенных для расчетов данной сетевой организации с держателем «котла» (сетевой организацией, которой установлен единый тариф). Единый (котловой) тариф представляет собой тариф, в составе которого учтены затраты всех сетевых организаций на передачу электроэнергии до конечного потребителя электроэнергии, в том числе и «держателя котла». В свою очередь, индивидуальные тарифы на услуги по передаче электрической энергии, оказываемые всеми остальными сетевыми (энергоснабжающими) организациями, участвующими в процессе передачи электрической энергии потребителям, учитывают затраты только этих организаций по содержанию оборудования, участвующего в передаче электрической энергии, и по покупке нормативных потерь.

Основополагающими проблемами, выявившимися в ходе реализации договорной и тарифной модели, стали вопросы отказа отдельных сетевых организаций от заключения договоров на покупку электроэнергии для компенсации потерь в своих сетях (заключение такого договора в настоящее время обязательно только для гарантирующего поставщика, но не для сетевой организации или владельца сетевого имущества, хотя в соответствии с законодательством они обязаны покупать электроэнергию для компенсации потерь).

При выявлении бездоговорного потребления сетевая организация составляет акт о неучтенном потреблении и должна отключить потребителя (при этом, отключение возможно в отношении не всех потребителей, а только тех, чье отключение не повлечет создание угрозы жизни, здоровью населения, экологической безопасности, безопасности государства и т.п.). Используемый потребителем объем электроэнергии сетевая организация должна купить у гарантирующего поставщика.

Однако зачастую указанные выше нормы умышленно нарушаются сетевыми организациями, а также иными владельцами объектов электросетевого хозяйства, что создает возможность незаконного потребления электроэнергии. В свою очередь, смежная сетевая организация, через сети которой осуществляется переток к иному владельцу объектов электросетевого хозяйства, для которого не установлен тариф по передаче электрической энергии, и который умышленно не оплачивает стоимость услуг по передаче электроэнергии, не имеет возможности прекратить подачу электроэнергии, так как объекты электросетевого хозяйства в совокупности составляют единую систему по передаче электроэнергии к конечным потребителям, которыми в большин-

стве случаев выступает население, а также предприятия, что повлечет создание угрозы жизни, здоровью населения, безопасности государства.

В данном случае имеет место преступное деяние и с учетом действующего уголовного законодательства содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от размера причиненного ущерба, по соответствующей части статьи 165 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ).

Так, согласно Приговору Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики от 05.04.2018 по делу № 1-73/18, Д., являясь руководителем коммерческой организации, действуя умышленно, осознавая противоправный характер своих действий, и, желая причинение имущественного ущерба собственнику имущества путем обмана и злоупотребления доверием без цели хищения, скрыл от УФПС Чувашской Республики факт несанкционированного подключения руководимого им Общества к городским электрическим сетям через распределительный щит укрупненного доставочного отделения почтовой связи и происходящем в результате этого незаконном потреблении электроэнергии за счет средств УФПС, зная о том, что договор с АО «Чувашская энергосбытовая компания» на потребление электроэнергии у Общества не заключен, а затем, с целью безучетного (бездоговорного) потребления электроэнергии, каких-либо мер к устранению данных нарушений не предпринял, в известность собственника электроэнергии не поставил, чем причинил ему крупный ущерб.

При этом, согласно пункта 2 Постановления Правительства РФ от 04.05.2012 №442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии», под бездоговорным потреблением электрической энергии необходимо понимать самовольное подключение энергопринимающих устройств к объектам электросетевого хозяйства и (или) потребление электрической энергии в отсутствие заключенного в установленном порядке договора, обеспечивающего продажу электрической энергии (мощности) на розничных рынках.

Кроме того, на необходимость квалификации умышленной неоплаты стоимости бездоговорного потребления электроэнергии по статье 165 УК РФ указывает и Верховный Суд Российской Федерации. Так, в соответствии с пунктом 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» обман или злоупотребление доверием в целях получения незаконной выгоды имущественного характера может выражаться в несанкционированном подключении к энергосетям, создающем возможность неучтенного потребления электроэнергии.

При этом, важным условием для квалификации неоплаты стоимости бездоговорного потребления электроэнергии, как преступления, является установление умысла виновного на совершение указанного преступления. Здесь стоит отметить, что, осуществляя бездоговорное потребление электроэнергии, виновный действует из корыстных побуждений, с целью извлечения для подконтрольных ему организаций незаконной выгоды имущественного характера и/или причинения имущественного ущерба поставщику электроэнергии.

Также следует обратить внимание на способ совершения преступления, который заключается в злоупотреблении доверием, выраженном в принятии подконтрольной виновному организации обязательств по оплате стоимости потребленной электроэнергии при заведомом отсутствии намерения их выполнить. При этом виновный сознательно не производит оплату бездоговорного потребления электроэнергии, подаваемую через объекты электросетевого хозяйства смежной сетевой организации, при наличии достаточных денежных средств на расчетных счетах подконтрольной ему организации, уклоняясь от подписания договора электроснабжения с гарантирующим поставщиком электроэнергии.

Так, согласно Приговору Свердловского районного суда г. Костромы от 01.07.2016 по делу № 1-47/2016, Ф. и П., действуя совместно и согласованно, достоверно зная, что в рамках текущей деятельности ООО «КМЗ» между ОАО «Костромская бытовая компания» (гаранти-

рующий поставщик) и ООО «КМЗ» (покупатель) договор энергоснабжения был расторгнут, достоверно зная, что продолжение потребления электрической энергии является бездоговорным, незаконным и отсутствуют основания использования приборов учета, умышленно осуществляли бездоговорное потребление электроэнергии, чем причинили гарантирующему поставщику электроэнергии особо крупный ущерб.

Таким образом, следует отметить, что умышленную неоплату стоимости бездоговорного потребления электроэнергии необходимо квалифицировать по статье 165 УК РФ при должном установлении умысла на совершение преступления. Правильная квалификация незаконного использования электроэнергии позволит обеспечить надлежащее применение норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, создаст условия для принятия эффективных мер по предупреждению преступлений в сфере электроэнергетики и укреплению экономической безопасности страны.

ЛИТЕРАТУРА

- Абакумов О. Б. Предупреждение преступлений экономической направленности в сфере электроэнергетики // Вестник Московского университета МВД России. № 11/2014. С. 1.*
- Барышева Е. А. Незаконное пользование электроэнергией: проблемы уголовно-правовой оценки // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 2 (27). С. 188-191.*

Бахтеева Елена Ивановна

Уральский государственный экономический университет

РЕЖИМ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В ОРГАНИЗАЦИИ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТ. 183 УК

***Аннотация.** Статья посвящена понятию коммерческой тайны и требованиям, которые устанавливает закон для установления режима коммерческой тайны. Авторы рассматривают условия привлечения к уголовной ответственности по ст. 183 УК РФ.*

***Ключевые слова:** Коммерческая тайна. Уголовная ответственность по ст. 183 УК РФ. Информация ограниченного доступа. Режим коммерческой тайны.*

Основным условием экономической деятельности организаций является соблюдение режима коммерческой тайны. Коммерческие организации обобщают большое количество сведений, представляющих ценность как для самой компании, так и для ее конкурентов. Особенно важные для экономики сведения включают множество данных, являющиеся самостоятельным активом. Интерес для конкурирующих фирм представляют также сведения о клиентах и контрагентах. Государство признает данную информацию активом и вовлекает в гражданско-правовой оборот, устанавливая определенные меры защиты. Специфика методов и инструментов защиты информации, составляющей коммерческую тайну, связана с тем, что данные отражаются в электронном виде и на бумажных носителях

В настоящее время довольно часто происходят утечки баз данных, которые формируются государственными органами, учреждениями и коммерческими организациями. В случае, если виновный собирал сведения, составляющие коммерческую тайну, с использованием служебного положения – использовании реквизитов доступа и осуществлении копирования информации из баз данных, с внутренней локальной сети коммерческой организации – имеет место совокупность преступлений, предусмотренных ст. ст. 272 и 183 УК РФ. При этом собрание

сведений, составляющих коммерческую тайну, должно совершаться с прямым умыслом, т.е. виновный знает, что его действия направлены на получение сведений, составляющих коммерческую тайну, что искомая информация заведомо обладает всеми признаками коммерческой тайны и желает собрать именно такую информацию. Установление режима коммерческой тайны в организации, соблюдение определенных требований при приеме на работу сотрудников и заключении договоров с контрагентами позволяет привлечь их к уголовной ответственности за разглашение данных сведений конфиденциального характера.

В Федеральном законе «О коммерческой тайне» [П.1, 2 ст.3] дано понятие коммерческой тайны, в котором указано, что коммерческая тайна связана с конфиденциальностью информации, позволяющей ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду. В ч. 1 ст. 4 данного закона указано, что обладатель имеет право на отнесение информации к сведениям, составляющим коммерческую тайну, и сам определяет перечень такой информации. Тем не менее, коммерческая тайна должна отвечать следующим требованиям:

– коммерческая тайна представляет собой режим конфиденциальности, который, создается обладателем такой информации. Режим должен быть установлен руководителем организации путем принятия внутренних актов;

– в результате обеспечения режима конфиденциальности для обладателя создается возможность в настоящих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать или сократить расходы или получить иную экономическую выгоду.

Анализируя понятие коммерческой тайны, можно сделать вывод о том, что к такой информации могут относиться любые сведения, которые соответствуют указанным признакам. Обычно к таким сведениям относят информацию:

- об объектах интеллектуальной собственности, находящихся на стадии разработки;
- о клиентах или партнерах;
- о сделках и их существенных условиях;
- расписание и содержание деловых встреч;
- об охранных системах организации, средствах и методов обеспечения безопасности деятельности организации, местах хранения материальных ценностей.

В научной литературе можно встретить и иные точки зрения. Так, например, Е. Рощупкина и А. В. Бриллиантов полагают, что к коммерческой тайне относятся любые сведения: производственные, технические, экономические, организационные, в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, о способах осуществления профессиональной деятельности. Самое главное – данные сведения имеют коммерческую ценность. Обязательно, данная информация не находится в свободном доступе и не предоставляется третьим лицам (например, конкурентам) [Рощупкина 2014: 27; Комментарий УК 2015: 181].

Законодатель определил в ст. 5 ФЗ «О коммерческой тайне» сведения, которые не могут быть отнесены к коммерческой тайне. Такими являются сведения, в частности, содержащиеся в учредительных документах юридического лица, в документах, дающих право на осуществление предпринимательской деятельности; об условиях конкурсов или аукционов по приватизации объектов государственной или муниципальной собственности и иная информация, обязательность раскрытия которой или недопустимость ограничения доступа к которым установлена иными федеральными законами.

Порядок отнесения информации к коммерческой тайне так же определяется в ФЗ «О коммерческой тайне». В статье 10 указанного закона закрепляются меры по охране конфиденциальности информации, что является законодательно закрепленным порядком отнесения информации к коммерческой тайне. Обладатель информации, которую он считает нужным отнести к коммерческой тайне, для введения режима должен совершить следующие действия:

- сформировать перечень информации, составляющей коммерческую тайну;
- сузить доступ к информации, составляющей коммерческую тайну, путем установления порядка обращения с этой информацией и контроля за соблюдением такого порядка;
- определить перечень лиц, получивших доступ к информации, составляющей коммерческую тайну;
- установить порядок допуска к данным сведениям для работников на основании трудовых договоров и контрагентов на основании гражданско-правовых договоров;
- нанесение на материальные носители, содержащие информацию, составляющую коммерческую тайну, или включение в состав реквизитов документов, содержащих такую информацию, грифа «коммерческая тайна» с указанием обладателя такой информации (для юридических лиц – полное наименование и место нахождения, для индивидуальных предпринимателей – фамилия, имя, отчество гражданина, являющегося индивидуальным предпринимателем, и место жительства).

Согласно ч. 2 рассматриваемой статьи режим коммерческой тайны считается установленным лишь после совершения обладателем информации всех вышеуказанных действий. Следовательно, информация, обладающая признаками коммерческой тайны, но в отношении которых не установлен рассмотренный выше режим, не может признаваться таковой, и ее разглашение не может повлечь уголовную ответственность по ст.183 УК РФ.

Таким образом, важнейшим условием установления режима коммерческой тайны является принятие в организации локальных нормативных актов, подтверждающих отнесение определенной информации к коммерческой тайне. Таковым, например, может быть «Положение о сведениях, содержащих коммерческую тайну». Конкретный перечень таких сведений содержится в Приложении. Утверждается такое положение приказом руководителя организации. Очень важной мерой конфиденциальности является нанесение на материальные носители, содержащие информацию, составляющую коммерческую тайну, или включение в состав реквизитов документов, содержащих такую информацию, грифа «коммерческая тайна».

Следующим необходимым условием соблюдения режима коммерческой тайны должно быть установление обязательства работников или контрагентов при заключении договоров о неразглашении сведений, составляющих коммерческую тайну. Данное обязательство устанавливается:

- для работников путем включения в трудовой договор условия о неразглашении определенных сведений, либо путем составления дополнительного соглашения к трудовому договору с таким же условием.
- для контрагентов путем включения аналогичного условия в текст договора в раздел «обязанности контрагента».

Третьим необходимым условием для привлечения к уголовной ответственности является предупреждение вышеуказанных лиц об ответственности за разглашение данных сведений по ст.183 УК РФ.

Для обоснования сказанного рассмотрим пример из судебной практики.

В 2014 году между ЗАО «Акадо – Екатеринбург» и ООО был заключен договор на оказание услуг по поиску клиентов для оказания услуг связи. Согласно договору ООО обязуется не разглашать без согласия ЗАО «Акадо – Екатеринбург» конфиденциальную информацию, под которой понимается любая информация, прямо или косвенно затрагивающая ЗАО «Акадо – Екатеринбург» и полученная в ходе реализации указанного Договора. А. был принят в ООО на должность супервайзера группы продаж. Для исполнения своих служебных обязанностей А. было предоставлено право доступа к системе управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) ЗАО «Акадо – Екатеринбург», которая включает в себя список абонентов компании, их персональные данные, информацию, связанную с обслуживанием их в рамках заключенных договоров. Согласно приложению «Перечень информационных ресурсов, составляющих ком-

мерческую тайну в ЗАО «Акадо – Екатеринбург» к Положению «О коммерческой тайне» утвержденного 25.12.2015 года генеральным директором ЗАО «Акадо – Екатеринбург» базы данных системы управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) составляют коммерческую тайну ЗАО «Акадо – Екатеринбург». Для входа в систему управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) А. не была предоставлена персональная учетная запись и пароль к ней.

В августе 2016 к А. обратилось неустановленное лицо с просьбой передать за денежное вознаграждение персональные данные абонентов ЗАО «Акадо – Екатеринбург», содержащуюся в системе управления взаимоотношениями с клиентами (CRM). А., достоверно зная о том, что персональные сведения абонентов ЗАО «Акадо – Екатеринбург», содержащиеся в системе управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) составляют коммерческую тайну ЗАО «Акадо – Екатеринбург» и их разглашение третьим лицам запрещено, из корыстной заинтересованности, с целью получения материального вознаграждения согласился передать неустановленному лицу, заранее пообещавшему 30 000 рублей в качестве денежного вознаграждения, персональные данные абонентов ЗАО «Акадо – Екатеринбург». Используя логин и пароль другого работника для получения базы данных абонентов, А. передал неустановленному лицу носитель информации, содержащий персональные сведения абонентов ЗАО «Акадо – Екатеринбург», которые относятся к коммерческой тайне ЗАО «Акадо – Екатеринбург».

А. был обоснованно осужден по ч. 1 ст. 272, ч. 1 ст. 273 и ч. 1 ст. 183 УК.

На наш взгляд, важным условием привлечения А. к уголовной ответственности было разработка и утверждение в организации локальных нормативных актов – «Перечня информационных ресурсов, составляющих коммерческую тайну в ЗАО «Акадо – Екатеринбург» и Положения «О коммерческой тайне», а также правильно оформленное при приеме на работу уведомление А. о том, что он имеет допуск именно к сведениям, составляющим коммерческую тайну.

Вышеизложенный пример из судебной практики наглядно показал, что учетные логины и пароли следует относить к сведениям, составляющим коммерческую тайну. Такого же мнения придерживается большинство ученых. Доступ к таким сведениям, по обоснованному мнению, М. В. Старичкова, всегда является неправомерным. [6, с.64]

Показательным, на наш взгляд, является следующий пример из судебной практики г. Нижний Новгород.

Г. занимал должность специалиста группы информационного обслуживания № 2 Отдела информационного обслуживания Центра Клиентского Сервиса филиала Публичного акционерного общества «Мобильные ТелеСистемы» в Нижегородской области (ПАО «МТС»). В своей деятельности Г. руководствовался кроме федеральных законов локальными нормативными актами: должностной инструкцией специалиста группы информационного обслуживания центра клиентского сервиса филиала ПАО «МТС» в Нижегородской области, нормативно-правовыми актами ПАО «МТС»: «Положение о режиме безопасности информации (конфиденциальности) ПАО «МТС», «Требования по обеспечению информационной безопасности а ОАО «МТС». В силу занимаемой должности Г. имел доступ к программе, содержащей сведения об абонентах и абонентских номерах ПАО «МТС». Согласно требованиям п. 66 Приложения 5 Политики ПТ-002-6 «Положения о режиме безопасности информации (конфиденциальности) ПАО «МТС» личные пароли пользователей автоматизированных систем ПАО «МТС» относятся к сведениям, относимым к коммерческой тайне ПАО «МТС». Таким образом, в силу занимаемой Г. должности и выполняемой работы, ему были доверены и стали известны сведения о личных паролях пользователей автоматизированных систем ПАО «МТС», которые он имел возможность генерировать и которые в соответствии с п.1. 2 ст. 3 ФЗ от 29.07,2004 №98-ФЗ «О коммерческой тайне» относятся к охраняемой законом тайне.

К Г. через приложение «Viber» обратился его знакомый И., который попросил установить принадлежность телефонного номера. Г., используя свои служебные возможности, исполняя

просьбу И. осуществил вход в программу с использованием своего пароля и логина, ввел в поле «поиск» номер телефона, после чего на экране отобразились данные лица, которому он принадлежит - М. После этого он направил И. текстовое сообщение «Viber» о принадлежности вышеуказанного номера телефона М. В дальнейшем, Г. выполнил для И. еще несколько аналогичных услуг.

Г. был обоснованно привлечен к ответственности по ч. 2 ст. 183 УК РФ – за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну, без согласия их владельца лицом, которому они стали известны по работе, и по ч. 3 ст. 272 УК РФ – за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло модификацию компьютерной информации, совершенное лицом с использованием своего служебного положения.

Проведенный анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что закрепление в локальных нормативных актах перечня сведений, составляющих коммерческую тайну в организации, позволяет привлечь виновных к уголовной ответственности за ее разглашение. Поэтому важность своевременного принятия в организации Положения о сведениях конфиденциального характера должна разъясняться руководителям организации и сотрудникам юридических служб при проведении различных обучающих Семинаров и Форумов.

ЛИТЕРАТУРА

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков и др.; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 1. 792 с.

Приговор по делу № 1-287/17. Советский районный суд г. Нижний Новгород. URL: <http://sud.praktika.ru>

Приговор по делу № 1-405/12. Орджоникидзевский районный суд г. Екатеринбурга. URL: <http://sud.praktika.ru>

Роцупкина Е. Что надо знать о коммерческой тайне // Кадровик.ру. 2014. N 2. С. 26–30.

Старичков М. В. Умышленные преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая и криминологическая характеристики: Дис. канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. С. 64.

Федеральный закон от 29.07.2004 N 98-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства Российской Федерации. 9 августа 2004г. № 32. Ст.3283.

Бельдина Оксана Геннадьевна

Уральский государственный экономический университет

БЛОКЧЕЙН: НОВЫЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

***Аннотация.** В статье представлен обзор современных позиций относительно применения технологии блокчейн, представляющую новый инструмент для российского экономического оборота. Методологическую базу исследования составили следующие методы научного познания: формально-логический, системный, аналитический. В результате исследования автор пришел к выводу о необходимости правового регулирования частной технологии блокчейн для упрощения системы правоотношений между участниками экономических отношений.*

***Ключевые слова:** частный блокчейн, публичный блокчейн преимущества блокчейн-технологии, применение блокчейн-технологии, подтверждение достоверности.*

За последние годы технология блокчейн стала весьма популярной, уже в 2017 году впервые в истории экономики объем финансирования посредством предложения токенов превысил количество средств, привлеченных в порядке венчурного финансирования [Иванов 2017: 4]. Поэтому дискуссии о перспективах развития стали общегосударственной задачей.

Технические детали блокчейна весьма непросты: если перевести название, то blockchain – это цепочка блоков, которая содержит информацию обо всех подтвержденных транзакциях, в основе которой лежат криптографические алгоритмы. Савельев А. И. выделяет следующие преимущества блокчейна:

1. децентрализация, которая минимизирует риски отказа работы в случае выхода из строя отдельной системы;
2. повышенная надежность за счет использования криптографии;
3. невозможность изменения данных задним числом;
4. оперативность за счет автоматизации;
5. прозрачность, поскольку все действия документируются и доступны для всех участников системы [Савельев 2019].

Обозначенные преимущества создают безопасные условия для заинтересованных лиц.

Еще один момент, на который необходимо обратить внимание – это разграничение блокчейна на виды. Выделяют два вида блокчейна: публичный и частный [Buterin 2017]. Частный блокчейн – это закрытая система, доступ к которой возможен для ограниченного числа лиц, права доступа предоставляются администратором. Частный блокчейн уже используется в частных корпорациях и обеспечивает их потребности в соответствии с заранее заданным алгоритмом. Публичный же блокчейн доступен неограниченному числу лиц, любой может участвовать в транзакциях, установив соответствующее программное обеспечение [Бондарчук 2020]. Сфера применения блокчейна имеет обширные перспективы и поэтому государство считает, что его необходимо имплементировать в правовую систему России.

Необходимость внедрения в правовую систему технологии блокчейн вызвано разнообразием сферы применения:

– в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 и на плановый период 2019 и 2020 годов предполагается на базе блокчейн-технологии осуществлять учетно-регистрационные действия;

– в Публичной декларации целей и задач Федеральной службы по интеллектуальной собственности на 2018 год (утверждена Роспатентом 27 февраля 2018г. №09/4-04/73ВН) поставлена задача внедрения технологии блокчейн в традиционные сферы деятельности Роспатента;

– в Плане мероприятий по направлению «Информационная безопасность» программы «Цифровая экономика РФ» (утверждена Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 18.12.2017 №2) дана задача ввести в эксплуатацию программные средства предоставления права использования объектов интеллектуальной собственности с применением технологии блокчейн.

– в публично-правовых отношениях предложено на основе блокчейн-технологии осуществлять избирательную кампанию [Авилов 2017: 159]

– в осуществлении межбанковских расчетов: вместо использования посредника и открытия у него корреспондентского счета такие расчеты могли бы быть отражены в блокчейне и видны всем заинтересованным лицам, что потенциально повысило бы не только прозрачность расчетов, но и их оперативность [Савельев 2019].

Все вышеперечисленные сферы применения касаются именно частного блокчейна, который будет иметь администратора, урегулирует на основе норм права «правила игры» и поэтому утратит часть своих преимуществ.

Что касается публичного блокчейна, то процесс внесения информации в него, к сожалению, государством регулироваться не может, т. к. вычислительные мощности, которые необходимы для регистрации данных и создания нового блока, предоставляются пользователями. Помимо того, регистрация и проверка транзакций осуществляются пользователями самостоятельно. Подтверждение достоверности осуществляется автоматически, при этом достоверный вариант цепочки сохраняется на компьютерах пользователей, зафиксировав не только предмет и содержание сделки, но и время ее заключения. Соответственно, издержки на деятельность финансовых посредников и экспертов замещаются затратами вычислительных мощностей на сопоставление различных блоков в цепочке [Иванов 2017: 27]. Технические возможности блокчейн-технологии позволяют участникам экономических отношений совместную работу с большими объемами данных без дополнительных затрат на подтверждение достоверности.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что действующая система права в Российской Федерации обладает необходимой гибкостью для урегулирования отношений, возникающих внутри частных блокчейнов. Что же касается публичной системы, то она самодостаточна, надежна, трансгранична и абсолютно децентрализована, а поэтому практически несовместима с правовым регулированием.

Блокчейн-технология, являясь новым механизмом обеспечения экономической безопасности, будет активно внедряться во все сферы жизни участников экономических отношений. Но использование данной технологии не является панацеей, т.к. проблемы могут быть на уровне достоверности вводимых данных.

ЛИТЕРАТУРА

Авилов Я. Д. *Перспективы применения технологии «блокчейн» в избирательном процессе: способы реализации и правовая основа* // Юридическая наука. 2017. №6.

Бондарчук Д. *Криптовалюту, майнинг и смарт-контракты легализуют. Как это отразится на юридической работе?* [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.03.2020).

Иванов А. Ю. *Блокчейн на пике хайпа: правовые риски и возможности* / Сколково. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 237с.

Савельев А. И. *Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по Российскому праву* [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2020).

Buterin V. *On Public and Private Blockchains* // Ethereum Blog. 2015. 7 Aug. URL: <https://blog.ethereum.org/2015/08/07/on-public-and-private-blockchains/> (дата обращения: 17.04.2017).

Blockchain in Financial Services: Not Yet Plug and Play 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://www.brinknews.com/blockchain-in-financial-services-not-yet-plug-and-play/> (дата обращения: 03.03.2020).

Bradbury D. *Что такое «Цветные монеты» и почему они так важны* [Электронный ресурс] URL: <https://bitnovosti.com/2014/06/02/could-this-holy-bitcoin-trinity-revive-colored-coins/pdf> (дата обращения: 03.03.2020).

Chris Larsen *on the Internet of Value* // Ripple.2016 [Электронный ресурс] URL: <https://ripple.com/insights/chris-larsen-on-the-internet-of-value/> (дата обращения: 03.03.2020).

Lewis A. *The Emergence of Blockchains as Activity Registers*// [Электронный ресурс] URL: <https://www.coindesk.com/emergence-blockchains-activity-registers> (дата обращения: 03.03.2020).

Swenson T. *Smart Property, Colored Coins and Mastercoin* // CoinDesk 2019 [Электронный ресурс] URL: <http://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/uk/Documents/Innovation.pdf> (дата обращения: 03.03.2020).

Беляева Юлия Владимировна
Павлов Анатолий Петрович

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ

***Аннотация.** Статья раскрывает понятие налогового контроля, его форм и пути совершенствования в условиях компьютеризации и информатизации современного общества с целью повышения эффективности и усовершенствования существующей системы.*

***Ключевые слова:** налоговый контроль, формы налогового контроля, автоматизация налогового контроля, совершенствование налогового контроля.*

В современном мире при стремительном развитии налоговой системы существует достаточно много проблем обеспечения стабильного контроля над точностью, своевременностью и объемом взимания налогов и сборов. Налоги представляют собой существенный доход бюджета страны, их взимание отслеживается налоговым законодательством (Налоговый кодекс РФ). Порядок обязательной уплаты налогов обусловлен тем, что – это необходимое условие деятельности государства. Также замечаются отрицательные тенденции: уклонение от уплаты налогов и уход налогоплательщиков в теневой сектор экономики, который на 2019 год, по данным оценки Росфинмониторинга, составил более 22 % от ВВП России – 21 трлн. руб.

«Налоговым контролем признается деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах в порядке, установленном настоящим Кодексом» [НК РФ Ст. 82]. Вопросами контроля занимается Федеральная налоговая служба России с 2004 г (далее – ФНС). Объект налогового контроля представляет собой движение денежных средств в ходе аккумулирования и другие доходы налогоплательщиков. Предмет – кассовые операции, бухгалтерская документация и т. п.

Проверки ФНС проводит для учета и ревизии правильности расчета и уплаты налога. Учитывают все документы, которые необходимы для начисления налогов. Различают следующие виды налоговых проверок:

– выездные – проводятся за прошедшие три календарных года до года проверки по решению налогового органа, если организация попадает в план проверки (ст.88 НК РФ);

– камеральные – проводятся по месту нахождения налогового органа при подаче налогоплательщиком декларации (ст.89 НК РФ).

Камеральные проверки охватывают 100 % налогоплательщиков, в то же время доля охвата предприятий выездными налоговыми проверками с каждым годом сокращается и по данным Росстата на 2019 год составляет 0,35 % от общего числа проверок. В основном выездные проверки затрагивают средние и крупные предприятия.

Основываясь на приведенных данных, налоговые органы сокращают число выездных проверок и за последние 5 лет их число сократилось в 2 раза. Количество камеральных проверок наоборот стремительно растет. Можно сделать вывод, что налоговые инспектора все чаще вызывают налогоплательщиков на проведение камеральных проверок в налоговую инспекцию.

Несмотря на снижение доли выездных проверок, 2019 год показал стремительный рост налоговых поступлений, по сравнению с предыдущими годами.

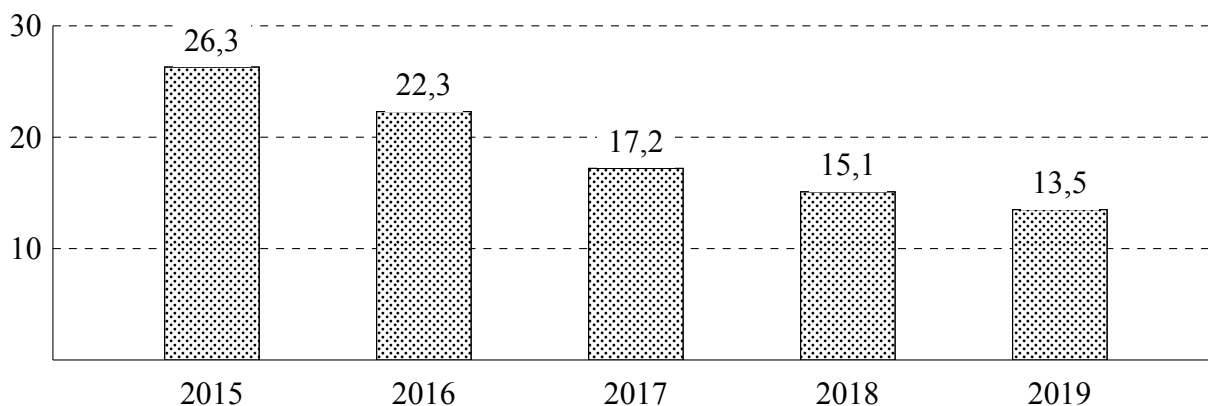

Рисунок 1 – Динамика выездных налоговых проверок организаций за 2015-2019 гг., тыс. ед. (Источник: Росстат)

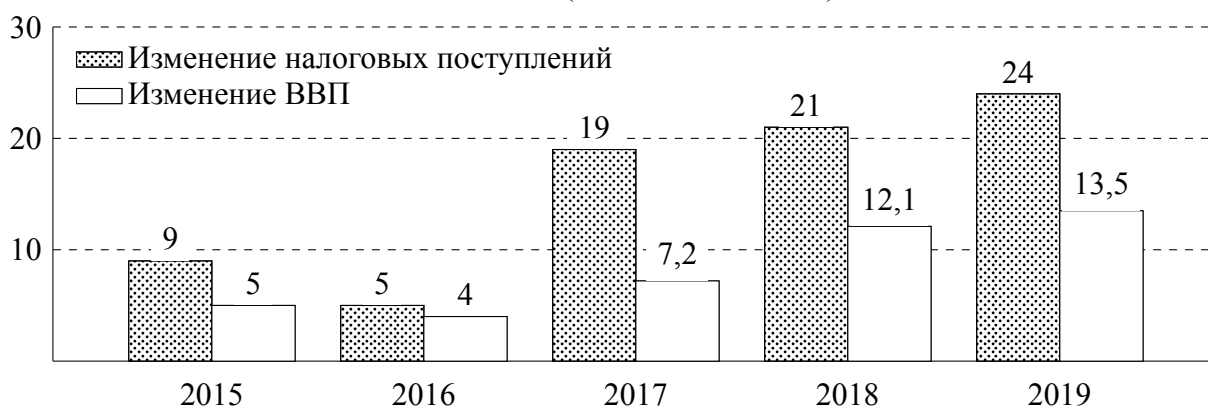

Рисунок 2 – Динамика налоговых поступлений и ВВП за 2015-2019 гг. (Источник: Росстат)

По данным на графике наглядно видно, что темпы роста ВВП отстают от роста налоговых поступлений в процентном соотношении. Темпы прироста налоговых поступлений нельзя объяснить только положительными сдвигами в экономике страны. Можно выделить одну из основных причин – это тенденция к ужесточению налогового администрирования, которая значительно меняет условия ведения бизнеса в РФ.

Размеры взыскания доначислений за нарушения в ходе выездных и камеральных проверок, решения по которым вступили в силу, в 2019 году составил 59,9 %, что на 2,8 % выше по сравнению с предыдущим годом.

Если сравнивать результативность проверок, то выездные проверки более эффективны, чем камеральные, так как их можно назвать специфической формой налогового контроля, они оказывают больший психологический эффект и стимулируют налогоплательщиков более ответственно и тщательно подходить к составлению отчетности и уплате налогов. Выездные налоговые проверки, выявившие нарушения из общего количества выездных проверок за последние 5 лет составляют 98,1 %. Данный показатель говорит о том, что почти каждая вскрывает налоговые нарушения, что доказывает эффективность таких проверок. Таким образом, выездную налоговую проверку можно назвать основным методом налогового администрирования, которая занимает важное место в реализации контроля над деятельностью налогоплательщиков.

Также ФНС России производит разбор правовых позиций, которые отражены в судебных актах Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. В данном обзоре по вопросам налогообложения разбираются самые остропроблемные судебные дела и разногласия, более часто встречающиеся за определенный период. Благодаря данному обзору налоговая служба понимает, как решаются подобного рода разногласия, что помогает повысить эффективность регулирования налоговых споров.

В современном мире необходимо совершенствование компьютеризации и информационных технологий налоговой службы, как и в любой другой организации. Использование информационных технологий позволяет ускорить и упростить процесс работы органов, сделать налоговый контроль максимально ясным и прозрачным для налогоплательщиков.

На данный момент всю информацию о законодательстве, документации, налогах, проверках и т. п. можно получить на официальном сайте ФНС России. Также на сайте возможно заплатить налоги, задать интересующие вопросы и получить ответы, посмотреть аналитическую и статистическую информацию о деятельности налоговой службы и о проведенных проверках.

Одной из самых перспективных программ для автоматизации работы является «Система электронной обработки данных» (ЭОД), именно она обладает данными о налоговом администрировании физических и юридических лиц. В системе сформирована база налогоплательщиков, ведется учет физических и юридических лиц и данных о их банковских счетах и т. д.

Система ЭОД имеет плюсы как для ФНС, так и для налогоплательщиков:

- помогает налогоплательщикам быстро, без очередей подать необходимые документы в электронном виде для последующего осуществления органами проверок;
- формы для подачи отчетности обновляются в системе автоматически;
- эффективная обработка полученных данных о налоговой и бухгалтерской отчетности;
- возможность сверки данных, уже имеющихся в базе с предоставленными;
- система выстраивает порядок налогоплательщиков для выездной проверки.

Таким образом, можно сказать, что данная система позволяет упростить многие процессы для служащих и налогоплательщиков, но несмотря на ее многочисленные плюсы, компьютеризация органов развита не в полной мере. Полностью система ЭОД охватывает только камеральные проверки, а выездные лишь частично на моменте сбора информации, дальнейшее сопровождение не информатизировано. Выездным проверкам необходим усиленный автоматизированный контроль, четкий способ планирования и обработки данных полученных с данного вида проверок. На данный момент статистика показывает, что выездные проверки ФНС проводит только при выявлении явных нарушений и схем ухода от налогов.

В условиях компьютеризации важным направлением будет являться повышение уровня грамотности населения в вопросах владения сайтом, налогоплательщики должны быть уведомлены об упрощенной возможности подачи документов и других услугах, которые предоставляются на сайте. Служащие могут предоставлять помощь по исчислению и уплате налогов на сайте в стенах налоговой службы, т. е. наглядно показывать и рассказывать о простоте и удобстве данного сервиса, чтобы в дальнейшем избавиться от очередей.

Необходимо повышение качества работы налоговых инспекторов в области компьютеризации (постоянное обучение и повышение квалификации), также совершенствование самой системы. Это позволит:

- уменьшить количество ошибок при обработке данных;
- сократить количество служащих, занятых работой с документами, отчетностью и налогоплательщиками;
- упорядочить работу и взаимосвязь с налогоплательщиками;
- улучшить программное обеспечение системы ЭОД и компьютеров;

Необходимо осознанное ведение контроля со стороны государства, снижение давления на добросовестных налогоплательщиков с одной стороны, и грамотное выявление лиц, которые пытаются уйти от уплаты налогов, с другой. Применяя предложенные меры в условиях автоматизации, налоговая служба сможет повысить свою эффективность и усовершенствовать существующую систему, а облегченная система обработки данных поможет быстро и своевременно выявлять законопослушных налогоплательщиков и повысит результативность сбора налогов.

ЛИТЕРАТУРА

Баташев Р. В. О некоторых аспектах организации и проведения выездных налоговых проверок // *Инновационная наука*. 2015. №11-1.

Закон РФ от 21.03.91г. № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации»

Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // *Собрание законодательства РФ*, N 31, 03.08.1998, ст. 3824.

Федеральная налоговая служба / Данные по формам статистической налоговой отчетности // [Электронный ресурс] URL: <https://www.nalog.ru> (дата обращения 23.01.2020).

Федеральная служба государственной статистики // [Электронный ресурс] URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения 26.01.2020).

Федеральная служба по финансовому мониторингу // [Электронный ресурс] URL: <http://www.fedsfm.ru/> (дата обращения 23.01.2020).

Богданов Александр Серафимович

Мальцева Валерия Александровна

Бочков Павел Валерьевич

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ПРАВОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КРЕДИТНЫХ ЗАЕМЩИКОВ В РФ

Аннотация. В статье рассматривается проблема обеспечения безопасности заемщика микрофинансовой организации. Автор проводит сравнительный анализ условий предоставления средств микрофинансовой организации заемщику в 2019, 2020 годах и приходит к выводу, что государство активно контролирует деятельность МФО и способствует увеличению эффективности защиты заемщика.

Ключевые слова: Микрофинансовая организация, заемщик, рынок микрофинансирования, долговое обязательство, микрозаймы

Под микрофинансированием понимается предоставление малому бизнесу услуг финансового характера. Зачастую банки и иные финансовые организации не заинтересованы в небольших заемщиках, поэтому микрофинансирование – значимая поддержка для малого предпринимательства, поскольку обеспечивает его необходимыми финансовыми ресурсами [Крохина 2011: 120].

В 2020 году условия предоставления микрозаймов значительно изменились. Нововведения характеризуются жесткостью для рынка микрофинансирования, что обусловлено беспокорством законодателя положением заемщиков. До изменений лица, получавшие микрозаймы подвергались значительным рискам. Имели место злоупотребления микрофинансовой организации [Еремина URL].

Изменения в первую очередь направлены на обеспечение защиты заемщиков. Так, законодательно регламентируется максимальная переплата по долговым обязательствам, срок которых составляет не более года. Необходимо отметить, что правки, вступающие в силу с 1 января 2020 года, были приняты еще в 2019 году в виде нового закона о микрозаймах [Коммерсантъ 2019: 8].

К сожалению, все нормы нового закона о микрозаймах, принятого в 2019 году, который окончательно вступил в силу с 1 января 2020 года, не имеют обратной силы. То есть не распространяются на договоры, заключенные перед датой изменения правил предоставления денег в долг. Теперь деятельность микрофинансовых организаций действует в новой правовой обстановке,

что позволяет лицам, которым необходимы микрозаймы получить средства в более безопасной обстановке.

Учитывая все новшества, предусмотренные Федеральным законом № 554-ФЗ от 27.12.2018 года, можно выделить три периода:

1. Микрозаймы, оформленные с 28 января 2019 по 1 июля 2019 года. Переплата ограничивается в двух аспектах: граница повышения максимальной ставки составляет 1,5 % в день; заемщик не может переплатить более 2,5-кратного размера изначально взятой в долг суммы.

2. Займы, полученные с 1 июля 2019 года по 1 января 2020 года: максимальная ставка – не более 1,0 % в сутки; максимальное превышение переплаты составляет 2-кратный размер взятой в микрофинансовой организации (МФО) суммы.

3. Микрозаймы, оформленные после 1 января 2020 года: Показатель максимальной границы ставки - 1,0 % в день; Предельная переплата изначально долга – не более 1,5-кратного размера [Микрофинансирование URL].

Кроме того, законодатель в качестве способа защиты заемщика избрал регламентирование тех лиц организаций, которые вправе выдавать и приобретать микрозаймы в порядке цессии. Тем самым государство ограждает граждан, желающих получить микрозаймы от неблагонадежных организаций и определить критерии МФО, с которыми можно иметь дело гражданам. Создаются стандарты деятельности микрофинансовых организаций, что позволяет снизить риски, которые может понести заемщик [Полякова URL].

Подводя итог ранее сказанного, необходимо провести сравнение ситуации на рынке на конец 2019 и на начало 2020 года. В особенности можно выделить несколько ключевых пунктов:

1. Стоимость продуктов. Взяв во внимание «займы до зарплаты», стоит заметить, что на начало 2019 года их максимально значение полной стоимости доходило до 85 % годовых. Такое положение в 2,3 раза больше, чем на начало 2020 года.

2. Ограничение переплаты. Конечно, оно было и ранее, но в то же время не распространялось на неустойку за несвоевременное погашение долга, то есть его пределы не были четко очерчены. С января 2020 года стали существовать не только эти четкие границы в виде 1,5-кратного размера изначально взятого займа, но и значительно сократился, поскольку на начало 2019 года переплата не могла превышать 3-кратного размера взятого займа по своевременно выплаченным долгам, и не более 2-кратного – по просроченным.

3. Однозначный круг лиц, которые в своей компетенции имеют право на принудительное взыскание займа или его покупки. Такое положение позволяет не только защитить заемщиков от черных коллекторов и кредиторов, но и позволит оказывать на них законное влияние, например, обратившись в Центральный Банк РФ, который выступает регулятором микрофинансового рынка, либо к рынку взыскания – ФССП.

Таким образом, явно наблюдается тенденция к совершенствованию законодательства, направленная на защиту прав заемщика. Всего за один год микрофинансирование модернизировалось до неузнаваемости в положительную сторону. Несмотря на то, что законодательство РФ находится в постоянном развитии, все равно остаются нерешенные проблемы. Например, зачастую, заемщик, в силу отсутствия у него юридических знаний, не отстаивает свои законные права, что препятствует своевременно и эффективно доносить информацию до заемщика, а также позволяет нарушителям продолжать преступать черту закона. Тем не менее, можно наблюдать в каких быстрых и качественных темпах развивается право России, а это значит, что даже эти проблемы вскоре найдут свое решение.

ЛИТЕРАТУРА

Еремина Н. Газета.ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/08/04/10818793.shtml>

Коммерсантъ. Выпуск № 97 от 06.06.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3992213>

Крохина Ю. А. *Финансовое право России: учебник / 4е изд., перераб. и доп.* М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 720 с.

Микрофинансирование // Банка России – Центральный Банк. [Официальный сайт] URL: https://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_micro/

Полякова В. В. *Микрозаймы и микрофинансирование – проблемы и перспективы в России.* [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mikrozaymy-i-mikrofinansirovanie-problemy-i-perspektivy-v-rossii>

Валиуллина Ияна Фаритовна

Уральский государственный юридический университет

**К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ
НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ПОСВЯЩЕННЫХ ЗАЩИТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ
ИЛИ ЯЗЫКОВ МЕНЬШИНСТВ**

***Аннотация.** Статья посвящена обзору норм отечественного законодательства, регулирующих правовое положение несовершеннолетних. Проведенное исследование позволяет утверждать, что правовой статус несовершеннолетнего является межотраслевым институтом, включающим систему норм, регламентирующих права, свободы и обязанности человека с рождения до достижения восемнадцатилетнего возраста. Данная проблематика имеет многогранный характер.*

***Ключевые слова:** лингвистическая экспертиза, региональные языки, языки меньшинств, законодательство, Российская Федерация.*

В древнейших памятниках восточных цивилизаций встречаются свидетельства признания важности устного и документированного слова в процессе судопроизводства. Большое значение придается клятве, присяге, удостоверенным печатями записям сделок, завещаний, распоряжений [Жидкова 2008: 134-167].

По мнению Лазаревой Е. Н. у лингвистики и юриспруденции, действительно, всегда было и есть много общих сфер, и тенденции к сближению этих наук вполне объективны [Лазарева URL]. Стоит просто взглянуть на проблему юридического статуса языков национальных меньшинств в многонациональных государствах или роль проблемы языка в характере межгосударственных отношений и коммуникативно – языковая актуальность теоретического и практического характера; она определяется, в частности, в социальной заявке на разработку юрислингвистических вопросов в юриспруденции, средствах массовой информации, некоторых сферах политики [Осипова 2012: 186].

Краткое определение лингвистической экспертизы законопроекта дано в части седьмой статьи 121 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: «Лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов» [Постановление Государственной Думы ФС РФ, Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, ст.21].

Связь языка и права заключается не только в том, что язык является «способом внешнего выражения правовых предписаний». Право может «регулировать использование языка и его развитие, взаимоотношение языков», законодательно устанавливая «тот или иной язык в качестве государственного» [Пиголкина 1990: 5]. Обратим на это особое внимание, поскольку именно «законодательная закреплённость» статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации, обязательного для использования в политической, экономической, социальной, культурной и других сферах, отличает государственный язык Российской Федерации от государственных языков республик, входящих в ее состав, а также языков национальных меньшинств (миноритарных языков) [Модельный закон «О языках»: 236].

По взгляду Д. Л. Ханзафаровой, И. Р. Абитова выделяются следующие характерные особенности речевого поведения лиц, борющихся за соблюдение прав татар как этнического меньшинства:

1) апелляции к национальной идентичности татар и религиозной идентичности мусульман (например, строительство православного храма преподносится как действие, направленное на «искоренение Татарского духа Казани» и полную ассимиляцию татарского народа, мусульманского населения республики);

2) обвинение оппонентов в татарофобии;

3) обращение к истории: взятие Казани войском Ивана Грозного в 1552 г. оценивается как знаковое событие, после которого татары утратили статус независимого народа;

4) апелляция к потребности в безопасности и сохранению своей национальной идентичности;

5) выражение негативного отношения к действиям органов государственной власти РФ;

6) обвинение оппонентов в противоправных действиях;

7) солидаризация с другими тюркскими народами (казахи, киргизы и т.д.), указание на самобытность развития тюркских языков (отказ от кириллицы, возвращение к руническому алфавиту или латинице);

8) обвинение представителей органов государственной власти РТ в незнании татарского языка [Ханзафарова 2018: 121-122].

В то же время ряд материалов имеет стандартные формы проявления межэтнического конфликтного дискурса и содержит лингвистические и психологические признаки унижения человеческого достоинства по признаку национальной принадлежности и побуждения к дискриминирующим действиям (переезд в города, не находящиеся на территории национальных республик) [Ханзафарова 2018:124].

ЛИТЕРАТУРА

Постановление Государственной Думы ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-III Д «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70363040/> (Дата обращения: 01.05.2020).

История государства и права зарубежных стран / Под ред. О. А. Жидкова. М.: изд. «НОРМА», 2008. М. С.134-167.

Лазарева Е. Н. Лингвистическая экспертиза в законодательном процессе // URL: <http://ui.vlsu.ru/media/uploads/2017/03/21/wrfwt.pdf> (Дата обращения: 01.05.2020).

Модельный закон «О языках» // Информационный бюллетень. 2005. № 35. Ч. 1. С. 236.

Осипова Б. И. Языковые проблемы права и правовые проблемы языка // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научн. тр./ Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С 186.

Ханзафарова, Д., Абитов, И. Дискуссия о правах национального меньшинства как объект судебно-экспертной оценки // Юрислингвистика, 2018. №9/10, с.113-125.

Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М.: Юрид. лит-ра, 1990. 192 с.

Васильева Елена Игоревна

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

**РЕЗУЛЬТАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ ДОБРОВОЛЬНОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ,
ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ**

***Аннотация.** В статье рассматривается государственная политика добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. На основе проведенного исследования нормативной базы и мониторинга реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, авторами определены уровни и направления реализации политики, выявлены ее основные результаты, выявлены актуальные проблемы ее реализации.*

***Ключевые слова:** соотечественники, государственная поддержка соотечественников, государственная политика, добровольное переселение.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00760

Социально-экономическое состояние территории во многом зависит от характера миграционных процессов. «Оказывая колоссальное влияние на развитие общества, миграционные процессы сами попадают под воздействие различных общественных трансформаций» [Рощин 2007: 15]. В этой связи государственная политика «должна быть направлена на сдерживание нежелательной миграции, и одновременно, стимулирование привлечения в страну отдельных категорий мигрантов» [Суворова 2008: 72].

Одним из направлений современной государственной миграционной политики в России является оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом в соответствии с Федеральным законом «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом».

Переселение соотечественников имеет большое значение для обеспечения развития России в связи с высокой потребностью регионов страны «в притоке людей, готовых участвовать в развитии их экономики, непростой демографической обстановкой, особенно в восточных регионах страны, нехваткой квалифицированных кадров» [Айдынбеков 2017: 67].

В целях «объединения потенциала соотечественников с потребностями развития российских регионов» [Свекольников 2016: 18.] была утверждена Концепция государственной миграционной политики до 2025 года и Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Последняя включает в себя два уровня управления – федеральный уровень и уровень субъектов России.

Федеральный уровень управления государственной программой включает три направления деятельности: общефедеральный, территориальный, зарубежный. Общефедеральная деятельность включает в себя координационные мероприятия различных субъектов миграционной политики в процессе содействия переселения соотечественников, разработку нормативных актов федерального уровня, а также общую оценку реализуемых мероприятий. Территориальный аспект федерального уровня управления государственной программой представлен, в первую

очередь, деятельностью территориальных подразделений МВД, в том числе установление статуса участника государственной программы, выдача соответствующих свидетельств, назначение федеральных выплат и пр. Третье, зарубежное направление реализации государственной программы, охватывает деятельность уполномоченных организаций по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников в иностранных государствах. На сегодняшний день в более 40 странах есть органы, осуществляющих прием документов об участии в программе.

На уровне субъектов России работа по переселению соотечественников направлена на вовлечение их в проект переселения на территорию региона с учетом его потребностей, оказание государственных услуг по оформлению, выдаче и замене свидетельства участника Госпрограммы, предоставлении установленных для участников Госпрограммы и членов их семей государственных гарантий, оказание дополнительных мер социальной поддержки. Так, например, во многих регионах установлена компенсация арендной оплаты для участников программы, единовременное пособие на обустройство и оформление документов; в ряде установлены социальные выплаты гражданам – участникам Государственной программы на приобретение (строительство) жилого помещения.

При реализации государственной программы региональными органами уделяется большое внимание информационному освещению мероприятий

В настоящее время механизм реализации программы отработан и действует успешно. По состоянию на 1 января 2020 года 76 субъектов Российской Федерации в 8 федеральных округах принимали участие в реализации Государственной программы.

«Всего в 2019 году от соотечественников принято 65,1 тыс. заявлений (на 153,3 тыс. чел.), из них 51,5 % – за рубежом, 48,5 % – на территории Российской Федерации» [Мониторинг 2019 URL]. Данный показатель ниже 2018 года на 7 %, однако, возрастает доля заявлений, подавших заявление в уполномоченные органы, расположенные в иностранных государствах [Мониторинг 2018 URL]. Анализ распределения участников государственной программы по федеральным округам показывает, что наибольшая часть из них предпочитает переселяться в Центральный, Уральский и Сибирский федеральные округа. В них переселилось 68 % участников государственной программы. Среди регионов в IV квартале 2019 года наибольшее число участников Государственной программы и членов их семей приняли Тульская (2,31 тыс. чел.), Калужская (1,98 тыс. чел.), Челябинская (1,97 тыс. чел.), Новосибирская (1,60 тыс. чел.), Липецкая (1,25 тыс. чел.), Омская (1,06 тыс. чел.), Воронежская (1,06 тыс. чел.), Свердловская (1,04 тыс. чел.), Калининградская (0,84 тыс. чел.) и Кемеровская (0,72 тыс. чел.) области.

Наименьшая доля вселений приходится на Южный, Северо-Кавказский и Дальневосточный федеральный округа. С 1 января 2020 года к территориям приоритетного заселения будут отнесены субъекты Российской Федерации, входящие исключительно в состав Дальневосточного федерального округа. В указанных субъектах установлен наиболее высокий размер подъемных. Тем не менее, доля переселенцев в ДФО остается по-прежнему низкой.

Наибольшее количество переселенцев составляют граждане Казахстана (более 30 %), Таджикистана (25 %), Армении (9 %), Узбекистана (8,5 %), Республики Молдова (7,4 %). Количество граждан, переселяющихся с Украины, в значительной степени сократилось (4 %). Вместе с тем граждане Украины составили 30 % всех переселенцев в 2014-2019 гг.

Большой привлекательностью для переселенцев обладают промышленно-развитые территории. Большая часть переселенцев переезжает жить в городскую местность, на сельские территории приходится только 24 % участников Государственной программы, таким образом, программа не решает проблему сокращения численности населения, проживающего в сельских территориях.

Лучшая практика реализации программы переселения предусматривает трудоустройство каждого участника Программы, а при желании и возможности – трудоспособных членов се-

мей. Для этого формируется банк вакантных рабочих мест для трудоустройства переселенцев, сведения из которого ежемесячно размещаются на сайте региональных органов управления и представляются в МИД России и Управление МВД России для информирования. Обязательно также участнику программы иметь гарантийное письмо о намерении работодателя трудоустроить соотечественника. Положительное решение о приеме соотечественника принимается межведомственной комиссией территории вселения и уполномоченным органом на основании критериев отбора участников Государственной программы в соответствии с информацией об образовании, опыте работы соотечественника и варианте трудоустройства в территории вселения. Помимо осуществления трудовой деятельности в качестве наемных работников статус переселенца могут получить лица, являющиеся индивидуальными предпринимателями, а также студенты. В результате принятых мер было обеспечено трудоустройство соотечественников трудоспособного возраста и снижена возвратная миграция среди участников программы.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать выводы, оказание содействия добровольному переселению соотечественников служит одним из инструментов для решения задач по сохранению и развитию человеческого потенциала и традиций. Привлечение востребованных экономикой региона квалифицированных специалистов разного профиля из-за рубежа и переселение их на постоянное место жительства в Россию является одним из важнейших источников развития человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост как страны в целом, так и отдельных регионов. В целом растет количество граждан, участвующих в программе, увеличивается и количество участников, переселяющихся в сельскую местность. Сокращение, которое происходит в последние годы, обусловлено сокращением миграции с территории Украины.

Тем не менее, на взгляд авторов, данная политика не в полной мере отвечает интересам Российской Федерации миграционной ситуации. Существующие миграционные правила недостаточно ясны и унифицированы, а уровень применения информационных технологий при предоставлении государственных услуг и осуществлении государственного контроля в сфере миграции остается невысоким. В этой связи наибольшие жалобы от переселенцев касаются очередей, а большинство поступающих вопросов – возможности получения услуги в электронной форме.

Кроме того, необходимо совершенствование информационно-аналитического обеспечения реализации государственной программы. В настоящее время мониторинг ведется поквартально органами МВД, необходима разработка единой системы, позволяющей агрегировать информацию в реальном времени о потребностях хозяйствующих субъектов в рабочей силе и о возможности вселения в данные регионы, а также информацию о выплатах и компенсациях федерального и регионального уровня.

ЛИТЕРАТУРА

Айдынбеков Э. Ф. Миграционная политика: практика переселения соотечественников // *Власть*. 2017. № 4. С. 67-71.

О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г.) [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=150465&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.6633580750305293#01297461700654221> (дата обращения: 01.03.2020).

О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы: Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=310139&fld=134&dst=100018,0&rnd=0.5182997956302269#0021803843902169162> (дата обращения: 01.03.2020)

О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Указ Прези-

дента РФ от 14 сентября 2012 г. № 1289 (в ред. от 15 марта 2018 г.). [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LA W&n=293261&fld=134&dst=100042,0&rnd=0.4393684690462093#05733569161811813> (дата обращения: 01.03.2020).

Мониторинг реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в российскую федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в IV квартале 2018 года [электронный ресурс] <https://media.mvd.ru/files/application/1506369> (дата обращения: 01.03.2020)

Мониторинг реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в российскую федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в IV квартале 2019 года [электронный ресурс] <https://media.mvd.ru/files/application/1755550> (дата обращения: 01.03.2020)

Роцин Ю. В. Миграция населения и Россия: учебное пособие. М.: ИД ГУУ, 2007. 241 с.

Свекольникова Л. Г. Содействие добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом // Социальная работа. 2016. № 12. С. 18-20.

Суворова В. А. Интеграция мигрантов в сообщество как одна из составляющих иммиграционной политики // Вестник университета. Государственное и муниципальное управление. 2008. № 2(10).

Вихарев Алексей Андреевич

Уральский государственный юридический университет

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДОГОВОРОВ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу существующей в российской юридической науке проблеме определения отраслевой принадлежности семейно-правовых договоров (соглашений). На основе изучения большого количества источников делается вывод о комплексном характере многих договоров (соглашений) в семейном праве.

Ключевые слова: договор, семейное право, семейно-правовое регулирование, гражданско-правовой договор, комплексный институт права.

Значимой проблемой современной науки семейного права остается определение юридико-отраслевой природы договоров в семейном праве, что связано с различной трактовкой их правовой сущности. Речь идет о предпринимаемых попытках отделения семейно-правовых соглашений от гражданско-правовых договоров, что напрямую связано с еще более давней проблематикой предметного разграничения отраслей семейного и гражданского права. На необходимости введения понятия семейно-правового договора настаивает, к примеру, Е. В. Князева, поскольку предлагаемые ныне Семейным кодексом РФ конструкции брачного договора, соглашения об уплате алиментов и других договоров не позволяют в полной мере учесть специфику семейных правоотношений. Впрочем, набор ее доводов в пользу самостоятельности категории семейно-правового договора куда более широкий. Их общий посыл сводится к отраслевой специфичности договоров, регламентирующих семейные отношения [Князева 2014: 104-105].

Специалистов, разделяющих данную позицию, довольно много. «Проявляя в своей сущности общие, характерные вообще для договора как правовой конструкции черты, - пишет

Н. Ф. Звенигородская, - договор в семейном праве вместе с тем демонстрирует свою семейно-правовую сущность, проявляя тем самым свои особенности» [Звенигородская 2011: 4].

Существенную разницу между договорами в семейном и гражданском праве проводит Е. П. Титаренко. Здесь и разные цели договорного регулирования, не совпадающий субъектный состав (исключительно физические лица-члены семьи), отсутствие той свободы соглашений, которая присуща гражданско-правовому договору, ограничения в определении содержания соглашения, что уже характерно для семейно-договорного регулирования. И, главное, на что обращает внимание данный автор, соглашения в семейном праве никаких правоотношений не порождают, поскольку те вызываются иными юридическими фактами, как-то: брак, развод, родство, принятие детей на воспитание и т. п. [Титаренко 2005: 8]

В то же время существуют кардинально противоположные мнения относительно самостоятельности и специфики семейных соглашений, правда, больше сосредоточенных на сравнении брачных (и потому как будто семейных по своей природе соглашений) и гражданско-правовых договоров. В сущности, брачный договор есть одно из немногих соглашений между супругами, оказавшееся так близко к границе семейного и гражданского права, что следует отнести к своеобразию конструкции его правового регулирования. Общеизвестно, что первичная регламентация возможности заключения соглашений между супругами по поводу приобретенного в совместном браке имущества, появилась в гражданском законодательстве, а не в Семейном кодексе РФ. Так, имущество, нажитое супругами во время брака, сказано в п. 1 ст. 256 ГК РФ, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества. И только потом институт брачного договора получил закрепление в семейном законодательстве.

Вот почему, брачный договор воспринимается автором этой статьи как комплексный правовой институт, находящийся «в ведении» сразу двух отраслей права: гражданского и семейного. Он неразделим (трудноразделим) между обеими отраслями, регулируется в силу законодательных предписаний нормами обоих правовых образований.

Б. М. Гонгало и П. В. Крашенинников отказывают брачному договору в уникальности, относят его к одному из видов гражданско-правового договора. В обоснование этого приводят следующие доводы. Сама возможность заключения брачного договора предусматривается Гражданским кодексом РФ. Изменение и расторжение брачного договора производятся по основаниям и в порядке, также установленным нормами гражданского законодательства для изменения и расторжения договора (п. 2 ст. 43 СК). Отсутствие аналогичного указания на заключение брачного договора в Семейном кодексе, невольно создающее впечатление о его семейно-правовом характере, воспринимается указанными авторами скорее как упущение законодателя. Оно, отмечают они, в значительной степени нивелируется правилом, согласно которому, к отношениям, регулируемым семейным законодательством, в субсидиарном порядке применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений (ст. 4 СК). Подытоживая собственные размышления, они категорически утверждают, что брачный договор есть «обычная гражданско-правовая сделка» [Гонгало 2002: 103-104].

Аналогичных выводов придерживается большая группа ученых, среди которых: М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, М. В. Антокольская, Л. Б. Максимович и другие авторы. М. И. Брагинский и В. В. Витрянский оценивают брачный договор исключительно как разновидность гражданско-правовых договоров [Брагинский 2005: 27]. Считает невозможным доказать семейно-правовую сущность брачного договора, отличающую его от договоров гражданских, М. В. Антокольская [Антокольская 2013: 167]. Л. Б. Максимович квалифицирует брачный договор в качестве гражданско-правового инструментария имущественных отношений между супругами и бывшими супругами [Максимович 2003: 8].

Параллельно существует точка зрения, сторонники которой усматривают в брачном договоре значительное количество черт семейного соглашения. На семейно-правовой природе брачного

договора настаивает, например, О. Н. Низамиева, что объясняется ею специфическими особенностями данного договора: строгого определенным состав субъектов (супруги и лица, вступающие в брак), зависимость договора от брака, вне которого договор просто не может быть как таковой, его связь с личными отношениями и ряд других признаков [Низамиева 1999: 7-8].

Отрицает гражданско-правовой характер брачного договора А. М. Нечаева, которая видит в нем «своеобразную, основанную на личных отношениях договоренность относительно судьбы имущества. Еще одно важное обстоятельство она усматривает в том, что в Гражданском кодексе договорные отношения устанавливаются всего лишь в общем виде (ст. 256). Напротив, Семейный кодекс регулирует данные отношения несравненно более детально, определяя правовую природу брачного договора, форму его заключения, содержание, основания изменения, расторжения и признания недействительным. И, наконец, главное, подчеркивает она, «такой договор напрямую связан с браком» [Нечаева 1996: 132].

Еще одной сторонницей семейно-правовой сущности брачного договора является И. В. Злобина. Оставаясь объективной, она признает, что порядок заключения брачного договора и основания его действительности подчинены нормам гражданского права, но при этом идентифицирует семейный характер брачного договора по тем «приметам, признакам, которые невозможно объяснить с помощью традиционных конструкций гражданского права». И первое, что она отмечает в этой связи: данный договор заключается между людьми, вступающими в брак [Злобина 2001: 43].

Полагаем, что в этом споре правы обе стороны. Ученые, настаивающие на гражданско-правовом характере брачного договора, справедливо берут в расчет его формальную сторону. Становление института брачного договора связано в первую очередь с гражданским, а не семейным законодательством. Возможность договорной регуляции имущественных отношений супругов определена впервые в Гражданском кодексе, нормы которого устанавливают порядок его изменения и расторжения. Не учитывать эти обстоятельства, отстаивать исключительно семейно-правовую сущность данного соглашения в таких условиях было бы ошибочно. Вместе с тем не принимать во внимание основание заключения брачного договора (вступление в брак – ст. 41 СК), прекращение его действия (прекращение брака – п. 3 ст. 43 СК), имеющих в чистом виде семейно-правовую принадлежность, представляется, тоже неверным. Ведь семейно-правовой характер брачного договора ко всему прочему подтверждается на основании п. 3 ст. 42 СК установлением требований о соответствии условий этого соглашения основным началам семейного законодательства. Вот почему, брачный договор, с точки зрения соискателя, представляет собой «смешанный», комплексный правовой институт, регламентируемый нормами гражданского и семейного права, значимость и влияние которых должны учитываться в равной мере.

Аналогичный (комплексно-правовой) характер имеют также соглашения об уплате алиментов. На это обращает внимание, например, Ю. К. Толстой, указывающий, что «соглашение об уплате алиментов представляет собой гражданско-правовой договор» [Злобина 2001: 135].

Причем, отраслевая двойственность института алиментных обязательств представлена по отношению к ним еще более выпукло, чем в отношении брачного договора. Согласно п. 1 ст. 101 СК к заключению, исполнению, расторжению и признанию недействительными соглашений об уплате алиментов применяются нормы Гражданского кодекса РФ, регулирующие заключение, исполнение, расторжение и признание недействительными гражданско-правовых сделок. Несоблюдение установленной формы соглашения об уплате алиментов влечет за собой последствия, предусмотренные гражданским законодательством (п. 1 ст. 100 СК).

В свою очередь Гражданский кодекс регламентирует алиментные отношения в самых разных их проявлениях. К примеру, не допускается переход к другому лицу требований об алиментах (ст. 383); зачет требований об уплате алиментов (ст. 411). Устанавливая очередность списания средств со счета, Гражданский кодекс предусматривает первоочередное взыскание алиментов

(ст. 855). Различные нюансы алиментных отношений регулируются статьями 1109, 1112 ГК РФ. Словом, гражданское законодательство вбирает в орбиту собственного правового регулирования многие стороны алиментных обязательств.

При всем этом алиментные соглашения ничуть не теряют своей семейно-правовой «прописки» и связанной с ней специфики. Это выражается, пишет Б. М. Гонгалло, в особенностях субъектного состава, в указании на то, что соглашение об уплате алиментов имеет силу исполнительного листа (п. 2 ст. 100 СК), признании недействительным соглашения об уплате алиментов, нарушающего интересы их получателя (ст. 102 СК) [Семейное право 2007: 110].

Данный перечень не исчерпывается примерами названных норм. В дополнение к этому сошлемся на мнение О. Ю. Косовой, которая считает, что алиментные обязательства обладают правовыми качествами, которые, с одной стороны, объединяют их с другими обязательственными правоотношениями, а с другой – определяют их семейно-правовую специфику, не позволяющую включать их в систему гражданско-правового обязательственного правоотношения. В числе таких специфических качеств она называет опять-таки субъектный состав, объект, гарантии осуществления прав, позволяющих провести отграничение алиментных обязательств от близких к ним гражданско-правовых обязательственных отношений [Косова 2005: 14].

Не лишено оснований отнесение к комплексным правовым институтам договоров о суррогатном материнстве, приемной семье, которые по ряду признаков можно считать гражданско-правовыми, но примыкающими, как отмечает, например, С. Ю. Чашкова, к области регулирования семейных отношений. Они, по ее выражению, «находятся на границе гражданского и семейного права», направлены на регулирование отношений, составляющих предмет семейного права, основаны на принципах семейного права [Чашкова 2004: 21-22]. Правда, есть и другие соображения на счет указанных договоров. Так, Т. В. Краснова убеждена в гражданско-правовой сущности договора о суррогатном материнстве, поскольку суррогатная мать не может быть отнесена к субъектам семейно-правовых отношений [Краснова 2009: 264].

Наряду с пограничными (комплексными), а потому спорными договорами в семейном праве существуют, принадлежащие исключительно ему правовые соглашения. В научной литературе они квалифицируются как личные неимущественные отношения, реализующиеся в лично-правовой сфере. К ним, как правило, относят соглашения об определении места жительства ребенка (ст. 24 СК), порядке осуществления права на воспитание родителем, проживающим отдельно от ребенка (п. 2 ст. 66 СК), об определении имени или фамилии ребенка (п. 2, 3 ст. 58 СК). В таких соглашениях отсутствует материальная подоплека, законодательно они регламентированы довольно скупо (чаще в виде простого упоминания о возможности заключения соглашения и не более того), ими регулируются исключительно семейные отношения, возникающие в сфере именно семейного права. При их заключении, пишет П. В. Захарова, существенное значение имеют определенные психологические, морально-этические факторы. Отношения, регулируемые данными соглашениями, тесно связаны с не правовой сферой, построенной на чувствах любви, уважения, долга, воспитания. Не представляется возможным и целесообразным, во-первых, применение к данным отношениям гражданского права (так как оно, по своей сути, не направлено на регулирование подобных отношений), а, во-вторых, применение к ним права вообще. Ввиду этого П. В. Захарова полагает, что данных особенностей достаточно, чтобы признать рассматриваемые соглашения по своей природе семейно-правовыми [Захарова 2015: 115].

Таким образом, соглашения, направленные на регулирование личных неимущественных отношений, тем более подразумеваемые законом в силу прямого их установления, являются дополнительным регулятором семейных прав граждан.

ЛИТЕРАТУРА

Антокольская М. В. Семейное право. М., 2013.

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. М., 2005. Книга 1: Общие положения.

Гонгало Б. М., Крашенинников П. В. *Брачный договор: Комментарий семейного и гражданского законодательства.* М., 2002.

Захарова П. В. *Неимущественные соглашения в российском семейном праве // Актуальные проблемы российского права.* 2015. № 10 (59). С. 114-119

Звенигородская Н. Ф. *Правовая природа договоров, заключенных членами семьи: вопросы теории и судебной практики // Российский судья.* 2011. № 9. С. 3-7.

Злобина И. В. *О юридической сущности брачного контракта: гражданско-правовая сделка или супружеский контракт // Закон и право.* 2001. № 8. С. 42-44.

Князева Е. В. *Семейно-правовой и гражданско-правовой договоры: сравнительная характеристика // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право».* 2014. № 2. С. 102-106.

Косова О. Ю. *Семейно-правовое регулирование отношений по предоставлению содержания членам семьи: Дис....докт. юрид. наук.* М., 2005.

Краснова Т. В. *Основания возникновения семейных правоотношений // Современное состояние российского законодательства: проблемы и пути совершенствования: Тез. Докл. Междунар. Научно-практи. Конф. (Пермь, 23 октября 2009 г.).* Пенза, 2009. С. 264-266.

Максимович Л. Б. *Брачный договор в российском праве.* М., 2003.

Нечаева А. М. *Новый Семейный кодекс // Государство и право.* 1996. № 6. С. 56-66.

Низамиева О. Н. *Договорное регулирование имущественных отношений супругов: Автореф. дис.... канд. юрид. наук.* Казань, 1999.

Семейное право: Учебник / Под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут. 2007. 302 с.

Титаренко Е. П. *Понятие и характеристика соглашений в семейном праве // Семейное и жилищное право.* 2005. № 2. С. 7-9.

Толстой Ю. К. *Гражданское право и гражданское законодательство // Правоведение.* 1998. № 2. С. 128-149.

Чашкова С. Ю. *Система договорных обязательств в российском семейном праве. Автореф. дис... канд. юрид. наук.* М., 2004.

Ворошилова Мария Борисовна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ПРИЗНАКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ СВОБОДЫ СЛОВА: ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье поднимается вопрос о злоупотреблении правом свободы слова. Представлен пример лингвистического исследования текста, в рамках которого предпринята попытка квалифицировать данное явление. Описаны ключевые лингвистические признаки злоупотребления правом свободы слова.*

***Ключевые слова:** злоупотребление правом, свобода слова, честь и достоинство, лингвистические признаки.*

Сегодня в СМИ мы все чаще читаем о противостоянии журналистов и экспертов, о яростной борьбе за границы свободы слова. Специалисты отмечают, что в последнее время мы действительно стали утрачивать контроль за «балансом между положениями Конституции РФ о свободе мнения и слова и правом гражданина на защиту своего доброго имени – чести, достоинства, деловой репутации и пр.» [Баранов 2018: 8].

Некогда установленные легитимные способы выражения мнения стали своеобразным щитом для «нечестных» авторов. Современный журналист еще на студенческой скамье выучил все способы выражения мнения, которые позволяют ему говорить все, что позволяют его собственные нравственные границы. Но всегда ли он преследует цель причинить вред, опорочить? Возможно, это лишь попытка защитить свое право, создать «безопасный» канал информации? Не случайно в юридической литературе используется два варианта термина: «правомерное» (легальное) злоупотребление правом и «противоправное» [Цыбулевская 2003: 59].

«Наличие либо отсутствие злоупотребления правом в конкретных действиях лица определяется всегда только экспертным путём, как правило, в качестве независимого эксперта в таких спорах выступает суд» [Трофимова 2011: 85]. Может ли лингвист помочь ответить на данные вопросы? В рамках же настоящего исследования мы представим лишь один пример и постараемся обозначить основные лингвистические признаки анализируемого феномена.

Для проведения лингвистического исследования специалисту были представлены три текста, размещенные на одном информационном ресурсе в последовательности от первого до третьего текста, каждый последующий текст заменял предыдущий. Проведя сравнительное исследование всех трех текстов, мы отметили:

Данные тексты объединены общей темой и целью (детальный анализ которых будет представлен ниже).

Все три текста адресованы конкретному должностному лицу. Сам автор в примечаниях указывает, что размещение данных статей на информационном портале – это способ «*направления письма*».

Первый текст шире двух последующих, которые представляют собой наиболее важные с точки зрения автора «*моменты содержания письма*».

Второй и третий вариант содержат ряд исправлений, которые могут повлиять на восприятие информации читателем и ее оценку, но не меняют при этом общей темы и цели (детальный анализ которых будет представлен ниже).

Авторство текста было обозначено напрямую только в первом тексте: в абзаце-обращении и подписи. Из последующих текстов данная информация была изъята.

В результате комплексного анализа всех трех статей мы отметили, что все три материала содержат информацию о нарушении деловой этики группой должностных лиц. Данная информация представлена в тексте в форме утверждения и сопровождается иллюстративным материалом.

Однако мы должны отметить, что отдельные примеры были представлены автором как выражение мнения, оценки, предположения. Попытка представить ряд высказываний в форме мнения в тексте нарочита, построение текста происходит нередко вопреки правилам русского языка и логики, что может свидетельствовать о том, что автор осознает, что данная информация может быть квалифицирована как порочащая. И данные действия автора могут представлять собой намеренную попытку изложения утверждений в виде якобы рассуждения, личного мнения, оценки, что может быть классифицировано как злоупотребление правом.

Наша гипотеза подтверждается словами самого автора:

Хочу подчеркнуть, что изложенный в настоящем материал, не является фактом (или фактами) утверждения или обвинения кого-либо в совершении нарушений законодательства Российской Федерации и субъекта Российской Федерации, также не может служить основаниями, с целью опорочить честь, достоинство и деловую репутацию указанных в материале должностных лиц и отдельно взятых лиц.

Материал подготовлен по результатам полученных письменных ответов из органов государственной власти Российской Федерации, изучения информации в СМИ и интернет ресурсах, посредством всестороннего анализа и обобщения материалов, является изложенным мнением и позицией руководителя общественного объединения граждан, осуществляющего деятельность на основании Устава, относительно складывающейся ситуации в муниципальной-

ном образовании субъекта Российской Федерации при реализации социально-значимых указов Президента Российской Федерации.

Автор в заключение статьи использует противоречащие высказывания: он готов подтвердить доводы, то есть доказать «дискриминацию», но доказать можно только факт, сам же автор настаивает на том, что он выразил свое мнение как председателя.

В подтверждение манипулятивного поведения автора приведем еще ряд аргументов.

Во-первых, автор активно использует в данном тексте кавычки, но их использование не всегда обусловлено правилами русского языка. Традиционно кавычки используются в следующих случаях:

- для выделения прямой речи, цитат, заглавий;
- для выделения слов, употребляемых не в собственном, а в ироническом или условном смысле;
- для выделения слов и выражений из чуждого автору лексикона.

В данном тексте есть примеры использования кавычек во всех нормативных случаях, но необъяснимы с точки зрения правил русского языка следующие примеры.

В ходе анализа статей мы отметили, что слово «дискриминация», вынесенное в название, используется автором в двух вариантах: в кавычках и без.

фактах «дискриминации» мусульман;

актах дискриминации мусульман.

Важно, что именно отсутствием кавычек отличаются второй и третий текст, что еще раз говорит о преднамеренности постановки данного знака. Аналогично автор использует и прилагательное «агрессивный» – в кавычках и без:

действия указанных лиц можно охарактеризовать, как «крайне агрессивные»;

причинами возможных противоправных, агрессивно-неприятных действий;

Необъяснимо с точки зрения правил русского языка употребление кавычек и в следующем примере:

в августе 2017 году «угрожал» прекратить деятельность индивидуального предпринимателя.

Во-вторых, важным аргументом является злоупотребление автором эксплицитными маркерами выражения мнения, предположения, оценки, возможности и т. п. В тексте статьи в ходе проведения контент-анализа были зафиксированы повышенные показатели частности (средняя частота для корпуса публицистики подобных слов – 0,0011) следующих слов: *возможный* – 0,42 и *предположительный* – 0.17 (данные получены в ходе проведения семантического анализа на информационном портале <https://advego.com/text/seo/>).

Метод массового введения в текст маркеров выражения мнения – классический в современной журналистике, о нем вы прочтаете в большинстве учебников, о нем же известная «байка по Уткина».

Метод метафоризации или «закавычивания» не менее востребован. Существующий миф, что метафора не подвластна экспертизе, создает ощущение «безопасности» для автора. К сожалению, метафора может быть проанализирована в рамках экспертного исследования, а при наличии соответствующего контекста (в иной терминологии – дискурса), получить очень четкое определение [см. подр. Ворошилова, Чудинов 2018].

Помимо указанных выше методов мы все чаще отмечаем и иные лингвистические признаки злоупотребления правом свободы слова. Наиболее общую классификацию данных признаков представил Баранов А. Н. Он выделил три основных: критерий частотности, семантический критерий и метатекст как критерий [Баранов 2018: 8-10]. Но справедливости ради считаем необходимым отметить, что данные признаки не являются однозначными признаками и требует дальнейшей проверки.

Мы надеемся, что данный инструментарий позволит восстановить справедливость и не станет очередным инструментарием для злоупотребления правом.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н. Злоупотребление правом как лингвистический феномен // *Язык. Право. Общество. Пенза, 2018. С. 7-10.*

Ворошилова М. Б., Чудинов А. П. Исследование метафоры в рамках судебной экспертизы // *Язык. Право. Общество: сборник статей V Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О. В. Барабаш. Пенза, 2018. С. 23-26.*

Трофимова Т. В. К вопросу о соотношении права на свободу слова и неприкосновенности чести, достоинства и деловой репутации // *Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2011. № 2. С. 84-87.*

Цыбулевская О. И. Злоупотребление правом как нравственная проблема // *Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2003. № 6. С. 56-62.*

Выдрин Игорь Вячеславович

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам конституционного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Рассматриваются отдельные аспекты национальной безопасности, анализируются конституционные поправки, направленные на обеспечение защиты национальных интересов России и ее граждан от внешних угроз.

Ключевые слова: Конституция, национальная безопасность, угрозы национальным интересам, конституционные поправки.

Когда в нашей стране говорят о национальной безопасности (эта тема все последние годы в науке считается весьма актуальной), имеют в виду в первую очередь некие внешние угрозы государству и обществу, исходящие из-за границ Российской Федерации. Этих внешних угроз, а также факторов, порождающих их, довольно много. В настоящее время это коровинарус, чуть ранее – обвал цен на нефть, постоянно – военный блок НАТО в течение последних двадцати лет, расширяющий свои границы на восток, в сторону России. И, главное, что немало преуспевший в этом.

У России много врагов, друзей у нее, к сожалению, значительно меньше, главные из которых – ее армия и флот. Эти слова стали довольно известной сентенцией, а в некоторой степени и аксиомой, опровергнуть которую никак не получается. А в последние годы – и не хочется. «Абсолютное большинство наших граждан, - замечают в этой связи А. Ю. Касюк и И. К. Харичкин, - считают, что основные угрозы для России исходят от внешних источников. Изменения в отношениях России с развитыми западными странами сопровождаются изменениями в восприятии обществом основных угроз безопасности страны и их проявлений» [Касюк, Харичкин, 2015: 27]. Соответствующие изменения в общественном восприятии начались в 2014 г., после известных событий, связанных с возвращением Крыма домой. В литературе отмечается, что в тот год 77 % россиян полагало, что основные угрозы исходят из-за рубежа и только 23 % считали, что опасности таятся внутри страны. В то время как в 2011 г. все было наоборот: 63 % опрошенных уверяли, что главными являются собственно российские угрозы и только 37 % списывали проблемы на внешний фактор [Горшков, Петухов, 2015: 17]. Понятно, что внешние

угрозы могут быть реальными или мнимыми, постоянными или меняющимися по воле обстоятельств, угрожающими или стабилизирующими (благоприятными) по оценкам разных слоев общества [Степашин, Шульц 1994: 18-19].

Точно такие же характеристики можно спроецировать и на внутренние факторы, угрожающие национальной безопасности, существование которых признают и «низы», и «верхи» российского общества. В определенные периоды времени их негативное значение дает о себе знать сильнее прежнего. При этом внешние угрозы никуда не исчезли, они даже не минимизированы, но продолжают множиться и внутренние проблемы российского общества. Уже упоминавшиеся здесь А. Ю. Касюк и И. К. Харичкин, называют в числе внутренних угроз России разрыв между богатыми и бедными, размывание духовных, интеллектуальных и культурных ценностей, отсутствие четко сформулированных и объединяющих граждан общественно значимых целей развития страны. В этом перечне также отсутствие полноценных условий для достойной жизни значительной части граждан, отсутствие единых правовых условий для развития субъектов РФ, межэтническая и межконфессиональная напряженность [Касюк, Харичкин, 2015: 26].

Полагаем, что основные угрозы внутреннего порядка эти авторы все же назвали, хотя, возможно, о них можно было сказать иными словами и короче. Но очевидно, что некоторые положения все же упущены. К примеру, явной угрозой российской государственности в целом является неизжитая высокая криминализация общества. Конечно же, коррупция. Можно сказать, об угрозах сохранения народонаселения России в связи с неприглядным состоянием отечественной медицины [В первичном звене провал URL]. В. Н. Фадеев в числе внутренних угроз называет «падение общественной морали», «попытки государства регулировать все и вся», «разочарование существующими формами организации и управления» и. т. п. [Фадеев 2016: 33-34].

Словом, факторов, грозящих внутренней национальной безопасности России, довольно много. Их классифицируют, например, на экономическую [Ускова 2019], социальную [Никулина, Колодиев 2017], военную [Мизер 2013] и прочие аспекты национальной безопасности страны, часть из которых получили прямое закрепление в Конституции РФ. К примеру, в ст. 71 говорится об обороне и безопасности (в ее военном контексте) применительно к вопросам, находящимся в исключительном ведении федеральной власти. В совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находятся «защита общественной безопасности» и «обеспечение экологической безопасности» (п. «б» и «д» ч. 1 ст. 72). В самом широком смысле безопасность страны связывается с обеспечением целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации (ч. 3 ст. 5). Российское государство может участвовать и передавать межгосударственным объединениям часть своих полномочий, но при условии, если это не противоречит основам конституционного строя России и не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина (ст. 79 Конституции РФ).

На вопросы национальной безопасности Российского государства и общества любопытно взглянуть сквозь призму конституционных поправок, облеченных в форму Закона о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Некоторые из данных поправок презентовались общественности как направленные на обеспечение национальных интересов Российской Федерации. Речь, к примеру, идет о дополнениях, внесенных в ст. 67 Конституции: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия, направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются» (ч. 2.1).

Изменилась ст. 79 Конституции в связи с выявившимися новыми аспектами взаимоотношений России с межгосударственными судебными и политическими институтами. Теперь решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации. В общем, появление данной конституционной нормы

де-юре признает законодательную и правоприменительную практику, получившую признание еще летом 2015 г., когда Конституционный Суд РФ принял постановление о «неисполнении отдельных решений ЕСПЧ».

Конституция России дополнена новой статьей 79.1 следующего содержания: «Российская Федерация принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства». Совершенно очевидно, что данная конституционная норма направлена на защиту национальной безопасности страны от угроз внешнего порядка.

В контексте защиты национальных интересов государства трактовались конституционные поправки, касающиеся запретов граждан России замещать государственные и муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы в связи наличием гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание россиянина на территории иностранного государства. Это ст. 71, 77, 78, 81, 95, 97, 103, 119, 129 Конституции РФ. Такое количество норм-запретов объясняется тем, что люди, замещающие государственные и муниципальные должности, должности государственной и муниципальной службы нередко допущены к государственным секретам, являются носителями служебной тайны.

Совершенно новое наполнение получила норма, устанавливающая статус Совета Безопасности РФ, который создается в целях содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, а также поддержания гражданского мира и согласия в стране, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, предотвращения внутренних и внешних угроз (п. «ж» ст. 83).

Таким образом, можно констатировать, что с принятием поправок Конституция РФ получила целый пакет норм, направленных на обеспечение защиты национальных интересов Российской Федерации, ее граждан от внешних угроз. Что касается внутренних рисков, то задача их предотвращения, нейтрализации составляет компетенцию органов государственной власти и местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

Степашин С.В., Шульц В. Л. Вопросы безопасности в системе государственного и муниципального управления в Российской Федерации: учебник в 2 ч. Ч. 1. СПб. 1994. 408 с.

В первичном звене провал. Путин назвал главные проблемы российской медицины и рассказал, как их исправить // URL: lenta.ru. 2019. 20 августа.

Горшков М. К., Петухов В. В. Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе // Полис: Политические исследования. 2015. № 2. С. 10-34.

Касюк А. Ю., Харичкин И. К. Внешние угрозы национальной безопасности Российской Федерации и перспективы их нейтрализации // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 1. С. 25-34.

Мизер А. А. Военные угрозы России // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2013. № 3. С. 113-115.

Никулина М. А., Колодиев М. Ю. Социальная безопасность в Российской Федерации: критерии, угрозы, направления обеспечения // Манускрипт. 2017. С. 153-157.

Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пп. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации...”» // Рос. газ. 2015. 27 июля.

Ускова Т.В. Ключевые угрозы экономической безопасности России // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 7-16.

Фадеев В. Н. Внутренние и внешние угрозы национальной безопасности России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4 (43). С. 33-38.

Гаврилов Сергей Владимирович

Уральский филиал

Российского государственного университета правосудия

**ДОМАШНИЙ АРЕСТ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы развития института домашнего ареста в рамках современной тенденции гуманизации процесса уголовного судопроизводства. Отмечается, что не существует четко обозначенных оснований и условий назначения домашнего ареста в качестве меры пресечения. Исследователь обращает внимание на то, что не определен круг лиц, на которых должна быть обращена данная мера процессуального пресечения. Особенностью домашнего ареста как меры пресечения на настоящее время зачастую является ее «элитарный» характер. Автор считает, что расширение применения домашнего ареста как меры процессуального принуждения должно способствовать обеспечению процессуальных гарантий подозреваемых и обвиняемых как на стадии предварительного расследования, так и судебного разбирательства.*

***Ключевые слова:** процессуальные меры, гуманизация, функция надзора, измененные меры пресечения, подозреваемый, обвиняемый.*

В настоящее время в условиях общего тренда на гуманизацию уголовного права целесообразно уменьшение объема применения в отношении подозреваемых и обвиняемых меры пресечения в виде заключения под стражу посредством использования других форм пресечения.

Уголовное законодательство РФ должно быть в разумных пределах жестким, но в то же время не должно способствовать рекрутированию кадров преступного мира. В этом отношении следует признать позитивной инновацией отечественного уголовно-правового закона установление предельного срока содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей и под домашним арестом. При этом суммарный срок содержания лица под домашним арестом и под стражей не должен превышать предельного срока, обозначенного статьей 109 УПК РФ.

Суть понятия «домашний арест» состоит в лимитировании свободы передвижения, которое означает, что лицо не имеет права покинуть дом. Домашний арест как мера социальной изоляции позволяет содержать подозреваемого или обвиняемого в более «мягких» условиях, а это дает возможность более полно реализовать свои права определенным категориям лиц в процессе уголовного судопроизводства. В отличие от заключения под стражу подозреваемый при домашнем аресте не помещается в специальное отведенное для этого закрытое помещение с определенной охраной и установленным режимом содержания. Он продолжает проживать в привычной для него среде, в качестве которой выступает его жилище (квартира или дом) с фиксированным в судебном решении ограничением степени личной свободы.

Регламентирующим актом при этом может являться Постановление Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». В Постановлении обращается внимание на то, что в случае применения меры пресечения в виде домашнего ареста необходимыми условиями следует признать наличие конкретного жилого помещения, в котором подозреваемый или обвиняемый должен находиться. При избрании меры пресечения в виде домашнего ареста должна быть кон-

кретизирована номенклатура тех ограничений или запретов, которые налагаются на обвиняемого или подозреваемого.

Если в процессе предварительного следствия была пущена в ход мера пресечения в виде домашнего ареста, то и наказание в виде ограничения свободы будет содержать в себе близкий перечень мер. А это в перспективе дает возможность более широко применять данную меру пресечения по определенной категории уголовных дел.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2018 году срок наказания в виде лишения свободы получили менее 39 % осужденных, или 197303 человека. На территории Российской Федерации в первом полугодии 2018 года домашний арест использовался судами в отношении 6329 человек, что почти на 34 % превышает показатели 2015 года – 4740 человек [официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: www.cdep.ru]. В 2018 году на территории Челябинской области домашний арест применялся в отношении 73 лиц, тогда как в 2015 году таких лиц было всего 9 [Официальный сайт «Управление Судебного департамента в Челябинской области». URL: usd.chel.sudrf.ru]. Анализируя динамику применения домашнего ареста как на общефедеральном, так и региональном уровне, можно согласиться с точкой зрения В. Е. Суденко и Е. С. Линевой о том, что с принятием «Федерального закона № 420-ФЗ в декабре 2011 г., кардинально расширившего содержание ст. 107 УПК, регулирующей данную меру пресечения, она стала применяться более широко» [Суденко 2018: 205].

Домашний арест в формате меры пресечения может применяться на любом этапе производства по уголовному делу, как по инициативе суда, так и по ходатайству участников судопроизводства.

При этом в настоящее время в УПК нет достаточно полно сформулированного понятия домашнего ареста. Не существует четко определенных оснований и условий назначения домашнего ареста в качестве меры пресечения. Это затрудняет практику применения судами такой меры пресечения в отношении обвиняемых и подозреваемых в системе уголовного судопроизводства.

Процедура ведения контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста регламентируется нормативными правовыми актами, утвержденными федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим полномочия в сфере выработки и реализации политики по исполнению уголовных наказаний совместно с СК РФ. В обозначенном ключе поднимается вопрос об использовании системы электронного мониторинга подконтрольных лиц, которая с января 2015 года апробирована применительно почти к 75 % лиц, в отношении которых применена такая мера пресечения, как домашний арест, о чем убедительно свидетельствуют в своем исследовании А. Ш. Габарев и А. В. Новиков [Габарев, Новиков 2015]. Данной точке зрения созвучна позиция С. В. Гаврилова, полагающего, что «электронные методы слежения могут шире использоваться в российской правоприменительной практике, поскольку домашний арест как мера пресечения заключается в ограничении беспрепятственного перемещения подозреваемого (обвиняемого), что не исключает его передвижения вне места прикрепления под домашний арест» [Гаврилов 2017: 212].

В настоящее время отдельным ведомствам еще предстоит выработать весь комплекс нормативной базы, в которой будет четко продемонстрировано, как должна исполняться данная мера пресечения, и каким образом исключить коммуникативную деятельность подозреваемого или обвиняемого с определенными лицами. Обратим также внимание на то, что применение домашнего ареста в качестве меры пресечения в процессе уголовного судопроизводства в настоящее время представляется довольно затруднительным.

В связи с этим ряд современных ученых-юристов предлагает отказаться от использования домашнего ареста как меры пресечения до выработки нормативно-правовой базы в отношении данного института в рамках уголовного процесса [Сбоев 2004: 113—114]. Данная позиция,

в частности, может быть истолкована тем, что мера пресечения в виде домашнего ареста использовалась по делам, имеющим большой общественный резонанс [Колесников 2015: 243]. Можно в известной степени согласиться с мнением В. В. Олейника о том, что «в этом случае в какой-то степени формируется представление об исключительности, своеобразной ”элитности” тех, кто подвергается домашнему аресту, в связи с достоверными публикациями на различных интернет-сайтах регионов Российской Федерации о резонансных случаях применения рассматриваемой меры пресечения» [Олейник 2018: 157]. Обвиняемые по данным делам в массовом сознании воспринимались в некоем привилегированном качестве.

Другие исследователи выступают за введение института надзора полиции вместо домашнего ареста [Буланова 2005: 21].

Среди процессуалистов не существует и общепринятой позиции в отношении контроля за реализацией исполнения домашнего ареста как меры пресечения. Так, например, Л. К. Трунова вносит предложение возложить ответственность за исполнение домашнего ареста на институт служебных приставов [Трунова 2002: 36—37]. Среди юристов есть и сторонники закрепления функции надзора за исполнением домашнего ареста на органы внутренних дел [Быков, Лисков 2004: 13].

Вопрос о том, каким образом должен быть определен круг лиц, на которых будет распространяться данная мера пресечения, то есть домашний арест, также порождает многочисленные дискуссии. В новейшей юридической литературе озвучены мнения, связанные с отнесением к нему несовершеннолетних [Баженов 2019: 289—290], инвалидов, беременных и женщин, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей [Щенина 2011: 10]. При всей видимой гуманности данного подхода нельзя не обратить внимание на то, что расширение круга лиц в рамках указанного выше списка автоматически отсекает другие категории подозреваемых и обвиняемых.

На взгляд автора, круг лиц, на которых должна быть распространена мера пресечения в виде домашнего ареста, должен определяться комплексно. При этом необходимо исходить из критерия категории преступления. Возможно также, что при определении меры пресечения нужно брать во внимание, нанесло ли преступление исключительно материальный ущерб. Кроме этого, важно учитывать, является ли данное преступление первым, или речь идет о рецидиве.

При всем многообразии и сложности проблем, которые привносит с собой применение в качестве меры пресечения домашнего ареста, необходимо акцентировать и позитивные аспекты использования данной меры пресечения. К их числу, безусловно, нужно отнести общую либерализацию всех стадий уголовного производства. Расширение применения института домашнего ареста на этапе предварительного расследования и в процессе судебного разбирательства будет способствовать обеспечению процессуальных гарантий обвиняемых и подозреваемых в уголовном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

Баженов О. Н. Вопросы законодательного закрепления и применения уголовно-процессуальных норм, регулирующих домашний арест в отношении несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2019. № 1 (128). С. 289–290.

Буланова Н. В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений: [монография] / Под ред. М. Е. Токаревой. М.: Юрлитинформ, 2005.

Быков В. М., Лисков Д. А. Домашний арест как новая мера пресечения по УПК РФ // Российский следователь. 2004. № 4. С. 12–14.

Габараев А. Ш., Новиков А. В. Особенности применения электронных средств контроля и надзора при исполнении наказаний альтернативных лишению свободы [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=23352> (дата обращения: 14.03.2020).

Гаврилов С. В. Процессуальные гарантии обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность при применении домашнего ареста // *Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства: Материалы междунар. науч.-практич. конф. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. С. 210–213.*

Колесников М. В. Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста // *Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 240–247.*

Олейник В. В. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе на современном этапе // *Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 153–160.*

Сбоев А. С. Механизм судебного контроля в досудебном уголовном судопроизводстве России: дис....канд. юрид. наук. Оренбург, 2004.

Суденко В. Е., Линева Е. С. Проблемы реализации домашнего ареста как уголовно-процессуальной меры принуждения // *Военное право. 2018. № 3(49). С. 204–207.*

Трунова Л. К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе: автореф. дис....д-ра. юрид. наук. М., 2002.

Щенина Т. Е. Производство предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, совершенных женщинами: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2011.

Говорухина Елена Юрьевна

Новикова Анна Сергеевна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ГАРАНТИИ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

***Аннотация.** Статья посвящена гарантиям государства в области занятости населения. Ее целью является исследование понятия государственных гарантий в области занятости населения, выявление их видов, анализ свободы выбора деятельности, профессии (специальности), вида и характера труда и защиты от безработицы, изучение вопросов бесплатного содействия в подборе подходящей работы и трудоустройстве при посредничестве органов служб занятости.*

***Ключевые слова:** гарантии, труд, безработица, занятость, безработный, работодатель, трудоустройство.*

Закон РФ от 19.04.1991 N 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» использует понятие «государственная гарантия». Этот термин широко применяется в различных отраслях российского права: будь то конституционное, административное, гражданское право и другие. В данной работе выбрана отрасль трудового права и освещена проблема гарантий государства в области занятости населения. Указанный термин можно сформулировать, как обязательство государства (именно обязательство, а не право, и дальше в работе объясняется почему) перед гражданами, ищущими работу, или гражданами, зарегистрированными службой занятости в качестве безработных, предоставить определенную законодательством организационную и (или) материальную поддержку.

Ст. 37 Конституции РФ гласит, что каждый человек имеет право на труд. Положения вышеупомянутой статьи являются исходными началами правового регулирования трудовых отношений. Часть 1 указанной статьи провозглашает свободу труда. Данный принцип закреплен в ст. 23 Всеобщей Декларации прав человека, которая и послужила прототипом. Человек может сам выбирать сферу своей деятельности или не работать вообще, ни один закон Российской Федерации не содержит наказания за то, что гражданин является безработным. В 2 части

указано на запрет принудительного труда. Данный пункт является ясным и понятным, и означает, что ни один человек не должен быть обречен на принудительный или обязательный труд, под которым понимается любая работа или служба, требуемая от какого-либо лица под угрозой наказания, и для которого это лицо не предложило добровольно своих услуг. В части 3 основополагающим правом выступает право на справедливые благоприятные условия труда. Они включают: условия работы, отвечающие требованиям безопасности и гигиены; вознаграждение, обеспечивающее, как минимум, всем трудящимся справедливую зарплату и равное вознаграждение за труд равной ценности без какого бы то ни было различия и удовлетворительное существование для них самих и их семей; отдых, досуг и разумное ограничение рабочего времени, и оплачиваемый периодический отпуск, равно как и вознаграждение за праздничные дни. В качестве одного из важнейших конституционных прав ч. 3 ст. 37 Конституции называется право каждого на защиту от безработицы. Безработица лишает человека возможности реализовать свое право труд и обеспечить тем самым себе и своей семье достойное существование. По этой причине каждое государство должно стремиться к обеспечению наиболее полной и продуктивной занятости населения. В соответствии с данной политикой государство гарантирует каждому гражданину РФ защиту от безработицы посредством оказания различных мер социальной поддержки, к числу которых относятся: выплата пособия по безработице, в том числе в период временной нетрудоспособности безработного; выплата стипендии в период профессиональной подготовки, повышения квалификации, переподготовки по направлению органов службы занятости, в том числе в период временной нетрудоспособности; возможность участия в оплачиваемых общественных работах [Сидоров 2017: 457].

Как упоминалось выше, государственная гарантия – это обязательство государства по предоставлению гражданину, ищущему работу, или гражданину, зарегистрированному службой в качестве безработного, определенную поддержку. Так почему же это обязанность государства, а не право?

Государственное регулирование должно обеспечивать достижение системы целей, отчасти конфликтующих между собой [Николаева 2017: 249]. Необходимо найти компромиссное решение, удовлетворяющие интересам населения страны, а также самому государству. Естественно, что такую функцию может осилить только политическая форма организации общества на определенной территории.

Ст. 7 Конституции РФ закрепляет, что Российская Федерация – социальное государство. Данное понятие означает, что политика страны направлена на создание таких условий, при которых свободное развитие человека и достойная жизнь каждого были бы обеспечены. Поэтому государство является ответственным за то, какие возможности предоставлены гражданам страны для их самореализации.

Согласно ст. 8 Налогового кодекса РФ организации и физические лица обязаны осуществлять индивидуально безвозмездный платеж – налог. Отдавая часть своих денег в виде налогов, граждане, по сути, выступают соучастниками создания благоприятных условий для жизни, оптимального функционирования таких важных сфер как: здравоохранение, образование, культурная сфера, ну и, конечно же, социальная. Хоть налоги и являются безвозмездными, однако правильно распределять такие поступления – это обязанность государства.

Такое объяснение можно применить для ответа на вопрос: почему же государственные гарантии – это обязанность.

В Законе РФ от 19 апреля 1991 года №1031 «О занятости населения в Российской Федерации» целая глава 3 посвящена государственным гарантиям в области занятости населения. Согласно статье 12 предоставляются гарантии в сфере реализации права на труд и гарантируются: свобода выбора рода деятельности, профессии (специальности), вид и характер труда; защита от безработицы; бесплатное содействие в подборе подходящей работы и трудоустройстве при посредничестве органов службы занятости; информирование о положении на рынке

труда. Информирование о положении на рынке труда отнесено к обязанностям уполномоченного Правительством Российской Федерации федерального органа исполнительной власти, т. е. Минтруда России, а в субъектах – к органам государственной власти субъектов РФ в области содействия занятости населения.

Также другие нормативные акты содержат в себе положения по данной теме. Так, например, Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 22 февраля 2013 г. №74н утвержден Административный регламент предоставления Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации государственной услуги по информированию граждан и работодателей о положении на рынке труда в Российской Федерации, правах и гарантиях в области занятости населения и защиты от безработицы, а Приказом от 29 января 2013 г. №34н – федеральный государственный стандарт государственной услуги по информированию о положении на рынке труда в субъекте РФ.

В целях осуществления приведенных выше гарантий Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 13 ноября 2012 года №524н был утвержден федеральный государственный стандарт государственной услуги содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателем в подборе необходимых работников. Стандарт устанавливает требования к порядку предоставления государственной услуги, к составу, последовательности и срокам выполнения административных процедур при предоставлении государственной услуги, в том числе к особенностям выполнения административных процедур в электронной форме, и критериям принятия решения, также к требованиям к порядку и формам контроля за предоставлением государственной услуги.

Более того государство предоставляет дополнительные гарантии для отдельных категорий населения. В соответствии со ст. 13 Закона РФ от 19 апреля 1991 года №1031 «О занятости населения в Российской Федерации» обеспечиваются дополнительные гарантии гражданам, испытывающим трудности в поиске работы, путём разработки и реализации программ содействия занятости, создания дополнительных рабочих мест и специализированных организаций, а также путём организации обучения по специальным программам и другим мерам.

Обратимся к статистике. В настоящее время ситуацию на рынке труда в России нельзя назвать простой.

Численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в январе 2019 г. составила 74,9 млн. человек, из них 71,2 млн. человек классифицировались как занятые экономической деятельностью и 3,7 млн. человек – как безработные с применением критериев МОТ (т.е. не имели работы или доходного занятия, искали работу и были готовы приступить к ней в обследуемую неделю).

Уровень безработицы (отношение численности безработных к численности рабочей силы) в январе 2019 г. составил 4,9 % (без исключения сезонного фактора).

Уровень занятости населения (отношение численности занятого населения к общей численности населения в возрасте 15 лет и старше) в январе 2019 г. составил 58,8 %, в возрасте 15-72 лет – 64,3 % [Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ].

Эти данные показывают, что ситуация на 2020 г. в стране не критичная, однако сейчас россияне остро ощущают на себе последствия изменений в пенсионном законодательстве, которые проведены в соответствии с Федеральным законом от 03.10.2018 N 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». Повышение пенсионного возраста непосредственно связано с проблемой безработицы. Трудности с поиском работы возникают как у молодежи, так и лиц предпенсионного возраста. В этом вопросе вызывает интерес опыт зарубежных стран. Например, в Швейцарии, пенсионный возраст составляет 65 лет для мужчин и женщин. Однако есть возможность поэтапного выхода на пенсию в возрасте 60-64 лет путем перехода на работу с неполным рабочим днем. Компенсацию снижения заработной платы в этом случае обеспечивает институт

частичной пенсии, обеспечивающий возмещение 55 % утраченного дохода. Кроме того, начиная с 60 лет, работник имеет право на назначение досрочной пенсии. При этом ее общий размер снижается на 0,5 % за каждый месяц, недостающий до 65 лет [Борисенко 2017]. Многие положения этой швейцарской реформы были заложены в основу Программы пенсионной реформы в РФ, одобренной Правительством Российской Федерации 17.04.2001 г., но вышеизложенное в данной программе не отразилось.

К уязвимым категориям граждан, сталкивающимся с трудностями в поисках работы, относятся и инвалиды. По состоянию на 1 октября 2019 года, стабильную работу имели 28,8 % инвалидов трудоспособного возраста. По данным мониторинга, численность инвалидов, трудоустроенных при посредничестве органов службы занятости, за январь – сентябрь 2019 года составила 66,8 тыс. человек, что на 4,1 тыс. человек больше, чем за соответствующий период 2018 года [Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ].

В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. N 476-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» введена государственная услуга – сопровождение при содействии занятости инвалидов, а также определен механизм ее реализации. При этом предусмотрено функциональное взаимодействие органов занятости, учреждений медико-социальной экспертизы, социально ориентированных некоммерческих организаций, добровольческих (волонтерских) организаций, работодателей.

В настоящее время Минтруд России разрабатывает законопроекты, направленные на совершенствование механизма квотирования рабочих мест для инвалидов, в рамках которых в ряде регионов будет проведен эксперимент по введению специального механизма установления и исполнения квоты для приема на работу инвалидов. В качестве «пилотных» регионов выбраны Республика Саха (Якутия), Алтайский край, Воронежская, Нижегородская, Орловская, Свердловская и Тверская области. Этот эксперимент может показать отличные результаты, поэтому многие ученые возлагают на него большие надежды [Болор 2017].

Конституцию РФ, Трудовой кодекс РФ и Закон «О занятости населения в РФ» относят к числу основных нормативно-правовых актов в сфере социальной защиты граждан от безработицы. Согласно статье 37 Конституции РФ каждому гражданину гарантируется право на защиту от безработицы, которое осуществляется через обеспечение занятости и трудоустройства. В Трудовом кодексе РФ содержатся нормы, предусматривающие защиту работника от необоснованных увольнений, переводов и отказов в приеме на работу.

В соответствии с абзацем четвертого пункта 1 статьи 12 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» гражданам Российской Федерации, в том числе гарантируется бесплатное содействие в подборе подходящей работы и трудоустройстве при посредничестве органов службы занятости. В целях реализации данной гарантии органами службы занятости оказывается государственная услуга по содействию гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям — в подборе необходимых работников. Названная государственная услуга оказывается органами службы занятости в соответствии с Административным регламентом Федеральной службы по труду и занятости по предоставлению государственной услуги содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников, утвержденным приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 3 июля 2006 г. № 513.

Безработным гражданам предоставлено право на бесплатное получение услуг по профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации по направлению органов службы занятости, осуществление которого гарантировано государством.

В статье 13 Закона о занятости в числе дополнительных гарантий, предоставляемых гражданам, испытывающим трудности в поиске работы, предусмотрены организация обучения по специальным программам и другие меры. Таким образом, гражданам, признанным в установленном законом порядке безработными, гарантировано бесплатное получение услуг по профес-

сиональному обучению, осуществляемому посредством реализации программ профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации.

Профессиональное обучение безработных граждан по смыслу Закона о занятости должно осуществляться, как правило, по профессиям, пользующимся повышенным спросом на рынке труда. Тем не менее и после окончания профессионального обучения безработным гражданам не всегда удается найти подходящую работу. В случае, когда безработному гражданину по окончании профессионального обучения не удастся найти подходящую работу, окончательная цель такого обучения, т. е. последующее трудоустройство, не достигается. При этом никто не несет ответственности ни за ошибочный выбор рекомендованного безработному места учебы, ни за дальнейшее его трудоустройство по окончании обучения [Борисов 2005: 3]. Очевидно, что такая схема отнюдь не содействует обеспечению трудовой занятости. Тот факт, что служба занятости не берет на себя обязательства довести до логического конца получение профессиональной подготовки, т. е. подыскать подходящее место работы, в механизме правового регулирования воспринимается как незавершенность процесса работы службы занятости.

В Российской Федерации необходимость профессионального обучения в течение всей жизни диктуется новейшими тенденциями функционирования рынка труда: повышение неуверенности в сохранении своего рабочего места и возможностью увольнения; ростом риска отторжения от занятости для тех, кто не имеет подходящих навыков; непрерывной модернизацией и диверсификацией производственных процессов [Шайхатдинов 2014]. Все это делает необходимым охват как можно большего числа граждан программами по профессиональному обучению профессиям, востребованным на рынке труда. Однако часть функций по повышению квалификации и переквалификации работников разумно было бы переложить на частные компании и общественные организации, которые бы получали государственные субсидии на обучение работников. При этом для себя выгоду они получают только после того, как прошедший курсы с их помощью трудоустроился и проработал определенное время у работодателя. Такая схема позволила стимулировать организацию к осуществлению качественного и нужного обучения, а также помогла бы избежать работнику проблему отсутствия последующего трудоустройства.

ЛИТЕРАТУРА

- Болор Б.Б. Проблема занятости и безработицы / Б.Б. Болор // Научный журнал. 2017. № 7*
Борисенко Н. Ю. Зарубежный опыт // Пенсионная реформа в Швеции. 2017. С.17-23;
Борисов Е. Ф. Экономическая теория: учеб. 2-е изд. М.: ТК Велби. Изд-во Проспект, 2005. 544 с.
Николаева, Е. Ю. Право социального обеспечения / Е.Ю. Николаева. - М.: РИОР, Инфра-М, 2017.
Право социального обеспечения: учебник для академического бакалавриата / под ред. В. Ш. Шайхатдинова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2014. 717 с. Серия : Бакалавр. Академический курс.
Сидоров В. А. Общая экономическая теория: учебник для студентов высших учебных заведений / В. А. Сидоров, Е. Л. Кузнецова, А. В. Болик Майкон: ООО «ЭЛИТ», 2017.

Гришин Денис Александрович
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

**ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ
ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕТАБЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ**

***Аннотация.** Анализируется одна из важных проблем современного уголовного права, связанная с обеспечением метабезопасности личности, общества и государства. Принцип справедливости, являясь основой всей уголовно-правовой механики ответственности лица совершившего преступления противопоставляется реализации института освобождения от уголовной ответственности, в виде поощрительных норм, закрепленных в примечаниях к конкретным статьям уголовного закона. Проводится сравнительный анализ данных элементов уголовной политики в современной действительности. Высказывается и раскрывается авторская позиция, связанная с главенствующей ролью института освобождения от уголовной ответственности для обеспечения безопасности и недопущения серьезных последствий для личности, общества и государства.*

***Ключевые слова:** терроризм, безопасность, права и свободы личности, общества и государства, обеспечения безопасности, принцип справедливости, освобождение от уголовной ответственности.*

Терроризм – это явление, поэтому если говорить юридическим языком и нормами уголовного закона – это преступления террористической направленности, которые провоцируют страх, общественное беспокойство, хаос и человеческие жертвы. Давая такую характеристику, осознаем, что для современного общества это не просто проблема, которую можно решить путем принятия очередного закона или введением дополнительной нормы в национальный закон любой страны, а глобальная мировая дилемма.

Не будем рассматривать содержательную характеристику терроризма как явления в мире, ведь тогда это будет тогда касаться политической сферы общества.

Дуализм этого явления, касается каждого из нас и государство в общем, проявляясь в прямо противоположных обязательствах государства. Научное сообщество тоже не осталось в стороне и в дискуссионной форме высказалось об неоднозначности законодательного решения.

С одной стороны, возникает необходимость обеспечить безопасность жизни людей, и формирование чувства защищённости государством их прав и свобод. Однако сейчас недостаточно декларировать государством с помощью норм основных законов или Конституций, очень важно обеспечить реальную защиту прав и свобод человека и гражданина.

С другой стороны, уголовно-правовой механизм противодействия преступлениям террористической направленности, реализуемый в соответствии с нормами Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ) доказывает свою эффективность и обеспечивает функционирование базового принципа – восстановления социальной справедливости. В этом можно убедиться если посмотреть на данные официальной статистики за 2019 год, то да количество выявленных преступлений направленности продолжает расти +7,6% по отношению к 2018 году и составляет уже 1806 преступлений [Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/>]. Указанные цифры могли бы быть и больше, если бы не действия сотрудников ФСБ, которые по данным статистики за последние 5 лет предотвратили свыше 300 преступлений [Статистика ФСБ. URL].

Вдумайтесь только: за 2019 год в мире погибли или пострадали около 7 тыс. человек [С начала 2019 года в России предотвратили 39 терактов. URL: <https://tass.ru/politika/7006062>]. И это только данные официальной статистики. Возрастающая обеспокоенность толкает правоприменителей вводить новые нормы и усиливать уголовную ответственность. Так, действующий УК РФ был расширен нормой, предусматривающей ответственность за акт международного терроризма [ФЗ-375 от 06.07.2016].

Однако в данном исследовании хотелось обратить внимание не на вопросы, связанные с уголовно-правовым механизмом, вопросами квалификации или проблемами судебной практики в рамках преступлений террористической направленности, а возможности, целесообразности и действительной необходимости применения института освобождения от уголовной ответственности с его дуалистической характеристикой.

В целом применение этого быстро развивающегося института для российской правовой системы в условиях гуманизации, минимизации механизма репрессивного воздействия, индивидуального подхода к лицам, совершившим преступления, признаем целесообразным и необходимым [Сабанин 2015: 52-56].

Изучив примечания к статьям 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208 УК РФ можно сделать два вывода. Во-первых, при внесении изменений в сферу ответственности за преступления террористической направленности законодатель закрепил условия освобождения от уголовной ответственности. Во-вторых, это коснулось половины всех преступлений, относящихся к терроризму.

Не вдаваясь в изучение установленных конкретных условий освобождения от уголовной ответственности за какую-либо причастность к террористической деятельности, очень важно отметить, что государство стремится обеспечить безопасность жизни людей. Государство готово освободить от уголовной ответственности, если:

Субъект преступления добровольно откажется от совершения деятельности, связанной с терроризмом – в результате мы реализуем добровольный отказ от преступной деятельности;

Субъект оказывает содействие органам власти по раскрытию уже совершившихся преступлений – в результате мы реализуем специальную профилактику преступлений;

Субъект способствовал предотвращению новых преступлений – в результате мы реализуем общую профилактику преступлений.

Обозначив обе стороны одной медали, возникает вопрос, что важнее для метабезопасности государства – посадить преступника, который максимум через 25 лет выйдет на свободу, восстановив социальную справедливость. С другой стороны – гуманизм с его возможностью избежать наступления тяжких последствий. Совершенно очевидно, что государство сделало выбор в сторону обеспечения общественной безопасности путем освобождения от уголовной ответственности, пренебрегая неотвратимостью.

ЛИТЕРАТУРА

Сабанин С. Н., Гришин Д. А. Применение судом института деятельного раскаяния // Уголовное право. 2015. № 2. С. 52-56.

Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности" от 06.07.2016 N 375-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 июля 2016 г. N 28 ст. 4559

Громова Наталья Сергеевна

Уральский государственный экономический университет

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемные аспекты проведения лингвистических экспертиз, определяется принципиальная разница между научными исследовательскими задачами и процессуальными требованиями к работе эксперта. Особое внимание уделяется компетенциям, которыми должен обладать эксперт; задачам, которые он решает, и инструментам, которыми может располагать. Устанавливаются основные направления решения указанных проблем исходя из юрислингвистического характера задач, стоящих перед экспертом.*

***Ключевые слова:** экспертиза, лингвистическая экспертиза, юрислингвистика, поликомпетентность.*

Лингвистическая экспертиза является относительно молодым направлением экспертной деятельности. Исследование продуктов речевой деятельности, с одной стороны, обусловлено содержанием существующих лингвистических знаний и основанных на них методиках исследования лингвистических объектов, но, с другой стороны, определяется правовыми пределами вмешательства в пространство жизнедеятельности человека и юридическими границами допустимости осуществления тех или иных действий в рамках потребности государства по поддержанию режима законности и правопорядка. Таким образом, лингвистическая экспертиза является деятельностью лингвоправового характера и ее содержание определяется комплексными категориями юрислингвистического поля.

Важно понимать, в связи с этим принципиальную разницу между лингвистической экспертизой, направленной на получение объективных данных об особенностях продуктов речевой деятельности, и авторским научным исследованием. Лингвистическая экспертиза выступает основной процессуальной формой использования специальных лингвистических знаний, а ее ключевая задача состоит в предоставлении объективных данных об исследуемом объекте. Справедливым представляется утверждение Е. В. Лосинской о том, что «лингвистическая экспертиза соответствует потребностям юридической практики» [Лосинская 2017: 257]. Так, можем сказать, что лингвистические исследования решают в определенной мере правовые задачи.

Вполне понятно, что, по большей части, производством лингвистических экспертиз занимаются лингвисты-исследователи и это закономерно приводит к одной из основных проблем: нечеткое понимание задач, стоящих перед экспертом. К сожалению, многие исследователи злоупотребляют, например, специальной терминологией, которая является органичным элементом научного дискурса, но выступает серьезным препятствием в правоприменительной деятельности. Заключение, к которому приходит эксперт, не имеет предустановленной силы и должно быть оценено судом, следователем, органом дознания наряду с иными доказательствами по делу. Однако нужно помнить, что эти субъекты не обладают специальными знаниями, собственно поэтому и обращаются к специалистам, и они должны понимать смысл написанного, выводы эксперта должны быть для них прозрачны, подтверждать или опровергать их предшествующие версии, но не вводить в заблуждение или водить по кругу. К сожалению, даже в выводной части многие эксперты пытаются продемонстрировать собственную научную подкованность вместо реализации юридических задач.

Есть и другая сторона медали: субъекты, назначающие экспертизу, хотят от эксперта-лингвиста правовой квалификации деяний, что выходит за пределы его компетенции. Так, в

связи с появлением новых правовых актов перед правоохранительными органами встают новые вопросы, которые переадресовываются лингвистам. Например, часто происходит элементарное копирование части НПА и к лингвистам появляются такие вопросы; *«содержится ли в представленных материалах лингвистические признаки призыва к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации... к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов»* или *«содержится ли информация, которая выражает в неприличной форме, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации»*. Такая постановка вопроса предполагает, что эксперт не просто применит свои профессиональные умения и навыки, но и заодно квалифицирует деяния и вынесет приговор. От экспертов в этом случае требуется дача разъяснения о пределах своей компетенции: в задачи входит установление того, что сказано в тексте, какой компонент значения выражен и какими языковыми средствами. Решение вопросов за пределами компетенции говорит не о широком кругозоре эксперта, а об элементарной его некомпетентности.

Таким образом, проблемы в интерпретации задач эксперта-лингвиста наблюдаются с обеих сторон, поэтому стоит понимать, что для решения указанной проблемы требуется комплексный подход к пониманию предмета лингвистической экспертизы: «она иницируется и применяется в судебной сфере, в юридической логике, а выполняется по методикам лингвистической экспертологии, в которой существуют разные традиции и школы» [Кара-Мурза 2019: 113]. В рамках практической деятельности эксперт-лингвист должен стремиться к согласованию указанных элементов, понимая, что подмена одного из них или пренебрежение каким-либо, нарушат «юридическую логику» и сделают результаты бесполезными.

На данный момент большая часть экспертов-лингвистов по вполне понятным причинам имеет филологическое образование, которое выступает основанием для осуществления исследований в отношении лингвистических объектов. Но именно это и становится причиной некоторой неосведомленности в вопросах правовой стороны осуществляемых действий. Большая часть прекрасных современных экспертов-лингвистов путем собственного упорства в процессе практики шлифуют свою работу и осваивают правовые основы деятельности. Специальное юрислингвистическое образование могло бы значительно облегчить профессиональную работу эксперта. В этой сфере требуется полипрофильный подход при подготовке специалистов: конгломерат юридических и лингвистических знаний, не только обеспечивающих наличие самих знаний для квалифицированной деятельности, но и формирующих адекватное правовое понимание специфики этой деятельности. Важно, чтобы лицо, занимающееся экспертной деятельностью, осознавало смысл юридических положений, регламентирующих его деятельность, а не заучивало куски законов для ретрансляции. Так, понятие процессуального характера деятельности эксперта, как ни печально, многими понимается отнюдь не в правовом смысле.

Представляется, что с учетом существующих тенденций по организации специального профильного образования для практикующих экспертов и молодых специалистов данная проблема может быть решена. Важным аспектом решения проблемы выступает четкое понимание задач, стоящих перед различными группами экспертов, о чем пишет Е. И. Галяшина. Исследователь отмечает, что значимо разграничение деятельности различных специалистов: лингвиста, проводящего анализ текстовых объектов в различных научно-практических целях, и судебного эксперта, осуществляющего лингвистические исследования в судопроизводстве в целях установления фактов, имеющих значение доказательств. [Галяшина 2018: 27–32]. Так, правильным будет понимание полисистемности экспертной деятельности в различных направлениях: научно-практическая база создает теоретическую и эмпирическую основу для адекватного участия эксперта в процессуальных действиях. Научно-практическая деятельность очень значима, т. к. без

нее невозможно разработать методики, не будет сформирован понятийный аппарат, возникнут гносеологические проблемы и т. д. Однако научное знание в данном случае должно быть поставлено на службу правовым потребностям.

В случае формирования такого комплексного юрислингвистического понимания экспертной деятельности можно говорить о перспективном развитии направления лингвистических экспертных исследований, особенно с учетом расширения экспертного сообщества за счет объединения усилий лиц, занимающихся профессиональной деятельностью в различных пересекающихся сферах.

Существует и другая проблема. Нельзя не заметить, что в практике экспертной деятельности возникает большое количество дискуссионных вопросов, которые решаются, как правило, на страх и риск самого эксперта. По образному определению Е. В. Новожиловой, «юрислингвистика сегодня подобна игральному автомату: стороны судебного разбирательства могут вновь и вновь дергать его ручку, инициируя повторное исследование в надежде получить устраивающий их результат» [Новожилова 2019: 486]. И, к сожалению, это так. Вопрос о возможной неоднозначности результатов перманентно поднимается не только в средствах массовой информации, но и в рамках научных дискуссий. Так, проблему «разночтений» называют «центральной, одной из самых острых» [Ворошилова 2013: 212]. И это, конечно, проблема, которая формирует не только внутрисистемные разногласия, но и становится причиной общественного недовольства результатами деятельности экспертов-лингвистов. Есть безосновательные обвинения в некомпетентности, поскольку методики, которыми руководствуются ведомственные эксперты отсутствуют в широком доступе, но есть и вполне обоснованные претензии, которые ставят под сомнение качество исследований в принципе.

В частности, как справедливо замечают исследователи, «лингвистическое исследование одной и той же семантической единицы с использованием разной справочно-нормативной литературы приводит к абсолютно противоположным выводам» [Земскова 2013: 106]. Следовательно, «выбор того или иного словаря способен повлиять на результаты лингвистической экспертизы» [Кочергина 2019: 165]. Это достаточно серьезная проблема, которая делает результат исследования, с одной стороны, всегда обоснованным, с другой стороны – субъективным и имеющим казусный характер. А следовательно, результат такого исследования не вызывает общественного доверия, что на данный момент можно наблюдать, т. к. интерес к деятельности экспертов-лингвистов становится все более пристальным.

Данная проблема могла бы быть решена опять-таки путем юрислингвистического подхода: Н. Д. Голев совместно с коллегами не единожды поднимал вопрос о создании специального типа словаря – юрислингвистического – и ведет активную работу по реализации такого проекта [Голев 2003]. Этот путь представляется весьма перспективным, т. к. позволит сформировать источник, унифицированный, созданный для решения специальных экспертных задач.

При этом на данный момент многие вопросы остаются вне поля зрения экспертных методик, а профессиональное сообщество как таковое отсутствует, нет единого подхода в решении задач, стоящих перед экспертами. Причина такой разнонаправленности в основном кроется именно в том, что положено в основу лингвистической экспертизы – научные знания. Для науки вполне допустимы различные точки зрения и дискуссионность подходов, зачастую один термин имеет сотни, а порой и тысячи определений, каждое из которых имеет право на существование в рамках различных научных школ для решения конкретных когнитивных задач. Это неприемлемо для правовой сферы, где на кону часто стоит жизнь или конституционные свободы человека. В юридическом поле все должно быть однозначно, прозрачно и верифицируемо, чтобы сформировать доверие к системе в целом.

Таким образом, лингвистическая экспертиза на данный момент сталкивается с достаточно значимыми проблемами, которые могут быть решены в случае перевода деятельности экспертов в юрислингвистическое поле. Должны быть разработаны четкие методики, но главное –

созданы инструменты для их реализации. Так, выработка общих критериев к определению значения лексической единицы не будет результативной без создания релевантного лексикографического источника, который бы позволил сделать выводы верифицируемыми.

Лингвистическая экспертиза является, безусловно, перспективной сферой профессиональной деятельности поликомпетентных специалистов, которые будут обладать как лингвистическими, так и юридическими компетенциями для того, чтобы квалифицированно выполнять свои обязанности и формировать позитивный образ института экспертизы в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Ворошилова М. Б. Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика // *Политическая лингвистика*. 2013. № 1 (43). С. 211-212.

Галяшина Е. И. Квалификационные и профессиональные требования к эксперту по судебной лингвистической экспертизе: лингвист-эксперт или эксперт-лингвист? // *Язык. Право. Общество*. 2018. С. 27-32.

Голев Н. Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) // *Актуальные проблемы русистики*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 92–98.

Земскова С. И. Судебная экспертиза диффамационных материалов: монография / Под ред. проф. Е. И. Галяшиной. М.: Юрлитинформ, 2013.

Кара-Мурза Е. С. Этические проблемы науки и лингвистическая экспертиза // *Филология в XXI веке*. 2019. № 1. С. 112-116.

Кочергина К. С. Теория и практика применения словарей в качестве источников для лингвистической экспертизы // *Вопросы лексикографии*. 2019. № 15. С. 154-173.

Лосинская Е. В. Лингвистическая экспертиза текста как разновидность судебной экспертизы // *Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики*. В 4-х томах. 2017. С. 252-257.

Новожилова Е. В. К проблеме качества судебных лингвистических экспертиз // *Вопросы экспертной практики*. 2019. № 1. С. 485-488.

Ефременкова Дина Александровна

Зверева Анастасия Николаевна

Серкова Алена Алексеевна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АВИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОЗДУШНЫХ ПЕРЕВОЗКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с правовым регулированием обеспечения авиационной безопасности при международных воздушных перевозках, как на национальном уровне, так и на международном. Также проводится анализ проблем, возникающих при авиaperевозках пассажиров. Подчеркивается роль международных организаций в регулировании международных воздушных перевозок.

Ключевые слова: международная воздушная перевозка, международное воздушное право, воздушный транспорт, авиационная безопасность, международные организации.

Международная воздушная перевозка – воздушная перевозка, при которой пункт отправления и пункт назначения расположены на территории двух государств; на территории одного государства, если предусмотрен пункт (пункты) посадки или на территории другого государства [Международные воздушные перевозки 2013: 11].

Нормы международного воздушного права регулируют не только перевозку грузов, пассажиров, багажа, почты, но и всю организацию воздушного движения, правовое положение воздушного пространства и находящихся в нем летательных аппаратов, а также вопросы авиационной безопасности.

Каждое государство имеет суверенитет над своим воздушным пространством, самостоятельно устанавливает правовой режим использования национального воздушного пространства, а также устанавливает разрешительный порядок полета в своем воздушном пространстве. Запрещается произвольно закрывать суверенное воздушное пространство для международных полетов [Международное воздушное право 2006: 17]. Во время международных перевозок воздушные суда пересекают границы воздушного пространства других государств. В виду этого существует определенный порядок, при котором происходит осуществление воздушного сообщения между различными государствами, при этом все это регулируется многосторонними соглашениями. Для заключения таких многосторонних соглашений обычно ведутся предварительные переговоры, в которых принимают участие такие органы государственной власти, как МИД (министерство иностранных дел), министерство юстиции и транспорта данных государств. Однако все еще проблематичным остается вопрос правовой защищенности участников международной воздушной перевозки от незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации, ведь у каждого государства она разная. Любое государство обязано обеспечивать авиабезопасность, бесперебойную работу метеорологических, навигационных служб.

Государства обязаны обеспечивать борьбу с незаконными актами, угрожающими авиационной деятельности. Среди видов незаконного вмешательства в авиационную деятельность выделяются:

1. деятельность по захвату воздушных судов;
2. деятельность по разрушению эксплуатируемого воздушного судна;
3. деятельность по захвату заложников при нахождении на борту авиатранспорта или в аэропортах;
4. умышленное незаконное проникновение в авиатранспорт, аэропорты или в службы, вмешательство в навигационное оборудование воздушного судна;
5. хранение на территории воздушного судна, аэропорта запрещенного оружия, взрывчатых веществ или иных приспособлений для совершения преступлений;
6. применение эксплуатируемого авиатранспорта для причинения какого-либо ущерба здоровью и имуществу человека;
7. подача заведомо ложной информации направленная на то, чтобы поставить под угрозу безопасность пассажиров, экипажа и персонала воздушного судна во время полета и на земле, а также в аэропорту [Авиационная деятельность 2010: 12].

Международное сообщество, в свою очередь, уже на протяжении многих лет пытается разрешить данные проблемы в рамках международного сотрудничества государств. Незаконные акты на воздушном транспорте имеют свою историю, которая тесно связана с историей авионавигации. Но во время возникновения Чикагской конвенции 1944 г. история еще не рассматривала их как угрозу всему человечеству.

В 2000 году была создана Международная комиссия по вопросам вмешательства и суверенитета под эгидой ООН. В 2001 году она объявила, что именно суверенитет возлагает обязанность на государства обеспечивать безопасность своих граждан [Геворгян URL].

Говоря о правовом регулировании международных воздушных перевозок, необходимо отметить ссылку Конституции Российской Федерации на то, что международные договоры, прин-

ципы и нормы международного права находятся в приоритете по отношению к внутреннему законодательству Российской Федерации, а также являются составной частью российской правовой системы [ч. 4 ст. 15].

В числе источников правового регулирования международных воздушных перевозок можно назвать:

- Конвенция о Международной гражданской авиации 1944 г. (Чикагская конвенция).
- Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок 1929 г. (Варшавская конвенция)
- Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (от 28.05.1999 г.).
- Воздушный кодекс Российской Федерации.

Конвенция 1944 г. выделяет следующие виды воздушных сообщений: регулярные, нерегулярные, каботажные. Среди них регулярные международные авиасообщения особенно важны.

Регулярные международные авиасообщения представляют собой любое воздушное сообщение, которое является открытым для публичного использования и осуществляется на основании опубликованного расписания или имеет систематическую и регулярную частоту рейсов. А нерегулярные – это любое другое международное авиасообщение полностью противоположное регулярному, выполняются на основании разрешений на разовые полеты и подразделяются на дополнительные, специальные и чартерные. Что касается каботажных перевозок, то они осуществляются в пределах территории государства [ст. 5-7].

Конвенция 1929 г. (дополнена Гаагским протоколом 1955 г.) определяет правовые условия международных воздушных перевозок грузов и пассажиров. В ст. 1 Конвенции дается определение воздушных перевозок, которое мы уже упоминали в самом начале нашей статьи [ст. 1].

Варшавская Конвенция определяет ответственность перевозчика. Вина в данном случае наступает независимо от доказанности вины перевозчика. Перевозчик должен отвечать за вред, причиненный во время перевозки при повреждении, утрате, уничтожении багажа или товара, зарегистрированного в установленном для этого порядке, а также при просрочке в доставке (п. 1 и 2 ст. 18) [ст. 18]. Также данная Конвенция выделяет основание, при котором перевозчик освобождается от ответственности. Таким основанием является доказательство факта того, что перевозчиком и его агентами были приняты все необходимые меры для того, чтобы не допустить причинения вреда, а также, если для них было невозможно принять такие меры [ст. 20]. Только в таком случае он освобождается от ответственности. Помимо всего прочего в Конвенции 1929 г. закреплены требования к перевозочным документам, реквизитам, права грузоотправителя при перевозке, определен порядок выдачи груза в пункте назначения.

В Российской Федерации также ратифицирована Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (от 28.05.1999 г.). В ней аналогично дается понятие воздушных перевозок, права и обязанности сторон, ответственность перевозчика и компетентные органы (юрисдикция) по разрешению споров [ст. 1].

Во внутреннем российском законодательстве основным кодифицированным источником международного воздушного права является Воздушный кодекс Российской Федерации. Особенностью кодекса является то, что он согласуется с положениями, установленными в международных соглашениях России. Например, в статье 101 дается понятие международных перевозок, такое же понятие установлено Конвенцией для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок 1929 г. По кодексу перевозка грузов и пассажиров производится в порядке чартерных рейсов, в основе которых лежит аренда и договор фрахтования судна одной авиакомпания другим перевозчиком. Воздушный чартер есть вид арендного договора, однако у него имеются свои отличительные черты по сравнению с договором международной воздушной перевозки [ст. 101,104].

Деятельность международных воздушных перевозок регулируется так же в мировом воздушном пространстве, для этого существует несколько международных организаций, задачей которых является правовое регулирование, а также разработка различных направлений развития авиации.

Из списка наиболее известных организаций можно выделить:

1. Международную организацию гражданской авиации ИКАО;
2. Международную ассоциацию воздушного транспорта IATA.

Организация ИКАО была образована в 1944 г. в Чикаго как межправительственная организация, в данную организацию входят более ста участников стран мира.

Основными вопросами рассмотрения организации входят:

1. разработка унифицированных правил навигационных систем для самолетов;
2. координация деятельности летных служб, безопасность воздушного пространства, в том числе выдача лицензий на регулярные перевозки;
3. различная помощь странам-участникам и т. д. [ИКАО].

Международная ассоциация воздушного транспорта IATA основанная в 1945 г. в Гаване (Куба). Ассоциация перевозчиков, которая в настоящее время включает в себя более двухсот авиакомпаний из различных стран мира. IATA оказывает помощь авиакомпаниям, туристической индустрии и организациям-партнерам в повышении рентабельности их работы и улучшении качества обслуживания пассажирских и грузовых перевозок.

Целями данной организации являются:

1. Различное содействие безопасному, регулярному и экономичному воздушному транспорту;
2. Поощрение коммерческой деятельности на воздушном транспорте и исследование связанных с данным транспортом проблем;
3. Обеспечение средств, для сотрудничества среди предпринимателей в сфере воздушного транспорта, привлеченных в обслуживание международного воздушного транспорта;
4. Обеспечение безопасности полетов и авиационной безопасности.

Для обеспечения безопасности полетов организация разрабатывает новые усовершенствованные требования к эксплуатации авиатранспорта, различному авиационному оборудованию которые направлены на повышение безопасности воздушных перевозок, так же разрабатываются специальные меры для контроля за составными частями воздушного транспорта, а так же проведение разнообразных лекций и семинаров, направленных на безопасность вследствие ошибок человеческого фактора [IATA].

Кроме международных структур, регулирующих деятельность воздушного транспорта, существует ряд региональных межправительственных организаций, занимающихся вопросами развития гражданской авиации: Европейская конференция гражданской авиации и Европейская организация по безопасности аэронавигации — Евроконтроль.

Целью межправительственной организации является разрешение различных задач, связанных с повышением безопасности полетов в определенном регионе.

Динамика развития воздушной авиации и популярность международных перевозок в Российской Федерации говорит об особой значимости такого вида транспорта для грузопотока и пассажиропотока, что в свою очередь эффективно сказывается на различных отраслях экономики. Среди всех видов транспорта воздушный транспорт наиболее востребован. Международные авиaperезовки обладают такими качествами, которые повышают их востребованность, например, при перевозке грузов важно, чтобы все было доставлено в максимально короткие сроки, быстро и качественно. Приспособляемость такого вида транспорта к различным объектам перевозок и их сезонным колебаниям, а также высокая маневренность имеют определенный приоритет при выборе способа доставки груза.

В сложившейся на сегодняшний день ситуации серьезной проблемой является то, что не все государства присоединились к уже имеющимся международным соглашениям в этой сфере. Кроме того, сами нормы международных соглашений не всегда «успевают» за меняющимися методами террористов. Для решения этой проблемы необходимо усовершенствование международных актов при борьбе с незаконными актами терроризма при международных перевозках.

Таким образом, чтобы решить проблемы незаконных террористических актов во время международных воздушных перевозок, как на гражданских воздушных судах, так и на государственных, нужно использовать специальные международно-правовые механизмы и привлекать к ответственности государства за неправомерные действия. А также надо стремиться к унификации норм международного права, эффективной имплементации их во внутреннее право государств. Все страны планеты должны присоединиться к многосторонним соглашениям, касающимся обеспечения авиационной безопасности воздушных судов.

ЛИТЕРАТУРА

Авиационная деятельность: метод. указания по изучению дисциплины / сост. А. В. Дормидонтов. Ульяновск: УВАУ ГА(И), 2010. 27 с.

Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 N 60-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Российская газета, N 59-60, 26.03.1997.

Геворгян К. К читателю «Международной жизни». Концепция «ответственность по защите» [Электронный ресурс] // Международная жизнь: электрон. научн. журн. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/920> (дата обращения: 12.03.2017).

Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок (от 28.05.1999 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. N 37. 11.09.2017. ст.5495.

Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок 1929 г. (Варшавская конвенция) // Сборник Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, 1934 год, N 20, ст.326.

Конвенция о Международной гражданской авиации 1944 г. (Чикагская конвенция) [Электронный ресурс] // СПС Гарант Эксперт. URL: <https://base.garant.ru/2540490/> (дата обращения 20.04.2020).

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. №31. ст. 4398.

Международная ассоциация воздушного транспорта (IATA) [электронный ресурс]. URL: <https://www.iata.org/en/about/worldwide/europe/russia> (дата обращения: 20.04.2020).

Международная организация гражданской авиации (ICAO) [электронный ресурс]. URL: <https://www.icao.int/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.04.2020).

Международное воздушное право. Учебное пособие. М.: НОУ ВКШ «Авиабизнес»; изд-во «Научная книга», 2006. – 464 с.

Международные воздушные перевозки: учеб. пособие/сост. Л. Б. Божов. Ульяновск: УВАУ ГА(И), 2013. 78 с.

Приложение 2 к Конвенции о международной гражданской авиации «Правила полетов» [электронный ресурс] // Склад законов Приложения 1-19 к Конвенции о международной гражданской авиации (Чикаго, 1944 год). URL: https://dream-air.ru/tpl/docs/an02_cons_ru.pdf (дата обращения: 20.04.2020)

Зубарев Михаил Валерьевич

Уральский институт управления филиал – РАНХиГС

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ПРОЕКТЕ ГРАЖДАНСКОГО УЛОЖЕНИЯ 1905 г.

***Аннотация.** Автором статьи представлены результаты проведенного им исследования структуры и содержания Книги первой проекта Гражданского уложения 1905.*

***Ключевые слова:** гражданское право, Гражданское уложение, общие положения.*

Одним из последствий судебной реформы 1864 г., важным составным элементом которой явился Устав гражданского судопроизводства, стало появление в повестке дня правительственной юридической политики вопроса о необходимости преобразования материального гражданского права.

Гражданское право и гражданское судопроизводство соединены логической связью, подчеркивал, например, А. Х. Гольмстен, «главнейшие черты гражданского права ложатся в основание гражданского процесса, ряд важнейших положений гражданского судопроизводства вытекает из начал гражданского права» [Гольмстен 1894: 240]. Следовательно, для нового суда по гражданским делам было необходимо не обязательно совсем новое, но, как минимум, соответствующее потребностям времени гражданское законодательство.

Как полагало большинство российских цивилистов, восполнение недостатков действовавшего гражданского законодательства за счет кассационной деятельности Правительствующего сената при всей важности и полезности такой работы не могло сравниться по эффективности с созданием Гражданского уложения и заменой им страдавшего немалыми пробелами и недостатками свода законов гражданских 1857 г.

Одним из наиболее серьезных пробелов, по общепринятому профессиональному мнению, было отсутствие в составе свода общих положений, в которых раскрывались бы основополагающие положения гражданского права, способные стать основанием для множества конкретных правовых норм, наполнявших статьи свода. Именно в общей части, указывал К. И. Малышев, «должны быть положены первые основания для обобщения права в целой стране» [Малышев 1878: 351].

Поэтому, когда, наконец, в 1882 г. власть, убедившись в том, что действующее гражданское законодательство все хуже исполняет свои функции, приняла решение начать разработку проекта Гражданского уложения, то относительно включения в его состав общих положений в Редакционной комиссии, на которую была возложена правительством эта задача, особых споров не возникло. По мнению одного из членов этой комиссии известного цивилиста С. В. Пахмана, без общей части «уложение уподоблялось бы туловищу без головы» [Пахман 1882: 11].

Принципиальное решение о включении общих положений гражданского права, принятое Редакционной комиссией, в итоге ее работы – проекте (второй редакции) Гражданского уложения 1905 г. – воплотилось в форму Книги первой «Общие положения».

В настоящей статье автором представлены результаты проведенного им исследования структуры и содержания этой части проекта Гражданского уложения.

Включение данной книги явилось принципиальной новизной будущего законодательства по сравнению с действующим Сводом законов гражданских и исполнением практически единодушных пожеланий цивилистического сообщества.

Содержание Кн. I Редакционная комиссия структурировала, в основном опираясь на положения российской и зарубежной науки и практики, выделявших в качестве основных категориальных критериев лиц, вещей и способов возникновения и прекращения юридических отношений.

Вследствие такого общего подхода Кн. I была структурирована на четыре раздела (Лица, Имущества, Приобретение и прекращение прав, Охранение прав) общим объемом в 130 статей [Гражданское уложение 1910: 23-165].

Нельзя сказать, что содержание Кн. I не имело соответствий в действовавшем законодательстве – Своде законов гражданских 1900 г. Такие соответствия существовали, но принципиальная разница заключалась в том, что в тексте Свода близкие по содержанию и/или правовому смыслу нормы функционировали в применении к конкретным правовым случаям в составе конкретных правовых институтов, а в тексте Кн. I Проекта, будучи собраны, систематизированы и сформулированы в качестве общих для всего гражданского права, они превратились в своего рода общенормативный «каркас», превращающий в единое целое, то есть в систему, конкретное содержание всех остальных четырех книг, из которых состояло будущее Гражданское уложение.

Такая взаимосвязь может быть конкретизирована на следующих примерах.

1. Положения, определявшие гражданско-правовой статус лиц, были структурированы по лицам физическим и юридическим с определением их юридических свойств.

Физическое лицо (Гл. I) признавалось способным иметь и приобретать личные и имущественные гражданские права (ст. 1), пользоваться ими (ст. 2), охраняться законом от противозаконных посягательств на его личность и имущество (ст. 4) [Гражданское уложение 1910: 24-26] и т. д. Эти общие положения раскрывались применительно к семейственному праву в Кн. II, к имущественному праву – в Кн. III, к наследственному – в Кн. IV, к обязательственному – в Кн. V.

Аналогично в Гл. II определялись общие права юридических лиц. То, что юридические лица отдельно выделялись, составляло первое принципиальное отличие от Свода. Второе заключалось в развернутом определении юридических лиц как «товарищества, общества и установления, которые в порядке и пределах, законом установленных, могут от своего имени приобретать права по имуществу, в том числе право собственности и другие права на недвижимые имущества, принимать на себя обязательства, искать и отвечать на суде» (ст. 18) [Гражданское уложение 1910: 46].

Если обратиться к статьям Гл. XVIII и XIX Кн. V Проекта, то можно увидеть конкретное нормативное раскрытие содержания прав и обязанностей всех перечисленных в определении видов юридических лиц. В то же время в Гл. VI (Разд. III. Кн. IV Свода) имелись сходные по содержанию нормы, но именно как частные нормы, относившиеся только к товариществам и не использовавшие категорию «юридических лиц».

2. Содержание Разд. II Имущества структурировалось по двум критериям: свойства самих имуществ (недвижимые и движимые с установлением их основных видов или родов; отдельные и нераздельные; заменяемые или незаменимые) и свойства лиц, которым они принадлежали (публичные или частные) [Гражданское уложение 1910: 60, 67-69].

В Кн. III Проекта все эти критериальные общие положения находили развернутую нормативную конкретизацию. Некоторые соответствия общих правил Кн. I Проекта обнаруживаются в Своде в Разделе I О разных родах имуществ (Кн. II), а нормативная конкретизация в последующих главах. В этом отношении, пожалуй, можно зафиксировать наибольший уровень сходства между общими положениями Кн. I и их раскрытием в последующих книгах Проекта и содержанием Кн. II Свода, но с оговоркой, что часть имущественных вопросов оставалась в Своде в составе следующей Кн. III.

3. Содержание Разд. III Приобретение и прекращение прав Кн. I структурировалось по способам их приобретения и прекращения (наследование, договор) и порядку совершения сделок

и актов (письменная или словесная форма; домашний, явочный, нотариальный или вотчинный порядок) [Гражданское уложение 1910: 71-73].

Кроме того, отдельно устанавливались общие правила, касавшиеся нарушений при совершении сделок: принуждение, ошибка и обман; представительство; условия и сроки; толкование и законная сила сделок. Сходные по смыслу нормы можно обнаружить в некоторых статьях Кн. II и IV Свода, но везде они предстают как частные нормы, применяемые в данном правовом случае, а не как реализация общих правил гражданского права.

4. Наконец, Разд. IV Охранение прав структурировал общие положения по способам охранение и по исковой давности. Здесь нельзя не подчеркнуть особого внимания, уделенного Редакционной комиссией последнему вопросу: соответствующая глава состояла из 26 статей, то есть составляла 1/5 объема всей Кн. I. [Гражданское уложение 1910: 110-165].

Столь подробная разработка общих правил проистекала из их относительно слабой представленности в действующем законодательстве. В объяснении Редакционной комиссии, в частности, отмечалось, что «действующий закон не дает общего определения относительно влияния времени на изменение прав, но указывает лишь характеристические признаки того или другого фактического состояния» [Гражданское уложение 1910: 118]. Введение же общих правил исковой давности позволяло эти недостатки Свода, проявлявшиеся, например, в содержании ст. 557, 692, 694, нивелировать, создав общие основания для всех норм, связанных с исковой давностью.

Таким образом, даже краткая характеристика Кн. I подтверждает, что благодаря ее введению проект Гражданского уложения приобрел целостность организации, которой остро недоставало Своду как раз из-за отсутствия общей части. Нельзя в этом случае не отметить, что, бесспорно, появление такой части в Проекте произошло во многом под воздействием однозначной позиции, занятой по этому вопросу отечественной цивилистической наукой, и подтверждения ее обоснованности судебной, особенно кассационной, практикой.

ЛИТЕРАТУРА

Гольмстен А. Х. *Об отношении гражданского судопроизводства к гражданскому праву* // Гольмстен А. Х. *Юридические исследования и статьи*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894.

Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. (С объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной Комиссии) / Под ред. И. М. Тютрюмова / Сост. А. Л. Саатчиан. Т. I. Изд. Кн. маг. «Законоведение», 1910.

Мальшев К. И. *Курс общего гражданского права России. Т. I*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1878.

Пахман С. В. *К вопросу о предмете и системе русского Гражданского уложения*. СПб.: Тип. Правит. сената, 1882.

Pyicheva Elena Gennad'evna
Saratov State Law Academy

ACHIEVING LEGAL LANGUAGE EFFICIENCY THROUGH SYNTACTIC AND COGNITIVE DIVERSITY

Аннотация. The article concerns syntactic and cognitive principles that may influence written legal speech. The research is based on the analysis of English monographs on law.

Ключевые слова: syntactic relations, legal language, cognitive diversity.

This article is aimed at identifying the peculiarities of representing events in Legal English. It is important to emphasize that various structural, pragmatic and cognitive features of polypredicative syntactic units, including predictive complexes with functionally equal components [Ильичева 2012] and hypotactic constructions with functionally unequal components [Ilyicheva 2015] could increase Legal language efficiency, on the one hand, and could become a kind of guide for the authors who would like to render some complex legal concepts in a readable form. The research is based on criminal and labour law monographs.

Legal speech is characterized by relative homogeneity of pragmatic and structural types of predictive units (4 pragmatic and 3 structural types), which is explained by monologue form where two-member sentences prevail and what is typical of English [Bloomfield 1935: 171-172] and is usually used to implement two pragmatic functions: informative and expressive. The prevalence of two-member sentences in legal speech is connected with two reasons: first, scientific speech, including speech in legal sphere, has conceptual accuracy [Кириллова 2001: 69], which makes it fully structured, secondly, scientific speech is characterized by objective order of words (a theme preceding a rheme) [Кожин, Крылова, Одинцов 1982: 99], which is better described by two-member sentences.

The fact that legal speech is addressed to a distant addressee, whose role in monologue conditions is reduced to the perception of speech without expressed communicative reactions [Колокольцева 2001: 17] contributes to informative constructions' domination. The addresser is unable to control if the addressee understands the reported information because there are no feedback signals, which stipulates the situation when the addresser tends to use homogeneous constructions which are the most easy-to-perceive. Impersonality is often viewed as the characteristic typical for legal speech [Волохина, Попова 1999: 143], and it tends to correspond to reality because expressive predictive syntactic units occur 5 times less frequently in legal speech than informative ones. Nevertheless, some linguists stress heterogeneity of scientific speech and say that the author's position may be shown clearly with the help of the constructions not so typical for legal speech. And although generality, objectivity and logic come on the first place, there is still probability of expressive constructions which would make the author's thought more understandable and accessible to the addressee. Modal expressive syntactic constructions (which may include modal verbs, for example) are the most common type because the authors of legal monographs oftentimes describe some laws and life situations and events in the aspect of their compliance to law.

Another important structural way of making the syntactic constructions more complex is using some complications. One component is complicated more often than both (50.98 and 28.97%, respectively), which is a clear sign that efficiency of perception is directly determined by the form the author expresses his or her ideas.

Subordinate constructions prevail (39.77%), object and attributive clauses (36.23 and 26.79%, respectively) coming on the first place, which seems to be reasonable because they are more informative than other types of clauses, and information is one of the most important characteristics of scientific style [Кожина 1972: 9], for instance: "over the years the tests that have been evolved in this context are strict, and it will be difficult to show that medical treatment has in fact broken the causal link" [Cremona 1989: 51].

In the second place come introductory elements (11.53%), including elements of modus, binding elements, and inserts. The most frequent elements of modus are "of course, perhaps, obviously," for example, "what is the justification for creating an offer of strict liquidity? Of course it is easier to prove: there is no need to produce evidence of an elusive state of mind" [Cremona 1989: 58]. The most frequent binding elements are "however, first, that is," for example: "the Morris case above, however, is common and normally the question of control is used to determine liquidity" [Lockton 1996: 70]. Inserts could be various as well. By referring to previous publications, laws or, most often, the year of the case considered or any other additional information, they help to realize accuracy and objectivity

typical for scientific style, for example: “in *Post Office v. Wallser* [1981] IPLR 37 the contractual retirement age was 60, but employees were often retained beyond that age” [Lockton 1996: 183].

However, the most frequent are complications of subordinate and/or introductory types (71.31 % of cases), for example: “however, the deductions can continue over successful pay days until the full amount is recovered, and the 10 per cent limit does not apply to the final pay-day if the employee’s contract is term. 22)” [Lockton 1996: 50].

Cognitive aspect shall also be taken into account. Some foreign linguists propose to use profile as a specific focus of attention [Langacker 1991: 205] that may indicate significant speech segments for the speaker. Focusing on one of the elements of the situation, rather than on the situation as a whole, is quite clear, for example, in the analysis of syntactic units some details are emphasized in. Cf.: “S. Rosner points out that “a firm says to its lawyers, if you are to succeed here, you must bring in “x” dollars” [Ильичева, Хижняк 2009: 26]; “sometimes an individual takes an action in the law of tort because he has been the victim of the crime but has gained no benefit from the criminal prosecution” [Ильичева, Хижняк 2009: 130].

Thus, profile corresponds to visual focus, and there is a linguistic conceptualization of two cognitive situations: one of them loses autonomy and is “seen” through the prism of another situation [Langacker 1991: 435-437], the semantics of the subordinate clause defined by the verb arguments which the predicate in the main clause may potentially join, and the profile of the main clause dominating the profile of the subordinate clause. The intent of the author to highlight one of the verb arguments using a subordinate clause is expressed not only in choosing certain semantic content but also some appropriate syntactic construction. Thus, in the sentence: “where a child is a passenger or there is any other indication that the parent might, even marginally, be considered blameworthy, it is better to choose the other parent or some other relative as the litigation friend. Once a litigation friend is appointed he has the power and right to deal positively with the litigation in the child’s interest” [Lockton 1996: 31] the subject in the main clause (he) is semantically incomplete without a subordinate clause, which denotes time the action mentioned in the main clause took place.

Syntactically represented concepts indirectly display the relationship between extralinguistic entities and linguistic signs. A propositional structure, or a proposition is a model of conceptual organization for our knowledge. Generalizing some specific experience, a speaker singles out particular arguments and establishes their connections corresponding to relations. Becoming aware of their own experience in terms of propositions, people tend to use specific conceptual structures or models formed by a predicate and its arguments. Depending on what type of configuration a proposition takes, the same data can be represented by different hypotactic structures. Thus, a word-combination is a proposition in its compressed form, as one of the main arguments of the proposition: either a subject or a predicate is absent. Cf.: the girl standing at the window and The girl is standing at the window. In contrast to simple sentences, complex sentences may be poly-propositional, for example, in the case of focus change in one of the components.

To sum up, legal speech efficiency could be achieved in written when two-member sentences, having not many complications are used. The maximum number of complications shall not exceed five. And this choice must be justified, for example, by necessity to provide an addressee with a lot of additional information. Legal speech emphasizes logical reasoning, so informative units are to prevail. In the cognitive aspect, the mechanism of the relational profile allows to highlight the most important aspect for the speaker.

ЛИТЕРАТУРА

Blomfield L. Language. London, 1935.

Cremona M. Criminal Law. London, 1989.

Ilyicheva E. G. Knowledge Representation in English Hypotactic Constructions // Вопросы трансформации образования. 2015. № 1. С. 76 – 84.

Langacker R. W. Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin, N.Y., 1991.

Lockton J. Employment Law. London, 1996.

Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.

Ильичева Е. Г. Структурные и прагматические особенности английских предикативных комплексов и их функционирование. Саратов, 2012.

Ильичева Е. Г., Хижняк С. П. Английский язык для студентов юридических вузов и факультетов. Саратов, 2009.

Кириллова И. А. Сфера науки // Хорошая речь. Саратов, 2001. С. 69 – 84.

Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982.

Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972.

Колокольцева Т. Н. Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград, 2001.

Качанова Елена Анатольевна

Капранов Алексей Евгеньевич

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ
ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РФ**

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные цели национальных проектов, которые реализуются на территории российской федерации. Авторы анализируют финансирование региональных проектов в свердловской области и предлагают рекомендации по совершенствованию законодательной и методологической базы эколого-экономической политики.*

***Ключевые слова:** здоровье населения, национальные проекты, региональные проекты, экологическая политика, экономическая политика.*

В настоящее время при разработке национальных стратегий, законов, указов, поручений Президента России Правительству Российской Федерации учитываются показатели улучшения экологической обстановки и здоровья людей, здравоохранения и демографии, градостроительство и цифровые технологии. Рассмотрим некоторые вопросы содержания эколого-экономической политики при реализации национальных проектов Российской Федерации и региональных проектов Свердловской области.

С декабря 2012 года в России реализуется стратегическая программа «Охрана окружающей среды на 2012–2020 гг». [Постановление Правительства РФ N 326, 2014]. Основными положениями стратегии являются сохранение экологии для улучшения здоровья людей:

– «создание эффективной системы государственного регулирования и управления в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности;

– стимулирование предприятий, осуществляющих программы экологической модернизации производства и экологической реабилитации соответствующих территорий;

– создание экологически безопасной и комфортной обстановки в местах проживания населения, его работы и отдыха, снижение заболеваемости населения, вызванной неблагоприятными экологическими условиями, рост продолжительности жизни городского населения;

– повышение уровня защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от воздействия опасных природных явлений и изменений климата (обеспечение гидрометеорологической безопасности);

- сокращение количества городов с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха до 45;
- улучшение экологических условий для 36,4 млн. россиян, проживающих в настоящее время в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха (индекс загрязнения атмосферного воздуха более 7);
- улучшение качества жизни для 1400 тыс. россиян и более посредством ликвидации и рекультивации объектов накопленного вреда окружающей среде» [Постановление Правительства РФ N 326, 2014].

На заседании Государственного совета по вопросу «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений» [Заседание Государственного совета РФ, 2016] в 2016 году специальный представитель Президента РФ Иванов С. Б. «обратил внимание на то, что мы должны работать не только в интересах будущих поколений, но и заботиться о здоровье и благополучии ныне живущих граждан нашей страны. Очевидно, проблем в экологической сфере у нас накопилось очень много, и год от года их число растёт, ухудшая не только общую ситуацию, но и повышая цену, которую нам в итоге всё равно придётся платить за возрождение окружающей среды. Здесь как с болезнью: если запустить её и вовремя не заняться лечением, то на восстановление уходит гораздо больше времени, сил и ресурсов.

Следует отметить, что, здоровье человека прочно связано с экологией, так же, впрочем, как и состояние окружающей среды напрямую зависит от уровня антропогенного воздействия на неё. Поэтому перед началом реализации каждого крупного проекта необходимо объективно оценивать риски причинения вреда как здоровью человека, так и окружающей среде» [Заседание Государственного совета РФ, 2016].

«Для оценки, выявления изменений и прогноза состояния здоровья населения и среды обитания, установления и устранения вредного воздействия на человека факторов среды обитания осуществляется социально-гигиенический мониторинг» [ФЗ №52 2018]. В зарубежных странах аналогичный мониторинг с учетом влияния на здоровье людей проводят по некоторым загрязняющим веществам, например свинцу, ртути, фталатам и др. На основании определения этих веществ в крови людей запретили использовать этилированный бензина и краски, содержащей свинец.

Научные исследования показывают, что основными источниками загрязнения атмосферы является транспорт, угольные электростанции, промышленность. В группу риска по заболеваниям, связанным с низким качеством воздуха, входят женщины, дети, люди пожилого возраста. Правительство многих стран и России разрабатывают и реализуют национальные проекты по улучшению условий проживания, совершенствованию транспортной системы, переработке отходов, энергоснабжению, озеленению жилых комплексов и улиц городов.

С 2018 года в России реализуются *национальные проекты* [Указ Президента РФ №204, 2018]. Рассмотрим основные цели:

1) Демография:

- «увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет;
- увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни, а также увеличение до 55 процентов доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом;
- формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек...» [Указ Президента РФ N 204, 2018].

В рамках реализации данного проекта более миллиона семей получили пособия и сертификаты на детей, льготные процентные ставки по ипотеке. Увеличивается количество мест в ясельных группах.

2) Здравоохранение:

- «снижение показателей смертности населения трудоспособного возраста (до 350 случаев на 100 тыс. населения), смертности от болезней системы кровообращения (до 450 случаев на

100 тыс. населения), смертности от новообразований, в том числе от злокачественных (до 185 случаев на 100 тыс. населения), младенческой смертности (до 4,5 случая на 1 тыс. родившихся детей);

- завершение формирования сети национальных медицинских исследовательских центров;
- внедрение инновационных медицинских технологий, включая систему ранней диагностики и дистанционный мониторинг состояния здоровья пациентов...» [Указ Президента РФ N 204, 2018].

В рамках реализации проекта функционирует система профилактических медицинских осмотров по всей стране. Созданы десятки гериатрических центров для пожилых людей, реализуются проекты по организации многолетнего ухода. Действуют сотни ФАПов, амбулаторий и мобильных комплексов.

3) Жилье и городская среда:

- «снижение административной нагрузки на застройщиков, совершенствование нормативно-правовой базы и порядка регулирования деятельности в сфере жилищного строительства;

- обеспечение эффективного использования земель в целях массового жилищного строительства при условии сохранения и развития зеленого фонда и территорий, на которых располагаются природные объекты, имеющие экологическое, историко-культурное, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение;

- создание механизмов развития комфортной городской среды, комплексного развития городов и других населенных пунктов с учетом индекса качества городской среды...» [Указ Президента РФ N 204, 2018].

В рамках реализации проекта происходит снижение ставки по ипотеке, расселение аварийного фонда, создание инфраструктуры, повышается качество комфортности городской среды за счет опросов граждан, согласовывая с ними проектов и дальнейшего благоустройства улиц и дворов.

4) Экология:

- «кардинальное снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах, в том числе уменьшение не менее чем на 20 процентов совокупного объема выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в наиболее загрязненных городах;

- повышение качества питьевой воды для населения, в том числе для жителей населенных пунктов, не оборудованных современными системами централизованного водоснабжения;

- формирование комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами, включая ликвидацию свалок и рекультивацию территорий, на которых они размещены, создание условий для вторичной переработки всех запрещенных к захоронению отходов производства и потребления...» [Указ Президента РФ N 204, 2018].

В рамках реализации проекта приняты сотни нормативных актов, десятки постановлений Правительства, Федеральные законы и приказы Министерств. В результате принятых мер сокращаются объемы сброса сточных вод и вредных веществ в атмосферу, введены в эксплуатацию десятки объектов вторичной переработки твердых бытовых отходов, очищены десятки километров береговых линий озер и рек.

5) Развитие цифровой экономики

- «создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере, а также внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий;

- преобразование приоритетных отраслей экономики и социальной сферы, включая здравоохранение, образование, промышленность, сельское хозяйство, строительство, городское хозяйство, транспортную и энергетическую инфраструктуру, финансовые услуги, посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений;

– разработка и внедрение национального механизма осуществления согласованной политики государств – членов Евразийского экономического союза при реализации планов в области развития цифровой экономики...» [Указ Президента РФ N 204, 2018].

В рамках реализации проекта был предоставлен доступ к интернету в десятки тысяч школ и фельдшерско-акушерских пунктов всех регионов.

Автор считает, что при изучении реализации национальных проектов необходимо учитывать:

– «участниками стратегического государственного управления являются органы государственной власти на федеральном и региональном уровнях» [Качанова 2019],

– «модель распределения налоговых доходов между уровнями бюджетов закрепляет принцип фискального приоритета федерации с подчиненным положением ее субъектов.» [Егорьева 2019].

– «муниципальные программы в сфере охраны окружающей среды» [Качанова 2019].

Поэтому рассмотрим финансовое обеспечение реализации национального проекта “Экология” через реализацию региональных проектов на примере Свердловской области [Паспорта региональных проектов. 2018]:

Таблица 1 – Региональные проекты

Проект	Наименование показателя	Ед. изм.	Год						Всего
			2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Чистая страна	Ликвидированы несанкционированные свалки в границах городов	шт.	0	0	0	0	1	2	3
	Площадь восстановленных земель	га	0	0	0	0	4	27	31
	Количество людей, у которых улучшилось качество жизни после ликвидации свалок	тыс. чел.	0	0	0	0	18	1507	1525
	Объем финансового обеспечения	млн руб.	0	0	230,5	156,3	165,0	0	551,8
Чистый воздух	Снижение объема выбросов	%	98	97	95	92	88	78	–
	Количество городов с высоким уровнем загрязнения воздуха	ед.	1	0	0	0	0	0	0
	Объем потребления природного газа в качестве автомобильного топлива	млн м ³	13	14	14	14	15	15	85
	Количество автоматических станций контроля загрязнения воздуха	ед.	15	16	16	16	16	16	95
	Объем финансового обеспечения	млн руб.	78,3	193,5	449,1	415,9	393,9	661,7	2 192,4
Сохранение уникальных водных объектов	Площадь восстановленных водных объектов	га	0	0	0	64	64	1 209	2 418
	Протяженность расчищенных участков русел рек	км	2	2	2	2	2	2	12
	Количество людей, у которых улучшилось качество жизни вблизи водных объектов	тыс. чел.	3	3	3	360	360	360	1 089

Продолжение таблицы 1

Проект	Наименование показателя	Ед. изм.	Год						Всего
			2019	2020	2021	2022	2023	2024	
	Количество реабилитированных водных объектов на территории Свердловской области	ед.	0	0	0	2	3	4	9
	Объем финансового обеспечения	млн руб.	17,3	9,8	178,4	393,4	363,0	363,0	1 324,9
Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма	Отношение площадей лесовосстановления и погибших лесных насаждений	%	92	98	100	100	100	100	–
	Площадь лесовосстановления и лесоразведения	тыс. га	27,23	27,50	27,75	28,00	28,25	28,50	139,73
	Объем финансового обеспечения	млн руб.	0	302,2	4,1	0	0	0	306,3

На основании данных таблицы можно сделать вывод, что для улучшения качества жизни людей, Правительство Свердловской области планирует финансирование улучшения окружающей среды свыше четырех миллиардов рублей до конца 2024 года. Самое затратное направление – реализация проекта «Чистый воздух», в 2024 году планируют финансирование в размере более шести ста миллионов рублей. Наименьшие затраты планируют на реализацию – проекта «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» - не значительно больше трех сот тысяч рублей до 2024 года.

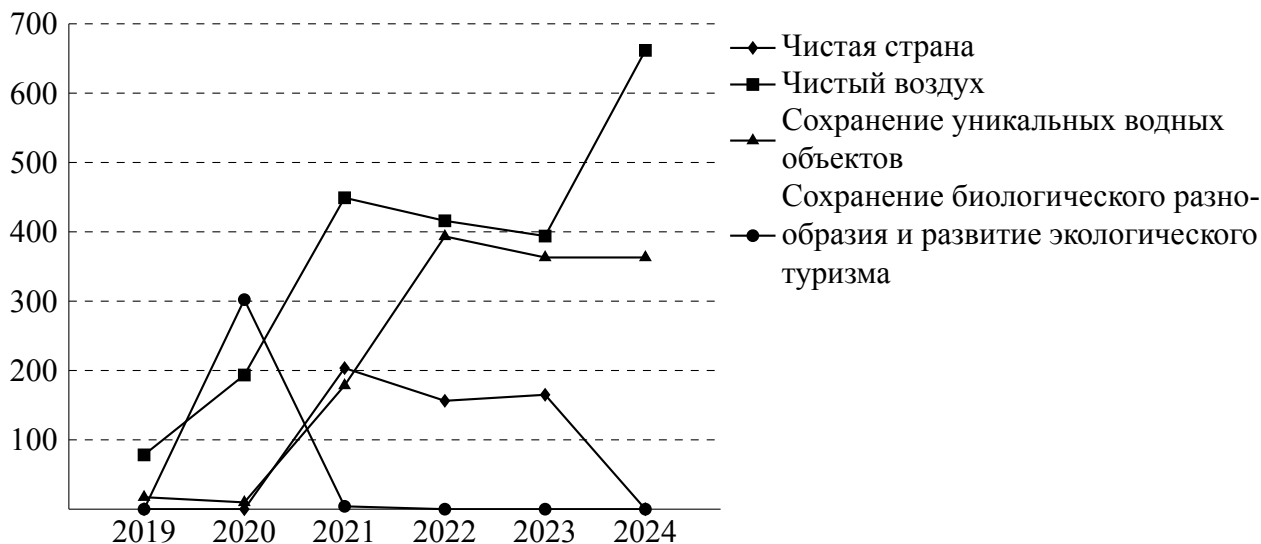

Рисунок 1 – Объем финансового обеспечения региональные проекты Свердловской области, млн руб. в год [Паспорта региональных проектов. 2018]

Из графика видно, что до конца 2024 года основной акцент финансирования направлен на реализацию проекта «Чистый воздух» - свыше двух миллиардов рублей, на втором месте проект «Сохранение уникальных водных объектов» - свыше одного миллиарда рублей, далее проект «Чистая страна» - свыше полумиллиарда рублей и завершает рейтинг проект «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» - свыше одной третьей миллиарда рублей. Источники финансирования различные: бюджет субъекта, свод бюджетов Муни-

ципальных образований, бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов, внебюджетные источники.

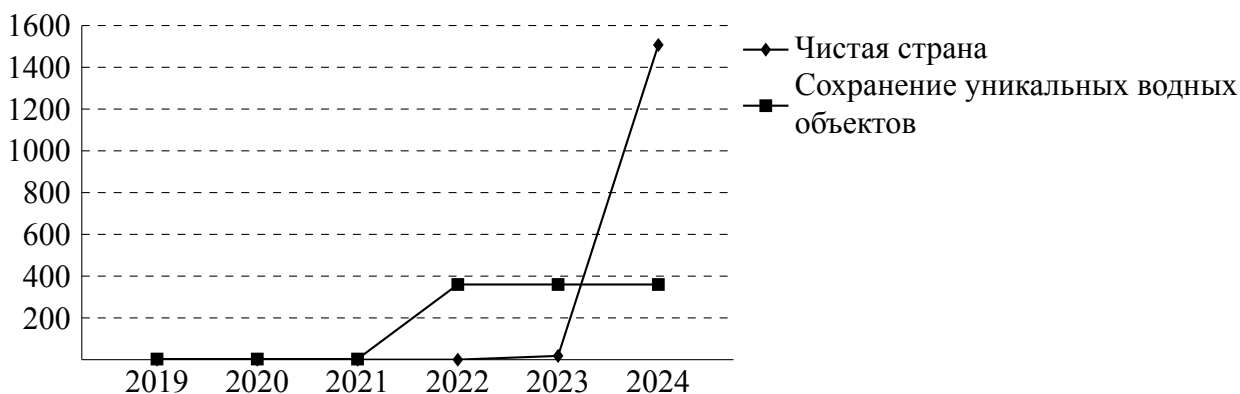

Рисунок 2 – Численность населения, улучшившего экологические условия проживания в результате реализации региональных проектов Свердловской области, тыс в год [Паспорта региональных проектов. 2018]

На основании графика можно сделать вывод, что наиболее результативным проектом, с точки зрения количества людей, у которых улучшились экологические условия проживания является проект «Чистая страна» - 1 507 000 человек до конца 2024 года. На втором месте - проект «Сохранение уникальных водных объектов» - 360 000 человек до конца 2024 года. При этом необходимо учитывать, что в таблице отсутствуют данные по улучшению экологических условий проживания в результате реализации проектов «Чистый воздух» и «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» в виду того, что данные улучшения влияют не только на жителей Свердловской области, а также других регионов России и зарубежных стран.

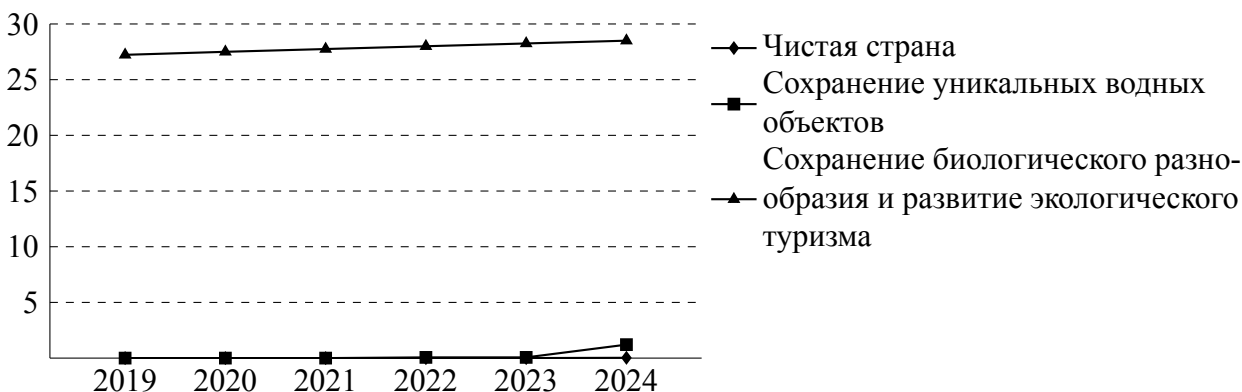

Рисунок 3 – Площадь восстановленных объектов в результате реализации региональных проектов в Свердловской области, тыс. га в год [Паспорта региональных проектов. 2018]

Наибольшие площади восстановленных объектов до конца 2024 года будут от реализации проекта «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» - 139 730 Гектар, на втором месте проект «Сохранение уникальных водных объектов» - 2 418 Гектар и завершает проект «Чистая страна» - 31 Гектар.

Исходя из проведенного контент-анализа можно сформулировать ряд направлений совершенствования эколого-экономической политики:

1. Рассмотреть возможность использования базы контрагентов на sberbank.ast и других торговых площадках для планирования, контроля и взыскания недоимок по налогам и сборам у недобросовестных налогоплательщиков.

2. Устранить расхождения в государственном лесном реестре и в государственном кадастре недвижимости

3. Регулярно проводить корректировку проектов развития территорий для лесовосстановления.

4. Разработать систему стимулирующих мероприятий на привлечение финансовых средства от частных инвесторов и крупных корпораций для улучшения экологии окружающей среды в регионе.

Реализация национальных проектов по развитию экологии, здравоохранения, демографии, цифровой экономике и городской среды позволит повысить уровень благополучия граждан нашей страны. Для достижения поставленных целей, требуется дальнейшее совершенствование законодательной и методологической базы эколого-экономической политики.

ЛИТЕРАТУРА

Егорьева Т. С., Победин А. А. Угрозы экономической безопасности России в бюджетной сфере // Студенческий: электронный научный журнал 2019. № 41(85). URL: <https://sibac.info/journal/student/85/163524> (дата обращения: 14.04.2020).

Иванов С. Заседание Государственного совета по вопросу об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений. // kremlin.ru : [сайт]. 2016. 27 декабря. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53602> (дата обращения: 20.03.2020).

Качанова Е. А. Муниципальные программы в сфере охраны окружающей среды: мероприятия и источники финансирования в год экологии // Защита окружающей среды как фактор социально-экономического развития территорий муниципальных образований: опыт и проблемы. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. г. Ростов на Дону 14-15 апреля, г. Курган 18 апреля 2017г. Отв. редактор Чорновол Е. П., Бородина И. Н. Куртамыш: ООО «Куртамышская типография», 2018г., 320с., С.47-55

Качанова Е. А., Веревкина Н. А. Стратегия развития государственного управления в современной России // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2019. №5(32) URL: https://www.alley-science.ru/domains_data/files/May19/STRATEGIYA%20RAZVITIYA%20GOSUDARSTVENNOGO%20UPRAVLENIYA%20V%20SOVREMENNOY%20ROSSII.pdf (дата обращения: 21.03.2020).

Паспорт регионального проекта «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма» (Свердловская область). – Текст : электронный // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области [сайт]. – URL: <https://mprso.midural.ru/uploads/Паспорт%20ПП%20Биоразнообразие.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).

Паспорт регионального проекта «Сохранение уникальных водных объектов» (Свердловская область). – Текст : электронный // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области [сайт]. – URL: https://mprso.midural.ru/uploads/RP_Soxraneni_e_unikal%27nyx_vodnyx_ob_ektov_%28Sverdlovskaya_oblast%27%29%20%281%29.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

Паспорт регионального проекта «Чистая страна» (Свердловская область). // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области [сайт]. URL: https://mprso.midural.ru/uploads/RP_CHistaya_strana_%28Sverdlovskaya_oblast%29.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

Паспорт регионального проекта «Чистый воздух» (Свердловская область) // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Свердловской области [сайт]. URL: https://mprso.midural.ru/uploads/RP_CHistyj_vozdux_%28Sverdlovskaya_oblast%27%29%20.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 326 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Охрана окружающей среды” на 2012 - 2020 годы»:

текст на 30 марта 2018 - Москва: электронный // pravo.gov.ru: [сайт]. – 2018 – 06 апреля. - URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102349927&intelsearch=%22%CE%F5%F0%E0%ED%E0+%EE%EA%F0%F3%E6%E0%FE%F9%E5%E9+%F1%F0%E5%E4%FB%22+%ED%E0+2012+-+2020+%E3%EE%E4%FB%22%3A> (дата обращения: 5.04.2020).

Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»: текст на 07 мая 2018 - Москва: «Собрание законодательства РФ», 14.05.2018, N 20, ст. 2817.

Федеральный закон N 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» : текст с изменениями и дополнениями на 03 августа 2018 года : [Принят Государственной Думой 12 марта 1999 года : Одобрен Советом Федерации 17 марта 1999 года] - Москва: «Собрание законодательства РФ», 30.04.2018, N 18, ст. 2571.

Кожев Алексей Геннадьевич
Павлов Анатолий Петрович

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ВОЙСКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИИ И США: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация.** В статье дается сравнительная характеристика правового положения войск национальной гвардии в РФ и подобного рода войск в США. Для сравнения выбраны такие направления как нормативная база, правовая и социальная защищенность сотрудников, их права и обязанности при выполнении служебных задач, порядок комплектования подразделений.*

***Ключевые слова:** войска национальной гвардии РФ, нормативные акты, комплектование, условия приема на службу, условия несения служб, Национальная гвардия США.*

Оглядываясь на реалии сегодняшней политической и экономической жизни общества, обстановку в мире, все чаще приходится обращаться к неким силовым ведомствам, которые наравне с армией осуществляют охрану и защиту государственного суверенитета. В российской правоохранительной практике это сравнительно новое явление – создано некое военизированное формирование, которое наравне с функциями охраны общественного порядка и общественной безопасности, выполняет и задачи по охране государственного строя. Речь пойдет о войсках национальной гвардии Российской Федерации, а для сравнительного анализа выбрана Национальная гвардия США.

На основании Федерального закона от 3 июля 2016 г. N 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», Федеральные войска национальной гвардии Российской Федерации (далее войска национальной гвардии), государственная военная организация, предназначенная для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина [О войсках национальной гвардии Российской Федерации URL].

В системе федеральных органов исполнительной власти, данное подразделение принадлежит к ведомствам, которые напрямую подчиняются Президенту Российской Федерации. Непосредственное управление осуществляет директор федеральной службы, который является главнокомандующим войсками национальной гвардии. При этом отличительной чертой ведомства является тот факт, что оно не входит в состав Вооруженных сил Российской Федерации (регулярной армии), и соответственно, не попадает под ведение Министерства Обороны Российской Федерации [Прищепов 2012: 163].

До принятия вышеупомянутого закона все регламентированные им функции выполняло МВД России в лице таких составляющих как Внутренние войска МВД (ВВ МВД РФ), ОМОН (Отряд мобильный особого назначения, ранее Отряд милиции особого назначения) и СОБР (Специальные отряды быстрого реагирования из территориальных органов МВД России). В ходе реформы данные подразделения были выведены из состава МВД, к ним были добавлены лицензионно-разрешительная система, подразделения вневедомственной охраны и некоторые другие, которые также перестали относиться к министерству внутренних дел.

Основными задачами войск национальной гвардии Закон определяет участие в охране общественного порядка; охрану важных государственных объектов и специальных грузов, участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом; участие в обеспечении участия в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции; участие в территориальной обороне Российской Федерации наравне с Вооруженными силами и ФСБ России. Также к компетенции ведомства отнесен контроль за оборотом гражданского и служебного оружия на территории Российской Федерации [О войсках национальной гвардии Российской Федерации URL].

Круг полномочий сотрудников войск национальной гвардии достаточно широк, что позволяет сотрудникам уходить от формальности и реально поддерживать правопорядок в стране. Особенно это актуально во время несения службы в режиме контртеррористической операции.

Основу войск национальной гвардии составляет рядовой состав, комплектующийся из граждан, проходящих службу по призыву и граждан, проходящих службу по контракту. Также в состав подразделения входят сотрудники, ранее несшие службу - в ОМОН и СОБР. Внутренняя структура ведомства во многом схожа со структурой войск регулярной армии. Федеральные войска национальной гвардии могут сравниться с армией в плане материально-технической базы и вооружения (в отличие от МВД). С 2019 года военнослужащие моторизованных частей Росгвардии вступили в отряды специального назначения.

Подводя итог, можно сказать, что вновь созданное подразделение является достаточно мощным и оснащенным для защиты государственного строя РФ в условия обострения внешней и неспокойной внутренней политики.

Получив представление о войсках национальной гвардии Российской Федерации теперь обратимся к их зарубежным коллегам и рассмотрим, что же из себя представляет национальная гвардия США.

Национальная гвардия США является важным резервным компонентом вооруженных Сил США [Бондяев 2009: 127].

«Двойной статус» военнослужащих организованного резерва ВС США обусловлен исторически и закреплен в нормативно-правовом отношении. Действуя в составе национальной гвардии, они руководствуются положениями, обозначенными в Титуле 32 «Национальная оборона» свода федеральных законодательных актов США, и имеют статус представителя штата. В случае привлечения военнослужащего к военной службе в составе или совместно с регулярными силами в действие вступают положения Титула 10 «Вооруженные силы» свода законов США, а сам он приобретает статус федерального служащего [Балуков, Медин 2002: 12]. По сути, это резерв регулярных войск государства, привлекающийся по приказу губернаторов штатов к выполнению широкого круга задач, которые охватывают как ликвидацию последствий стихийных бедствий, так и устранение массовых беспорядков. В этом случае национальная гвардия оказывает помощь полиции штатов, если последние не справляются с ситуацией.

Национальная гвардия США была создана еще в начале двадцатого века и до настоящего времени пребывает практически в первозданном виде. В отличие от войск национальной гвардии РФ, их американские коллеги находятся в подчинении не только Президента США, но и губернаторов штатов. Необходимо отметить, что отдельные формирования подразделений на-

циональной гвардии США существуют в каждом из пятидесяти штатов. При этом Президент США осуществляет функции Верховного главнокомандующего.

Деятельность вооруженных сил США регламентируется Конституцией, к которой существуют дополнения по вопросам управления военным делом.

Центральное место в системе правоустанавливающих документов занимает Posse Comitatus Act, подписанный президентом Резерфордом Б. Хейсом в 1878 году. Данный акт был создан с целью регламентации деятельности особых частей регулярной армии, которые функционально были схожи с современной Национальной гвардией. Этим Актом установлены случаи ее использования Армией США, Президентом и штатами. Несмотря на то, что документ продолжает действовать с момента своего написания, в него регулярно вносятся поправки. Примером одного из последних дополнений является поправка, внесенная Джорджем Бушем в 2006 году. Она касалась включения в функцию национальной гвардии США участие в ликвидации последствий стихийных бедствий. Необходимость в данном новшестве возникла после тех бед, которые причинил мощнейший ураган Катрина, который потряс всю Америку в 2005 году.

Детальная регламентация деятельности Национальной гвардии США содержится в системе уставов, которые принимаются исключительно на федеральном уровне Президентом и обязательны для всех без исключения подразделений, независимо от того, в подчинении какого штата оно находится.

Наравне с уставами самими штатами могут издаваться различные наставления, которые содержат положения или указания о действиях в определенных ситуациях. Они могут касаться совершенно различных сфер общественной жизни, где может найти применение подразделение.

Отличительной чертой Национальной гвардии является тот факт, что ее мобилизацию может объявить только Президент США. В остальное время подразделения находятся в подчинении губернаторов штатов. Губернатор имеет право привлекать части национальной гвардии исключительно в рамках, определенным Posse Comitatus Act.

Во время проведения военных кампаний в настоящее время гвардейцы фактически не принимают участия в боевых операциях. За пределами государства они исполняют роль миротворцев. Их деятельность заключается в оказании помощи мирному населению, обеспечении режима перемирия и т.д.

Возраст поступления на службу в ряды национальной гвардии США – 18 лет. Он может быть сокращен до 17 лет, но в этом случае потребуется согласие родителей или опекунов. Кстати, в отличие от своих российских коллег, американские гвардейцы могут совмещать службы с основной работой по гражданской специальности. Для кандидатов существуют специальные курсы, на которых они проходят специальную военную подготовку. После прохождения основной программы, они направляются в военные лагеря, где «шлифуют» свои знания и умения уже с регулярными войсками.

Проведенный анализ показывает, что войска национальной гвардии РФ и Национальная гвардия США имеют некоторые схожие черты, но и довольно существенные различия. Наглядным примером тому могут служить функции войск национальной гвардии России и США.

Из общего можно отметить тот факт, что обе структуры являются государственными вооруженными формированиями, имеющие достойное комплектование по части вооружения и материально-технической базы.

Основной целью их создания является охрана и защита внутреннего суверенитета государств. Они подчинены первым лицам государства – Президентам.

Что касается различий, то, конечно, в первую очередь следует выделить порядок комплектования: Национальная гвардия США вербует в свои ряды граждан на добровольной основе, могущих заниматься и совершенно другой деятельностью. В то время как в Российской Феде-

рации в войсках национальной гвардии предусматриваются военная служба, служба в войсках национальной гвардии Российской Федерации, государственная гражданская служба.

Таблица 1 – Функции войск национальной гвардии России и США

Национальная гвардия России	Национальная гвардия США
<ul style="list-style-type: none"> • принимать участие в охране правопорядка, обеспечении совместно с органами Внутренних Дел общественного порядка; • борьба с экстремизмом входит в задачи и цели национальной гвардии; • участвовать в противостоянии терроризму, обеспечение правового режима антитеррористических операций; • охрана важных государственных и объектов и сопровождение специальных грузов также вошли в задачи и функции национальной гвардии; • содействие пограничным органам в охране государственной границы; • осуществлять надзор за соблюдением законодательства относительно оборота оружия и частной охранной деятельности. 	<p>Внешние</p> <ul style="list-style-type: none"> • решение задач в составе ВС США за пределами территории США; <p>Внутренние</p> <ul style="list-style-type: none"> • ликвидация последствий стихийных бедствий; • действия по оказанию помощи при экологических катастрофах; • обеспечение законности и порядка; • помощь обществу (местным властям).

Разрабатываемая нормативно-правовая база, регламентирующая деятельность Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, должна учитывать международный опыт подобных силовых ведомств, эффективные меры по противодействию терроризму и экстремизму, а также складывающуюся внутривойсковую ситуацию в стране в тактическом и стратегическом плане.

ЛИТЕРАТУРА

Балуков Н., Медин А. Перспективы создания в Сухопутных войсках США «Интегрированных дивизий» // ЗВО. 2001. №1. С.12-16.

Бондяев Д. А. Правовая регламентация деятельности Национальной гвардии США во внутривойсковых операциях // Вестник Московского университета МВД России. 2009. №3. С.127-128.

О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ // Российская газета. 2016. 6 июля.

Прищепов Д. Д. Сравнительный анализ правового положения войск национальной гвардии Российской Федерации и национальной гвардии Соединенных Штатов // Научное сообщество студентов XXI столетия. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. LXIV междунар. студ. науч.-практ. конф. № 4(63). URL: [https://sibac.info/archive/social/4\(63\).pdf](https://sibac.info/archive/social/4(63).pdf) (дата обращения: 28.02.2020)

Колоткина Оксана Анатольевна

Уральский государственный экономический университет

**СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

***Аннотация.** Проблема обеспечения национальной безопасности государства является наиболее актуальной и с теоретической позиции, и практической стороны. Понятие национальной безопасности государства включает в себя не только интересы и потребности государства как субъекта права, но и общества, личности. В данной статье рассматривается содержание понятия «интерес», его содержательная характеристика. Также рассмотрены виды современных угроз национальной безопасности государства, которые имеют внешнюю внутреннюю форму. Проведенный анализ выявил, что угрозы национальной безопасности России исходят не только с внешней стороны, но и с внутренней, что представляет особую опасность. В связи с этим государству необходимо обращать особое внимание на возможных способах защиты, предотвращения или борьбы с существующими угрозами, ибо это имеет существенное значение для прогрессивного развития государства в целом. В статье предлагается на законодательном уровне закрепить понятие и меры защиты национальной безопасности государства.*

***Ключевые слова:** Национальная безопасность, безопасность личности, интересы и потребности, угрозы национальной безопасности государства.*

В последние несколько лет все чаще можно услышать об обеспечении национальной безопасности государства в различных контекстах. Это обсуждается и с политической позиции, и с правовой, вводя ограничения прав и свобод человека, и с международной, при введении различного рода санкций и т. д. Но данная категория остается лишь неким аморфным понятием без соответствующего наполнения содержанием и установления плана реализации. Поэтому в России в 2010 г. был принят ФЗ от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где четко указано, что «национальная безопасность государства представляет собой совокупность интересов государства, общества и личности». Данные субъекты являются наиболее значимыми и нуждаются в обеспечении безопасности в глобальных масштабах.

В основе обеспечения национальной безопасности лежит интерес и потребность субъекта в первичных ценностях, к коим относится также и состояние безопасности. Понятие «интерес» имеет множество трактовок, с правовой позиции означает потребности субъекта, сформированные под воздействием национально-культурных факторов, ментальных ценностей, социально-экономических и политических факторов на определенном этапе развития. Таким образом интерес представляет собой осознание понимания субъектом своих потребностей в различных сферах жизнедеятельности [Смирнов 2015: 280].

Упомянутая Стратегия национальной безопасности РФ содержит понятие «национальные интересы Российской Федерации», под которым понимаются объективные потребности государства в целом, общества и личности, что связано одной целью и смысловым предназначением.

Динамическое развитие государств современного мира, отношения России с иностранными государствами характеризуются неоднозначностью, преобладанием негативных тенденций

в экономическом плане, в политической системе, а также значительным увеличением количества и качества возникающих угроз правам и свободам человека [Ягофарова 2017: 65]. Все это требует особого внимания со стороны государства и разработки эффективных мер обеспечения национальной безопасности.

Кроме явно выраженных угроз имеются также и скрытые угрозы безопасности России, которые обусловлены как внешними, так и внутренними фактами. К внешним угрозам относятся военные факторы, которые связаны с укреплением роли и значимости в современный период международных организаций военного характера. Прежде всего, речь идет про Организацию Североатлантического договора (НАТО), которая в последние года активно ведет деятельность против российского государства, устанавливая военные объекты в непосредственной близи российских границ и никак не реагируя на нарушения норм международного права и международных договоренностей. Также представляет опасность угроза распространения и применения биологического и химического оружия, что имеет более тяжелые и последствия, чем использование привычных военных объектов. В связи с этим Россия вынуждена закрывать границы, разрывать экономические, политические контакты, что играет против интересов российского государства. Для России изменения, происходящие в международной политике, достаточно болезненны, поскольку это связано с попыткой ослабить значение России в международных отношениях, дестабилизировать слаженную систему как во внутренней политике, так и во внешних контактах. И эти тенденции распространяются на все большее количество государств, создавая трудности установления или поддержания существующих отношений.

Что касается внутренних угроз, то они связаны с экономическими и социальными факторами преимущественно. В последние несколько лет в России увеличилось население, которое живет за чертой бедности. Рождаемость падает, несмотря на проводимые государством реформы, смертность увеличивается и преодолеть эти тенденции сложно. Также особый характер представляют те факторы, которые связаны с деформацией идеологического и духовного состояния российского населения, что часто анализируется в отчетах общественных организаций [Проект... 2016: 12].

К внутренним угрозам относят также и факторы экономического характера, которые связаны с падением внутренних показателей экономического прогресса, снижением доходов населения, слабым развитием производства, что связано с недостаточным финансированием инновационных проектов, научно-технического сектора, беспокойным состоянием банковской системы и т. д.

Перечень угроз, относящихся как к внутренним, так и к внешним, можно продолжать достаточно долго, что связано с возрастанием их количества и разнообразия. Это снова подчеркивает необходимость привлечь внимание государства к этим проблемам. Было бы вполне целесообразно принять на законодательном уровне акт, в котором будет четко прописано определение конкретной угрозы, ее содержание, а также возможные способы ее предотвращения [Аболмасов 2018].

Необходимо также определить, что объектом обеспечения безопасности личности является человек, а субъекты многочисленны: государство, его институты, организации, чиновники; общество, социальные группы, производственные и территориальные корпорации; семья и другие личности. Следует помнить, что и сам человек является субъектом обеспечения своей безопасности. Поэтому законодательная защита безопасности наиболее значимых субъектов права реализацию конституционных положений о приоритете и ценности человека, но и, тем самым позволит обеспечить национальную безопасность государства, где будут учтены и защищены интересы всех заинтересованных субъектов.

ЛИТЕРАТУРА

Аболмасова А. Э. Анализ актуальных внешних угроз национальной безопасности // *Современные научные исследования и инновации*. 2018. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2018/02/85709> (дата обращения: 02.03.2019).

О безопасности: федеральный закон от 28.12.2010 N 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // *Российская газета*. 2010. N 295.

О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 // *Собрание законодательства РФ*. 2016. N 1 (ч. II). Ст. 212.

Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / [А. И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 89 с.

Смирнов П. И. Национальный интерес как фактор сохранения (формирования) национальной идентичности в периоды преобразований // *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2015. Т. 208. С. 277-288.

Ягофарова И. Д. Императивный характер положений ст. 55 Конституции РФ при установлении ограничений прав и свобод человека и гражданина в РФ // *Вестник Омского университета*. Серия: Право. 2017. № 1 (50). С. 64-72.

Кузьмина Ольга Владимировна
Ивановский государственный университет

ГУМАНИЗАЦИЯ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Аннотация. В статье раскрывается сущность уголовно-процессуальной политики России и дается анализ ее современных тенденций.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, гуманизм, права человека, дифференциация уголовно-процессуальной формы, диспозитивность.

Эффективное противодействие преступности возможно только при наличии детально разработанной уголовной политики, которая является одной из составляющих частей государственно-правовой политики. Она должна содержать объединяющую идею и служить общечеловеческим ценностям. Связь политики и права очевидна, «поскольку в основе их социального происхождения находится единый материальный базис и направлены они на регулирование интересов и поведения людей в обществе» [Ляхов 1992: 6].

Уголовно-процессуальная политика как самостоятельная разновидность правовой политики государства по-прежнему остается недостаточно изученным явлением. Проблемы влияния уголовно-процессуальной политики государства на формирование законодательства и практики производства по уголовным делам остаются в нашей стране незаслуженно обделенными вниманием. Причины этого, по мнению З. З. Зинатуллина, кроются в том, что в 90-е годы XX века в условиях коренных преобразований в России все пресытились политикой и даже к использованию этого слова в правовой науке стали относиться настороженно [Зинатуллин 2006: 161]. На наш взгляд, сущность уголовно-процессуальной политики государства заключается в представлении о должной организации уголовного процесса и желании реализовать это представление. Она отражает отношение власти к расследованию преступлений и разрешению уголовных дел. Власть определяет, на каких принципах будет строиться уголовный процесс, каким образом должны устанавливаться обстоятельства преступления, каков порядок привлечения лица к

уголовной ответственности, каковы возможные меры процессуального принуждения, в каком порядке виновному лицу назначается наказание, а невиновное – реабилитируется и т. д. [Александров 2010: 11]. Формами воплощения уголовно-процессуальной политики в жизнь являются формирование уголовно-процессуального законодательства и практика его реализации.

Принципы уголовного процесса являются наиболее адекватными показателями уголовно-процессуальной политики государства, поскольку именно в них закрепляется идейно-властное выражение воли руководства страны, посредством которого формируется эта политика [Челюсаев 2009: 6-7]. В настоящее время в России принцип состязательности определяет общую модель уголовного судопроизводства (ст. 123 Конституции РФ, ст.15 УПК РФ). Она построена на признании высшей социальной ценностью соблюдения должной правовой процедуры, приоритете прав и свобод человека, в силу чего осуждение невиновного считается более опасным для общества, чем оставление безнаказанным виновного. Организация уголовного процесса в строгом соответствии с принципом состязательности приобретает особую значимость в контексте построения гражданского общества, важнейшей задачей которого является защита прав и свобод человека и гражданина. Эта основная идея в первую очередь касается норм уголовного и уголовно-процессуального права, поскольку именно они наиболее существенно затрагивают гарантированные на конституционном и международном уровне права и свободы. На протяжении многих десятилетий XX века уголовная политика России носила преимущественно репрессивный характер. Наша страна в течение длительного периода находилась на одном из первых мест в мире по численности заключенных. Однако, как показывает практика, жестокое наказание не перевоспитывает, а, наоборот, озлобляет человека. Необходимость законодательного закрепления приоритета прав человека стала важным фактором реформирования как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства. Гуманизация уголовного судопроизводства является неотъемлемой частью новой уголовно-процессуальной политики [Прокофьева 2002: 3]. Она связана с внедрением в уголовно-процессуальное законодательство и практику его применения общечеловеческих ценностей и гарантий их реализации для того, чтобы в центре каждого процессуального действия и принимаемого решения находились интересы человека, его права, свободы, индивидуальные особенности. Введение состязательной модели судопроизводства в Российской Федерации свидетельствует о приверженности нашего государства ценностям гуманизма и фундаментальных прав и свобод человека. Конкретное содержание отношения «государство – личность» в сфере уголовного судопроизводства проявляется, с одной стороны, в исторической форме уголовного процесса, сущностным признаком которой является соотношение процессуальных статусов органов уголовного преследования и обвиняемого, защитника, а с другой стороны, в сочетании в нем публичных и диспозитивных начал [Шестакова 2001: 117–118]. Существует неразрывная связь уголовной политики с общей конструкцией уголовно-процессуальной формы, обусловленной политическими, экономическими, историческими и культурными причинами. Поэтому призывы к расширению уголовной ответственности и усилению наказания не гармонируют с такими направлениями современной уголовно-процессуальной политики Российской Федерации, как гуманизация уголовного процесса, повышение защищенности личности, демократизация уголовно-процессуальных мер борьбы с преступностью, строжайшее соблюдение законности [Новиков 2013: 201]. Представляется, что состязательно организованный процесс создает определенные условия для развития уголовно-правовых средств защиты от обвинения, усиливает возможности уголовного закона и приводит его в соответствие с реальными социальными потребностями, главной из которых является обеспечение жизни человека и самореализации его личности.

Концепция современного уголовного процесса России заключается в том, что его назначение реализуется в процессуальной форме, которая, с одной стороны, способствует установлению обстоятельств дела, а с другой, - обеспечивает соблюдение прав и законных интересов граждан. Она воплощает в себе многовековой отечественный и зарубежный опыт борьбы с преступ-

ностью, отражает гносеологические и психологические закономерности и достижения общественной практики, включает в себя выработанные наукой и практикой наиболее эффективные и вместе с тем демократические, гуманные средства и способы установления объективных обстоятельств в деле и наказания виновных. Она призвана обеспечить оптимальные условия для достижения целей правосудия. Уголовное преследование возможно только в процессуальной форме. Это лучшее, чего достигло человечество в данной сфере [Григорьев 2010: 23].

Одно из концептуальных положений, предопределившее состязательную форму уголовного процесса, выражено в ст.6 УПК РФ. Назначение уголовного судопроизводства в том, чтобы служить защите прав и свобод человека и гражданина, а не быть политическим орудием, средством борьбы с преступностью [Лупинская 2008: 277–297]. Любая деятельность государства имеет смысл лишь тогда, когда направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Провозгласив приоритет личности, Конституция РФ придала ее интересам статус публичных. «Сущность уголовно-процессуального права двуедина, но по сравнению с уголовным правом преимущественное значение имеет та сторона этой двуединой сущности, которая гарантирует свободу граждан от злоупотребления государством своей репрессивной властью» [Понятовская 1996: 45]. Уголовно-процессуальная политика должна соответствовать провозглашенному назначению уголовного судопроизводства. Учитывая рост преступности и ущерб от нее, важно вести речь не о борьбе с преступностью, а о ее удержании на социально терпимом уровне [Смирнова 2012: 26]. Во всех случаях, когда есть возможность решить задачу при минимальном ограничении прав личности, необходимо отказываться от жестких мер. Самым главным при формировании уголовной и уголовно-процессуальной политики является вопрос применения принуждения, гарантированности прав человека и законности их ограничения, оптимизации процессуальной формы. По сути, речь должна идти о решении проблемы баланса личных, общественных и государственных интересов в сфере уголовного преследования.

Уровень развития общества, социально-экономические и политические факторы в целом предопределяют тенденции развития уголовного процесса. С изменением общих социально-экономических ориентиров России меняется и политика. Формирование уголовно-процессуальной политики должно осуществляться на основе как внутригосударственных (национальных), так и международных стандартов, «под которыми понимаются правовые требования осуществления уголовного судопроизводства, основанные на общепризнанных принципах международного права, закрепленных в международно-правовых нормах (общего характера либо международных договорах, ратифицированных всеми либо большинством государств); судебных решений международных судебных органов, носящих прецедентный характер, относящихся к сфере регулирования уголовно-процессуальных отношений, а также национальных норм права» [Пономаренков 2012: 464]. В то же время развитие уголовного процесса в России происходит на собственной исторической основе, но с учетом международно-правового опыта. Основные заимствования, реализованные в ходе судебно-правовой реформы в нашей стране, касаются прав человека и суда: общепризнанные принципы, стандарты правосудия, суд присяжных и судебный контроль в стадии предварительного расследования. Вместе с тем существует объективная необходимость в использовании западного и своего исторического опыта реализации общих уголовно-процессуальных стратегий, тесно связанных с уголовно-процессуальной политикой современных государств: 1) защиты прав и свобод подозреваемого и обвиняемого; 2) уголовного преследования; 3) социальной поддержки обвиняемого; 4) социальной поддержки потерпевшего; 5) рациональности и эффективности уголовного судопроизводства; 6) примирения [Стойко 2006: 240–241].

Каждый этап развития общества имеет свои тенденции уголовно-процессуальной политики как в мировом масштабе, так и на уровне отдельных государств. При этом общемировые и национальные тенденции могут частично совпадать, поскольку являются адекватным ответом на

актуальные для всего мирового сообщества вызовы. На формы, которые государство избирает для борьбы с преступностью, влияют социально-экономические преобразования, развитие новых технологий, ускорение темпа жизни людей и другие факторы. Однако, кроме высокого уровня преступности, при их выборе должны учитываться и те проблемы, с которыми сталкивается практика, например, обеспечение прав потерпевших и реальное возмещение им ущерба, причиненного преступлением; ресоциализация преступника и др. Это приводит к необходимости поиска новых решений, новых подходов к борьбе с преступностью, к изменению системы уголовного процесса с целью ее эффективного функционирования. Во многом именно этими причинами обусловлено появление и развитие концепции восстановительной юстиции, основоположники которой рассматривают ее в качестве новой парадигмы правосудия [Арутюнян 2013: 2].

Как известно, традиционными методами реакции государства на нарушения уголовного закона являются уголовное преследование, уголовная ответственность и наказание. Уголовное преследование, бесспорно, является центральной категорией уголовного судопроизводства, которая характеризует уголовный процесс в целом, а также определяет его назначение, принципы, стадии, круг участников, дифференцированные виды производств [Деришев 2016: 9]. Однако, следует признать, что традиционный уголовный процесс не всегда позволяет с успехом разрешить уголовно-правовой конфликт, который представляет собой столкновение полярных интересов лица, совершившего преступление, и потерпевшего, общества, государства в сфере общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Привлечение к уголовной ответственности и назначение уголовного наказания (как наиболее вероятный исход уголовного судопроизводства) предполагает принуждение и не во всех случаях является эффективным способом устранения уголовно-правового конфликта и воздействия на состояние преступности в целом. Карательный подход к решению проблемы преступности в совокупности с недостатками пенитенциарной системы не всегда позволяет удовлетворить потребности потерпевшего, а также достичь цели превенции. Необходимо обратить внимание на такие факторы, как рост преступности в целом, в том числе и преступности несовершеннолетних, значительное число преступлений небольшой и средней тяжести. Места лишения свободы, где содержатся также лица, осужденные за незначительные преступления, не способствуют исправлению преступников, предупреждению преступности, а во многом порождают рецидивную преступность. Осужденные, содержащиеся в местах лишения свободы, утрачивают способность к социальной адаптации, к жизни в нормальном обществе в связи с отсутствием реабилитационных программ. Они вновь совершают преступления в связи с утратой социальных связей, неприспособленностью к жизни на свободе, отсутствием возможности устроиться на работу [Нагуляк 2012: 3]. Недостаточная защищенность интересов потерпевшего, необходимость индивидуального подхода к каждому случаю совершения преступления также обуславливают потребность в выработке современных механизмов разрешения уголовно-правовых конфликтов.

С развитием общественных отношений, глобализацией права, активной деятельностью международных организаций все больше влияние на классическое, традиционное уголовное судопроизводство оказывают различные альтернативы уголовному преследованию (предупреждение, медиация, семейные конференции и проч.), направленные на гуманизацию, ускорение уголовного процесса, обеспечение прав потерпевшего, процессуальную экономию. Альтернативы уголовному преследованию представляют собой закономерное явление дифференциации уголовной юстиции, способствуют расширению демократических начал и участию общественности в судопроизводстве [Кузьмина 2015: 57].

Отказ от применения не только уголовного наказания, но и по возможности ото всех традиционных уголовно-процессуальных механизмов, развитие в законодательстве и правоприменительной практике разнообразных альтернатив уголовному преследованию стало одной из ключевых тенденций зарубежного уголовного судопроизводства. Она является объективной и

универсальной, поскольку наблюдается во всех западных уголовно-процессуальных системах, как англосаксонских, так и континентальных [Головко2003: 11–12]. Конечно, Россия не должна стоять в стороне от этих процессов, ибо на совершенствование системы уголовного судопроизводства в нашей стране существенное влияние оказывает зарубежное уголовно-процессуальное законодательство и общие тенденции развития уголовного и уголовно - процессуального права, присущие большинству европейских государств. Российское законодательство имеет потенциал для развития примирительных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов. В этой связи необходима разработка концепции и законов о медиации в рамках производства по уголовным делам.

ЛИТЕРАТУРА

Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2010. № 2(36).

Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2013.

Головко Л.П. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации (современные тенденции развития): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

Головко Л.П. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации (современные тенденции развития): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

Григорьев В.Н. О некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики: сб. ст. М., 2010.

Деришев Ю.В., Забуга Е.Е. Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних. М.: Юрлитинформ, 2016.

Зинатуллин З.З. Вновь о направлениях и некоторых вопросах методологии исследований в сфере уголовно-процессуальной науки // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 4.

Кузьмина О.В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве // Lex Russica. 2015. № 1.

Лупинская П.А. Высокое политическое значение уголовного судопроизводства // Lex Russica (Научные труды Московской государственной юридической академии). 2008. №2.

Ляхов Ю.А. Новая уголовно-процессуальная политика. Ростов н/Д: Изд-во Рос. ун-та. 1992.

Нагуляк М.В. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.- Челябинск, 2012.

Новиков С.А. Институт показаний в свете современной уголовно-процессуальной политики России: тенденции развития и актуальные проблемы // Правоведение. 2013. №2.

Пономаренков В.А. Уголовно-процессуальная правовая политика // Правовая политика: учеб. пособ. / под. ред. А.В. Малько, Р.В. Пузикова. Тамбов: Изд-во ТГУ. 2012.

Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и инструментов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск, 1996.

Прокофьева С.М. Гуманизация уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юр. н. СПб., 2002.

Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. н. Томск, 2012.

Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб.: Издательский Дом СПбГУ, 2006..

Челохсаев О.З. Современная уголовно-процессуальная политика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С.117-118.

Культикова Валерия Вячеславовна

Жарич Виктория Тимофеевна

Бочков Павел Валерьевич

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ОСКОРБЛЕНИЯ КАК АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

***Аннотация.** В статье подробно рассматривается понятие оскорбления чести и достоинства, его законодательное закрепление. Детально анализируется состав данного административного правонарушения.*

***Ключевые слова:** оскорбление, честь и достоинство личности, неприличная форма, состав административного правонарушения.*

На протяжении всей жизни индивид формируется, изменяется и развивается как личность. Находясь в обществе, происходит непрерывное взаимодействие с другими людьми, при этом возможны и конфликтные ситуации, содержащие субъективную оценку другого лица, которая нарушает права и свободы личности и гражданина. Это может повлечь за собой нарушение норм, закрепленных в нормативно-правовых актах. В первую очередь, положения, отраженные в Конституции РФ, в которых закреплена охрана чести и достоинства государством: «ничто не может быть основанием для его умаления» [п.1, ст.21], «каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени» [п.1, ст.23].

В силу ряда причин в Кодекс об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) была введена статья, предусматривающая административную ответственность за оскорбление [ч.1, ст.5.61]. Ранее рассмотренная норма была указана в Уголовном кодексе РФ (ст.130) [ст.7362].

Административные правонарушения, связанные с оскорблением граждан, очень распространены и занимают весомую долю в числе общего количества регистрируемых правонарушений. Согласно статистической информации Судебного Департамента при Верховном Суде РФ данных о деятельности судов за 2012 год по делам, возбужденным по данному правонарушению нет. В течение 2013 года судами было рассмотрено 17 017 соответствующих дел. В результате рассмотрения 14 460 лиц подверглись наказанию [Отчет о работе судов общей юрисдикции ... 2013: 3]. В 2018 году рассмотрено 16 119 дел, из них в 13 962 случаях был вынесен обвинительный приговор [Отчет о работе судов общей юрисдикции ... 2018: 4]. Следовательно, в течение 5 лет количество дел, связанных с оскорблениями, сократилось, однако снижение не является существенным. Таким образом, изучение такого административного правонарушения как оскорбление не перестает быть актуальным.

В настоящее время существуют трудности в изучении состава правонарушения из-за характеристики самого оскорбительного деяния, которое содержит субъективные оценочные категории – честь и достоинство, а также вопрос о наличии в действиях правонарушителя неприличной формы. Оскорбление – это «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» [Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации 2020: ч. 1 ст. 5.61].

Состав административного правонарушения. Субъект данного правонарушения – физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Характеристиками субъективной стороны оскорбления являются вина и умышленная форма. При совершении деяния субъект всегда осознает, что он унижает честь и достоинство человека, выражаясь в неприличной форме унижения, тем самым представляя общественную опасность.

Объектом оскорбления являются общественные отношения, связанные с вопросами чести и достоинства личности. Правовая основа данной нормы – Конституция РФ. В настоящее время не существует легально закрепленной характеристики понятий «честь» и «достоинства», несмотря на их фундаментальный характер. В специализированной литературе рассматриваются различные подходы к данным понятиям. Проанализировав различные точки зрения, можно обобщить наиболее существенные признаки понятий в следующие определения: достоинство – внутренняя оценка своих личных качеств, иными словами, это то, как субъект оценивает себя, свои личностные характеристики и особенности, в свою очередь, честь – качества, которыми общество, его отдельные представители наделяют личность. Из этого вытекает суждение о том, что не является целесообразным давать характеристику понятию «честь» через использование понятия «достоинство» и наоборот.

Объективной стороной оскорбления является деяние виновного, при этом какие-либо последствия деяния выходят за рамки состава административного правонарушения. Оскорбительные деяния виновного – это всегда активные действия лица.

По сути оскорбления в форме бездействия быть не может. В связи с этим, демонстративное проявление неуважения с игнорированием общепринятых правил хорошего тона и вежливости не является наказуемым деянием, т.к. выражено в форме бездействия.

Человек может выражать свое оскорбление не только словом, но и действием, и жестом. Также существуют оскорбления в виде физических воздействий, унижающих честь и достоинство потерпевшего. К рассматриваемой форме относят все телесные и физические контакты оскорбителя и оскорбляемого. Например, это может быть плевок, пощечина, взятие за шиворот или за волосы и т.п.

Оскорбления при использовании действий условно можно разделить на два вида. Первый вид характеризуется физическими насильственными действиями (плевок, пощечина, закидывание мусором, дергание за уши или нос, щелчок пальцем по лбу и др.). В таком случае возникает сложность и необходимость разграничения упомянутых оскорбительных действий от физического насилия (побои) [Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации 2020: ст. 6.1.1] и от причинения вреда здоровью человека. Второй вид трактуется как символическая обида из-за оскорбления действиями. Под ними понимаются неприличные телодвижения: сдирание головного убора или его натягивание на голову, срывание или задираание одежды и прочее. Этот вид достаточно редко составляет объективную сторону оскорбления.

Как уже было отмечено, есть и словесное оскорбление потерпевшего путем употребления в его адрес унижительных выражений. Вопрос о том, действительно ли сказанные слова оскорбляют потерпевшего, разрешает судья, опираясь на совокупность конкретных обстоятельств. При этом судьи в процессе формирования окончательного решения часто опираются на результаты специальной лингвистической экспертизы.

Оскорбление словом может быть обычно связано с применением инвективной лексики, которая противоречит принятым общественным нормам. К инвективной (ругательной) лексике относят матерные или грубые просторечные слова (например, уродина), зооморфные метафоры (например, баран), слова, которые обозначают социально неприемлемое поведение (к примеру, базарная проститутка) и т. п. В инвективную лексику и фразеологию входят слова и выражения, заключающие в своем семантическом значении и экспрессивной окраске отрицание личности того, по отношению к кому они употребляются. Они используются с целью унижения, оскорбления, унижения чести адресата.

К противоправной инвективной лексике также следует относить obscene (мат). В русской речи данная лексика выполняет ряд функций, одной из которых является унижение, оскорбление, создание порочного образа человеку. То есть оскорбление словом всегда направлено на определенного человека. Состав оскорбления не формируется действиями лица, публично

употребившего нецензурную брань, так как необходимо доказать, что используемая им ругань имела отношение к конкретному адресату [Иванин 2019: 154].

Оскорблениями в виде жестов являются неприличные телодвижения коммуникативной направленности, ведущие к унижению чести и достоинства человека. Как правило, жесты применяются в качестве визуализации обценной лексики. Жесты оскорбительного характера чаще всего представляют собой фаллическую символику (например, средний палец – самое распространенное).

Для признания жеста оскорбительным потерпевший должен понимать его смысл. Однако не всеми жестами возможно оскорбить. Например, покручивание пальцем у виска, удары себя по лбу, разведение рук в сторону не образуют состава оскорбления. В такой жестикуляции содержится неуважительное отношение к человеку, однако она не несет в себе общественную опасность.

Как уже было отмечено ранее, объективная сторона состава оскорбления характеризуется унижением чести и достоинства человека, выраженным в неприличной форме. Унижение чести и достоинства – это отрицательная оценка личности, дискредитация человека, подрыв его морального престижа как в глазах окружающих, так и в его собственных глазах [Иванин 2019: 152]. В первую очередь, потерпевший сам должен оценить факт наличия унижения, его степень и глубину. Однако суд при вынесении решения о характере деяния: являлось или не являлось оскорбительным для потерпевшего, должен руководствоваться объективными критериями, но при этом учитывая субъективную оценку пострадавшего.

Неприличная форма – откровенно циничная, резко противоречащая принятой в обществе манере обращения между людьми форма, «особо унижительные оценки потерпевшего, наиболее упрекающие действия оскорбителя, грубо нарушающие элементарные нормы приличия» [Поезжалов 2020: 345].

Таким образом, в результате декриминализации определенных норм уголовного законодательства РФ оскорблению присвоили квалификацию административного нарушения. Оскорбление является достаточно распространенным видом административного правонарушения в современной реальности, исходя из статистических показателей деятельности судов.

Субъектом оскорбления признается лицо, достигшее 16 лет. Объектом данного правонарушения являются общественные отношения, связанные с честью и достоинством другого лица. Субъективной стороной оскорбления является вина в умышленной форме. Объективной стороной принято считать унижение чести и достоинства потерпевшего, выраженное в неприличной форме. Состав административного правонарушения отсутствует в случае непризнания объективной стороны по форме неприличной. При осуществлении квалификации состава оскорбления правоприменитель часто сталкивается со сложностью определения объективной стороны из-за субъективной оценки оскорбленным лицом [Поезжалов 2020: 346]. Поэтому, одним из эффективных решений данной проблемы будет законодательное легальное закрепление понятия «неприличной формы».

ЛИТЕРАТУРА

Иванин А.А. Особенности состава оскорбления личности как административного правонарушения // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 4 (42). С. 150-156.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.03.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения - 12.03.2020г.)

Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения - 12.03.2020г.)

О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07 декабря 2011г. № 420-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях (I-АП) Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2013 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2361> (дата обращения: 12.03.2020г.)

Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях (I-АП) Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2018 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 12.03.2020г.)

Поезжалов В.Б. Оскорбление: вопросы квалификации // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2020. № 1. С. 343-346.

Лиснов Павел Сергеевич

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Аннотация.** Целью статьи является характеристика объективной и субъективной сторон составов преступлений в сфере пожарной безопасности для обеспечения квалифицированного разграничения административных и уголовных составов противоправных деяний.*

В статье анализируются составы преступлений в сфере пожарной безопасности. На основе сопоставительного анализа определены общие характеристики, определяющие особенности данного вида преступлений.

Автором определены необходимы криминализирующие элементы составов преступлений в сфере пожарной безопасности, а также выявлены правовые лакуны с точки зрения дальнейших исследований.

***Ключевые слова:** пожарная безопасность, уголовная ответственность, вина, ответственность, правила пожарной безопасности.*

Развитие нормативно-правового регулирования пожарной безопасности привело к формированию обособленной отрасли российского законодательства – законодательства о пожарной безопасности. В Конституции РФ вопросы ведения Российской Федерации и ее субъектов разграничены в ст. ст. 71 и 72. Обеспечение пожарной безопасности на сегодняшний день в нашей стране регламентируется Федеральным законом от 21.12.1994 № 69-ФЗ "О пожарной безопасности"(далее – Закон о пожарной безопасности).

Под правилами пожарной безопасности понимается комплекс положений, устанавливающих обязательные требования пожарной безопасности, содержащиеся в различных законах, иных нормативных правовых актах, а также в нормативных документах уполномоченных государственных органов, направленных на предотвращение пожаров и обеспечение безопасности людей и объектов в случае возникновения пожара.

Нарушение требований пожарной безопасности заключается в невыполнении либо ненадлежащем выполнении писанных правил, установленных с целью предупреждения пожаров, а также правил, обеспечивающих безопасность людей, имущества и окружающей среды, при уже возникших пожарах.

Соответственно, нарушение требований пожарной безопасности может быть выражено как в форме действия, то есть совершения действий, которые запрещены правилами пожарной безопасности, так и в форме бездействия.

Нормы, предусматривающие юридическую ответственность за нарушение требований пожарной безопасности, содержатся в статьях Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) и Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ).

Административная ответственность за правонарушения в сфере пожарной безопасности предусмотрена в КоАП РФ в ст. 8.32, - ст. 11.16, ст. 19.5, ст. 19.13, ст. 20.4. Уголовная ответственность за криминализованные деяния в сфере пожарной безопасности предусмотрена в ст. 219 УК РФ, являющейся основной нормой права, предусматривающей наступление уголовной ответственности в данной группе правонарушений.

Вопрос разграничения составов административных правонарушений и уголовных преступлений определяется особенностями составов правонарушений, признаками объективной и субъективной сторон правонарушения.

Одной из особенностей преступлений, нарушающих правила безопасности, является то, что они выражаются в нарушении специального порядка поведения, из чего следуют специфические характеристики всех элементов их составов. В целом можно говорить о том, что данные преступления обладают специальной противоправностью.

Еще одной важной особенностью является бланкетность норм данных статей, поскольку специальные правила и требования безопасности содержатся в иных источниках иной отраслевой принадлежности.

Основным непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 219 УК РФ, является пожарная безопасность как разновидность общественной безопасности. Дополнительным обязательным непосредственным объектом данного состава преступления являются здоровье и жизнь человека. Факультативным непосредственным объектом данного состава преступления может быть собственность, поскольку пожаром может быть уничтожено имущество, как движимое, так и недвижимое (здания, сооружения, склады, продукция и т. д.). Кроме того, в качестве факультативного объекта может выступать экологическая безопасность.

Потерпевшими (пострадавшими от пожара) от данного преступления могут быть любые лица, погибшие или травмированные на пожаре в связи с воздействием различных факторов пожара.

Оконченным состав рассматриваемого преступления является с момента причинения тяжкого вреда здоровью человека (хотя бы одного). Соответственно, наступление последствия в виде тяжкого вреда здоровью человека является обязательным криминообразующим признаком основного состава рассматриваемого преступления. Ненаступление данного последствия исключает уголовную ответственность по ст. 219 УК.

Уголовный кодекс дает расширительную трактовку субъектов рассматриваемой группы правонарушений, включая не только собственников, но и, например, арендаторов объектов недвижимости, что, с одной стороны, является уточняющим обстоятельством по отношению к ранее существовавшей норме в советском уголовном законодательстве, но, с другой стороны, - создает правовые коллизии, связанные с вопросом выяснения тяжести бремени последствий общественно-опасных деяний этой группы применительно к каждому из субъектов.

Анализ субъективных признаков рассматриваемой группы правонарушений продемонстрировал двойной характер вины, умысел является квалифицирующим признаком.

Таким образом, вопрос разграничения состава административных правонарушений и уголовных преступлений в сфере пожарной безопасности связан с наличием специальных криминализирующих признаков как с точки зрения объективной, так и субъективной сторон преступления. Затруднения в анализе фактических нарушений правил пожарной безопасности видятся автору во множественном характере специальных норм и правил, в том числе представленных в технических регламентах, а также в сложности процесса доказательства связи между виной за противоправное деяние и последствиями в виде причинения тяжкого вреда здоровью человека. Руководствуясь Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации

при решении вопроса о виновности лица в нарушении правил пожарной безопасности, судам необходимо выяснять, в чем конкретно состояло ненадлежащее исполнение либо невыполнение данных правил, имеется ли причинная связь между допущенными нарушениями и наступившими последствиями, и указывать на это в приговоре со ссылкой на конкретные пункты правил пожарной безопасности, которые были нарушены. Указанные обстоятельства с необходимостью определяют потребность правовой науки в унификации и систематизации правил пожарной безопасности, уточнении классификационных оснований обстоятельств, характеризующих ненадлежащее исполнение либо невыполнение данных правил, а также разработке правовой формулы способов и механизмов установления связи между нарушениями и последствиями.

ЛИТЕРАТУРА

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 02 августа 2019 г.) [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2019)

Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2019)

О пожарной безопасности: Федеральный закон от 21 декабря 1994 № 69-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2019)

Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (в ред. от 02 августа 2019 г.) [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2019)

**Лукин Анатолий Николаевич
Новикова Вероника Николаевна**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал

ВЛИЯНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЙ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРАВ ЖЕНЩИН В СОЦИУМЕ

***Аннотация.** В цивилизованном мире практически не осталось противников соблюдения прав человека и гражданина. В эпоху глобализации возникает стремление сделать права человека универсальными, придать им императивный характер. Большинство стран, ратифицировали международные документы о соблюдении прав человека, что только усиливает обозначенный нами тренд. Но на практике не всё происходит столь однозначно. В конкретном социуме на процесс реализации прав человека влияют многие факторы – политические, культурные, религиозные, правовые, организационные и т. д., что существенным образом корректирует ситуацию соблюдения прав человека в социуме. Это в полной мере касается соблюдения прав женщин.*

Цель исследования: выявить характер влияния социокультурных условий на соблюдение прав женщин в конкретном социуме

Методология исследования. Мы опирались на системный и институциональный подходы, в рамках которых использовали структурно- функциональный анализ, сравнительный анализ, общенаучные методы – абстрагирование, описание и объяснение.

Научная новизна: показано влияние различных факторов на соблюдение прав женщин в конкретном социуме.

Ключевые слова: права человека, права женщин, ценности, правовые нормы, международное право.

Обсуждение. В наши дни никто не ставит под сомнение важность соблюдения прав женщин. Это закреплено Конституцией Российской Федерации, а также многими международными и российскими правовыми актами. Но обеспечение прав женщин – это вовсе не автоматический процесс. При реализации прав человека часто возникают противоречия, среди которых такие как:

- между интересами граждан и государственных структур или конкретных чиновников;
- между частными и общественными интересами;
- между частными интересами разных граждан;
- между требованиями ратифицированных страной международных документов и традиционными культурными ценностями (в частности, религиозными установками), которые им не соответствуют;
- между различными правовыми системами, которые отличаются своими подходами к обеспечению прав женщин;
- между разными интерпретациями конкретной ситуации, в которой реализуется то или иное право женщин и др.

Влияние типа правовой системы на соблюдение прав женщин. На соблюдение прав женщин в социуме существенное влияние оказывают особенности его правовой системы. Предпринято множество попыток осуществить классификацию правовых систем. Например, известный российский эксперт В. Е. Чиркин вполне обоснованно, на наш взгляд, выделяет три глобальные правовые системы в современном мире – мусульманскую, либерально-полусоциальную капиталистическую и тоталитарно-социалистическую. Он пишет: «Их признаки, обуславливают принципиальные различия, возможности и объективные пределы сближения глобальных правовых систем. Такие пределы обусловлены разной социальной сущностью глобальных систем, их антагонизмом, в результате чего процессы сближения нередко имеют внешний, а не сущностный характер» [Чиркин 2015: 14]. Более того, внутри глобальных правовых систем тоже есть так называемые правовые семьи. Так, правовая система Саудовской Аравии сильно отличается от правовой системы Египта или Ирана, хотя во всех перечисленных странах господствует ислам. Но, если невозможно представить себе наличия в мире одной универсальной правовой системы, то столь же проблематично надеяться на то, что в условиях разных правовых систем будут идентичные подходы к соблюдению прав женщин. Наряду с общими положениями, прописанными в международных документах, есть особенности, присущие правовой системе конкретного государства, они существенным образом влияют на содержание и механизмы реализации прав женщин. Глобализация обуславливает заимствование или эволюцию ряда правовых институтов, но, как правило, не подрывает сущностную основу правовой системы государства.

В то же время в правовой системе англосаксов (Англии, США, Австралии и др.) на уровне конституций и других важнейших законов (напомним, что в Великобритании официальной конституции нет) не прописаны гарантии соблюдения женщинам (впрочем, и мужчинам тоже) их социально-экономических прав. В этих социумах считается, что власть не может гарантировать больному возвращение утраченного здоровья, безработному – возможность трудоустройства, безграмотному – высокое образование и т. п. [Чиркин 2015: 11]. В перечисленных странах тре-

петно относятся к своим правовым традициям и не спешат их пересматривать. Тогда как наличие конституционных гарантий прав на труд, на охрану здоровья, на получение образования в нашей стране (как и в некоторых других странах) позволяет, по мнению многих российских экспертов, более эффективно защищать граждан, незаконно лишенных работы, или тех, кому в лечебном учреждении не оказали квалифицированную медицинскую помощь.

Конечно, не стоит игнорировать силу мировых трендов в области соблюдения прав человека. Идея равенства полов в результате диффузии культурных ценностей распространилась из Европы на все континенты. В частности, Захарова Н.В. в своих публикациях показывает, как распространение среди китайских женщин, представлявших элитную часть китайского социума, знания английского языка и чтения на нём европейской литературы вызвало нарастание социальной активности китаянок, их участие в феминистском движении и, как следствие, расширение их прав [Захарова 2019]. В эпоху глобализации благодаря новым технологиям и расширяющимся международным взаимодействиям в самых разных областях взаимовлияние культур только возрастает.

Права женщин и религиозный фактор. Влияние религии на трактовку прав женщин очевидно. Так, по европейским меркам, в исламских странах не соблюдаются основные права женщин. Им не позволено делать многое из того, что разрешено мужчинам. Такое положение женщины вытекает из жёстких предписаний мусульманского права – шариата. Впрочем, европейские и арабские правоведы по-разному оценивают положение женщин в исламе, приводя при этом примеры из Корана и Сунн, а также факты общественной жизни исламских стран [Адыгезалова 2018]. Так, эксперты-мусульмане убеждены, что Ислам из абсолютно бесправного бездушно-го существа, принадлежащего мужчине, превратил женщину в человека, достойного уважения, наделив её правом наследования имущества, обязательного её согласия при вступлении в брак и т.д. Женщина стала субъектом правоотношений, а, следовательно, обладателем ряда прав. Знайки ислама напоминают, что во время своего паломничества в Мекку (прощального хаджа) Мухаммед дал наказ мусульманским мужчинам, чтобы они боялись гнева Господня, в случае несправедливого отношения к женщине, потому что женщины дарованы мужчинам самим Аллахом. Для секуляризованного западноевропейского общества онтологический статус женщины как «дара Аллаха мужчине» будет явно недостаточен, так как не идентичен онтологическому статусу мужчины, а, следовательно, оставляет возможность для обоснования отсутствия равноправия полов.

Отметим, что положение женщин существенно различается в разных странах, где доминирует ислам. Если в Саудовской Аравии лишь несколько лет тому назад женщинам предоставлено избирательное право, они не могут заниматься многими «мужскими» видами деятельности, получают образование отдельно от мужчин и обязательно с разрешения отца (мужа), то в ряде других стран у женщин есть возможность активно заниматься предпринимательской и политической деятельностью. В любом случае, права женщин-мусульманок невозможно трактовать вне контекста религиозных догматов.

Критика положения женщины в странах ислама со стороны международных и российских экспертов, осуществляемая с иных мировоззренческих установок, естественно, не воспринимается мусульманским обществом как конструктивная. Поэтому, на наш взгляд, гораздо продуктивнее бороться за права женщин-мусульманок, интерпретируя в их пользу те или иные положения священных мусульманских текстов, с последующим закреплением этого в правовой системе соответствующего государства. Тем более, что нынешнее положение женщины в европейских странах – это тоже результат постепенных эволюционных изменений. Так в Древнем Риме положение женщины зависело от статуса её отца, а после замужества – мужа. Глава семьи господствовал в семье на законных основаниях. И хотя женщины Древнего Рима превосходили в своих правах жительниц других государств древности, их положение не было равным по отношению к мужчине [Шарыпова 2019]. Понадобились многие годы борьбы за свои пра-

ва, чтобы достичь нынешнего высокого социального положения европейских женщин. Это во многом объясняется развитостью гражданского общества в либерально-демократических странах.

Роль неформальных институтов в обеспечении прав женщин. Институты гражданского общества позволяют эффективно отстаивать частные интересы граждан и социальных групп [Зырянов 2016]. Поэтому женские организации играют всё более важную роль в общественно-политической жизни демократических стран. Для политика западноевропейской или североамериканской страны рассориться с влиятельными женскими объединениями часто может быть равносильно политическому самоубийству. Возможности государства в области обеспечения прав женщин велики, но их не стоит переоценивать. Как отмечает известный российский представитель институционального подхода в экономике А.А. Аузан, «у государства нет ничего такого, что оно могло бы делать монопольно, и никто другой этого делать не умеет» [Аузан 2006]. Это касается экономической жизни общества. Тем более, важно понимать большую роль гражданского общества в сфере соблюдения прав женщин. Они не только оказывают давление на власть, отстаивая частные интересы женщин, но, что ещё важнее, формируют неформальные институты, роль которых, в частности, описывают А.А. Аузан и Е.Н. Никишина [Аузан 2013]. Неформальные институты от формальных отличаются инфорсментом (мерой или условием, направленным на принуждение каждой стороны договора выполнить свои обязательства по нему). Для юриста, в первую очередь, важно, что конкретно написано в законе, соглашении, договоре. Но для членов социума не менее важно то, как это будет воплощаться в жизни. Способ принуждения, применяемый формальными институтами, предполагает использование специально обученных людей, как правило государственных служащих (судей, полицейских, инспекторов, судебных приставов и т. д.). Неформальный институт использует принуждение к действию со стороны окружающих членов социума, которые воздействуют на нас, исходя из своих убеждений, приверженности традициям, т. е. своей системы ценностей. Нарушитель становится нерукопожатным. Поэтому большинство людей подчиняется неформальным нормам в силу потребности жить среди других членов социума, общаться с ними, решать с ними какие-либо вопросы. Игнорируя требования неформальных институтов, гражданин закрывает для себя многие возможности, связанные с жизнью в обществе, выталкивает себя на «обочину жизни». Соблюдение прав женщин должно обеспечиваться как формальными, так и неформальными институтами. Роль гражданского общества в формировании последних трудно переоценить.

Отдельной сложной проблемой является возможность формирования в социуме гражданского общества, основанного не на чисто западных либеральных ценностях, а на традиционных ценностях конкретного общества. Вокруг этой идеи сейчас ведутся острые научные дискуссии [Лукин 2018].

На наш взгляд, международное давление на конкретный социум с целью принудить его политическое руководство строго соблюдать права человека и конкретно женщин должно иметь свои пределы, объясняемые необходимостью учёта культурных традиций народов. Речь, конечно, не идёт о том, чтобы закрывать глаза на бесчинства тиранов, преступных режимов или террористических организаций типа ИГИЛ. Мы предостерегаем от другой крайности, когда под некий единственно верный стандарт соблюдения прав человека (как правило выработанный странами Запада) стремятся подогнать все страны. Тем более, что иногда «забота» о правах человека становится предлогом для вмешательства в дела суверенных стран. В государственно-правовую жизнь социума вносится деструкция, которая приводит к масштабным социальным потрясениям. Такой экспорт западной модели соблюдения прав человека игнорирует не только культурные ценности народов, их правовую систему, но и общепризнанные нормы международного характера. Экспорт так называемых цветных революций тому наглядный пример [Попов 2014]. Последствия такого воздействия на социум бывают катастрофическими как раз для

соблюдения в нём прав человека. В качестве примера можно привести Ирак, Ливию, Сирию и Украину.

Новые аспекты борьбы за права женщин. Дискриминация по половому признаку может приобретать в наши дни новые формы даже в странах, где провозглашается наличие правового государства. Так, нельзя отрицать тот факт, что обеспечение жизни женщины сейчас, как правило, стоит гораздо дороже, чем мужчины. Торговые организации негласно и уже давно берут так называемый «розовый налог» с представителей прекрасной половины человечества, устанавливая существенно более высокие цены для женщин на косметику, услуги парикмахера, одежду, проживание в отелях только для женщин и т.п. Товары с маркировкой «специально для женщин» стоят дороже, чем аналогичные товары для мужчин, а компании навязывают женщинам ненужные им услуги на основании гендерных стереотипов [Лукин 2016]. И этому не могут эффективно противостоять женские правозащитные организации. Производители специфических товаров и услуг и торговые организации в условиях капиталистического производства обладают большими возможностями лоббирования своих интересов. Но, это не означает, что такое положение дел будет неизменным. Тот факт, что эта проблема сейчас находит широкий резонанс в СМИ – предвестник нового витка борьбы за равные права женщин.

Повестка дня борьбы за права человека постоянно обновляется. В последние десятилетия в неё вошла проблема признания сексуальных прав женщин как элемента системы прав человека и его основных свобод. Среди политиков и правоведов нет единого понимания содержания понятия «сексуальные права женщин». Чаще всего под ними понимается весь спектр прав женщин применительно к обеспечению сексуального здоровья женщин [Бурдо 2015]. В таком случае сексуальные права женщин нельзя рассматривать вне контекста всей системы прав человека, прежде всего:

- права на жизнь, свободное и независимое распоряжение ею;
- права на безопасность;
- обеспечение полового равенства и отсутствие всякой дискриминации;
- право не подвергаться пыткам жестокому или унижающему достоинство личности обращению;
- права на неприкосновенность частной жизни;
- права на достижение возможно высшего уровня здоровья (в том числе и сексуального здоровья);
- обязанности свободного и полного согласия сторон, вступающих в брак, а также равенство прав супругов при расторжении брака;
- права принимать решение о количестве своих детей;
- права на получение информации и получение образования;
- права на свободу убеждений и возможность их открытого выражения;
- права на квалифицированную правовую защиту женщин в том случае, когда их права нарушаются [Бурдо 2015].

Однако в разных социумах порой диаметрально противоположно трактуется одна и та же ситуация, в которую попадает женщина. Так, в одних странах убеждены в неизменности права женщины на прерывание беременности, тогда как в других культурных традициях акцент делается на приоритете права ещё не появившегося на свет ребёнка на жизнь. Разделение мнений по этому вопросу характерно и для носителей различных систем ценностей внутри одного и того же общества. Например, по меркам православных и мусульманских общин в России, прерывание беременности – это тяжкий грех, приравниваемый к убийству, тогда как значительная часть граждан нашей страны воспринимает запрет на аборт как наступление на права женщин. Компромисс в этом вопросе всё же возможен. Разумно, на наш взгляд, когда перед окончательным принятием решения на прерывание беременности в обязательном порядке происходит встреча женщины с психологом (иногда священником, другой женщиной, побывавшей в подобной си-

туации и т. д.). Как показывает практика значительная часть женщин после этого принимают осознанное решение рожать ребёнка. Право выбора остаётся всё-таки за ней, но оценивает она последствия своего решения совсем по-другому. Этот пример показывает, что поиск компромисса по такому вопросу предпочтительнее открытого антагонизма между носителями разных мировоззренческих подходов.

Таким образом, наряду с процессом диффузии по всему миру западного стандарта прав женщин, наблюдается сильное влияние правовых, культурных, религиозных и политических традиций конкретного социума на положение женщин в обществе. Поэтому наряду с общими тенденциями в разных странах наблюдается особенные и даже уникальные варианты решения проблемы обеспечения достойного положения женщины в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

Адыгезалова Г. А. Права женщин в мусульманском мире // Закон. Право. Государство. 2018. № 1 (17). С. 74-77.

Аузан А.А. Три публичные лекции о гражданском обществе. – М.: ОГИ, 2006. 288 с.

Аузан А.А., Никишина Е. Н. Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 48-57.

Бурдо Е.П., Гаранина И. Г., Дмитриева Ю. Л. Проблема признания сексуальных прав человека как элемент системы прав человека и основных свобод // Вестник Межрегионального открытого социального института. 2015. № 2 (2). С. 124-131.

Гогидзе Ксения «Налог на розовое»: почему женщины платят больше? // Би-би-си. News. Русская служба. Лондон. 8.03.2016. Режим доступа: URL: https://www.bbc.com/russian/society/2016/03/160308_women_shops_pink_gender_marketing (дата обращения 16.01.2020).

Захарова Н. В. Движение за права женщин и рождение периодических изданий для женщин в Китае в эпоху поздней Цин // Вестник Костромского университета. 2019. Том 25. № 1. С.111-114.

Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Гражданское общество как система: проблема обретения эмерджентного свойства // Социум и власть. 2016. № 4 (60). С. 7-13.

Краснова Н. Н. Особенности российского правового образования в контексте социокультурной эволюции прав человека // Science for Education Today. 2019. Т. 9. № 1. С. 188-206.

Лукин А. Н. Может ли ориентация на традиционные нравственные ценности согласовываться с развитием гражданского общества в России? // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 18-23.

Попов В. В. Проблемы теории прав человека: информационная природа прав человека // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1 (28). С. 14-20.

Чиркин В. Е. Основные права человека: современные глобальные модели // Гражданин и право. 2015. № 5. С. 3-13.

Чиркин В. Е. Современные глобальные правовые системы: сближение и антагонизм // Журнал российского права. 2015. № 8 (224). С. 14-24.

Шарыпова Т. Н., Волкова Н. И. Права женщин в Древнем мире // Аллея науки. 2019. № 2 (29)

**Магда Ульяна Игоревна
Черногубова Екатерина Андреевна
Сошникова Ирина Владимировна**
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

**ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

***Аннотация.** В статье анализируется уголовная политика Российской Федерации с учетом тенденции гуманизации, что приведет к дальнейшему развитию, совершенствованию законодательства. На основании наблюдения, понятно, что вопросы по данной теме не в полной мере обусловлены и решены, в связи с чем были определены подпункты вопросов, которые приведут к их общему решению. В ходе исследования было обращено внимание на законодательные новеллы и цели гуманизации уголовного права, их перспективы, которые приведут к более гуманному подходу внутренней государственной политики.*

***Ключевые слова:** уголовно-правовая политика, уголовное право РФ, гуманизация уголовного права, Уголовный кодекс Российской Федерации, принцип гуманизма.*

Первоначально, следует понять потребность в модернизации, что толкает нас на создание новых процессов. Наблюдается взаимосвязь внутригосударственного и международного права, сам Лукашук И. И., ученый – правовед, утверждал: «На самом деле внутригосударственная правовая система воспринимает не международное право, как особую систему, а лишь содержание его норм. В результате соответствующие нормы сохраняют в международном праве свой статус, не претерпевая каких-либо изменений. В соответствии с ними создаются нормы внутреннего права». Основной задачей развития гуманизации должна быть защита прав человека мирового масштаба. Так как международные нормы влияют на внутреннюю политику страны, в том числе и на ее правовой аспект.

Уголовно-правовая политика страны в первую очередь направлена на внутреннее спокойствие страны, на уменьшение преступности, на стабилизацию общественной жизни, которая очень важна для человека, общества, государства. Рассматриваемая политика нацелена на выявление круга преступных деяний, их признаков и методов предотвращения. Снижение воздействия преступлений положительно скажется на построении стабильного социального развития [Савенков 2018 № 3: 9].

В Конституции Российской Федерации установлено, что права и свобода гражданина являются наивысшей ценностью государства. Из чего и вытекает создание принципа гуманизма, который ориентирован на отношения между человеком и государством, что доказывает нам цивилизованность общества, его нравственную воспитанность. Гуманизм подразумевает, что индивид очень ценный элемент сложной системы отношений, он достаточно развит, чтобы сохранять свою неприкосновенность и полноту прав. Уровень нравственности в обществе указывает, насколько принцип гуманизации пронизан в нем, что является основным показателем отношения человека в обществе, их полноценность как в материальном, так и в моральном плане.

Гуманизация законодательства – это процесс активного внедрения моральных ценностей и социальных гарантий в целях реализации интересов человека, его прав и свобод [Кашепов и др. 2015: 43]. Также следует заметить, что гуманизация проявляется в усилении защиты человека от криминального мира и установлении неких преград слияния двух институтов – крими-

нального мира и законопослушного гражданина. На самом деле не наступление наказания за преступление ограничивает человека в его совершении, а моральные принципы и воспитание.

Первоначально, следует проверить все ли условия применения гуманизации выполнены, например, запрет смертной казни, телесных наказаний, которые являются отголосками прошлого века, введение санкций за преступления, что соразмерны опасности деяния, расширение условий для освобождения от уголовной ответственности, предоставление отсрочки от отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющих детей в возрасте до 14 лет [Екимов 2015: 835].

Уголовное законодательство с условием внедрения гуманизации должно оставаться строгим и жестким. Уголовный Кодекс Российской Федерации в ч. 2 ст. 43 закрепляет цели применения наказания, а именно: восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, предупреждение совершения новых преступлений. В первую очередь наказание должно быть не жестким и строгим, а неизбежным. Само наказание и его исполнение должно быть соизмеримым с нанесенным вредом, полностью исчерпывать всю вину. Во избежание перевеса в сторону наказания, следует гуманизировать эту сферу. Конституционные гарантии должны быть на первом месте и все законные права и интересы сохранены, как законопослушных граждан, так и совершивших преступления [Капинус 2016: 365].

Первым шагом внедрения гуманизации в уголовное право будет являться деятельность в сфере наказаний. Сложная система наказаний по уголовному праву предлагает альтернативные виды уголовной ответственности за одни и те же преступления без учета конкретных факторов и обстоятельств его совершения. Поэтому следует развивать виды наказаний, не связанных с лишением свободы.

На наш взгляд, судам следует назначать лишение свободы, как крайнюю меру наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления. Как известно, наказание выполняет одну из функций – воспитательную, что возможно и без лишения свободы. Тем более достаточно большие затраты идут на содержание осужденных в местах лишения свободы, что невыгодно как государству, так и его законопослушным гражданам. Альтернативой лишению свободы можно применять такой вид наказания, как принудительные работы, что достаточно редко используется судьями по итогу вынесения решения [Непомнящая 2017: 138].

Для сравнения мы сопоставили использование судами в виде назначения наказания лишение свободы на определенный срок и применение принудительных работ. На 2016 г. осуждённых с лишением свободы на определённый срок было 201 490 человек, на 2017 г. 208 226 человек, на 2018 г. 197 189 человек, а осуждённых с применением принудительных работ в 2016 г. 5 человек, в 2017 г. 588 человек, в 2018 г. 1038 человек. Данная статистика отражена на официальном сайте Судебной статистики Российской Федерации.

Под уголовным проступком понимается правонарушение, которое несет минимальную общественную опасность, относится к категории преступлений небольшой тяжести. Этот законопроект предлагает смягчение ответственности, сокращение срока давности обвинительного судебного приговора, а также, что важно, новое основание для освобождения от уголовной ответственности, которое заключено в совершении данного уголовного проступка впервые оступившимся лицу. Освобождение будет неполным, оно подразумевает что наказание будет отбываться не в местах лишения свободы, а иными, менее суровыми, мерами уголовной ответственности. Данный законопроект явно нацелен на гуманизацию уголовного законодательства.

В ходе изменения законодательства явно прослеживается снижение верхних пределов санкций по немногочисленным преступлениям, так же обращается внимание на сам факт совершения преступления впервые. Также наблюдается назначение наказания экономического характера, штраф за экономические преступления, что демонстрирует гуманизацию и существуют еще некоторые действия, которые способствуют этому. Позиция общества к ранее осужденному должна быть изменена, так как отношение общества к нему может в дальнейшем спровоциро-

вать совершение повторного преступления, из-за которого было наказание, так как отсутствует специальная адаптация заключенных после освобождения. После исполнения наказания человек должен попытаться начать жизнь заново, но этому мешают общественные стандарты, его стремление реабилитироваться в социуме игнорируется и в дальнейшем исчезает, что может вызвать у осужденного желание вернуться в места лишения свободы.

Еще одним шагом, сделанным со стороны уголовного законодателя, было создание нормы по освобождению от уголовной ответственности и замене ее на судебный штраф. Обращается так же внимание на лиц, совершивших преступление, но не имеющих в дальнейшем общественной опасности для общества и государства. Мы считаем, что совершенствование системы наказания, а именно её конкретизация и гуманизация будет способствовать сокращению преступности. Это обуславливается возможной снисходительностью к лицу, совершившему преступление, и возможной реабилитацией его в социуме. Данные размышления не затрагивают опасных и особо опасных преступников. Наш аспект направлен на преступления небольшой тяжести, которые представляют наименьшую общественную опасность и, с учетом характера этой опасности, не влекут наказания в виде лишения свободы, например, преступления в сфере экономической деятельности.

Особое внимание мы хотим уделить назначению наказания по отношению к несовершеннолетним. Малая правовая образованность несовершеннолетних может провоцировать создание доброкачественной атмосферы развития преступности, ведь они не в полной мере осознают тяжесть и последствия преступлений. В связи с чем законодатель разрабатывает программы правовой грамотности для развития молодого поколения. Человек, который просвещен в правовом аспекте, имеет гораздо меньше шансов нарушить закон и быть привлеченным к уголовной ответственности, он может защищать себя.

Применение наказания к несовершеннолетнему должно быть также подобрано индивидуально, при назначении наказания несовершеннолетнему кроме обстоятельств, предусмотренных статьей 60 Уголовного Кодекса Российской Федерации, учитываются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц, что отражено в ч.1 ст. 89 настоящего Кодекса. Что способствует подобрать более подходящий вид наказания, который не навредит несовершеннолетнему и даст правильную соразмерность наказанию.

В рамках гуманизации также можно продвигать развитие института суда присяжных, благодаря им были определены казуальные моменты в правосудии. Но в последнее время количество рассматриваемых составов преступлений судом присяжных сократилось. В связи с чем законодателем разрабатывается новое, расширенное применение мер суда присяжных, увеличивается перечень преступлений, рассматриваемых коллегией присяжных заседателей. Тем не менее на практике реальность расходится с ожиданиями, ведь в расширенный список вошли менее встречающиеся преступления. На наш взгляд необходимо включить преступления в сфере экономической деятельности, такие как незаконное предпринимательство, незаконная банковская деятельность, манипулирование рынком и т.д. Это обуславливается наибольшей распространенностью из всех представляемых преступлений.

Проблемы, встречаемые при гуманизации уголовного законодательства РФ, необходимо решать с учетом изменений современного общества, и эта работа ведется, так как соответствующий проект был внесен Верховным судом Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Активные процессы пересмотра уголовного права дает свои плоды, ведь меры по более проблемным вопросам уже приняты. Гуманизация утверждена уже в Дорожной карте Уголовного права на период 2017-2025 гг., также там изменяется система наказаний [Иванчин 2017: 55]. Активное видоизменение уголовного законодательства ожидаемо, ведь в последнее десятилетие смена курсов как в политике, так и в экономике направляет законодателя урегулировать правовыми нормами возникшие новые пра-

воотношения, еще более сложные. Это отражается и в целях, которые преследует законодательство, какие общественные отношения следует взять под больший и сосредоточенный контроль [Говорухин 2016: 10].

Наиболее логичны изменения в упорядоченности уголовной ответственности, применение норм правоохранительными органами, рассмотрение судом видов наказаний. Это дает полное понимание соответствия новелл по отношению к уголовно-правовым принципам, например, законности и неотвратимости наказания [Савенков 2018: 7]. Разница в соответствии должна быть зафиксирована уважаемыми экспертами, которые в ходе дискуссий придут к наиболее законному и практичному выводу по той или иной теме, ведь от этого зависит противостояние преступности, ее росту.

ЛИТЕРАТУРА

Говорухин А. Е. Гуманизация уголовно-правовой политики // *Юридический факт*. 2016. № 5 (5). С. 7–11.

Екимов А. А. Гуманизация уголовного законодательства // *Молодой учёный*. 2015. № 9. С. 834–836

Иванчин А. В. Дорожная карта уголовной политики России на 2017–2025 годы: достоинства и недостатки // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. № 3 (41). С. 54–58.

Капинус О. С. *Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций*. М.: Проспект, 2016. 488 с.

Кашепов В. П., Гравина А. А., Кошаева Т. О. *Гуманизация современного уголовного законодательства: монография / под общ. ред. В. П. Кашепова*. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М., 2015. 336 с.

Кузнецова И. А. Проявление принципа гуманизма в нормах уголовного права [Электронный ресурс] // *Вопросы современной юриспруденции: материалы XVIII Международной научно-практической конференции*. URL:<https://sibac.info/conf/law/xviii/29821> (дата обращения: 30.11.2018).

Непомнящая Т. В. Гуманизация практики назначения уголовных наказаний: желаемое и действительное // *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2017. № 3 (52). С. 135–139.

Савенков А. Н. *Вопросы совершенствования уголовного права, процесса и уголовноправовой политики* // *Государство и право*. 2018. № 3. С. 5–13.

Масленникова Анастасия Юрьевна

Чепуркин Анатолий Геннадьевич

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСАМИ КАК ГАРАНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КОМПАНИИ

Аннотация. Актуальность данной темы обусловлена тем, что в настоящее время, в условиях жесткой конкуренции в предпринимательской сфере, ее субъектам для осуществления гарантий конкурентоспособности необходимо обладать умением производить наиболее точную оценку своих финансов. Высокий уровень значимости контроля финансов в системе управления предприятием обосновывается его тесной взаимосвязью со всеми сторонами хозяйственной

деятельности: практической, аналитической, научно-технической, маркетинговой и т. д. С учетом выше сказанного следует, что во многом уровень экономической безопасности компании зависит от качества управления финансами, внутренних и внешних факторов, влияющих на данный процесс.

Ключевые слова: финансы, управление финансами, проблемы управления, платежеспособность, кризис, безопасность, экономическая безопасность.

Возникновение проблем в сфере управления финансами современных предприятий выступает существенным барьером их функционирования, что помимо текущих трудностей может привести к полной ликвидации их деятельности. Соответственно, анализ возможных проблем финансового менеджмента, своевременное их выявление и незамедлительное устранение являются необходимыми условиями для эффективной деятельности предприятия и сохранения безопасности на рынке.

На сегодняшний день проблемы управления финансами являются объектом изучения большого количества авторов. Так, работа Арсахановой З. А. посвящена анализу теоретических аспектов управления финансами предприятия, а именно методам и оценке [Арсаханова 2018]. Суетин А. Н. акцентирует свое внимание на актуальных проблемах управления финансами предприятий в условиях кризиса [Суетин 2017], а Сабитова Л.Р. занимается выявлением возможных путей решения современных проблем финансового менеджмента на предприятии [Сабитова 2016].

Исходя из того, что управление финансами предприятия имеет динамический характер и находится под влиянием многочисленных факторов, в нашем исследовании целесообразно указать принципы, на которых оно базируется. Нарушение данных принципов является основополагающим условием возникновения ряда проблем в управлении финансами на предприятии.

Принципы управления финансами взаимосвязаны между собой и характеризуют как общие требования к организации этого процесса, так и собственно особенности управления финансами. Наиболее важные принципы управления финансами, позволяющие избежать проблем, это следующие:

1. Принцип целостности. Данный принцип позволяет обеспечить комплексность и согласованность управленческих действий на всех этапах управления финансами предприятия. Принцип целостности и комплексности дополняется непрерывностью управления финансовым потенциалом, который предполагает постоянную реализацию управленческих действий с момента создания предприятия до его ликвидации.

2. Непрерывность управления финансами предприятия. Данный принцип должен быть реализован не только в разные периоды времени, но и в пространстве, то есть на всех этапах управления соответствующим объектом.

3. Принцип эластичности. Сущность принципа эластичности заключается в возможности приспособления всех решений, принимаемых и реализуемых к реальным условиям хозяйствования (имеется в виду обязательный учет экономической, политической, внешней ситуации, внутренних условий хозяйствования, состояние материальных, трудовых и собственных финансовых ресурсов, кредитоспособность предприятия и платежеспособность его партнеров по бизнесу).

4. Для принятия наиболее оправданных управленческих решений необходимо соблюдение принципа научной обоснованности. Научная обоснованность отдельных показателей, таких как объем, структура и использование финансового потенциала предприятия, позволяет обеспечить целостность и эффективность процесса управления.

5. Принцип результативности нацеливает управленческие действия на достижение положительных финансовых результатов всех задач в сфере финансово-хозяйственной деятельности, которые планируются и реализуются.

Управление финансами предприятий представляет собой управление денежными потоками с целью получения прибыли в перспективе и обеспечения текущей платежеспособности. С учетом вышеизложенного, можно сказать, что поддержание возможности полного возмещения долговых обязательств достигается путем эффективного управления финансами предприятия, которое характеризуется отсутствием проблем в данном процессе.

Все проблемы, связанные с управлением финансами, ведут к возникновению дефицита денежных ресурсов на балансе предприятия. Причинами данных проблем могут быть как недочеты в финансовом планировании и распределении денежных ресурсов, так и неверная оценка влияния факторов внешней среды предприятия (например, недостаточно точный прогноз спроса). Внутренние причины на предприятии также включают отсутствие автоматизированных процессов управления финансами и производством, ошибки в процедурах расчета и планирования финансов, недочеты в работе сбытового и финансового отделов компании и пр.

Весь комплекс проблем управления финансами можно структурировать и свести в таблицу, которая представлена ниже. На сегодняшний день наиболее значимыми и распространенными являются проблемы, перечисленные в таблице 1.

Таблица 1 – Проблемы управления финансами на предприятии [Составлено автором]

Проблема	Краткое содержание
Нерациональное распределение финансов	Снижение уровня платежеспособности предприятия
Ошибки в системе бюджетирования	Отрыв системы бюджетирования и финансового плана от системы стратегического планирования
Отсутствие системы антикризисного управления	Неоптимальное устранение кризисных явлений
Неправильное определение приоритетных направлений финансово-экономической стратегии	Ошибочное определение направлений финансовых потоков
Неэффективная деятельность финансовой службы	Неграмотное управление финансами, нехватка финансовых сотрудников

В настоящее время наиболее распространенной является проблема нерационального распределения денежных средств предприятия. Сущность данной проблемы заключается в нерациональном распределении денежных потоков, следствием чего является невозможность выполнения предприятием всех своих финансовых обязательств. Проблема управления финансовыми ресурсами предприятия в своих результатах может иметь увеличение стоимости кредита и наложение ареста на имущество, принадлежащее предприятию.

С целью устранения данной проблемы следует управление финансовыми потоками основывать на принципах эффективности, ликвидности, сбалансированности и достоверности [Кривошапка 2016]. Кроме этого нужна эффективная работа предприятия с кредиторами, существующей задолженностью, чтобы имелось необходимое финансирование деятельности на оптимальных условиях. Чтобы решить эту проблему следует верно проводить оценку зависимости предприятия от тех источников финансирования, которые привлекаются, также отыскивать различные возможности относительно применения собственных источников, чтобы обеспечить не только текущую, но и даже долгосрочную деятельность, выявлять оптимальную стоимость тех ресурсов, которые привлекаются и прочее.

Также к проблемам управления финансами относится некорректное составление финансового плана и ошибки в системе бюджетирования. Плановые значения ключевых показателей деятельности предприятия, определяемые на основе стратегического плана, должны сопоставляться с другими годовыми бюджетами, а именно с операционным, инвестиционным и финансовым. Как показывает практика, у большинства предприятий наблюдается отрыв внедрения системы бюджетирования от планирования, что влечет за собой создание несогласованных нормативов в бухгалтерском, налоговом и управленческом учетах.

Помимо вышесказанного, в рамках данной проблемы, можно выделить еще один аспект, отражающий отсутствие процедур контроля исполнения. В качестве главных элементов системы бюджетного планирования и контроля можно отметить следующие:

- процедуры формирования бюджетов;
- процедуры утверждения бюджетов;
- процедуры исполнения бюджетов;
- процедуры анализа и контроля бюджетов;
- работники, которые отвечают за создание и исполнение бюджетов.

В том случае, если не будет хотя бы одного из отмеченных выше элементов, произойдет уменьшение эффективности системы бюджетирования.

В рамках проблемы бюджетирования, также можно отметить то, что не имеется алгоритмической связи строк и показателей разных бюджетов предприятия. Те бюджеты, которые не входят в систему взаимосвязанных структур данных, не являются эффективными, и рассматриваются только в качестве простой последовательности [Сидоровнина 2014: 79].

Проблема ошибок в системе бюджетирования может быть решена путем использования временных подходов к составлению и утверждению бюджетов, основанных на учете взаимосвязи между всеми бюджетами на предприятии.

Весомой проблемой в финансовом менеджменте является отсутствие системы антикризисного управления. Зачастую, на предприятиях система антикризисного управления имеет неэффективный характер либо отсутствует вовсе. Проблема антикризисного управления, в рамках финансового менеджмента, характеризуется использованием предприятиями неоптимального подхода к устранению кризисных явлений, заключающегося лишь в устранении текущих финансовых проблем, и в неиспользовании, в случае необходимости, кардинальных мер для предотвращения финансового кризиса, отражающихся в методах реструктуризации и реорганизации предприятия. Для решения этой проблемы необходимо проведение прогнозов критериев внешней и внутренней среды предприятия и составление определенных вариантов развития событий и тенденций в экономике, отрасли, на рынке с целью выявления факторов риска возникновения кризисных явлений.

Неправильное определение приоритетных направлений финансово-экономической стратегии также является одной из проблем финансового менеджмента. Данная проблема характеризуется ошибочным определением приоритетных направлений развития деятельности предприятия, сопровождающимся нерациональным использованием финансово-ресурсной базы предприятия.

Также рассматриваемая проблема находит свое отражение в управлении затратами, в случаях отсутствия экономии денежных средств, нерационального распределения между статьями затрат, неверной калькуляции затрат, отсутствии обоснованных норм на предприятии. Решением данной проблемы может являться эффективное планирование, учитывающее различные внешние и внутренние факторы финансовой деятельности предприятия.

Неэффективная деятельность финансовой службы может стать серьезным барьером результативного финансового управления, поскольку именно сотрудники финансовых отделов осуществляют процессы распределения денежных средств. В рамках данной проблемы можно отметить: низкий уровень квалификации финансовых работников, неполная укомплектованность штата финансовых работников, отсутствие точной цепочки подчинения и распределения обязанностей. Для решения данной проблемы необходима реализация следующих мероприятий на предприятии:

- повышение уровня квалификации финансистов на постоянной основе путем прохождения различных семинаров, лекций, тренингов;

– обеспечение полного соответствия фактических показателей численности финансовых работников плановым значениям;

– изменение типа организационной структуры финансовых отделов.

Суть решения всех проблем в управлении финансами сводится к оптимальному управлению несколькими блоками деятельности предприятия – бухгалтерском, правовом и управленческом. Каждому предприятию также необходимо оперативно реагировать на изменение факторов внешней среды, которые оказывают влияние и на финансовый блок управления. С целью минимизации данных рисков финансовые специалисты предприятия формируют четкий и реальный бизнес-проект по развитию предприятия, с достижимыми целями и обоснованными мероприятиями.

Недопущение финансовых рисков – основная задача руководства предприятия, в первую очередь, недопущение ошибочного планирования.

Подводя итог, стоит отметить, что проблемы управления финансами предприятий являются весомым барьером эффективного их функционирования, поскольку денежные средства являются основным фактором осуществления производственной деятельности организаций. Несвоевременное выявление финансовых угроз и отсутствие мероприятий по их устранению, могут повлечь за собой подрыв экономической безопасности предприятия, что в свою очередь чревато банкротством и ликвидацией бизнеса. С целью обеспечения и повышения экономической безопасности предприятия следует на постоянной основе и периодически проводить анализ всех элементов системы управления финансами, определять сопоставление фактических показателей деятельности плановым, а также определять соответствие характера функционирования предприятия заданной стратегии его развития, [4, с.80]. Также, в заключении стоит отметить, что современный уровень развития управленческой деятельности характеризуется необходимостью перехода от решения простых задач (планирование и анализ движения денежных средств) к более сложным комплексным (бюджетирование, планирование и управление капиталом, разработка и реализация финансово-экономической стратегии, внедрение управленческого учета, разработка бизнес-планов).

ЛИТЕРАТУРА

Арсханова З. А. Управление финансами предприятия: методы и оценка [электронный ресурс] // *Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral»*. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-finansami-predpriyatiya-metody-i-otsenka> (дата обращения: 22.10.2019).

Кривошапка И. Г. Финансовый менеджмент: проблемы и решения [электронный ресурс] // *СРРМ*. 2016. №6 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovyy-menedzhment-problemy-i-resheniya> (дата обращения: 22.10.2019).

Сабитова Л. Р. Современные проблемы финансового менеджмента на предприятии и пути их решения [электронный ресурс] // *Инновационная наука*. 2016. №10-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-finansovogo-menedzhmenta-na-predpriyatii-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 22.10.2019).

Сидоровнина И. А. Проблемы управления финансами на промышленных предприятиях // *ООО "Академия управления" ФГБОУ ВПО "Новосибирский государственный технический университет кафедра "Производственный менеджмент и экономика энергетики": тезисы доклада международной научно-практической конференции*. 2014 (Саратов, 10 окт. 2014 г.). Саратов: Академия управления, 2014. Ч. 3. С. 79-82.

Суетин А. Н. Актуальные проблемы управления финансами предприятий в условиях кризиса [электронный ресурс] // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*. 2017. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-upravleniya-finansami-predpriyatiy-v-usloviyah-krizisa> (дата обращения: 22.10.2019).

Матанцев Илья Викторович

Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева
при Президенте РФ, Уральский филиал

**СУБОРДИНАЦИЯ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ
ПРИ БАНКРОТСТВЕ В КОНТЕКСТЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

***Аннотация.** В статье на основании анализа норм Закона о банкротстве и правоприменительной практики Верховного Суда Российской Федерации субординация требований аффилированных кредиторов исследуется как правовая категория, выявляется ее содержание.*

***Ключевые слова:** банкротство, субординация требований, аффилированные кредиторы, контролирующее должника лица, понижение очередности.*

В действующем российском законодательстве о банкротстве отсутствуют прямые нормы, устанавливающие необходимость понижения очередности кредиторских требований контролирующего должника лиц и лиц, аффилированных с ним, или запрещающие включение данных требований в третью очередь реестра требований. Между тем судебная практика дает целый ряд примеров использования судами концепции субординации, то есть понижения очереди удовлетворения требований кредитора.

В доктрине выделяют две модели понижения в очередности при банкротстве требований кредитора, связанного с должником корпоративными отношениями: жесткая и мягкая. Первая из них предполагает, что во всех случаях, когда участник должника или его аффилированное лицо стали кредиторами должника, их требования уступают в очередности требованиям независимых кредиторов (внешних кредиторов). При этом вторая модель предусматривает, что до принятия решения о субординации необходимо разобраться, в каких условиях предоставлялось кредитование должнику.

Становление фактически складывающегося в результате судебного правотворчества института субординации связывают прежде всего с так называемым делом «Свиридова и Юркова» (см. Определение ВС РФ от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556 (2) по делу № А32-19056/2014).

Отменяя принятые по делу судебные акты и направляя дело на новое рассмотрение, Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ обратила внимание на то, что обязательства, которые внешне выглядят как гражданско-правовые, могут в сущности представлять собой корпоративные отношения, поскольку при отсутствии корпоративных взаимоотношений между должником и лицом, претендующим на включение его требования в реестр требований кредиторов, данные обязательства не возникли бы.

Поскольку участник должника имеет возможность голосовать в общем собрании участников, он влияет на принятие должником тех или иных хозяйственных решений. Ввиду этого при последующей неплатежеспособности должника на участника распределяется риск банкротства, вызванного неэффективной управленческой деятельностью.

По этой причине недопустимо противопоставлять требования участника должника требованиям независимых кредиторов. Предоставление должнику денежных средств в форме займа (в том числе на льготных условиях) может в некоторых случаях свидетельствовать о цели участника скрыть свое негативное влияние на хозяйственную сферу должника. В подобном случае заключение договора займа может использоваться взамен механизма увеличения уставного капитала, что позволяет при введении процедур банкротства создать видимость наличия кредиторской задолженности для уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов.

Важным этапом в развитии института субординации требований кредиторов является утверждение Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020 г. Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (далее – Обзор). В этом документе Президиум ВС РФ обобщил имеющиеся подходы в судебной практике, закрепив при этом принципиально новые положения понижения очередности.

Обращает на себя внимание положение п. 2 Обзора, согласно которому очередность удовлетворения требований кредитора не может быть понижена лишь на том основании, что он относится к числу аффилированных с должником лиц, в том числе его контролирующих. Из фундаментального принципа автономии воли и свободы экономической деятельности участников гражданского оборота (ст. 1 ГК РФ) следует право каждого определять правовую форму инвестирования, в частности посредством внесения взносов в уставный капитал подконтрольной организации или выдачи ей займов. Если внутреннее финансирование с использованием конструкции договора займа осуществляется добросовестно, не направлено на уклонение от исполнения обязанности по подаче в суд заявления о банкротстве и не нарушает права и законные интересы иных лиц – других кредиторов должника, не имеется оснований для понижения очередности удовлетворения требования, основанного на таком финансировании.

Содержание пункта 3 Обзора, устанавливающего, что требование контролирующего должника лица подлежит удовлетворению после удовлетворения требований других кредиторов, если оно основано на договоре, исполнение по которому предоставлено должнику в ситуации имущественного кризиса, дифференцировано на четыре подпункта.

В указанных подпунктах не только анализируются различные варианты предъявления требований аффилированных лиц, но и предлагаются формулировки решений. Подробно разобраны ситуации, связанные с финансированием, оформленным договором займа, финансированием, осуществленным путем отказа от принятия мер к истребованию задолженности, финансированием оформленным договором купли-продажи, подряда, аренды и т. д., а также доказывание обстоятельств, при которых предоставлялось финансирование.

Так, в частности, контролирующее должника лицо, которое пытается вернуть подконтрольное общество, пребывающее в состоянии имущественного кризиса, к нормальной предпринимательской деятельности посредством предоставления данному обществу финансирования (компенсационное финансирование) с использованием конструкции договора займа, т.е. избравшее модель поведения, отличную от предписанной Законом о банкротстве, принимает на себя все связанные с этим риски, в том числе риск утраты компенсационного финансирования на случай объективного банкротства. Следовательно, при банкротстве требование о возврате компенсационного финансирования не может быть противопоставлено требованиям других кредиторов – оно подлежит удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

Представляется важным и разъяснение, содержащееся в п. 14 Обзора, согласно которому аффилированный кредитор также как и обычный кредитор обладает процессуальными правами лица, участвующего в деле о банкротстве. Это означает, что такой кредитор вправе участвовать в судебных заседаниях по делу о банкротстве, обжаловать принятые по этому делу судебные акты, заявлять возражения против требований кредиторов, подавать жалобы на действия арбитражного управляющего, участвовать в собраниях кредиторов без права голоса и т.д. Помимо этого аффилированный кредитор, как и обычный кредитор, может подать заявление о банкротстве должника, но вопрос о кандидатуре управляющего в этом случае решается судом посредством случайного выбора.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что сложившийся в судебной практике институт субординации требований при банкротстве позволяет достичь необходимого баланса интересов кредиторов, в связи с чем его можно рассматривать в качестве достаточно эффективного средства

обеспечения экономической безопасности. Однако в перспективе было бы целесообразным закрепить основных положений данного института в качестве норм отечественного Закона о банкротстве, что в целом могло бы способствовать укреплению российского правопорядка.

Орлов Иван Александрович

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ
КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК
СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ИЛИ
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Аннотация. Рассмотрено использование служебного положения как квалифицирующий признак составов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ.

Ключевые слова: служебное положение, квалифицирующий признак, незаконный оборот.

Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ являются на сегодняшний день одними из самых актуальных объектов и направлений научного исследования ввиду того, что их объем в структуре криминальной преступности год от года продолжает оставаться крайне высоким, если не самым высоким в принципе.

Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ являются крайне общественно и социально опасными. Однако особенную, еще большую, общественную опасность представляют собой преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ, совершенные специальными субъектами.

Под группой преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ, совершенных с использованием своего служебного положения, следует понимать совокупность составов уголовных преступлений, содержащихся в главе 25 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», и содержащих в структуре уголовно-правовой нормы, их описывающей, такой элемент диспозиции, который явно указывает на признак совершения противоправного деяния таким специальным субъектом как «лицо, с использующее свое служебное положение».

Если говорить более точно, то в группу преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ, совершенных с использованием своего служебного положения, например, входят:

- Преступление, предусмотренное пунктом «б» части 4 статьи 228.1. УК РФ;
- Преступление, предусмотренное пунктом «б» части 2 статьи 228.4. УК РФ;
- Преступление, предусмотренное пунктом «б» части 2 статьи 229.1. УК РФ.

Речь идет о таких составах преступлений как, соответственно:

– Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества;

– Незаконные производство, сбыт или пересылка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ;

– Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества;

– Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ.

Все названные составы преступлений, как было сказано, имеют в своей структуре такой квалифицирующий признак как «использование служебного положения». Соответственно:

– В преступлении, предусмотренном статьи 228.1. УК РФ, он отражен и содержится в пункте «б» части 4 статьи;

– В преступлении, предусмотренном статьей 228.4. УК РФ, он отражен и содержится в пункте «б» части 2 статьи;

– В преступлении, предусмотренном статьей 229.1. УК РФ, он отражен и содержится в пункте «б» части 2 статьи.

Проблемная ситуация и фактическая трудность заключается в том, что федеральный законодатель в тексте уголовного закона не распространяется о том, что именно и что конкретно понимать под служебным положением лица, привлекаемого к уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ.

В этой связи как правоприменителям, так и ученым, молодым исследователям, для ответа на данный вопрос – верного толкования категории «служебное положение» – приходится и остается либо опираться на материалы судебной практики, либо на положения доктрины уголовного права.

С целью развития уголовно-правового учения в целом и целью преодоления названного теоретического пробела в частности автором настоящей статьи в ходе ее подготовки была предпринята самостоятельная попытка обобщения и систематизации ключевых положений современной доктрины уголовного права в отношении вопроса о характерных чертах использования служебного положения как квалифицирующего признака составов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ в Российской Федерации.

Осуществленное автором настоящей статьи внимательное исследование специальной литературы по данному вопросу позволяет констатировать и заключить, что характерными чертами использования служебного положения как квалифицирующего признака составов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ в Российской Федерации, на сегодняшний день является следующее:

1. По общему правилу, в рассматриваемых составах преступления, использование своего служебного положения означает, что лицо при совершении указанных деяний использовало предоставленные ему по службе или по занимаемой должности полномочия, управленческие функции в коммерческих организациях, возможности государственного или муниципального служащего или иные возможности, обусловленные служебным положением виновного.

2. Подчеркнем, что в доктрине современной науки уголовного права сложилась единая позиция о том, что основу, структурное ядро, термина «служебное положение» составляет открытый и не всегда нормативно определенный перечень совокупности таких правомочий как «права», «обязанности», «профессиональные обязанности», «полномочия», «должностные полномочия», «хозяйственные функции», «организационные функции», «управленческие функции», «распорядительные функции», «организационно-распорядительные функции», «служебные обязанности», «административные обязанности», «хозяйственные обязанности», «административно-хозяйственные обязанности» и так далее.

3. Привлекаемое к уголовной ответственности за совершение с использованием служебного положения преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, лицо, может работать как временно, так и обладать постоянным либо специальным полномочием в рассматриваемой сфере.

4. Привлекаемое к уголовной ответственности за совершение с использованием служебного положения преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, лицо, может по своей служебной или трудовой деятельности выполнять как организационно-распорядительные, так и административно-хозяйственные обязанности (функции).

5. Привлекаемое к уголовной ответственности за совершение с использованием служебного положения преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, лицо, может осуществлять свою трудовую, служебную деятельность в организациях максимально широкого спектра организационно-правовых форм. Потенциальными субъектами рассматриваемых преступлений могут быть работники и служащие государственных учреждений, муниципальных учреждений, государственных предприятий, муниципальных предприятий, объединений, предприятия или организации иных форм и видов собственности. В этот же перечень входят лица, обладающие служебными полномочиями в общественных организациях или иных негосударственных коммерческих структурах. В данном контексте следует напомнить, что особенности гражданско-правового положения организаций отдельных организационно-правовых форм, видов и типов в настоящий момент в отечественном законодательстве определяются в таких федеральных нормативно-правовых актах как Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая), Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» и так далее.

6. Развивая тему видов и типов организаций, в которых привлекаемое к уголовной ответственности за совершение с использованием служебного положения преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, лицо, может осуществлять свою трудовую, служебную деятельность, следует отметить, что их перечень также по смыслу и замыслу законодателя является открытым. Речь может идти о таких разных по направлениям и сферам деятельности видах и типах организациях как: аптеки, склады, фармацевтические компании, фармацевтические предприятия, лечебные учреждения, лечебно-профилактические учреждения, стоматологии, лаборатории, транспортные компании, экспедиторские компании, службы доставки, таможенные органы, институты, исследовательские центры, научно-исследовательские центры, клиники, поликлиники, стационары, пограничные войска, органы миграционного контроля и так далее и тому подобное.

7. Совершивший преступление специальный субъект как может быть должностным лицом, так может им и не быть. По общему правилу условие о том, что обвиняемый в обязательном порядке должен быть должностным лицом законодателем не выдвигается. Исключение составляет лишь состав преступления, предусмотренный пунктом «б» части 2 статьи 229.1 УК РФ, связанный с контрабандой наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ.

8. Субъект преступления, не являющийся должностным лицом, может быть, к примеру, служащим или другим работником, служебное положение которого позволяет этому лицу исполь-

зовать свое положение для выполнения действий, образующих объективную сторону преступления.

9. Потенциальный круг субъектов рассматриваемых преступлений достаточно широк и распространяется намного дальше круга государственных (муниципальных служащих), сотрудников негосударственных организаций, работников медицинских, фармацевтических, научных и других подобных учреждений. К уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного, например, статьей 228.1. УК РФ, могут быть привлечены даже, скажем работники почты. Иными словами, потенциально, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, могут быть совершены абсолютно любыми лицами, которые по роду своей деятельности так или иначе связаны с легальным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

10. Вопреки всеобщим заблуждениям и массовым стереотипам, к уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ, могут быть привлечены далеко не только лица, обладающие специальными познаниями, высшим или средним специальным образованием в областях деятельности, связанных с наукой, медициной и фармацевтикой, либо наоборот – задействованные в правоохранительной деятельности. Да, при квалификации преступления, предусмотренного пунктом «в» части 2 статьи 229 УК РФ, действительно, согласно сложившейся следственно-оперативной и судебной практике, чаще всего обвиняемыми проходят провизоры и лаборанты (когда речь идет об изготовлении лекарственных препаратов), работники аптек, врачи, медицинские сестры (когда речь идет об отпуске и применении соответствующих препаратов), однако, обвиняемым по данной категории преступления вполне может оказаться и простой охранник, экспедитор, если его трудовые функции хоть как-то были связаны с работой с наркотическими средствами или психотропными веществами.

11. По своей уголовно-правовой природе особенная, повышенная и дополнительная общественная опасность, а значит и степень уголовной ответственности, за совершение преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ, совершенных с использованием своего служебного положения, заключается в том, что использование лицом своего служебного положения облегчает для субъекта противоправного деяния совершение преступления. Используя особые полномочия и привилегии, предоставленные ему по службе, используя и злоупотребляя оказанным в силу служебного положения или договора доверием, виновное лицо, таким своим поведением проявляет особый цинизм и явную, крайнюю степень неуважения как к общественным ценностям, нормальному правопорядку в целом, так и к интересам службы (интересам представителя работодателя, работодателя, собственника, учредителей организации, инвесторов и т.д.). Именно указанные обстоятельства, как представляется, и побудили законодателя возвести использование служебного положения при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ в ранг особого квалифицирующего признака.

В заключение статьи следует добавить и обязательно отметить, что при расследовании с целью надлежащей квалификации в каждом конкретном случае сотрудникам правоохранительных органов следует и необходимо тщательно устанавливать круг и характер служебных прав и обязанностей привлекаемого к уголовной ответственности лица, закрепленных в законодательных и иных нормативных правовых актах, в уставах, положениях, инструкциях и т.п., поскольку по ряду составов преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ, совершенных с использованием своего служебного положения, в отношении должностных лиц требуется дополнительная квалификация действий виновных по статье 285 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. А. Барышева, Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков и др.; под ред. Г. А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 736 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков и др.; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 704 с.

О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (в ред. от 29.07.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (в ред. от 19.07.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (в ред. от 23.04.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (в ред. от 20.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 18.02.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Осодоева Наталия Васильевна

Восточно-Сибирский институт МВД России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

***Аннотация.** Статья посвящается проблемам судебного разбирательства по делам, связанным с преступлениями террористической направленности. В статье анализируются судебная практика Российской Федерации. Автор рассматривает основания, по которым, как правило, суды вышестоящей инстанции отменяют решения судов.*

***Ключевые слова:** преступления террористической направленности, судебное заседание, приговор.*

На сегодняшний день принято достаточное количество международных конвенций, соглашений и договоров, закрепляющих меры борьбы с терроризмом, как комплексным криминальным и социальным явлением.

Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма предусматривает, что ее цель – «крепить международное сотрудничество между государствами в деле разработки и принятия эффективных мер по недопущению финансирования терроризма, а также борьбе с ним путем преследования и наказания совершающих его лиц» (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 205-АПУ16-25).

В нашей стране правовую основу борьбы с терроризмом составляют Основной Закон РФ, Федеральный закон РФ от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму Уголовный кодекс РФ, предусматривающий составы преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, регламентирующий производство

процессуальных и следственных действий при расследовании преступлений, а также дальнейшее рассмотрение уголовного дела в судебных инстанциях, Федеральные законы от 12.08.1995 № 144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности устанавливающий виды ОРМ, основания и условия проведения ОРМ, от 31.05.1996 № 61-ФЗ "Об обороне от 28.12.2010 № 390-ФЗ "О безопасности а также отдельные указы Президента РФ и постановления Правительства РФ.

Понятие терроризма закреплено в ст. 3 Закона о противодействии терроризму: это «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». В научной юридической литературе встречаются другие определения этого понятия, их довольно много и, к сожалению, единого определения пока не существует.

Так, например, И. П. Блищенко и Н. В. Жданов широко трактуют круг деяний террористического характера, включая в него в том числе запрещенное поведение согласно Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. [Блищенко, Жданов 1975: 86].

Как указывает С. Дмитриевский, терроризм как военное преступление – это более узкая категория общеуголовного терроризма. Его ограничительные особенности: требование контекстуального элемента, специфический объект. Терроризм отличен от дискретного преступления международного терроризма [Дмитриевский 2012].

По мнению М. П. Киреева, «терроризм сегодня – это, бесспорно, форма насилия, рассчитанная на массовое восприятие» [Киреев 1997: 76].

Таким образом, анализ указанных определений позволяет сделать вывод о том, что терроризм и террористическая деятельность являются одними из самых опасных проблем человечества, угрожающих целостности целого ряда стран, суверенитету, международной стабильности в целом. Представляется, террористические посяательства являются преступлениями международного характера, направленными против гражданского населения многих независимых государств. В целях борьбы с терроризмом и указанной деятельностью необходимо проводить разъяснительную работу в обществе, укреплять правоохранительную систему, вооруженные силы страны, а также совершенствовать действующее законодательство, правильно применять нормы закона в отношении лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

В этой связи целесообразно остановиться на некоторых примерах из судебной практики.

Так, Апелляционным определением Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 205-АПУ16-25 приговор Северо-Кавказского окружного военного суда от 31.08.2016 в отношении Е., осужденного по ст. 205.3 УК РФ, изменен, из приговора исключена ссылка на показания свидетеля Б. [Киреев 1997: 76].

По данному уголовному делу суд первой инстанции исследовал письменные материалы на основании ст. 285 УПК РФ, а также показания подсудимого, свидетелей, пришел к обоснованному выводу о виновности Е. в инкриминируемом ему деянии.

Кроме того, Апелляционным определением Верховного Суда РФ от 13.09.2018 № 205-АПУ18-22 приговор Северо-Кавказского окружного военного суда от 19.06.2018 в отношении М.Б.О. оставлен без изменения.

Анализ указанного решения позволяет сделать вывод о том, что к данному выводу суд пришел на основании исследования показаний свидетелей, протоколов очной ставки, осмотра мобильных телефонов с сим-картами, результатов осмотра переписки в «WhatsApp»; протокола прослушивания фонограмм телефонных переговоров, протокола обыска.

Таким образом, указанные доказательства согласуются между собой, являются последовательными, достаточными, допустимыми и относимыми, полностью подтверждают вину М.Б.О. в деянии, предусмотренном ч. 2 ст. 205.1 УК РФ.

Вместе с тем, приговором Верховного суда Чеченской Республики от 27.01.2014 А.Р. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.2 УК РФ.

В ходе судебного заседания суд исследовал показания подсудимого, показания свидетелей, а также письменные материалы, содержащиеся в уголовном деле: протоколы очной ставки, проверки показаний на месте, осмотра места происшествия, досмотра, осмотра и прослушивания фонограммы, заключения экспертов.

Указанные доказательства получены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, относятся к рассматриваемому делу, являются достоверными, достаточными для признания А.Р. виновным в совершении преступления.

Вместе с тем, следует признать, что очень часто по делам указанной категории допрашиваются свидетели «под псевдонимом», которые боятся не только за свои жизнь и здоровье, но и за своих близких в связи с возможным применением насилия или причинения вреда здоровью подсудимыми.

Думается, рассмотрение дел по данной категории в общем порядке предусматривает необходимость в тщательном допросе потерпевших и свидетелей с целью выяснения обстоятельств, роли виновных, в проведении очных ставок при наличии существенных противоречий в показаниях потерпевших, свидетелей и обвиняемых, опознания, назначении и производстве экспертиз для определения, в получении сведений о телефонных соединениях обвиняемых, прослушивании фонограмм, переписках, проведении следственных действий в отношении потерпевших и свидетелей «под псевдонимом» с учетом практики Европейского Суда по правам человека: допрос проводится при наличии псевдонима; меры безопасности должны применяться к допрашиваемым лицам при наличии реальной угрозы; в ходе допроса могут быть применены технические средства; обвиняемый и его защитник должны участвовать в допросе свидетелей и потерпевших; обвинительный приговор суда не может быть основан только лишь на показаниях анонимных свидетелей.

ЛИТЕРАТУРА

Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 205-АПУ16-25 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2019).

Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13.09.2018 № 205-АПУ18-22 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2019).

Блищенко И. П., Жданов Н.В. Международно-правовая борьба с терроризмом // Правоведение. 1975. N 1. С. 86.

Дмитриевский С. М. Международное уголовное право. 2012 // URL: <http://www.mup-info.com/mup/book/some-kinds> (дата обращения 8.12.2019).

Киреев М. П. Криминологические и социально-психологические причины возникновения терроризма на воздушном транспорте // Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью: Мат-лы науч.-практ. конф. Калининград, 1997. С. 76.

Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма: принята Резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1999. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.

Приговор Верховного суда Чеченской Республики от 27.01.2014 // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2019).

Остапович Игорь Юрьевич

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Караев Алипаша Агаханович

Высшая Школа Права «АДИЛЕТ» Каспийского университета,
Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан

ПРАВОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

***Аннотация.** В настоящей работе термин «правовая безопасность личности» подразумевает любую форму защищенности интересов личности от произвола власти. В статье рассмотрены вопросы правовой безопасности личности на примере Российской Федерации и Республики Казахстан. В современных исследованиях анализируются новые подходы к концепции личностной безопасности, акцентируется внимание на ее видах и формах, рассматриваются основные предпосылки ее возникновения и развития, наблюдается поиск новых подходов и интерпретаций. Проведенный анализ конституций Российской Федерации, Республики Казахстан позволяет сделать вывод, что безопасность личности как юридический институт и как объект конституционной безопасности, представляет собой сложное системное явление, включающая организационные и правовые механизмы и гарантирующие права личности в самых различных областях жизнедеятельности современного общества.*

***Ключевые слова:** Российская Федерация, Республика Казахстан, правовая безопасность личности.*

Характерной чертой современного общества является пристальное внимание ученых к проблеме обеспечения правовой безопасности личности. Правовая безопасность личности выдвигается на первое место в числе наиболее значимых аспектов безопасности, как высшей общественной ценности и субъекта общественных отношений [Казаков 1994: 62–63].

В связи с общим ростом научного интереса к данной проблематике, в работах современных ученых анализируются новые подходы к концепции личностной безопасности, акцентируется внимание на ее видах и формах, рассматриваются основные предпосылки ее возникновения и развития, наблюдается поиск новых подходов и интерпретаций.

К примеру, А. А. Тер-Акопов, «в системе объектов национальной безопасности – личность, общество и государство, выделяет юридическую безопасность личности». Схожей точки зрения, придерживается Ю. Д. Ильин, который указывает, «что права личности – это стержень правовой системы страны, начало, определяющее ее юридическое содержание» [Федотова URL]. Являясь по своему содержанию многосоставной категорией, она рассматривается не только как конституционно-правовая категория [Ардашев URL], но и как элемент административно-правового статуса гражданина [Калина URL].

В юридической литературе также встречаются понятия политической, личной, психологической и иной безопасности. Данная классификация во многом носит условный характер, поскольку один и тот же вид может одновременно относиться ко всем ее формам. Поэтому в данном разделе мы будем использовать термин «правовая безопасность личности», имея в виду любую форму защищенности интересов личности от произвола власти.

Являясь одним из видов безопасности она «определяется как состояние защищенности жизненно важных ее интересов от внешних и внутренних угроз в сфере правовых отношений» [Тюгашев 2006: 22], включает в себя правовое обеспечение различных ее видов, таких как юридическая, экологическая, экономическая, политическая безопасность и т.д. При этом, основ-

ным способом обеспечения правовой безопасности личности является не только качественное правотворчество, но и эффективное правоприменение» [Тюрина URL]. По мнению большинства ученых, безопасность личности представляет собой определенное состояние защищенности конституционных прав и свобод человека и гражданина и наличие эффективных механизмов их обеспечения.

Что касается вопроса о концепции правовой безопасности личности, одни ученые включают в ее состав элемент свободы, которая основывается «на способности и возможности, позволяющей каждому индивиду жить, не ограничивая других». Иными словами, личностная безопасность связывается с качеством жизни и ростом благосостояния, снижение которой рассматривается как угроза». Другие рассматривают правовую безопасность личности как «юридический институт, отмечая в своих трудах, что «оно представляет собой сложное системное образование, состоящее из совокупности правовых норм [Борисов URL].

Несомненно, что правовая защищенность личности является неременным условием существования демократии и построения правового государства, важнейшим условием верховенства права, становления гражданского общества и защиты частных интересов. Правовая безопасность личности, составляя основу конституционного статуса индивида, выступают фундаментом человеческих ценностей и нуждаются в надежной охране со стороны государства.

Правовая безопасность личности представляет собой определенное политико-правовое состояние общества, способное защитить гражданина при возникновении угроз и гарантировать его права и свободы в самых различных сферах общественных отношений – в экономической, политической, в сфере межнациональных и религиозных отношений. В условиях многонационального общества обеспечение безопасности личности выступает дополнительной гарантией защиты интересов представителей разных народов, являясь критерием нравственного измерения социальной политики государства.

Конституции России и Казахстана предусматривают перечень важнейших прав человека, защита которых составляет основу его безопасности и правовой защищенности. Прежде всего, речь идет о таких правах как: *право на жизнь; запрет на дискриминацию; на свободу передвижения и личную неприкосновенность; на личную и семейную тайну и защиту своей чести и достоинства; право избирать и быть избранными, право на судебную защиту; право на мирный протест и др.* Не менее важными составляющими безопасности личности являются защита экономических прав граждан: *обеспечение равенства форм собственности; право частной собственности; свободы предпринимательства и др.*

Правовая безопасность личности определяет также сферу допустимых ограничений конституционных прав и свобод в интересах защиты общественной безопасности и рассматривается важной составной частью государственной политики. Вместе с тем закрепление конституционных гарантий свободы личности обязывает государство создавать эффективные механизмы их защиты, создающими у граждан представление о справедливости и защищенности со стороны государства.

Теория безопасности личности, по мнению современных ученых, была разработана еще в трудах Г. Гроция, Б. Спинозы, Д. Локка, Ш. Монтескье, Т. Джефферсона, И. Канта и других мыслителей. Своей критикой феодального строя и обоснованием новых концепций о безопасности личности, о необходимости верховенства права в отношениях между индивидом и государством взгляды мыслителей внесли большой вклад в формирование нового юридического мировоззрения [Лукашева 2011].

Важным составным моментом этого процесса стала концепция общественного договора как источника происхождения и правовой основы деятельности государства. Разрабатывая договорную концепцию государства, Гроций писал: «Государство есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы». С таким пониманием государства, сохранившим идеи правовой государственности, связано положение о естественном

человеческом праве оказывать сопротивление насилию властей, нарушающих условия общественного договора.

Развивая естественно-правовые воззрения и договорную концепцию государства, Спиноза отмечал, что «цель государства в действительности есть свобода», что «естественное право каждого в гражданском состоянии не прекращается, поскольку человек действует по законам своей природы, сообразуется со своей пользой, побуждаясь страхом или надеждой. Полное лишение людей их естественных прав привело бы к тирании» [Философия права 2003]. В этой связи Спиноза выделял и исследовал факторы, определяющие пределы государственной власти в ее отношениях с индивидами [Спиноза URL].

Английский философ Джон Локк обосновал саму идею прав человека, которую он называл «естественными и неотъемлемыми, определяющими наши устремления и являющимися частью человеческой природы. Каждый человек по закону природы имеет право отстаивать «свою собственность, т. е. свою жизнь, свободу и имущество. Обеспечение этих неотчуждаемых прав человека и является главной целью договорного объединения людей в государство и передачи себя под его власть» [Фоя URL].

Концепция безопасности личности получила дальнейшее развитие в творчестве французского мыслителя Ш. Л. Монтескье, у которого трактовка безопасности личности была тесно связана с принципом разделения властей. В своем известном произведении «О духе законов» он рассматривал проблему политической свободы людей в двух аспектах: в отношениях к государственному строю и к отдельной личности [Монтескье URL]. «Политическая свобода, – по мнению мыслителя, невозможна без правового закрепления трех властей: законодательной, исполнительной и судебной, как необходимого условия обеспечения безопасности личности и его гражданских прав и свобод» [История... 1983].

Российский ученый В. С. Нерсесянц, анализируя данную проблему отмечает, что «в процессе постепенной универсализации положения о правовом равенстве существенную роль сыграли представления о естественных и неотчуждаемых правах человека, которые в условиях современной государственности должны быть, безусловно признаны и гарантированы публичными властями и законами» [Нерсесянц 1999: 109].

Схожей позиции придерживаются и казахстанские ученые. Так, профессор А. У. Бейсенова, полагает, что «стандарты прав и свобод человека, развивались ни сразу, а вместе с обществом и его институтами» [Бейсенова 2013: 67], а по мнению профессора Б. А. Тайториной, «утверждение приоритета личности, является главной тенденцией политико-правового развития в современный период, которое позволяет измерять все важнейшие явления и события, происходящие в обществе и мире» [Тайторина 2015: 54-55].

Профессор Ж. Д. Бусурманов, опираясь на устоявшиеся концепции, изучая казахстанский опыт становления института прав человека, обосновал новую евразийскую концепцию, источником которой являются не только международные акты, но объективные условия жизни, менталитет народа, закономерности функционирования и развития общественных отношений, то есть, некоторые предправовые факторы, которые определяют условия жизни общества [Бусурманов 2006: 149-158].

Современная концепция прав человека, отраженная в конституциях Российской Федерации и Республики Казахстан, основана на общепризнанных нормах международного права. Права и свободы человека в двух исследуемых странах обозначены в качестве высших ценностей, права человека принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и неотчуждаемыми, определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов. Обеспечение прав и свобод человека несовместимо с дискриминацией по какому-либо признаку: пола, расы, языка, отношения к религии, убеждений, национальности, по любым иным обстоятельствам.

Важной предпосылкой обеспечения безопасности личности является ее полноценная и эффективная защита. Профессор Н. С. Бондарь, в связи с этим отмечает, что «безопасность личности является неотъемлемой составляющей правового государства, составляющую основу конституционной безопасности» [Бондарь 2004: 9-13].

Среди приоритетных направлений обеспечения конституционной безопасности личности необходимо выделить законодательные риски, обнаружение которых способно минимизировать угрозы и социальные последствия. Своевременное принятие превентивных мер, обнаружение пробелов, способных нанести ущерб интересам личности, является важнейшей аналитической задачей государства и его органов.

В качестве возможных угроз, многие ученые называют экономический кризис, неопределенность правовых норм, нарушение принципов справедливости, отсутствие разумного баланса частных и государственных интересов и др. «Правовой порядок, – отмечал в связи с этим профессор Н. А. Шайкенов, – если он действительно правовой – всегда является социально-справедливым, дающим простор историческому прогрессу и свободе личности» [Шайкенов 1992].

Особое место в вопросах обеспечения интересов личности занимают органы конституционного контроля, в практике которых встречаются самые различные решения, затрагивающие права и свободы граждан, подробный анализ которых дан в работах современных ученых [Митюков 2011, Рогов 2015, Караев 2010 и др.]. Не менее важными представляются судебные гарантии, деятельность Уполномоченного по правам человека, различных неправительственных правозащитных и иных учреждений.

«Обеспечение прав и свобод личности, – по мнению профессора К. К. Айтхожина, – должно стать обязанностью всех ветвей власти в целях сохранения ее самоценности, права на достойную жизнь и личную неприкосновенность» [Айтхожин 2015: 35]. Следует согласиться с данным мнением, поскольку правовая деятельность органов власти так или иначе затрагивает практически все сферы человеческой жизни, будь то экономическая, политическая, социальная или информационная, без активного участия которых эти сферы не могут полноценно функционировать.

Вместе с тем, современные ученые, анализируя перечень и содержание прав и свобод личности, отмечают, что «они весьма широко декларируются на конституционном уровне, но не всегда гарантируются и реализуются на практике» [Романов URL]. С развитием идей конституционализма, направленных на ограничение власти, проблемы обеспечения правовой безопасности личности приобретают особую актуальность. Особенно важно в этом направлении провести реальные политические и правовые реформы, обеспечивающие действенный механизм защиты прав человека на национальном уровне [Бейсенова 2013: 68–69].

Таким образом, безопасность личности как юридический институт и как объект конституционной безопасности, представляет собой сложное системное явление, включающая организационные и правовые механизмы и гарантирующие права личности в самых различных областях жизнедеятельности современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

Айтхожин К. К. «Жить по праву»: проблемы правового обеспечения прав и законных интересов личности в работах профессора Шайкенова Н.А. // Материалы круглого стола – Шайкеновские чтения. Алматы. 2015. С. 35.

Ардашев А. И. Конституционные основы обеспечения безопасности личности в Российской Федерации [электронный ресурс] // Научная библиотека диссертаций и авторефератов. URL: <http://www.dissercat.com/content>.

Бейсенова А. У. Естественно–правовая концепция прав и свобод человека и ее влияние на современное правопонимание // Научные труды Эділет. 2013. № 4. С. 67.

Бондарь Н. С. Конституционный Суд России – гарант конституционной безопасности личности, общества и государства // Проблемы права. 2004. № 1. С. 9–13.

Борисов Д. А. Безопасность человека в современной теории и практике международных отношений // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. №343. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-cheloveka-v-sovremennoy-teorii-i-praktike-mezhdunarodnyh-otnosheniy>.

Бусурманов Ж. Д. Евразийская концепция прав человека. Алматы, 2006. С. 149–158.

История правовых и политических учений: Учебник / Под ред. В.С Нерсесянц. М: Юридическая литература, 1983. 366 с.

Казаков П. Д. Безопасность синергетики (опыт философского осмысления) // Безопасность. 1994. № 4. С. 62–63.

Калина Е. С. Государственно–правовой механизм обеспечения права на безопасность личности в РФ (Теоретическое административно–правовое исследование). URL: <http://www.dslib.net/admin-pravo>.

Лукашева Е. А. Права человека. Учебник. 2–е изд., перераб. М.: Норма; ИНФРА–М, 2011. 560 с.

Митюков В. А. Библиография по конституционному правосудию. М. 2011. 1120 с.

Рогов И. И., Малиновский В. А. и др. Конституционный контроль в Казахстане: Монография. Астана, 2015. 248 с.

Караев А. А. Правовая охрана Конституции: традиции демократического конституционализма и опыт Казахстана: Монография. Алматы, 2010. 448 с.

Монтескье Ш. Л. О духе законов. URL: <https://briefly.ru/monteske>.

Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1999. С. 109.

Романов Е. Б. Концепция прав и свобод человека и гражданина в материалах конституционной комиссии и современные реалии. URL: <http://cyberleninka.ru>.

Спиноза о человеке и свободе. URL: <http://spinoza-o-cheloveke>.

Тайторина Б. А. Права человека как универсальная ценность в контексте современных исследований // Шайкеновские чтения. «Парадигма современного права и интересы личности»: Материалы международного круглого стола. Алматы. Каспийский университет, 2015. С. 54–55.

Тюгашев Е. А. Концептуальные основания конструкции «безопасность личности, общества и государства» // Современное право, 2006. № 6. С. 22.

Тюрина Т. Б. Правовая безопасность личности в современном российском государстве: Вопросы теории и практики. URL: <http://www.dissercat.com>.

Федотова Ю. Г. Безопасность личности как элемент конституционной безопасности Российской Федерации. URL: <http://urlit.ru>.

Философия права. История и современность: Учебное пособие / Под ред. В. Кузнецов. Киев: Стило, 2003. 382 с.

Фоя В. В. Понимание права собственности в философии Дж. Локка. URL: <https://www.rae.ru>.

Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности: Автореф. дисс. д.ю.н. Алматы. 1992. 47 с.

Поцелуев Евгений Леонидович
Ивановский государственный университет

ОТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ К УВАЖЕНИЮ ПРАВА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

***Аннотация.** В статье обосновывается необходимость правового воспитания всего населения, получения им знаний норм различных отраслей российского законодательства, формирования ценностного отношения к праву и активного правомерно поведения, реализации своих субъективных прав и выполнения юридических обязанностей.*

***Ключевые слова:** Знание права, ценностное отношение к праву, правовые установки, реализация права, деформации правосознания, активное правомерное поведение.*

I. Необходим юридический ликбез от детсадовцев до пожилых людей, так как право сопровождает человека от колыбели до могилы.

1. Уже в детском саду его воспитанники должны знать азы правил дорожного движения (далее – ПДД), что нельзя без разрешения брать чужие игрушки и вещи, уносить их домой, нельзя повреждать чужие игрушки, ломать мебель и т.п., бить детей и др., самовольно брать что-либо в магазине и других подобных местах. Уже в этом возрасте детей нужно информировать, что никто, включая родителей и воспитателей, не имеет права причинять им физическое боль, унижать их, например, ставить на колени и т.п.; запугивать.

2. Поскольку уже с 6-7 лет ребенок начинает учиться в школе, гимназии, лицее, то желательно, чтобы он получил первоначальные знания о своих правах и обязанностях, предусмотренных Федеральным Законом «Об образовании», уставом учебного заведения и другими локальными нормативными правовыми актами. Еще более актуально это для подростков, их родителей и педагогов. Имеют ли учащиеся и педагоги демонстрировать свою религиозную принадлежность: православные и католические кресты, платки и одежда девочек – мусульманок. Конфликтные ситуации, связанные с платками и одеждой, были, например, в Ставропольском крае.

Школьники должны уже гораздо лучше знать ПДД, поскольку могут управлять транспортными средствами на проезжей части дороги (велосипедом с 14 лет, маломощным мотоциклом и мопедом с 16 лет). Важное обстоятельство, что за более чем 20 составов преступлений уголовная ответственность наступает с 14 лет, плюс еще за некоторые – с 16 лет; административная ответственность – с 16 лет.

В соответствии со ст. 63 Трудового кодекса РФ (далее – ТК) в организациях кинематографии, театрах, театральных и концертных организациях, цирках при соблюдении ряда условий допускается заключение трудового договора с лицом моложе 14 лет; для выполнения легкого труда - с лицом достигшим 14 лет при наличии у него общего образования или получающего его; достигшим 15 лет - без общего образования и уже без этих условий – с 16 летним. Несовершеннолетние могут быть наследодателями. В РФ в 14 лет получают паспорта и могут изменить свое имя и фамилия. В случае развода родителей у детей в определенном возрасте спрашивают их мнение: с кем из них они хотят остаться. Также с определенного возраста (14 лет) пациенты имеют право принимать решения о медицинском вмешательстве. Поскольку абсолютное большинство подростков в нашей стране – это граждане РФ, то логично, что они должны обладать основами конституционного права, знать, например, что они проживают в республике, федеративном, правовом и социальном государстве. Было бы также очень хорошо, если бы несовершеннолетние были информированы хотя бы о таких международных договорах как Конвенция о правах ребенка 1989 г.

Несовершеннолетние рисуют (в свое время очень известна была Надя Рушева), пишут картины, сочиняют стихи и песни, музыку и исполняют их, поэтому также логично и разумно, чтобы они знали азы авторского права.

Таким образом, несовершеннолетние, особенно в возрасте 14-16, а соответственно и 17 лет должны знать определенные нормы уголовного, административного, трудового, семейного и медицинского права и, конечно, конституционного права нашей страны, а также азов международного гуманитарного права, понимаемого как право прав человека.

II. Совершеннолетние еще лучше должны знать действующее право своей страны, а при поездках за границу и определенные нормы законодательства иностранных государств.

Большинство лиц трудоспособного возраста или обучается в колледжах, техникумах и вузах, в том числе получая второе, третье и т.п. высшее образование или еще большее их количество трудится; имеет право избирать и с определенного возраста быть избранным на муниципальные и государственные должности; заключает и расторгает брак, воспитывает детей, а часть усыновляет или удочеряет детей; путешествует по стране, а определенный процент населения и по миру; несколько сотен тысяч человек находится в местах принудительного содержания, в том числе в местах лишения свободы; все являются пациентами; активная часть общества вступает в политические партии и профессиональные союзы, участвует в митингах, демонстрациях, шествиях, пикетировании, спортивных соревнованиях или являются зрителями на оных, поэтому им тем более требуются правовые знания.

III. Одного знания права мало (недостаточно), требуется еще его уважение, правоуважительное отношение.

Совершенно очевидно (исходим из презумпция знания), что участники дорожного движения знают ПДД: водители должны знать лучше, а пешеходы, по крайней мере, – элементарные нормы: нельзя переходить дорогу в неположенном месте, нельзя переходить дорогу на запрещающий сигнал светофора; остановка автобусов, городских маршрутных такси – только на остановках и т.п., но, тем не менее, нарушают. Нарушение ПДД в России носит массовый характер, что свидетельствует о низком, по сравнению, например, с Северной Европой, ФРГ (в этой стране приходилось бывать неоднократно на стажировках, научных конференциях, семинарах, фестивалях и т.п., поэтому могу проводить сопоставление как очевидец) и др., уровне правового сознания и правовой культуры моих соотечественников. В разное время и по разным поводам В. В. Путин и Д. А. Медведев констатировали в начале XXI века тотальный правовой нигилизм в нашей стране и, конечно. Для подобной оценки были веские основания.

Совершенно очевидно, что все работники знают, что нельзя нарушать трудовую дисциплину, в том числе опаздывать, а тем более без уважительных причин отсутствовать на работе, но часть работников допускают подобные проступки. Это относится и к студентам, которые знают, что нельзя без уважительных причин пропускать аудиторные занятия, не являться на зачеты и экзамены, опаздывать на лекции и практические занятия семинарского типа, но опять же часть обучаемых совершают эти дисциплинарные проступки.

Совершенно очевидно, что все налогоплательщики знают правило: платить установленные налоги и сборы своевременно и в полном объеме, но часть из них совершают преступления в этой сфере, другие – гражданские деликты.

Аксиоматично, что нужно платить штрафы и алиментные обязательства, но и здесь ситуация в Российской Федерации неблагоприятная.

Считается, что практикующие юристы – выпускники юридических факультетов и вузов, обладают профессиональным (специальным) уровнем правосознания и правовой культуры. Действительно, это должно быть так, поскольку они изучили различные юридические предметы (дисциплины), написали курсовые работы, дипломные работы (те, кто закончил специалитет), выпускные квалификационные работы (ВКР) на бакалавриате и в магистратуре, часть закончила аспирантуру и даже докторантуру и защитила диссертации на соискание ученой степени

кандидата и доктора юридических наук, отдельные из них имеют ученые звания доцента и профессора (к примеру, ряд судей Конституционного Суда Российской Федерации – М. В. Баглай, Н. С. Бондарь, В. Д. Зорькин, С. М. Казанцев и др. – у них уже доктринальное, научное, теоретическое правосознание и соответствующий уровень правовой культуры). Но, как известно, существует такая деформация правосознания как его перерождение, которые выражается как и правовой нигилизм в совершении правонарушений, в том числе преступлений. Если раньше была только одна колония для сотрудников правоохранительных органов и судей, то с определенного времени уже две.

Поэтому очень важны правовые установки субъектов права: на правомерное или противоправное поведение. Оптимальный вариант для общества и государства – это активное правомерное поведение, которое выражается в образцовом, добросовестном выполнении своих юридических обязанностей, использовании своих прав (избирательных, членства в легальных политических партиях, профсоюзах и т.п.) и защите своих и чужих прав (обращения в правоохранительные органы и суд, но при этом не превращаясь в сутяг, как это нередко происходит в США). Мы разделяем подход немецкого правоведа, профессора Рудольфа фон Иеринга (1818–1892), что нужно бороться за свои права, но в демократическом государстве это нужно делать лишь легальными способами и методами.

Таким образом, необходимо уже малолетним давать азы права, затем продолжать правовое просвещение и правовое воспитание школьников и студентов, работников для того, чтобы как можно больше индивидов знали нормы и принципы действующего законодательства, имели уважительное отношение к праву, к правам других лиц, соблюдали запрещающие нормы, исполняли свои юридические обязанности и использовали свои субъективные права, умели их защитить или, по крайней мере, знали институты, органы по их охране и защите. Чем больше будет лиц с ценностным отношением к праву, активным правомерным поведением, тем меньше будет правового нигилизма и других деформаций правового сознания, тем сильнее и эффективнее будет режим законности и совершеннее правопорядок в нашей стране.

Ровнягина Мария Николаевна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

**ВОПРОС КАУЗЫ (ЦЕЛИ)
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ**

***Аннотация.** В статье рассматривается актуальный для современного гражданского праве вопрос о значении каузы (цели) договора для понимания его юридической конструкции, основные подходы к его рассмотрению в современной цивилистике. Значимость данного теоретического вопроса связана с задачами надлежащего толкования договоров, решения правоприменительных задач при осуществлении и защите прав сторон по договору.*

***Ключевые слова:** гражданско-правовой договор, кауза (цель) договора, каузальная, антикаузальная теории, злоупотребление гражданскими правами.*

В советской теории гражданского права учение о каузе (цели) договора получило определенный импульс для развития в рамках рассмотрения института обязательств из неосновательного обогащения, применительно к которым ученые пытались определить, что есть основание правомерного обогащения, приобретения имущества, к которому вполне относится вопрос, что есть основание обязательства, по которому приобретается имущество.

Так, советские ученые М. Гурвич, М. М. Агарков, Н. А. Руденченко высказывали схожие взгляды, которые в литературе обозначают как концепцию экономической цели перераспределения материальных благ. Она выражалась в утверждениях о том, что основанием правомерного перемещения имущественных благ является ближайшая, непосредственная хозяйственная цель [Новак 2004: 157–158].

Другое видение основания обогащения было предложено так называемой концепцией содержания правоотношений, сторонниками которой были, в частности, Е. А. Флейшиц, А. Е. Семенова. Эта концепция достаточным, а значит и правовым, основанием обогащения считала соответствие перемещения материальных благ содержанию правоотношения, возникшего в силу постановления закона, административного акта или сделки [Новак 2004: 159-160]. Концепцию содержания можно охарактеризовать, с одной стороны, как основанную на позитивистском (нормативистском) подходе к праву и правовым явлениям (правоотношению, обязательству), а, с другой, как дающую дорогу и для достаточно субъективного определения содержания основания (каузы) обогащения, сделки, которое может быть абсолютно независимым от действительно объективного критерия, такого как экономический, хозяйственный характер каузы договора, обязательства.

В последние годы в современном российском гражданском праве интерес к теме природы сделок и договоров, в частности, определенно возрастает. Однако, современные работы, посвященные этому вопросу, в основном носят характер обзоров уже выработанных в науке гражданского права концепций, их анализа и критики. При этом дает о себе знать неоднозначность понимания природы договора как сделки.

Так, И. В. Бекленищева в качестве существенных, значимых для формирования понятия современного договора признаков указывает на наличие соглашения и правовой цели (т. е. направленности, стремления достичь правовых последствий). При этом признаки правомерности, соответствия волеизъявления определенным требованиям закона, встречности предоставлений сторон по договору – обозначены как незначимый в современном праве. Также выдвигается тезис о том, что во всех современных договорах кауза носит исключительно субъективный характер, объективная кауза договора полностью утратила применимость [Бекленищева 2006: 58-60]. Вместе с тем, данный тезис подробного обоснования на основе анализа современного гражданского законодательства и судебной практики в работе И. В. Бекленищевой не получил. Автор считает, что принцип консенсуализма формулирует все необходимые требования к сделке и гражданско-правовому договору и обосновывает свою позицию содержанием определений договора в ГК РФ (п. 1 ст. 420 ГК РФ) и положениями Принципов международных коммерческих договоров (ст.3.2) о принципе консенсуализма как основополагающем. При этом признак правомерности, соответствия действия, волеизъявления определенным требованиям закона – утверждается как незначимый, выдвигается тезис о том, что во всех современных договорах кауза носит исключительно субъективный характер, объективная кауза договора, по мнению автора, утратила значимость в современном гражданском праве. Данная концепция явно тяготеет к антикаузальной (субъективной) концепции договора, реализованной в немецком праве; при этом надо отметить, что тезис автора подробного обоснования на основе широкого анализа правоприменительной практики, судебного толкования не получил.

Исходя из положений действующего российского законодательства, по сути, проявился смешанный, субъективно-объективный подход к пониманию договора (относительно значения каузы для юридической конструкции договора и защиты прав требования по договору).

С одной стороны, имеют место проявления субъективной (антикаузальной) концепции договора: признается юридическая сила не предусмотренных в законе договоров и, соответственно, существование не регламентированных законом кауз по ним (ст. 421 ГК РФ). Это проявляется в том числе в установленном законом понятии обязательства и договора, для содержания которых прямо не предусмотрено каузы (основания, цели) в качестве обязательного элемента (ст.ст.

307, 420 ГК РФ). Именно с учетом этого И. В. Бекленищева делает вывод об отсутствии значения в российском гражданском праве каузы (цели) договора для его юридической конструкции [Бекленищева 2006: 58-60]

С другой стороны, исходя из системы норм, регулирующих содержание договора и договорные отношения, реализуются основополагающие подходы объективной (каузальной) теории договора, что проявляется в презумпции возмездности договора, то есть предположении наличия встречного предоставления и даже определении порядка его установления в случае отсутствия прямого указания на него в договоре (ст.ст. 423, 424 ГК), а также в признании необходимости встречного исполнения для возникновения права требования на применение мер принудительного исполнения и, соответственно, мер защиты по договору (ст. 328 ГК РФ). Значимость данной нормы для понимания конструкции обязательственных отношений двустороннего характера (в первую очередь, договорных отношений) нашла отражение Постановления Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54, где с учетом ст. 328 ГК РФ дано разъяснение о презумпции встречности обязательств по договору вне зависимости от установленной очередности их исполнения согласно условиям договора: «Встречным признается исполнение обязательства одной из сторон, которое обусловлено исполнением другой стороной своих обязательств, вне зависимости от того, предусмотрели ли стороны очередность исполнения своих обязанностей» (п. 57 Постановления Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»).

При этом данные положения каузальной позиции получают обеспечение за счет применения института недопустимости нарушения пределов осуществления гражданских прав согласно ст. 10 ГК РФ. Такое видение нашло подкрепление, в частности в правовой позиции Верховного Суда РФ, где в качестве злоупотребления гражданскими правами квалифицировано существенное несоответствие встречных представлений по договору, а именно: «...по смыслу подп. 1, 2 ст. 10, п. 1 ст. 423 ГК РФ встречное предоставление не должно приводить к неосновательному обогащению одной из сторон либо иным образом нарушать основополагающие принципы разумности и добросовестности, что предполагает соблюдение баланса прав и обязанностей сторон договора. Встречное предоставление не может быть основано на несправедливых договорных условиях, наличие которых следует квалифицировать как недобросовестное поведение» (Определение Верховного Суда РФ от 29.03.2016 N 83-КГ16-2).

При этом Верховный суд РФ в своей практике выразил следующий общий подход, указывающий на необходимость признания обоснованности осуществления субъективных гражданских прав и определяющий злоупотребления правом с учетом этого критерия: «Назначение субъективного права состоит в предоставлении уполномоченному субъекту юридически гарантированной возможности удовлетворять потребности, не нарушая при этом интересов других лиц, общества и государства. Если субъективное право осуществляется в противоречии с назначением, происходит конфликт между интересами общества и конкретного лица. Злоупотребление правом имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность...» (Определение Верховного Суда РФ от 03.02.2015 N 32-КГ14-17).

Таким образом, в современном гражданском праве вопрос о значении цели (каузы) договора для конструкции, понятия договора окончательного разрешения не получил и, соответственно, не утратил свою актуальность. В связи с этим, данный вопрос остается для юридической науки одним из дискуссионных и, безусловно, требует дальнейшей проработки теоретических положений как для адекватного толкования, понимания положений гражданско-правовых договоров, обеспечения надлежащей юридической защиты прав сторон договорных правоотношений. Соответственно, исследование, углубление понимания значения каузы договора обеспечить дальнейшее развития положений гражданского законодательства и правоприменительной

практики относительно вопросов о требованиях к юридической конструкции договора, пределах свободы договора, непоименованных в законодательстве договорах, абстрактных договорах, а также применительно к юридическим институтам и категориям, относящимся к механизму защиты гражданских прав по договору с учетом целей, намерений, интересов сторон, в частности, таким как злоупотребление правом, механизм недействительности сделок, кондикционных требований и иных мер защиты.

ЛИТЕРАТУРА

Бекленищева И. В. *Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции*. М.: «Статут», 2006

Новак Д. В. *Кауза имущественного предоставления и ее значение в обязательствах из неосновательного обогащения*. Вестник ВАС РФ 2004. № 3

Определение Верховного Суда РФ от 03.02.2015 N 32-КГ14-17. СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (05.03.2020)

Определение Верховного Суда РФ от 29.03.2016 N 83-КГ16-2. СПС Консультант плюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (05.03.2020)

Постановление Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (п. 57). СПС Консультант плюс

Рогожникова Татьяна Михайловна

Уфимский государственный авиационный технический университет

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КОНФЛИКТНЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению аналитических процедур, которыми может быть дополнена психолингвистическая экспертиза конфликтных поликодовых и полимодальных текстов. Автор вводит новую для данного вида экспертизы (специальность: «исследование продуктов речевой деятельности») процедуру «синкризы» и детально описывает алгоритм ее проведения. Значительное место в статье занимает вопрос о речи как форме психической активности и о «трансляции» психоэмоционального состояния в дискурс.*

Ключевые слова: *психолингвистическая экспертиза, вербальная модель, синкриза, суггестивный ресурс, психоэмоциональное состояние, базовые эмоции, избыточность текста.*

Размышляя над идеей Е. С. Кубряковой о «тайнах интеграции знаков в новые гештальты...», А. П. Чудинов говорит о создании новых ментальных единиц при слиянии концептов, при этом новая единица не является порождением суммативного процесса, а её суть не равна сумме составляющих её частей [Чудинов 2013: 4]. Но гештальт должен быть закрыт, а нам всегда не хватает нужных инструментов. Незыблемая идея холизма и его исходная трактовка порождают возникшее в синергетике понятие эмерджентности, несущее в систему новое системное качество, несводимое к сумме качеств компонентов системы. При этом мы не можем отказаться от анализа (разделения на части в целях дальнейшего изучения). Пытаясь синтезировать обобщенные модели и формализовать алгоритмы анализа, мы проникаем в междисциплинарные направления, изучающие общие закономерности явлений и процессов в неравновесных системах на основе характерных для них принципов самоорганизации. Мы посягаем на традиционное,

но оправданием служат созидательная цель и стремление узнать, где скрыты коммуникативные ресурсы и как ими пользоваться во благо.

Традиционно в судебной практике используются лингвистические, психологические или комплексные экспертизы, называемые психолого-лингвистическими. *Лингвистическая* экспертиза предполагает лексико-семантический, логико-грамматический, прагмалингвистический, лингвостилистический и дискурс-анализ языковых явлений, при этом эксперт-лингвист в своем исследовании опирается на лексикографические данные (академические словари, глоссарии и тезаурусы), которые являются авторитетными источниками подтверждения мнения эксперта. *Психологическая* экспертиза ориентирована на анализ психической деятельности лица или продуктов его психической деятельности. Особенностью этого вида экспертизы являются сложности анализа психических процессов, недоступных непосредственному наблюдению.

В связи с этим эксперт-психолог исследует данные, отражающие информацию о личности автора, его мотивах и намерениях через интерпретацию материализованных источников информации о психической деятельности (документы, протоколы допросов, иные продукты психической деятельности) с последующим вынесением экспертного суждения. *Психолого-лингвистическая* экспертиза, которую называют комплексной, включает в себя мнения нескольких экспертов: лингвиста и психолога. Данный вид экспертизы призван оценить степень корреляции языковых явлений (устного или письменного текста, видео-аудиозаписи) с возможными психическими и психофизиологическими состояниями человека, что повышает объективность решения юридически значимой проблемы.

Психолингвистическая экспертиза – относительно новый вид исследования, который опирается на психолингвистическую научную парадигму. До недавнего времени у юристов не было четких представлений о возможностях психолингвистического исследования. Психолингвистику можно назвать экспериментальной лингвистикой, изучающей продукты речевой деятельности человека с опорой на формализованные данные многочисленных экспериментов, представленных в виде созданных разными авторами компьютерных программ для автоматизированного анализа.

В психолингвистической экспертизе исследуется речь как особая форма психической активности человека в момент речевой коммуникации. Эксперт-психолингвист анализирует вопросы языкового воздействия, процессы производства и восприятия вербальных моделей. Это главное отличие психолингвистической экспертизы от других. По своей точности и сложности данное научное направление может соперничать с математикой и физикой. Одной из функций речи человека, как и любого другого продукта (письменного или устного текста), является функция воздействия. В рамках психолингвистики разработаны методики и выявлены единицы анализа, с помощью которых возможно давать объективную оценку материала: измерять в количественных показателях силу воздействия текста, устанавливать качество этого воздействия, декодировать суггестивный (воздействующий) потенциал языкового явления, ранжировать эмоционально-оценочные признаки, оценивать мотивы и намерения автора текста, рассчитывать «золотое сечение» текста как зоны бесконтрольного влияния на сознание. Речь идет о совершенно особых единицах анализа для изучения латентных (скрытых) суггестивных ресурсов текста, поскольку отсутствие языковых манифестаций глубинных внутренних форм не поддается анализу с помощью традиционных лингвистических и психологических методов.

Сегодня в нашем арсенале 9 компьютерных программ (см. список в конце статьи), 6 из которых созданы нами. С помощью них возможно работать на 5 языках (русском, английском, немецком, татарском и башкирском). Были установлены 8 аналитических единиц, которые являются рабочими инструментами в ходе экспертного исследования конфликтных текстов. Среди них: паттерны ритмической активности мозга (мозговые волны), потенциал звукоцвета, модальности восприятия, эмоционально-оценочные признаки, ритмические коды вербальных мо-

делей и другие. Некоторые результаты исследований опубликованы [Rogozhnikova 2017; 2018; Рогожникова, Салихова 2019].

В настоящей публикации мы рассматриваем возможности еще одного инструмента анализа, который, на наш взгляд, значительно усилит достоверность показателей, получаемых с помощью уже созданных нами ранее инструментов. Напомним кратко, что для декодирования воздействующего потенциала вербальной модели и установления «силы слова или текста» мы описали восемь инструментов, которые существенно облегчают расшифровку суггестивного потенциала.

Первый инструмент – показатели паттернов ритмической активности мозга, получаемые в ходе предъявления вербальных стимулов [Рогожникова 2010].

Второй – потенциал ассоциативной цветности вербальных моделей [Rogozhnikova, Efimenko 2018; Рогожникова, Яковлева 2016; Рогожникова, Кочетова 2012].

Третий инструмент опирается на возможные аналогии с моделями квантовой физики [Рогожникова 2009; Даминова 2010].

Четвертый – это разные модальности восприятия и кодирования информации об окружающем мире [Рогожникова, Навалихина 2011].

Пятый инструмент – ранжирование эмоционально-оценочных признаков, характеризующих вербальную модель [Рогожникова 2016].

Шестой инструмент обнажает ритмическую организацию и ритмические коды текста [Рогожникова, Кишалова, 2015; Кишалова 2016].

С помощью седьмого инструмента анализируются суггестивные ресурсы музыкального дискурса [Рогожникова, Кудашов 2012; Рогожникова, Богословская 2016].

Восьмой сфокусирован на возможностях идентификации гендера в текстовом пространстве. Данный инструмент может рассматриваться как один из тех, что способствует установлению авторства текста, поскольку затрагивает проблему организации языкового сознания по гендерному признаку. И в этом контексте он будет служить хорошим дополнением шестого инструмента, с помощью которого анализируется ритмическая структура дискурса.

Сегодня мы можем говорить о разработке еще двух инструментов, один из которых (девятый) позволит регистрировать медленную электрическую активность головного мозга одновременно по одному отведению – лоб, темя, затылок, левый и правый виски. Прибор, который используется в ходе экспериментов, выполняет основные функции нейроэнергокартографа и позволяет проводить экспресс-изучение активности головного мозга. Для целей нашего исследования важно, что прибор приспособлен для выявления состояний стресса, определения стадий развития стресса, а также для наблюдения за результатами после воздействия созданных нами текстов с регистрацией показателей корректирующих процедур [Рогожникова 2019].

Целью данной публикации стало описание разрабатываемого нами десятого инструмента, суть которого мы обозначили через греческое слово «синкриза» (греч. *synkrisis* — сравнение), поскольку попытались установить через сравнительное противопоставление результатов, полученных от использования различных инструментов, воздействующий потенциал дискурса. До настоящего момента нам никак не удавалось найти способ, с помощью которого удалось бы установить достоверность «доминантных эмоций», скрытых в вербальной модели. Мы могли лишь предполагать (с высокой долей вероятности и с опорой на согласованность показателей, полученных различными инструментами), что положительные или отрицательные характеризующие признаки конкретного текста, его определенная ассоциативная цветность, избыточность или недостаточность проявлений того или иного вида ритмической активности мозга, увязываются с возникновением положительных или отрицательных эмоций у читателя или с их наличием у автора текста в момент создания вербальной модели. Аналитические процедуры всегда начинались с рассмотрения вербальных моделей различной сложности (звуковой комплекс/слово/текст). Впервые нам удалось начать анализ с установления доминантных эмоций

говорящего человека и лишь затем приступить к обсуждению латентного потенциала вербальной модели, то есть, выявленные проявления доминантных эмоций накладывались на результаты анализа текста, полученные с помощью уже имеющихся инструментов. Процедура синкризы проходила следующим образом.

Из сети Интернет был выбран видеотекст, который представляется нам привлекательным по нескольким причинам (по этическим соображениям мы не даем на него ссылок и не называем автора данного видеосюжета). Во-первых, автор производит впечатление внешне спокойного и уравновешенного человека, у него хорошая дикция, интонация не явно выражает его чувства и эмоции, его отношение к предмету речи и не раскрывает особенности его душевного склада. Во-вторых, детекция содержания речи обнаруживает наличие в ней конфликтогенов, способных привести к конфликту. В-третьих, манера говорить, использование лексических, грамматических, стилистических и других вербальных и невербальных инструментов обнаруживают подготовленного, опытного профессионала, способного минимально проявленными внешними средствами создать максимально воздействующий, как показал последующий анализ, текст.

С помощью компьютерной программы Movavi Video Editor 15 из полного интервью был вырезан интересующий нас видеосюжет длительностью около трех минут. Далее изображение кадрировалось по секундам и анализировались все полученные таким образом кадры. Всего проанализировано 5340 кадров, составивших 178 секунд. Для установления соотношений кадр – текст достаточно установить секунды, обозначенные на наших гистограммах. Так, 0.36 означает, что данная вербальная модель была произнесена на 36 секунде вырезанного нами отрывка и что ей соответствует определенный кадр.

Для установления доминантных эмоций в ходе работы были использованы несколько версий компьютерной программы EmoDetect – 2.3.0, 3.0. (см. приводимый список компьютерных программ), предназначенных для регистрации (записи) лица человека и определения его эмоционального состояния.

Сегодня «эмоциональные вычисления» и обработка визуальной информации составляют достаточно большой сегмент академического пространства, и системы детекции и распознавания эмоциональных состояний быстро развиваются. При этом становится возможным анализировать поведенческие модели, физиологические показатели, а также перемены настроения человека. Программы, устанавливающие данные эмоциональной сферы, условно можно разделить на классы по виду реакций: мимические, двигательные, голосовые. «Мимический сервис» способен трактовать микроэкспрессии лица, классифицируя их по базовым эмоциям: радость, гнев, грусть, удивление, страх, отвращение, а также нейтральное состояние. На лицо, изображенное на кадре, накладывается «маска», создающая искусственную модель лица по контрольным точкам. Ранжирование и классификация базовых эмоций происходит посредством нейронных сетей, обученных на большом тренировочном корпусе фотографий. Во многих работах учитываются признаки изображения, ориентированные на изображение целиком (холистические), признаки, рассчитанные для контрольных точек (локальные), а также признаки, связанные с движением частей изображения во времени (темпоральные). Затем выделенные признаки классифицируются. Для анализа используются так называемые двигательные единицы лица (Action Units), которые входят в Систему кодирования лицевых движений (Facial Action Coding System), созданную Полом Экманом [Экман 2018].

Авторы используемой нами системы распознавания базовых эмоций на основе анализа двигательных единиц лица – А. С. Бобе, Д. В. Коньшев, С. А. Воротников – разработали и исследовали новый алгоритм оценки базовых эмоций по П. Экману на основе расчета 20 информативных признаков изображения лица, причем степень выраженности эмоции оценивается тремя независимыми классификаторами. Для ранжирования используются классификаторы трех типов: вероятностный, нейронная сеть и набор логических правил. Итоговый классификатор – мультиклассификатор – создан «как функция результатов работы нейросетевого и вероят-

ностного классификаторов, с поправкой на основе применения логических правил» [Бобе и др. 2016].

Система распознавания базовых эмоций, созданная авторами, разработана на языке C++ и протестирована на двух базах данных: Cohn-Kanade [Kanade, Cohn et al. 2000; Lucey, Cohn et al. 2010] и ООО «Нейроботикс». По мнению авторов, база данных Cohn-Kanade является одной из наиболее популярных для изучения алгоритмов распознавания эмоций. Она содержит 123 субъекта, для каждого из которых даются серии изображений с переходом от нейтральной к одной из нескольких эмоций. База ООО «Нейроботикс» включает 858 изображений 9 субъектов с метками различных эмоций. При тестировании половина пар изображений «нейтральное состояние – определенная эмоция» включались исследователями в обучающую выборку, вторая половина – в тестовую.

«В эксперименте изображения нормировали по координатам центров глаз так, чтобы межзрачковое расстояние составляло 110 пикселей, а глаза находились на одном горизонтальном уровне. Степень выраженности каждой эмоции определяли в диапазоне [0..1], при этом порог, при превышении которого эмоция считалась достаточно выраженной, принимали равным 0,3» [Бобе и др. 2016]. В ходе расчета вероятностных характеристик распознанной считалась та эмоция, для которой был получен максимальный отклик классификатора. Авторы приводят процент верного распознавания. Для базы Cohn-Kanade в среднем – 81,1 %, для базы ООО «Нейроботикс» – 80,4 %. Интересным представляется вывод о том, что для обеих баз наибольшую точность распознавания получила эмоция «радость», а эмоция «грусть» в среднем распознается хуже остальных.

Большим достоинством выбранной нами системы для анализа эмоционального состояния является ее возможности снижать влияние помех. Серьезными препятствиями при разработке подобных программ становятся индивидуальные особенности проявления эмоций у разных людей. На точность распознавания также влияют положение головы, наличие очков, макияжа, длинной челки, которая закрывает брови. Все это затрудняет расчет двигательных единиц лица. В используемой нами системе кроме применения локальной фильтрации в расчетах степени выраженности двигательных единиц, задействован мультиклассификатор. В программе базовые эмоции распознаются на основе алгоритма расчета степени выраженности двигательных единиц лица ряда локальных маркеров по классификации Пола Экмана. При этом полученные значения нормируются относительно нейтрального выражения лица того же субъекта, после чего рассчитывается степень выраженности каждой из базовых эмоций тремя классификаторами: нейронной сетью типа многослойного перцептрона (Multilayer Perceptron, MLP), вероятностным классификатором и системой логических правил [Бобе и др. 2016]. Попутно отметим, что

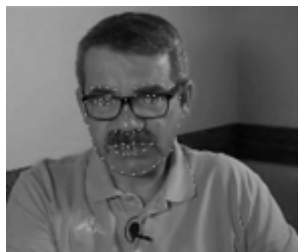
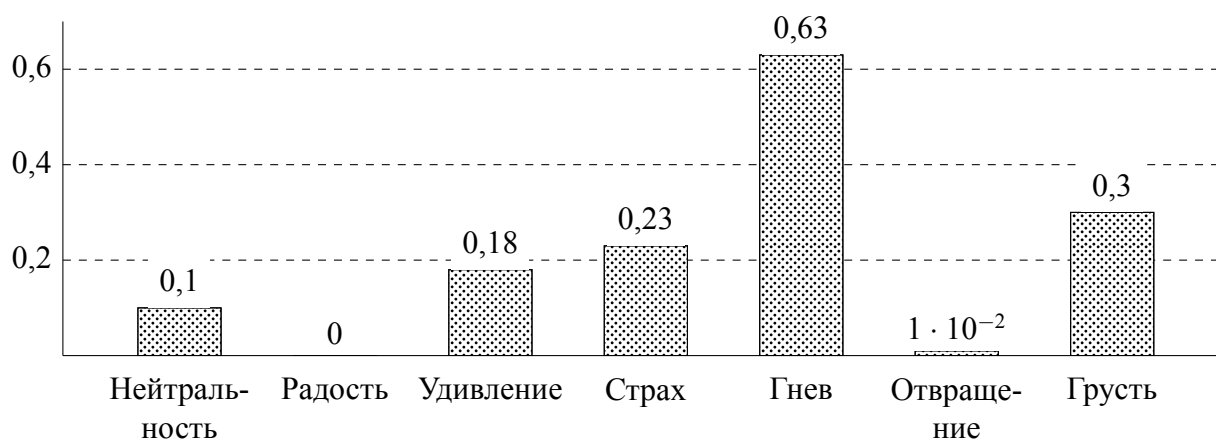

Рисунок 1 – Срез динамики «переживания» доминантной эмоции «Гнева» на 00:29–00:31 секундах монолога (кадр № 924, версия программы 2.3.0)

информационная модель на основе многослойного перцептрона рассматривается рядом исследователей как оптимальная по внутренней структуре и способу управления информационными потоками между нейронами. Данная модель способна минимизировать количество входных элементов.

Вернемся к процедуре синкризы. Рассмотрим рисунки, графики и гистограммы отдельных кадров видеотекста. Монолог длительностью 2 секунды (00:29–00:31) включает в себя 59 кадров. Для иллюстрации был выбран кадр № 924, который приведен на рисунке 1 и гистограмме 1. На Рис.1 приведена фотография мужчины в «маске», которая представляет собой совокупность распознанных информативных локальных признаков лица, характеризующих психоэмоциональное состояние человека.

Гистограмма 1 показывает соотношения базовых эмоций в указанном кадре. Доминантной эмоцией (63 %) является эмоция «Гнев».

Гистограмма 1 – Переживание доминантной эмоции «Гнев» на 00:29–00:31 секундах монолога (кадр № 924, версия программы 2.3.0)

Следует отметить, что первоначально мы начали работать с версией программы EmoDetect 2.3.0, в которой нет функции автоматического распознавания нейтрального кадра. По нашему мнению, кажущаяся простота отбора нейтрального кадра «вручную» таит в себе определенную опасность получения неточных данных. Нейтральный кадр представляет собой условный эталон, с которого начинаются процедуры определения психоэмоционального состояния человека. Для оценки значительности отклонений в показателях доминантных эмоций при выборе разных нейтральных кадров мы провели сопоставительное исследование, в котором выбирались различные нейтральные кадры и полностью пересчитывались все показатели. Этот анализ может стать предметом отдельной публикации, поскольку различия были выявлены. В рамках данной статьи сделаем акцент на том, что установленные нами отклонения касались количественных показателей, характеризующих базовые эмоции. При этом сохранной оставалась качественная составляющая психоэмоционального состояния, то есть доминантные эмоции не изменялись (Эмоция «Радость» не становилась эмоцией «Гнев» или наоборот). Общая картина оставалась устойчивой, что свидетельствует, в частности, о качественном программном продукте, с которым мы имели дело.

Совсем недавно появилась новая версия программы EmoDetect 3.0 с уже встроенной возможностью автоматического определения нейтральных кадров, а также новейшим алгоритмом индивидуальной корректировки неверных эмоций. Классификация эмоций реализуется также тремя независимыми классификаторами: нейронной сетью, системой решающих правил и классификатором по взвешенной сумме признаков. Программа существенно доработана по ключевым возможностям, среди которых особо хотелось бы отметить синхронную запись видео с USB камеры с захватом экрана или второй камеры. Это серьезное и существенное дополнение к доказательному потенциалу психолингвистической экспертизы. Эксперт может делать заключения не только о психоэмоциональном состоянии говорящего, но и о состоянии слушающего его человека. Речь идет о прямой «трансляции» эмоций, об их «трансформации» воспринимающим сознанием или о еще каком-то варианте эмоционального воздействия на другого человека.

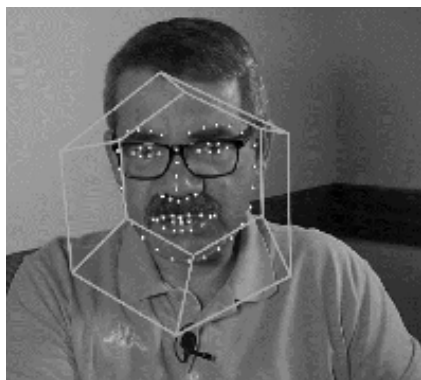

Рисунок 2 – Срез динамики проживания доминантной эмоции «Гнев» на 00:29–00:31 секундах монолога (кадр № 924, версия программы 3.0)

Проанализируем эмоциональное состояние человека, изображенного на кадре № 924, входящем во временной интервал с 00:29 по 00:31 секунду монолога, с помощью новой версии программы EmoDetect 3.0. На Рис. 2 показан срез ди-

намики проживания доминантных эмоций, которые были установлены с помощью новой версии программы.

Новая версия программы позволяет графически представить в процентном соотношении все переживаемые человеком в данный момент эмоции, выделив при этом доминантную. На рисунке 3 мы видим, что эмоция «Гнев» остается доминантной после третьей перепроверки, хотя мы наблюдаем динамические изменения интенсивности эмоций автора текста. Качественный состав переживаемых в анализируемый промежуток времени эмоций остается прежним («Гнев», «Страх», «Грусть»), хотя количественные показатели в разных версиях программы варьируются. Интенсивность каждой эмоции уменьшилась примерно в два раза.

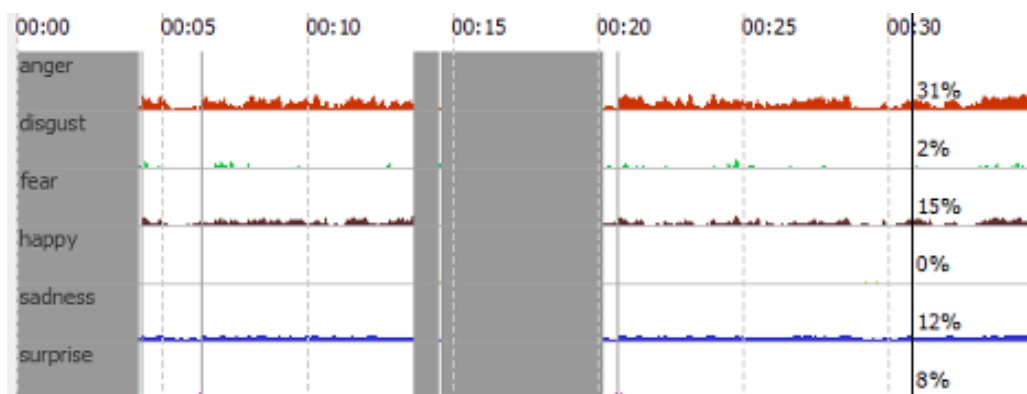

Рисунок 3 – Проживание разных эмоций на 00:29–00:31 секундах монолога (кадр № 924, версия программы 3.0)

Напомним, что часть монолога длительностью в 2 секунды (00:29–00:31) включает в себя 59 кадров (№№ 872–931). Текстовое воплощение представляет собой следующую вербальную модель: «...последний из крупных концернов, который остался государственным...». Одним из важных и информационно насыщенных источников трансляции суггестивных ресурсов вербальных моделей являются паттерны мозговой активности. Ритмы мозга как спонтанная нейронная активность, имеющая отчасти электрическую природу, выступают эффективным инструментом, позволяющим делать выводы о проживании человеком определенного эмоционального состояния. Версия компьютерной программы ДИАТОН (СЛОВОДЕЛ) позволяет описывать 11 основных состояний ритмов мозга и связанных с ними эмоций [Программа экспертизы текстов внушения Диатон, 2008]. Доминирование определенного ритма, выявленное при работе с вербальной моделью, означает, что восприятие данного вербального стимула способствует возникновению определенного психоэмоционального состояния, связанного с данным преобладающим ритмом или комбинацией ритмов. Таким образом, анализируя текст сквозь призму возникающих при его восприятии мозговых волн, мы можем судить о качестве его воздействия на человека.

На рисунке 4 показана комбинация ритмов мозга, которые активизируются при восприятии приведенной выше вербальной модели.

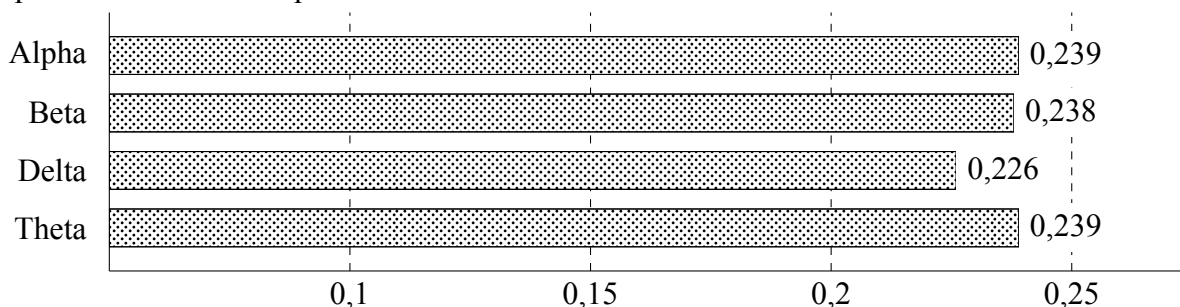

Рисунок 4 – Комбинация ритмов мозга, активируемых вербальной моделью

Данные многочисленных экспериментов, лабораторные и клинические исследования позволяют сегодня правильно оценить значение слова (и любой другой по сложности вербальной модели) как важного «физиологического фактора» [Платонов 1957]. Л. П. Гримак, придавая большое значение воздействию слова на состояние здоровья человека, отмечал, что «быстродействие некоторых психоречевых реакций превышает скорость электрофизиологических и химических процессов, формирующих эти реакции» [Гримак 2013: 9]. Произнесение текста создает определенный тип вибраций, которые запускают физиологические процессы в организме. «Именно дикцией создаются вибрации, формирующие начало того или иного физического процесса» [Там же]. Создавая разные вибрации, человек всякий раз проживает иной физический процесс. И этот «новый» физический процесс также будет воздействовать не только на него, но и на все окружение вокруг [Рогожникова 2013].

В ходе анализа психоэмоционального состояния автора в промежутке с 00:29 по 00:31 секунду монолога была установлена доминирующая эмоция «Гнев». Текстовое воплощение этого состояния соответствует произносимой в указанное время вербальной модели: «...последний из крупных концернов, который остался государственным...». Данная модель, проанализированная с помощью другого инструмента, активизирует определенную комбинацию ритмов мозга, среди которых один из доминирующих ритмов тэта-ритм (0.239). Грэй Уолтер, английский нейрофизиолог и кибернетик, чьи исследования давно вошли в золотой фонд работ по изучению функциональных механизмов высшей нервной деятельности человека, увязывал тэта-ритмы с эмоциональными состояниями человека. Во время клинических исследований тэта-ритмы были определены как ритмы, специфические для определенных состояний. Была установлена их связь с настроением субъекта.

Исследовалась группа людей с «дизритмическим агрессивным поведением», а также связь тэта-ритмов с немотивированными приступами гнева, при этом автором отмечается, что при обычных обстоятельствах у взрослых людей с уравновешенным характером тэта-ритмы едва различимы, «но при действительно неприятных раздражениях такие ритмы могут выявиться даже у выдержанных людей» [Уолтер 1966: 215].

С помощью двух совершенно разных инструментов было установлено определенное психоэмоциональное состояние человека, а процедура синкризы позволила установить их взаимосвязь. Под синкризой автор понимает процедуру сопоставления результатов, которые не могут быть сопоставимы вне данного алгоритма анализа. Напомним этот алгоритм.

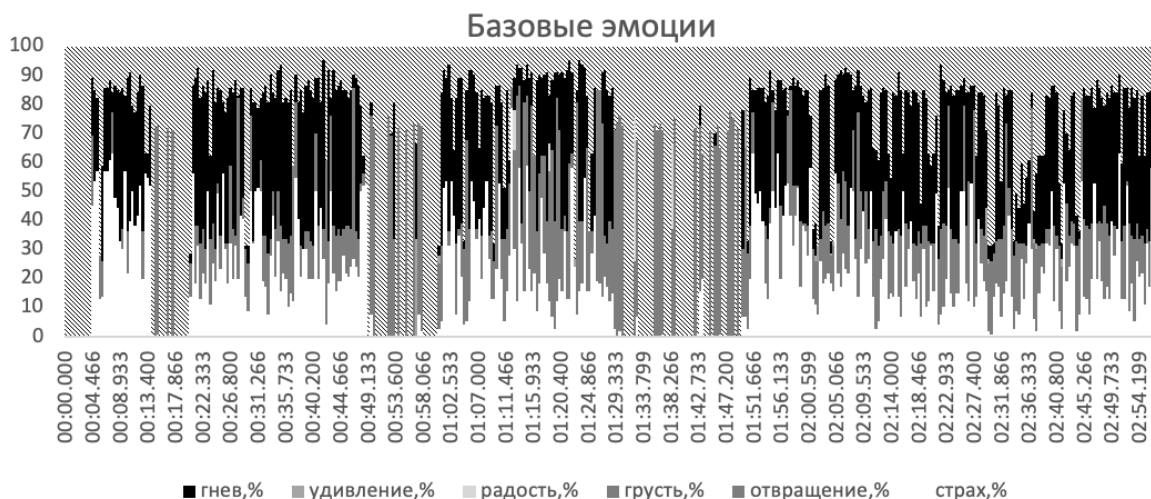
На основе изучения двигательных единиц лица прогнозируется психоэмоциональное состояние человека в определенный промежуток времени. Данное состояние «накладывается» на вербальную модель, которая произносится в момент проживания эмоций. С помощью других инструментов изучается вербальная модель, и результаты сопоставляются. Поскольку в данном конкретном примере результаты сопоставимы и практически полностью совпали, то мы можем говорить о положительной синкризе. Но процедура синкризы на этом не заканчивается. Она может быть продолжена с использованием данных, полученных с помощью других имеющихся в нашем распоряжении инструментов.

Рассмотрим характеризующие и определительные признаки рассматриваемой модели. Признаковый анализ показал, что данный отрывок монолога суровый (9,38), зловещий (8,65), темный (6,67), угрюмый (6,56). Этот результат также согласуется с теми результатами, которые обсуждались выше.

Приведенные в статье рисунки и графики затрагивали короткий (в несколько секунд) промежуток монологического времени. Это делалось для того, чтобы как можно более точно реализовать синкризу с данными, полученными с помощью других инструментов, и привести ее как пример суггестивной трансляции, выявленной с помощью казалось бы несопоставимых инструментов и единиц анализа, которые позволяют получать результаты, не подлежащие прямому сравнению. Попробуем получить общую картину, характеризующую весь монолог. На

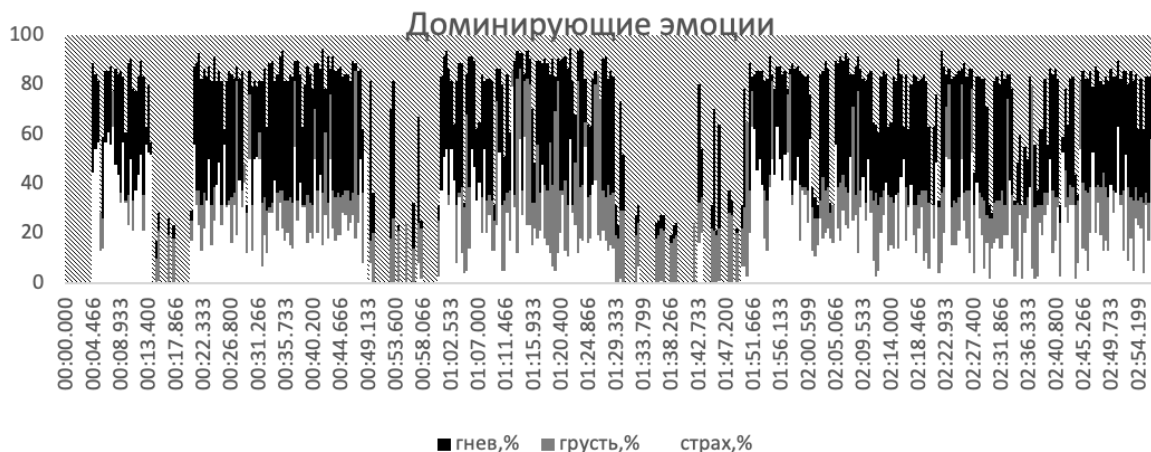
гистограмме 2 показаны соотношения всех выявленных эмоций на протяжении всего текста. По оси абсцисс указаны промежутки времени, по оси ординат – интенсивность базовых эмоций в процентах. На гистограмме 3 отражены три доминирующие эмоции, которые были выявлены на протяжении всего текста: эмоции «Гнев», «Грусть», «Страх».

Таким образом, весь текст произносится автором в беспокойном психоэмоциональном состоянии с доминирующей эмоцией «Гнев», которая на обеих гистограммах 2 и 3 окрашена в черный цвет. Эмоция «Страх» – в белый цвет, другие эмоции – в различные оттенки серого.

Гистограмма 2 – Интенсивность базовых эмоций, характеризующих весь текст

Гистограммы 2 и 3 построены на основе данных, полученных с помощью версии программы EmoDetect 2.3.0.

Гистограмма 3 – Интенсивность доминирующих эмоций, характеризующих весь текст: эмоции «Гнев», «Грусть», «Страх»

Заслуживают внимания данные, полученные в ходе анализа показателей информационной избыточности текста. Математическая теория информации американского инженера Клода Шеннона, являясь разделом прикладной математики и информатики, позволяет измерять количество информации, которое содержится в символе [Шеннон 1963]. Для наших исследований важной представляется сама возможность измерения информации в любой вербальной модели. Алфавит любого языка является структурой, компоненты которой содержат разное количество информации. Количество информации, присутствующее в букве, зависит от частотности употребления этой буквы в конкретном языке. Следует отметить, что часто употребляемые буквы

обладают меньшей информацией, чем редкие. Информационная избыточность текста не увязывается с содержанием и индивидуальным смыслом текста напрямую. Точнее было бы говорить об опосредованной связи. Скопления отдельных информационно избыточных или, наоборот, информационно ненасыщенных единиц в тексте ведут к определенному воздействию на зрителя/читателя еще до того, как он понял его содержание. Речь идет о реализации «надсодержательного» воздействия. Далее – содержание текста при воздействии информационной надстроечной насыщенности (если таковая имеется) будет трактоваться воспринимающим иначе, чем идентичное содержание, порождаемое информационно ненасыщенными единицами (подробно об этом см.: [Рогожникова, Воронов 2016]. Таким образом, существует вероятность множественных трактовок содержания, если текст информационно избыточен.

Следует подчеркнуть, что имеется разница в подходах исследователей к трактовке явления информационной избыточности или насыщенности текста. Некоторые авторы, выделяя коэффициент плотности текста, напрямую связывают его со смысловыми блоками, содержанием текста, с его смысловым восприятием. Е.В. Шелестюк предлагает вычислять коэффициент информационной плотности текста по формуле $D = H/T$, где D (density) – коэффициент плотности информации, T (total) – количество строк в тексте (одна строка условно равна одному высказыванию), а H – новые (непредсказуемые) смысловые блоки [Шелестюк 2009: 156].

Мы фокусируем внимание на изучении качества воздействия на человека комбинаций минимальных неделимых единиц, информационная насыщенность которых может быть рассчитана, и вариации которых окружают абсолютно любой текст. Под информативностью (частотная энтропия) мы понимаем меру непредсказуемости события. В данном контексте этот параметр используется как промежуточный результат для вычисления энтропии. За единицу информативности принимается один бит, означающий один из двух возможных исходов – истина или ложь. Информативность показывает, сколько нужно битов (элементов, способных принимать одно из двух состояний), чтобы закодировать данный символ. Частотная энтропия вычисляется по формуле: $I(x) = -\log_2 P(x)$ [бит], где $P(x)$ – вероятность появления рассматриваемой буквы или, другими словами, её частотность.

Понятие избыточности можно трактовать как противоположное понятию информативности: чем выше избыточность текста, тем ниже его информативность. При равной вероятности всех букв алфавита будет достигнута нулевая избыточность и, соответственно, максимальная информативность любого текста языка. «Полезность» текста определяется его информативностью: чем более информативен текст, тем более он полезен с точки зрения информационной плотности. Таким образом, низкий показатель избыточности – положительная характеристика текста. Лингвистически избыточность можно определить как разницу между максимальной информативностью, которую мы можем структурировать с помощью вербальных единиц, и реальной информативностью, которой обладает конкретный текст. Математически – это разница между абсолютной энтропией и общей удельной энтропией. Для целей психолингвистической экспертизы знание показателей информационной избыточности авторского текста помогает судить об однозначности или неоднозначности восприятия речевого продукта.

Нами была разработана методика снижения избыточности текста, а для более понятной характеристики численных значений избыточности были введены лингвистические термы (термин заимствован из нечеткой логики и означает слово на естественном языке, которому соответствует некоторый диапазон значений переменной). Избыточность текста с вероятностью 50 % принадлежит терму «средняя», с вероятностями 25 % – термам «низкая» и «высокая». Поскольку мы располагаем статистическими данными, то мы можем вычислить границы указанных лингвистических термов. Опустим алгоритмы вычисления и отметим, что в результате были получены следующие показатели: нижняя граница терма «средняя» – 0.005970; верхняя граница терма «средняя» – 0.009592. Математическое ожидание для всех значений выборки –

0.007671. Если значение избыточности меньше 0.005970, то избыточность «низкая», если больше 0.009592 – «высокая».

Избыточность анализируемого нами текста оказалась равной 0.0051, то есть показатель избыточности низкий. В контексте наших рассуждений это означает, что у автора остается крайне мало шансов уйти от ответственности, сославшись на то, что он имел в виду совершенно не то, что его не так поняли. Сложные поликодовые тексты изобилуют латентными речевыми импликациями, которые крайне трудно поддаются декодированию. Сегодня мы пока нашли только один способ через расчет показателя избыточности текста уменьшить возможности «отрекаться» от собственных слов. Низкая избыточность текста сужает границы вольных и помимовольных трактовок.

Попутно отметим, что анализ православных молитвенных текстов выявил их низкую избыточность. Закономерности, которые проявляются при анализе молитв с помощью психолингвистических инструментов, позволяют говорить о них как о самых уникальных суггестивных текстах, которые нам когда-либо приходилось анализировать.

Среди инструментов, которые проявили себя весьма полезными, следует назвать анализ мотивационной сферы и мотивационных процессов через категориальный подход. При всем изобилии точек зрения, определений, разногласий, которые существуют в дискуссиях о мотивации, мы вынужденно ограничим себя подходом, который был реализован авторами программного софта. Любая модель есть редукция реально существующего положения вещей, но с этим приходится мириться для того, чтобы двигаться дальше. Авторы компьютерной программы ВААЛ, вслед за Хайнцем Хекхаузенем, остановились на структуре мотивации, которая включает в себя потребности, мотивы, инструментальную деятельность, эмоции и валентность. Каждая составляющая может быть представлена как категория, содержащая определенные номинализации и действия. Существуют эмпирически определенные нормы употребления различных слов. Вычислив «нормальную» частоту употребления слов данной категории в конкретном языке, можно подсчитать, чаще или реже нормативных показателей используются слова этой категории человеком. Категория в данном контексте представляет собой слова, характеризующие определенный тип личности. Сравнивая с нормой частоту употребления слов этой категории конкретным индивидом, мы получаем информацию о принадлежности человека к определенному психологическому типу. Используя для анализа материала названную программу, под профилем категорий мы понимаем представленную в виде диаграммы информацию о том, как слова различных категорий распределены в тексте. На рисунке 5 представлены показатели нагрузки на категорию Инструментальная деятельность. Инструментальная деятельность в рассматриваемом нами контексте предполагает конкретные действия (физические или ментальные) по удовлетворению потребностей. Это номинализации и глаголы рутинных действий, описывающие способы достижения целей.

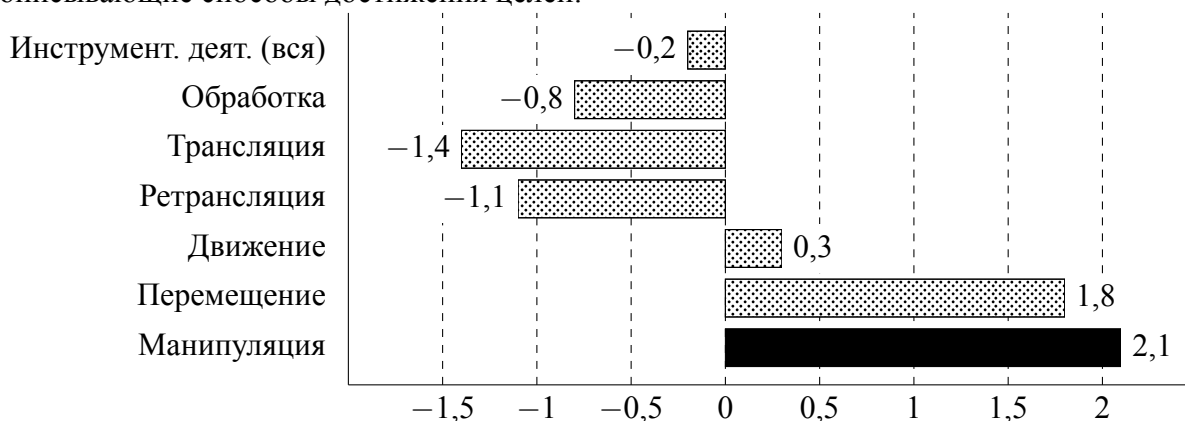

Рисунок 5 – Нагрузка на категории *Инструментальная деятельность* (категориально-статистические оценки текста)

Первая колонка называет категории. При создании диаграммы важными составляющими являются процент слов данной категории от общего объема текста, количество слов данной категории, встретившихся в анализируемом тексте. Следует дать оценку отклонения количества встретившихся слов данной категории от среднестатистической нормы. Это традиционная оценка, используемая в контент-анализе, известная как z-score. Рассчитать ее возможно по формуле: $(N - E) / (\text{стандартное отклонение})$, где N – количество слов данной категории, встретившихся в анализируемом тексте, а E – ожидаемое число вхождений слов данной категории в текст. И, наконец, визуально представить оценку отклонения количества встретившихся слов данной категории от среднестатистической нормы. Обычно разными цветами выделяется разница показателей. Красным – значительное превышение нормы, серым – незначительное отклонение от нормы либо в сторону её превышения, либо в меньшую сторону, синим – значительное отклонение в меньшую сторону. По техническим причинам показать эту цветность в статье не представляется возможным, поэтому просто назовем доминирующие показатели с указанием цвета. В красной зоне оказалась категория Манипуляция (показатель – +2.1). Все остальные категории – серый цвет. Манипуляция и манипулирование внеурочно и универсально. Эта скрытая или открытая тактика воздействия с целью изменить восприятие или поведение других людей в данном конкретном тексте, попав в красную зону, значительно превышает норму.

На рисунке 6 показаны категории Мотивов. Для исследовательских целей авторов программного продукта значимыми оказались лишь четыре группы мотивов: Достижения, Власть, Аффiliation, Физиология.

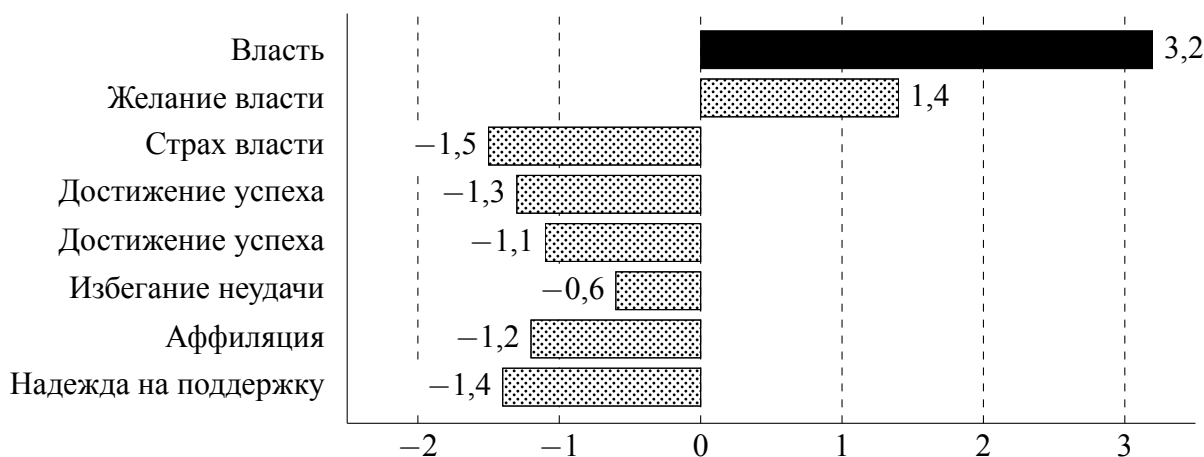

Рисунок 6 – Нагрузка на категорию Мотивы (категориально-статистические оценки текста)

В рассматриваемом видеотексте в красную зону попадает мотив Власть (+3.2), остальные находятся в серой зоне. Позиция Аффiliation (аффiliation), предполагающая потребность в создании теплых, доверительных, эмоционально значимых отношений с другими людьми, окрашена в серый цвет с отрицательным значением (-1.2). Нет Надежды на поддержку (-1.4, серая зона), нет уверенности в Достижении успеха (-1.1, серая зона).

Мы видим, что видеотекст, который мы выбрали для анализа по ряду указанных в начале статьи причин, по своим внутренним глубинным характеристикам оказывается гораздо богаче, чем это проявляется на внешнем уровне. Автор на протяжении всего текста переживает эмоции гнева, в меньшей степени – страха и грусти. Показатели низкой избыточности текста помогают нам утвердиться в мысли о том, что автор однозначно транслирует именно эти эмоции, а проведенный нами анализ характеризующих признаков всего текста свидетельствует о достаточно больших воздействующих ресурсах данной модели. Мы имеем дело с текстом, который характеризуется такими признаками как Возвышенный (12,47); Суровый (11,56); Бодрый (9,76);

Сильный (9,05). Обратим внимание на высокие показатели этих признаков, которые усиливают суггестивный потенциал текста.

Таким образом, анализ психоэмоционального состояния человека имеющимися современными инструментами существенно помогает декодировать суггестивные ресурсы вербальных моделей. Процедура синкризы, введенная нами как инструмент, позволяющий сопоставлять данные из различных исследовательских пространств, расширяет возможности получения достоверных результатов. Рассматриваемый текст, несомненно, может быть отнесен в разряд сильных суггестивных текстов, который оказывает воздействие на зрителя.

Открытым пока остается вопрос о том, какое психоэмоциональное состояние возникает у человека, воспринимающего конкретный видеотекст, и каковы будут результаты синкризы. Будет ли синкриза положительной или, напротив, отрицательной. Сегодня у нас появился инструмент, с помощью которого возможно провести эту работу и интерпретировать результаты.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПРОГРАММЫ

Бобе А. С., Коньшев Д. В. Программа ЭМОДЕТЕКТ (версии 2.3.0, 3.0.) Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2018612628 / правообладатель ООО "Нейроботикс"(RU). –М., 2018.

Кривошеев И. А., Ахмедзянов Д. А., Кожин Д. Г. Система автоматизированного моделирования сложных технических объектов (САМСТО) Свидетельство об официальной регистрации, Роспатент, № 2011611712. – М., 2011.

Программа экспертизы текстов внушения ДИАТОН, версия СЛОВОДЕЛ. Лаборатория «Ведиум». Свидетельство о государственной регистрации для программы ЭВМ. № 2008611081.– М., 2008.

Рогожникова Т. М., Воронков С. А., Ефименко Н. В., Яковлева Р. В. Программа для ЭВМ БАРИН (Автоматизированный анализ слова и текста). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011618299. – М., 2011.

Рогожникова Т. М., Кудашов Д. Д., Кочетова Г. Р., Ефименко Н. В. Программа для ЭВМ БАТЫР (Автоматизированный анализ слова и текста). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014613238. – М., 2013.

Рогожникова Т. М., Кудашов Д. Д. Программа для ЭВМ СЧЕТОВОД (Автоматизированный анализ текстов). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014618598. – М., 2014.

Рогожникова Т. М., Кишалова Л. В., Кишалов А. Е. Программа для ЭВМ ПУЛЬС 2015 для обработки ритма прозаического текста. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2015614549. – М., 2015.

Рогожникова Т. М., Кудашов Д. Д., Яковлева Р. В. Программа для ЭВМ БЮРГЕР (Автоматизированный анализ слова и текста). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2016616320. – М., 2016.

Шалак В.И., Дымшиц М.Н. Программный продукт/ Психолингвистическая экспертная система ВААЛ. – М., 2005.

ЛИТЕРАТУРА

Бобе А. С., Коньшев Д. В., Воротников С.А. Система распознавания базовых эмоций на основе анализа двигательных единиц лица // Инженерный журнал: наука и инновации. Электронное научно-техн. изд. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2016. – Вып. № 9 (57). С. 1–16[электронный ресурс] URL: <http://www.engjournal.ru/articles/1530/html/index.html> DOI: 10.18698/2308-6033-2016-9-1530.

Гримак Л. П. Магия биополя: Энергоинформационное лечение. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 296 с. (Из наследия Л.П. Гримака).

Даминова Р. А. Ассоциативная структура значения и фонетическая значимость слова: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2010. 168 с.

Кишалова Л. В. Влияние объёма выборки текста на результат вычисления его основного слога-акцентного обертритма // Вестник Костромск. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – Кострома: Костром. гос. ун-т, 2016. – №2. С. 173–178.

Платонов К. И. СЛОВО как физиологический и лечебный фактор. – М.: «Медгиз», 1957. 432 с.

Рогожникова Т. М. Идиосостояния семантики слова как реальный квантовый объект // Вопросы психолингвистики. М.: ИЯ РАН; МИЛ. Вып. 2(10), 2009. – С. 50–56.

Рогожникова Т. М. Вербальные модели и ритмическая активность мозга // Вопросы психолингвистики. – № 2 (12). – М.: ИЯ РАН, 2010. С.48–56.

Рогожникова Т. М. Суггестивный потенциал имени // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы V Международной научно-метод. конф. / Отв. ред. Т. М. Рогожникова. – Уфа: УГАТУ, 2013. С. 415–434.

Рогожникова Т. М. Суггестивный потенциал языковой системы и его стратегические возможности в процессе коммуникации. // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск: Курск. гос. ун-т, 2016. № 4 (23). С. 95–108.

Рогожникова Т. М. Политическая коммуникация и вербальная суггестия в формате психолингвистической парадигмы // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2019. – Вып. 2 (74). С. 24–37.

Рогожникова Т. М., Богословская И. В. Ассоциативная цветность нотного алфавита: предварительные результаты эксперимента // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2016. № 3 (22). С. 118–126.

Рогожникова Т. М., Воронов Н. Н. Построение математической модели для оценки информационной избыточности текста // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т. М. Рогожникова. – Уфа: УГАТУ, 2016. С. 216–232.

Рогожникова Т. М., Кишалова Л. В. Слога-акцентный обертритм как инструмент анализа суггестивных ресурсов текста // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 2. С. 272–282.

Рогожникова Т. М., Кочетова Г. Р. Ассоциативная цветность звуков башкирского и татарского языков // Вестник Башкирского гос. ун-та. – Уфа: Изд-во Баш. гос. ун-та, 2012. Том 17. № 3. С. 1313–1320.

Рогожникова Т. М., Кудашов Д.Д. Психологическая и физическая цветность звука: взаимосвязь двух реальностей // Теория и практика языковой коммуникации: Материалы IV Международной научно-метод. конф. / Отв. ред. Т. М. Рогожникова. – Уфа: УГАТУ, 2012. – С. 280–290.

Рогожникова Т. М., Навалихина А.И. Доминантные модальности восприятия и их динамика // Вестник Башкирского гос. ун-та. – Уфа: Изд-во Баш. гос. ун-та, 2011. Том 16. № 2. С. 469–473.

Рогожникова Т.М., Салихова Э.А. Лингвистические и психолингвистические признаки креолизованного конфликтного текста: технология выявления и описание // Евразийская Адвокатура. Международный научно-практический юридический журнал. Вып. 1(38), М.: АНО «Евразийский НИИ проблем права», 2019. С. 26–38.

Рогожникова Т.М., Яковлева Р.В. Изучение ассоциативной цветности звуков немецкого языка в синхроническом срезе // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та, 2016. № 2 (106). С. 174–182.

Уолтер Г. Живой мозг / Пер. с англ.: А. М. Гурвич. – М.: Изд-во «Мир», 1966.

Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013. 176 с.

Шелестюк Е.В. Методика выявления количественных показателей истинности, информативности и информационной плотности текстов // Система языка: синхрония и диахрония: Межвузовский сборник научных статей. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 151–156.

Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. 830 с.

Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. 2-е изд. – СПб.: Изд-во Питер, 2018. 334 с.

Lucey P., Cohn J. F., Kanade T., Saragih J., Ambadar Z., Matthews I. The Extended Cohn-Kanade Dataset (CK+): A complete expression dataset for action unit and emotion-specified expression. Proc. of the IEEE Computer Society Conference on Computer Vision and Pattern Recognition-Workshops, IEEE, 2010, pp. 94–101.

Kanade T., Cohn J. F., Tian Y. Comprehensive database for facial expression analysis. Proceedings of the Fourth IEEE International Conference on Automatic Face and Gesture Recognition. – Grenoble, France, 2000, pp. 46–53.

Rogozhnikova T. Psycholinguistic tools for decoding suggestive potential of verbal models // «Advances in Social Science, Education and Humanities Research» ISSN 2352-5398. – France: Atlantis Press SARL, 2017 URL: <https://doi.org/10.2991/cildiah-17.2017.45>.

Rogozhnikova T. Suggestive Resources of Complex Verbal Models // Proceedings of the 8-th International Scientific and Practical Conference "Current issues of linguistics and didactics: The interdisciplinary approach in humanities" (CILDIAHSS 2018). – Volume 50, 01147. – France: EDP Sciences – SHS Web of Conferences, 2018, URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001146>.

Rogozhnikova T.M., Efimenko N.V. Suggestive status of the verbal model and its associative colority // «Current issues of linguistics and didactics: The interdisciplinary approach in humanities». – Volume 50, 01147. – France: EDP Sciences – SHS Web of Conferences, 2018, URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001147>.

Руколеев Виталий Александрович

Уральский государственный экономический университет

Сошникова Ирина Владимировна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

**НЕСОВЕРШЕНСТВО ЗАКОНОДАТЕЛЬНО УРЕГУЛИРОВАННОЙ
ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «КОРРУПЦИЯ»:
АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ И МЕРЫ
ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

***Аннотация.** В юридической науке вопрос об определении понятия «коррупция» является дискуссионным в свете предпринимаемых законодателем мер по предупреждению и противодействию коррупционных проявлений в системе государственной и муниципальной службы во взаимосвязи с участвовавшими случаями показательных преследований за коррупционные преступления (правонарушения). В статье приводятся различные научные подходы к определению понятия «коррупция», дается оценка их возможной адаптации в законодательство о противодействии коррупции. По завершении исследования авторами предлагаются меры по совершенствованию законодательства.*

***Ключевые слова:** коррупция, должностное лицо, научные подходы, определение, дефиниция, законодательство, правонарушение, преступление.*

В настоящее время существует множество различных точек зрения к определению понятия «коррупция» в силу того, что каждый автор вкладывает собственную интерпретацию в выше-названный термин. В особенности это обусловлено тем, что, во-первых, коррупция имеет различные формы проявления и пронизывает все сферы жизни общества, а, во-вторых, коррупция является предметом изучения многих областей наук, таких как экономика, социология, политология, юриспруденция и других. Каждая из названных наук занимается исследованием разных аспектов данного феномена, будь то в криминологическом, психологическом, гендерном, историческом, правовом понимании, что обуславливает отсутствие единого, удовлетворяющего всех, определения. К примеру, многие ученые-юристы, в числе которых Борцев В. В. [Борцев 2014: 12] и Федорин В. М. [Федорин 2019: 205–206], считают, что единого всеобъемлющего определения коррупции нет и в принципе быть не может, поскольку коррупция, с точки зрения социологической и правовой науки, является достаточно сложным явлением чем усложняет нормирование. Не соглашаясь с представленной точкой зрения, приведем различные научные подходы к определению коррупции и сравним их с нормативным закреплением в международных и национальных правовых актах. После чего сформулируем меры по совершенствованию законодательства в сфере противодействия коррупции.

Начать предлагается с толкования слова «коррупция» в словарях русского языка и словаре юридических терминов. Так, в Толковом словаре Ожегова С. И. слово «коррупция» определяется как «моральное разложение должностных лиц и политиков, которое выражается в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами» [Ожегов 1953: 897]. В словаре русского языка Ушакова Д. Н. под коррупцией понимается подкуп, соблазнение, развращение взятками должностных лиц [Ушаков 1935–1940: 513]. Большой юридический словарь включает несколько расширенное определение данному феномену: «Общественно опасное явление в сфере политики или государственного управления, выражающееся в умышленном использовании представителями власти своего служебного статуса для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно подкуп этих лиц» [Большой юридический словарь URL]. В трех предлагаемых определениях прослеживается относительная смысловая близость, далекая от совершенства. Считаем, что полноценное определение коррупции должно содержать прямое указание на использование должностных полномочий вопреки интересам службы, в более широком понимании – трудовой деятельности, и не только в отношении себя лично, как выгодоприобретателя, но и в пользу третьих лиц.

Далее, рассмотрим, как определяют коррупцию в научных юридических кругах. Анализируя подходы учёных в исследовании понятия «коррупция», можно прийти к выводу, что в основном спор вызывает объём толкования термина. В науке имеют место два подхода определения коррупции: узкий и широкий смысл. Так, одни ученые дают широкое определение коррупции и понимают под ней некое социальное явление, другие, в узком смысле, понимают обстоятельства, предопределяющие «продажность» должностного лица. Применительно ко второму варианту приведем позицию Волосникова С. С., который понимает под коррупцией совокупность составов преступлений (правонарушений), предусмотренных в российском законодательстве, с отличительным квалифицирующим признаком – использование должностным лицом своего публичного статуса в корыстных целях для личного обогащения либо в групповых интересах» [Волосников 2017: 333]. Менее удачным является мнение Марлухиной Е. О., которая отождествляет коррупцию с антисоциальным, общественно опасным явлением, угрожающим национальной безопасности РФ и представляющее совокупность преступлений (правонарушений), совершаемых публичными должностными лицами с использованием своего должностного и фактического положения [Марлухина 2018: 121]. Что же касается определения коррупции в широком смысле, то обратим внимание на позицию Тамазова Э. И. Автор делает акцент на коррупции как социальном явлении, порожденном социальными противоречиями общества, государства,

его властных структур [Тамазов 2018: 148-154]. Однако, данное определение лишено конкретики, так как в нем не содержится отсылка к характеристике противоправности коррупционного поведения.

Легальное определение коррупции закреплено в следующих нормативных правовых актах:

на международном уровне: статья 2 Модельного закона о борьбе с коррупцией, 1999 г. – «...не предусмотренное законом принятие лично или через посредников имущественных благ и преимуществ государственными должностными лицами, а также лицами, приравненными к ним, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей, а равно подкуп данных лиц путем противоправного предоставления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ» [Модельный закон... 1999: 70–84]; статья 7 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, 1979 г. – «...совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие» [Кодекс поведения... 1990: 319–325];

на национальном уровне: статья 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», 2008 г. – «...злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [Парламентская газета 2008].

Дефиницию коррупции в вышеприведённых правовых актах нельзя считать идеальной. В обоих случаях законодатели определяют коррупцию исключительно как совокупность деяний, связанных с незаконным получением имущественной выгоды (в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав) для себя или третьих лиц. Бараненкова И. В. считает, что легальные определения служат примером непроработанности должным образом смыслового содержания [Бараненкова 2013: 31–32]. Наиболее верное, по мнению авторов, определение коррупции дано Ашиным А. А. и Некрасовой М. А. Под коррупцией они понимают «общественно опасное и антисоциальное деяние (действие либо бездействие) физических лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, а также выполнение управленческих и распорядительных функций в коммерческих и других организациях, направленное на использование своего должностного или иного служебного положения, вопреки законным интересам общества и государства, в целях получения выгоды в виде материальных или нематериальных благ в свою пользу или пользу других лиц, а также предоставление иных услуг и прав для себя или других лиц либо незаконное предоставление такой выгоды и носящее, как правило, систематический характер» [Ашин, Некрасова 2019: 107].

Таким образом, проанализировав и изучив легальные и научные подходы, попытаемся предложить свою формулировку дефиниции «коррупция»: коррупция – это использование лицом своих должностных и служебных полномочий вопреки интересам службы в государственных, муниципальных органах, трудовой деятельности в коммерческих организациях, направленное на получение прямой или косвенной финансовой и иной выгоды от такой деятельности для себя лично или в пользу третьих лиц, вызывающее конфликт интересов между лицом и нанимателем (работодателем). Предложенную дефиницию предлагается законодательно закрепить в Федеральном законе «О противодействии коррупции», заменив тем самым существующую.

ЛИТЕРАТУРА

Ашин А. А., Некрасова М. А. Понятие и сущность коррупции // Учетные записи. 2019. №1 (29). с. 106–113.

Бараненкова И. В. *Федеральный закон «О противодействии коррупции» как системообразующий нормативный акт в сфере профилактики коррупции военнослужащих // ЭНИ «Военное право». 2013. № 3. с. 26–36.*

Большой юридический словарь [Электронный ресурс] // Словари онлайн. URL: <https://juridical.slovaronline.com/> (дата обращения 11.03.2020 г.)

Борцев В. В. *Коррупция: контагиозность, последствия и методы противодействия: дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2014. с. 151.*

Волосников С. С. *Коррупция. Характеристика понятия // Молодой ученый. 2017. № 20. С. 332–334.*

Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (Принят 17.12.1979 Резолюцией 34/169 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 319–325

Марлухина Е. О. *Криминология: учебное пособие. М., 2018. с. 370.*

Модельный закон о борьбе с коррупцией (Принят в г. Санкт-Петербурге 03.04.1999 Постановлением 13-4 на 13-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1999. N 21. С. 70–84

О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Парламентская газета. N 90. 31.12.2008

Ожегов С. И. *Словарь русского языка // Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей. 1953. с. 2146.*

Тамазов Э. И. *К вопросу о понятии «коррупции» как социально-правового явления // Гуманитарные, социальноэкономические и общественные науки. 2018. № 9. с. 148–154.*

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.», 1935–1940 гг. с. 1239.

Федорин В. М. *Эволюция правовой категории коррупция // Вопросы российского и международного права. 2019. с. 205–206.*

Руженцева Наталья Борисовна

Уральский государственный педагогический университет

ДИСКУРС ВЛАСТИ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

***Аннотация.** Статья посвящена оценочной интерпретации дискурса власти в популярных печатных СМИ. Наиболее негативно СМИ оценивают такие свойства политической коммуникации, как агрессивность, ложь, манипулятивность, беспредметную нереперентную речь, эзотеричность, попытки давления на адресата, замалчивание проблем, лакировку действительности, эвфемизацию речи, а также неопределенность, некорректность и провокативность высказываний. Меньшая степень негативной оценочности наблюдается при интерпретации СМИ таких свойств политической коммуникации, как конвенциональность, косвенная подача информации, нежелание власти объяснять свои действия, полидискурсивность.*

***Ключевые слова:** дискурс власти, СМИ, негативная оценка, свойства политической коммуникации.*

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 19-012-00465/19 «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот»

Средой существования политического дискурса являются прежде всего средства массовой информации [Чудинов 2006, Шейгал 2001 и др.]. В настоящее время существует целый ряд работ, посвященных дискурсу власти и его отражению в системе СМИ и сделанных с разных методологических позиций. В 2003 году А. П. Сковородников, проанализировав газетный текст с лингвостилистической точки зрения, утверждал, что мы «являемся свидетелями формирования нового газетно-публицистического стиля, в котором баланс двух его составляющих – стандарта и экспрессии – явно сдвигается в пользу экспрессивного начала» [Сковородников 2003: 64]. В свою очередь, А. П. Чудинов в 2006 году выделил целый ряд свойств политической коммуникации («ритуальность и информативность, эзотеричность и общедоступность, редуциционизм и полнота изложения, стандартность и экспрессивность, институциональность и персональность, агрессивность и толерантность, скрытая и явная оценочность, интертекстуальность и особый характер авторства»), которые «создают необходимые условия манипулирования сознанием и деятельностью адресата» [Чудинов 2006: 71]. Какие же свойства дискурса власти оцениваются в настоящее время негативно? Мы попытались найти ответ на этот вопрос, используя материалы популярных печатных СМИ за 2019-2020 гг. («Аргументы и факты», «АИФ-УРАЛ», «Московский комсомолец»), «Аргументы недели», «Комсомольская правда», а также их электронные версии). Приведем журналистскую интерпретацию современного дискурса власти (коммуникационные маркеры, т. е. указания на речевые действия представителей власти, выделены заглавными буквами).

1. Агрессивность (оскорбления при коммуникации «власть-народ»): В августе в интернет попала запись слов пресс-секретаря губернатора Иркутской области Ирины Алашкевич, которая якобы КОММЕНТИРОВАЛА встречу президента страны с пострадавшими от наводнения: «Он приехал туда на полчаса. Люди, вся эта БИЧЕВНЯ, пришли – вы бы видели, как они одеты»... Когда скандальная история докатилась до президента, он НАЗВАЛ даму «непорядочным человеком» (АИФ № 40, 2019).

2. Оскорбления при коммуникации «власть-власть»: Дональд Трамп и ранее удостаивался от президента Ирана Хасана Роухани ПРОЗВИЩА «идиот». «Выжившим из ума стариком-марзаматиком» НАЗЫВАЛ Трампа (еще до встречи) и лидер КНДР Ким Чен Ын. А Николас Мандуро ОБОЗВАЛ Трампа «новым Гитлером»... (АИФ № 27, 2019).

3. Беспредметная нереферентная речь или речь со слабой степенью референции (болтовня, трескотня): Вот как было совсем недавно? Пока Дмитрий Анатольевич РАССКАЗЫВАЛ, что деньги куда-то ушли и их нет, РАЗМЫШЛЯЛ о том, что свобода лучше, чем несвобода, ПРОИЗВОДИЛ ДРУГУЮ ГУМАНИТАРНУЮ ТРЕСКОТНЮ, расшалившиеся чиновники ВЫДАВАЛИ что-то совсем уж антинародное. Типа диких тарифов на медосмотр для водителей. И тут появлялся Путин. ПРОИЗНОСИЛ (не дословно) «да вы ...?!» - и сразу возникал порядок. Все – можно бросать в воздух чепчики (МК РРЕ, 19-26. 02. 2020).

4. Эзотеричность высказывания: Всю прошедшую неделю представители верхнего мира ВЫВОРАЧИВАЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ НАИЗНАНКУ: им про Фому, они – про Ерему. Народ говорить правильные слова, и чиновники ГОВОРЯТ правильные слова. И вроде об одном и том же, а такое ощущение, что на разных языках (МК. РРЕ. 26.02 – 4.03. 2020).

5. Неопределенность высказывания: *НАПИСАНО так: Современный этап развития России требует максимального вовлечения потенциала культуры в процессы общественного прогресса.

Если прочесть быстро и не задумываясь, то все хорошо. А начнешь смаковать – возникнут вопросы, Что это за этап, который чего-то требует? (У кого требует – не сказано). Что такое «современный этап развития России?» Спросите кого хотите – ответом будет страдальческий взгляд или вопль, или спрошенный скорчит такую рожу, что вам станет стыдно. Поверьте, ответа на этот вопрос не существует... Но ведь это не все.

Этап требует чего? Максимального вовлечения. Вовлечение чего? потенциала культуры. Вовлечение куда? В процессы прогресса. Вы где-нибудь видели потенциал культуры? Вам понятен процесс общественного прогресса? (МК. РРЕ. 29.05 – 5.06 2019).

*Рассыпаются в труху важные государственные документы, как только пытаешься в них разобраться (МК. РРЕ 29.05- 5.-6. 2019).

6. Провокативность (наличие триггеров, то есть «спусковых крючков», высказываний, невольно провоцирующих спонтанную, чаще всего негативную реакцию общественности): Еще круче ВЫСТУПИЛ депутат Волгоградской облдумы, экс-глава регионального «Газпрома» Гасан Набиев. Он ЗАЯВИЛ, что маленькие пенсии по 7-8 тыс. рублей получают исключительно «тунеядцы и алкаши», а у тех, кто работал нормально, 20-25 тысяч и больше» (АИФ № 40, 2019).

7. Прямое давление на адресата, попытки «взять на испуг»: *Когда приехали чиновники из местного Курганского департамента Минобра, первым делом, как водится, ПОПЫТАЛИСЬ ДАВИТЬ и БРАТЬ НА ИСПУГ. Помимо прочего ЗАЯВИЛИ, мол, вы все врете, по всем цифрам зарплаты учителей в регионе давно, как велено указами, доросли до средних. На это получили в ответ коронную фразу: «Один ест мясо, другой – капусту. Вот и выходит, что в среднем все повально лопают голубцы» (Аргументы недели. № 37 (681), 25. 09. 2019).

*В ответ на требования назревших перемен она (власть) все чаще наказывает граждан: ограничивает права свободного общения и свободного высказывания претензий. А в последнее время и ПУГАЕТ насилием (АИФ № 38, 2019).

8. Лакировка действительности: Как в таких обстоятельствах строить отношения с народом? ПРОДОЛЖАТЬ ИГРАТЬ в сталинское «жить стало лучше, жить стало веселей», замалчивать проблемы, ПУДРИТЬ МОЗГИ при помощи веселенького телевидения и послушной статистики? (АИФ № 38, 2019).

9. Замалчивание проблем или их преуменьшение: *Самое неприятное в уханьском вирусе – это то, о чем усиленно СТАРАЮТСЯ НЕ УПОМИНАТЬ в новостях... Против этого вируса как класса не вырабатывается устойчивый иммунитет (Аргументы недели № 5 (699), 12.02. 2020).

*ЗАМАЛЧИВАЛИСЬ трагические итоги раскулачивания, коллективизации, сталинских политических репрессий. Мало кто в стране знал о существовании ГУЛАГа и о массовом использовании труда заключенных. Долго ЗАНИЖАЛИСЬ цифры потерь солдат и мирного населения во время войны 1941-1945 гг. (АИФ № 8, 2020).

10. Нежелание власти объяснять логику действий: Наши верхи часто НЕ ЖЕЛАЮТ ИЛИ НЕ УМЕЮТ ОБЪЯСНЯТЬ людям логику своих действий. Как, например, в недавнем случае со списанием миллиардных долгов стран Африки. Лишь через несколько дней, осознав, что «невиданная щедрость» воспринята бедными слоями населения весьма негативно и может повлиять на рейтинги власти, ее представители опомнились и ПРИНЯЛИСЬ ВНУШАТЬ гражданам, что те все не так поняли: что это, дескать, старые долги, которые все равно никто бы не вернул. И что этот шаг открывает России новые возможности в Африке (АИФ № 45, 2019)

11. Эвфемистические высказывания: *Несмотря на то, что на проблему бедности социологи указывали уже несколько лет, до верхов она доходила с большим трудом... Народное недовольство СГЛАЖИВАЛИ РАЗГОВОРАМИ о «социальном государстве», о стабильности, о «вставании с колен». Народ всю эту пропагандистскую фальшь видел, обижался, но помалкивал (АИФ № 4, 2020).

*Жительница Челябинска... в январе получила прибавку к пенсии 1 рубль 19 копеек... Пресс-секретарь Президента РФ Дмитрий Песков после всего этого срама ЗАЯВИЛ, что с каждым отдельным случаем низкой пенсии или заработной платы надо разбираться отдельно, так как есть нюансы. В России за чертой бедности (за это официальной формулировкой робко прячется слово «нищета») живет 21 миллион человек. С каждым, значит, РАЗБЕРЕМСЯ? Или, может, стоит просто сказать: такие зарплаты и пенсии – это вселенский позор, это невозможная,

немыслимая, противная здравому смыслу ситуация для одной из богатейших стран на планете. Первый шаг к исправлению – он с честного признания проблемы начинается (МК РРЕ, 26.02.–04.03.2020).

*На днях на заседании правительства новый премьер Михаил Мишустин потребовал от министров (соответственно и от других высших чиновников) «НЕ ДАВАТЬ НЕОБОСНОВАННЫХ ОБЕЩАНИЙ». Если перевести его слова на народный язык, то его требование звучит так: «ХВАТИТ ВРАТЬ» (АИФ № 8, 2020).

12. Метасообщения (косвенная передача информации, сигналы об истинном положении дел): Объявив об отставке правительства и, в частности, премьера Д. Медведева, В. Путин послал обществу СИГНАЛ: в Кремле о нарастании недовольства знают и готовы действовать (АИФ № 40, 2019).

13. Расширение жанрового корпуса дискурса власти (введение жанровых форм обиходно-бытовой речи: слухов, допущений): *В итоге картины протестов (во Франции. – Н.Р.) только расшевелили народное воображение... А тут еще сразу после Нового года ПОШЛИ СЛУХИ о подорожании черного хлеба. А ведь буханка черного – один из символов народного счастья. Судя по УТЕЧКАМ из Кремля, там обеспокоены... (АИФ № 4, 2020).

*Нужен был иной повод поместить Китай за барьеры. И повод вдруг нашелся: давайте раскрутим коронавирус и поместим китайцев за кордон, за забор. МОЛ, это «токсичная страна» (Аргументы недели, № 5 (699), 12. 02. 2020).

14. Манипуляции с политической и неполитической информацией: Мы имеем дело с информационной войной. На чем она строится? На логической ошибке... НАМ ГОВОРЯТ, что это эпидемия, может быть, пандемия, хотя это всего лишь вспышка. Для чего? Для того чтобы на этом встроить определенные манипуляционные процессы. И мы видим, что МАНИПУЛЯЦИЕЙ СО СЛОВОМ «ЭПИДЕМИЯ» пользуется все больше и больше стран (Аргументы недели № 5 (688), 12-16. 02. 2020).

15. Ложь: *Это, кстати, отличная идея для всех чиновников: чтобы вас постоянно НЕ ЛЮВИЛИ НА ВРАНЬЕ, лучше вообще ничего не говорить. Ну, или ГОВОРИТЬ, как в материалах XXV съезда КПСС – масштабные планы, всенародная поддержка, судьбоносные решения (МК РРЕ, 26. 02 - 4. 03 2020).

*По сути, большую часть XX в. страна прожила в системе БОЛЬШОЙ ЛЖИ. Сколько фальшивых романов, стихов и песен, ПРОСЛАВЛЯЮЩИХ партию, правительство и вождей («Ленин – это весны цветенье», «Партия – наш рулевой») было написано в советский период, сколько снято «свадебных» фильмов (АИФ № 8, 2020).

16. Конвенциональность (наличие негласных договоренностей, скрытой цензуры): Есть немало примеров (в том числе и в демократических государствах), когда власть и оппозиция ДОГОВАРИВАЮТСЯ (разумеется, негласно) о допустимых пределах вранья, МОТИВИРУЯ это интересами сохранения стабильности и общественного спокойствия. Это как бы скрытая форма цензуры: прямых запретов на ту или иную информацию нет, но обществу выдается дозированная часть правды (АИФ № 8, 2020).

17. Некорректная форма высказываний представителей власти: Еще в конце 2018 года Дмитрий Медведев ПРИЗВАЛ всех чиновников «включить мозги», прежде чем делать какие-либо заявления. А тех, кто ПРОДОЛЖИТ ВЕСТИ СЕБЯ ВЫЗЫВАЮЩИМ ОБРАЗОМ, можно, ПО СЛОВАМ ПРЕМЬЕРА, и к ответственности привлекать (АИФ № 40, 2019).

18. Наличие в речи представителей власти контекстов самодискредитации.

«Обычно они создаются путем цитирования высказываний какого-либо человека, которые отрицательно характеризуют его личность или деятельность, например свидетельствуют о его непрофессионализме, грубости, малообразованности, низком уровне коммуникативной компетенции и речевой культуры» [Платонова, Винградов 1998: 262]: Под конец недели появлением на арене (информационной) порадовал Дмитрий Рогозин. Он УДИВИЛСЯ тому, что возглавля-

емая им корпорация завершила год без единой аварии: «Для нас это очень важный результат. Таких аварий раньше было много, теперь, КАК НИ СТРАННО, в 2019 году мы единственные вышли без аварий. И действительно – УДИВИТЕЛЬНО. Старались, старались, а аварий, «КАК НИ СТРАННО», нет (МК. РРЕ. 26.02 – 4. 03. 2020).

Таким образом, наиболее негативно СМИ оценивают такие свойства политической коммуникации, как агрессивность, ложь, манипулятивность, беспредметную, нерелевантную речь (болтовню, трескотню), эзотеричность высказывания (смысл понятен лишь адресанту или специалисту), попытки давления на адресата, замалчивание проблем, лакировку действительности, эвфемизацию речи, а также неопределенность, некорректность и провокативность высказываний. Меньшую степень негативной оценочности мы наблюдали при интерпретации СМИ таких свойств политической коммуникации, как конвенциональность, косвенная передача политической информации (метасообщения), нежелание власти объяснять свои действия, полидискурсивность (проникновение жанров обиходно-бытового общения в жанровый корпус дискурса власти).

Результатом сказанного является, во-первых, девальвация обещаний власти и утрата доверия к ней:

*Начиная с Хрущева все ГОВОРИЛИ БЕЗ УМОЛКУ. Цена слов и обещаний, вылетающих из кабинета Кремля, все больше девальвировалась (АИФ № 8, 2020).

*Уже несколько лет социологи фиксируют нарастающий дефицит доверия к власти и, как следствие, к потокам информации, исходящим из официальных источников (АИФ № 8, 2020).

Во-вторых, это уход от официальной пропаганды к другим источникам информации: У молодежи степень бегства от официоза еще выше. Она черпает новости и суждения из социальных сетей, в блогах и мессенджерах. Сказать, что там господствует правда и ничего, кроме правды, было бы слишком смело. Неразберихи, путаницы, игры и фальшивых новостей там выше головы. Но сам факт бегства населения от официальной пропаганды налицо (АИФ № 8, 2020).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что представления СМИ и научного сообщества о репертуаре и оценочном потенциале свойств политической коммуникации, и в частности – дискурса власти, не являются тождественными. Сказанное нуждается в сопоставительном исследовании на материале научных источников и печатных, а также электронных СМИ, что и является перспективой нашей работы.

ЛИТЕРАТУРА

Платонова О. В., Виноградов С. И. Прагматика и риторика дискурса в периодической печати. Сфера субъекта и выражение оценки // Культура русской речи. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. С. 253–2265.

Сковородников А. П. Расширение фигуральных возможностей языка современной российской газеты // Русский язык сегодня. 2003. Вып. 2. С. 60-72.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006. 256с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368с.

Савватеев Анатолий Иванович

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ОТ ИЗДАНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Аннотация. Современный мир полон острых противоречий политического, экономического, социального и исторического характера. В этой ситуации особенно сложно приходится России, так как она имеет уникальные географическое

положение, природные ресурсы, многонациональное население, разнообразные культурные и научные достижения. Поэтому для нашей страны очень важно обеспечение национальной безопасности, без которой невозможно ее дальнейшее и всестороннее развитие.

Ключевые слова: *информационная безопасность, информационная угроза, стратегия национальной безопасности, духовно-нравственные ценности (начала).*

За последнее время трагические события на Украине и вызванные ими обострения геополитической обстановки вокруг России, вновь пробудило широкие слои общества к поиску русского пути и активизировало работу государственной власти в укреплении суверенитета России. Одним из результатов этого стало принятие новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

В документе, подписанном Указом Президента Российской Федерации В. В. Путиным от 31.12.2015г. № 683 среди основных угроз для России, значится следующая, а именно: размывание духовно-нравственных ценностей и воздействие иностранных государств на сознание и умы населения.

Среди стратегических национальных приоритетов обеспечения национальной безопасности таких как: оборона, экономический рост, наука, образование, здравоохранение, экология, стратегия в области культуры в вышеуказанном документе уделено внимание и сохранению и приумножению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

По мнению создателей Стратегии размывание этих ценностей и пропаганда вседозволенности является одним из угроз национальной безопасности страны, поэтому впервые в нормативно-правовом акте федерального уровня было дано пояснение того, что же, все-таки, является традиционными духовно-нравственными ценностями? И стоит особо отметить, что первая среди них была указана ценность следующая — это приоритет духовного над материальным.

Принятая Стратегия действует уже более четырех лет и заметны реальные успехи в области обороны страны, экономика России движется вперед, строятся новые дороги, предприятия, школы и т. п., но в тоже время в области духовности и нравственности не происходит особых изменений. Рушатся российские семьи, так в 2017 году на 100 тыс. браков пришлось 60 тыс. разводов [Статистика браков и разводов URL], естественный прирост населения не компенсирует смертность, по телевидению и на популярных интернет ресурсах постоянно идет недостаточно контролируемая пропаганда разврата, насилия и праздного образа жизни, собирая, при этом, высокие рейтинги.

Не уменьшаются случаи мошенничества, воровства, хулиганства, сохраняется коррупция, каждый россиянин часто встречается с хамством, халатностью, неуважением и даже агрессией.

Почему так происходит, почему те ценности, которые заложены в стратегии не работают?

Одним из доводов этого, как думается, выступает тот факт, что поскольку в стратегии национальной безопасности акцент сделан на духовно-нравственные начала, то невозможно говорить о духовно-нравственных ценностях не увязав их (подкрепив практически) с религией, божественной сущностью. Тем самым можно констатировать, что высоко нравственные начала, заложенные в названном Указе, существуют как бы абстрактно, лишь декларированы.

Иначе говоря, данный документ в области духовной составляющей родился мертвым.

И все-таки, почему в данном нормативно-правовом акте сделан акцент на духовность, может быть от безвыходности реализации существующих в государстве реалий? В контексте сказанного обратимся, например, к истории существования нашего государства.

В средневековой Руси морально-нравственным идеалом, как известно, была православная вера, что являлось важнейшим фактором духовного единства народа. В монастырях развивалась наука, культура, духовно-нравственное воспитание прихожан.

В 90-х годах 20 века у нас образовался новый идеал, освобожденный от всяких ценностей, от многих позитивных и насущных традиций и обязанностей перед обществом, что, естественно, сказалось и на духовно-нравственной составляющей социума.

Если бы общество задумалось бы об этом и люди в большинстве своем не отделялись бы от духовности православно-божественной, применяли это в своей жизни, то общество внутренне преобразалось бы в позитивном своем развитии.

В связи со сказанным нельзя не привести слова выдающегося нашего соотечественника философа, великого русского писателя, одного из высших выразителей духовно-нравственных ценностей русской цивилизации Ф.М. Достоевского, который еще в 19 в. предупреждал те страшные события, которые произошли с Россией в 1917 году и далее. Он говорил, что "человечество уверовав однажды в безграничную будто бы силу науки и выводя идею бога за скобки, неудержимо устремляется в зияющую бездну, где ему суждено погибнуть"[Достоевский URL]

Так или иначе, сегодня, данный документ, несомненно, важен и востребован, поскольку Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу. Также Стратегия призвана консолидировать усилия федеральных органов государственной власти, других государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации

Кроме того, названная Стратегия необходима для формирования государственной политики и выработки мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности, так как отдельные страны пытаются использовать свое доминирующее положение в информационном пространстве для достижения не только экономических, но и военно-политических целей.

К тому же в нынешних зарубежных СМИ растет число предвзятых оценок и политики Российской Федерации, а российские издания подвергаются за рубежом открытой дискриминации. На деле это, по всей видимости, означает, что зарубежные власти получают карт-бланш на усиление контроля над интернетом.

Нашим государством в лице компетентных органов государственной власти фиксируется постоянный рост компьютерной активности на российские информационные ресурсы. По словам Президента Российской Федерации за последние последнее время подобное количество компьютерной активности увеличилось в разы. При этом методы, средства и тактика проведения подобных атак совершенствуются, а интенсивность прямо зависит от текущей международной обстановки"[Путин URL].

Несомненно, что отдельные государства пользуются своим превосходством и трансграничным оборотом той или иной информации, чтобы повредить России и, прежде всего, это касается США, где администрируется основной массив интернет ресурсов и исходит угроза:

- военной инфраструктуре;
- политическому суверенитету РФ;
- социальной стабильности;
- историческим основам и патриотическим традициям.

Как с этим бороться? Учитывая положения национальной Стратегии, думается, необходимо:

- усиление государственного контроля;
- создание собственных интернет технологий
- воспитание культуры кибербезопасности
- формирование международно-правовой базы.

Казалась бы, сказать легко, но сделать непросто, как известно "Сколково" показало тщетность финансовых вливаний в высоко конкурентные технологии.

Может быть гораздо дешевле отключить линкедин (социальную сеть) профессиональных контактов, которые, по мнению, специальных служб шпионят за российскими гражданами или же ввести более жесткий контроль за операторами нашей связи с обязательством бессрочного хранения информации и разделения ее на разные уровни?

Но вот одно хорошо, что об ограничении доступа россиян к интернету в доктрине о национальной безопасности речи не идет, хотя опасность, что его отключат извне рассматривается вполне серьезно. Так, еще в декабре 2019 года ФСБ, Минсвязи и Минобороны были проведены учения по отключению от глобальной сети с тем, чтобы понять, что случится с доменом RU и РФ в случае блокады рунета [Минкомсвязи URL].

Конечно, простым гражданам, которые занимаются интернетом не за государственную зарплату все это кажется, по меньшей мере, абсурдом, тем более живя в 21 веке.

ЛИТЕРАТУРА

Минкомсвязи: "Учения по изоляции рунета перенесены на 23 декабря 2019г." [электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/news/t/481170/> (дата обращения 12.02.2020г.).

Путин: количество компьютерных атак на информресурсы РФ выросло в разы. [электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20141001/1026432831.html> (дата обращения 08.02.2020г.)

Статистика браков и разводов [электронный ресурс]. URL: <https://pravovoiexpert.ru/brak/s-tatistika-brakov-i-razvodov/> (дата обращения 11.02.2020г.)

Ф. М. Достоевский – предвидел 1917г. [электронный ресурс]. URL: <https://subscribe.ru/group/piknik-na-oboichineili-v-gostyah-u-ryizhej-bes/2011610/> (дата обращения 08.02.2020г.).

Семёнов Никита Викторович

Управление по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью
прокуратуры Свердловской области

БЛОКЧЕЙН ТРАНЗАКЦИЙ ВИРТУАЛЬНЫХ ВАЛЮТ, ПРИБРЕТАЕМЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИКОВ

Аннотация. Статья раскрывает и акцентирует актуальность уголовно – правовых и криминологических проблем противодействия легализации (отмыванию) виртуальных цифровых криптографических валют, приобретаемых в результате незаконного сбыта наркотических средств, с использованием в электронных информационно – телекоммуникационных сетях децентрализованной технологии блокчейн, а также инструктирует о правоприменительных способах их разрешения.

Ключевые слова: биткоин, блокчейн, виртуальное пространство, даргнет, децентрализация, криптовалюты, легализация.

Актуальность выявления легализаций обозначена перечнем поручений Президента Российской Федерации по реализации Послания Федеральному Собранию РФ о принятии законов о цифровых финансовых активах (криптовалюте и токенах), краудфандинге (привлечении инвестиций через электронные площадки), о смарт – контрактах и «ICO». Отмывание денежных средств, приобретаемых в результате незаконного сбыта наркотических средств, создает основу теневой экономики государства, причиняет вред экономической безопасности и финансовой стабильности России, содействует ослаблению правопорядка в стране (пост. Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32).

Согласно п. 6 информационного письма Банка России от 14.08.2018 № ИН-014-12/54 фактов использования виртуальных валют при совершении преступлений в сфере экономики на территории Российской Федерации ранее не фиксировалось. Однако в настоящее время криптовалюты активно используются на различных этапах движения наркодоходов, включая расчеты наркопотребителей за наркотики, легализацию полученного преступного дохода, распределение денежных средств между организаторами и участниками преступных групп. Центральный Банк РФ обеспокоен участвовавшими случаями непреднамеренного вовлечения физических и юридических лиц в противоправную легализацию преступных наркодоходов, вследствие трактовки законодателем услуг по обмену цифровой валюты как потенциальной вовлеченности в осуществление сомнительных операций (вестник Банка РФ 2014 № 11).

Налоговая служба России предлагает Росфинмониторингу оперативно информировать ее обо всех подозрительных операциях с криптографическими валютами в условиях существующей ныне системы валютного контроля (письмо ФНС РФ от 03.10.2016 № ОА-18-17/1027), поскольку возможность бесконтрольного трансграничного перевода цифровых валют и их последующего обналичивания, служат предпосылками высокого риска их потенциального вовлечения в схемы по легализации преступных наркодоходов [<https://fedsfm.ru>].

Оперативные подразделения органов правоохраны, в отсутствие целесообразного взаимодействия с Федеральной службой РФ по финансовому мониторингу, постоянного обобщения анализируемых финансовых сделок и операций, в полной мере не способны выявлять, предупреждать, пресекать и раскрывать легализацию денежных средств, приобретаемых в результате незаконного сбыта наркотических средств [Жубрин, Лавроненко 2018: 12].

Эффективное противодействие нарколегализации невозможно и без конкретного знания и понимания органами предварительного следствия о наличествующих современных вариантах легализации денежных средств, приобретаемых в результате незаконного наркосбыта, которые должны устанавливаться расследованием предикатных преступлений [Сигаев 2018: 11].

Неоднозначность судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, также свидетельствует о наличии проблем противодействия в рассматриваемой сфере (инф. письмо Генпрокуратуры РФ от 30.07.2018 № 12-09-2018). Позиция судов в исследуемом направлении до настоящего времени не сформирована. Судебная практика говорит об отсутствии единого мнения о квалификации отмывания преступных наркодоходов [Жубрин, Ларьков 2012: 204].

Вместе с тем, постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26.02.2019 № 1 криптовалюта признана предметом преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, по уголовным делам об отмывании доходов, добытых преступным путем, поскольку, по мнению суда, является преобразованием виртуальных активов, приобретенных совершением преступных деяний.

Практика прокурорского надзора в Свердловской области [инф. – аналитический бюллетень ПСО 2019] фиксирует поэтапное снижение сумм транзакций по анонимным электронным кошелькам в системах электронных платежей «QIWI Кошелек», WebMoney, «Яндекс.Деньги», а также активное использование в качестве нового финансового инструмента криптовалют как средств платежа, ввода, вывода и обмена преступных доходов [Колчевский, Кузнецов 2018: 10].

Несмотря на легальную дефиницию легализации доходов, полученных преступным путем [ФЗ от 07.08.2001 № 115], сущность данного правового явления до настоящего времени активно обсуждается в научном сообществе.

Представляется правильным раскрыть суть легализации (отмывания) денежных средств как придание им видимости законных доходов совершением ряда финансовых операций, в отсутствие реальной возможности идентифицировать их противоправное появление [Ларичев 1992: 100].

Актуальными проблемами противодействия служат и виртуализация цифровизации финансовых рынков, возникновение иных креативных финансовых орудий и их активное внедрение криминальной сферой в свою противоправную деятельность [Лавроненко 2019: 123].

Классическая схема размещения, расслоения и интеграции отмывания преступных доходов в настоящее время методически утрачивает свою насущность в силу ее неиспользования в полной мере финансовыми операциями с виртуальной валютой [Лапунин 2018: 110].

Сейчас любая криптографическая валюта основывается на блокчейне, то есть выстроенной по определенным правилам непрерывной последовательной цепочке блоков, содержащих информацию о любой транзакции, связь между которыми обеспечивается нумерацией и содержанием в каждом блоке собственной хеш – суммы и хеш – суммы предыдущего блока, при этом копии цепочек блоков хранятся на разных компьютерах независимо друг от друга [Блокчейн URL].

Блокчейн запущен в 2008 г. для работы виртуальной валюты биткоин (от англ. bit – бит, то есть единица измерения информации, и coin – монета), неофициально именуемой «цифровом золотом» [Галушкин 2014: 44–49].

Технология исходит из предписания рассортированного каталога, при котором каждый пользователь хранит ее полную копию, а новая электронная информация дублируется между всеми участниками. Изменения невозвратимы. Анонимность обеспечивается «даркнетом» (теневым Интернетом) с прокси-серверами входа в сеть инкогнито [Аминов, Антонян 2019: 167–177].

«Даркнет», позволяя осуществлять расчеты криптовалютой, предоставляет возможность приобретения товаров, оборот которых ограничен либо запрещён, в том числе и наркотических средств. Практически половина всех операций с биткоинами являются незаконными [Allman 2018].

На сегодняшний день не представляется возможным арестовать, описать, заблокировать и изъять имущество в системе блокчейн в связи с распределенностью реестра ее данных, являющейся ее сущностью [Нам 2019: 24-27]. Это криптографически защищенный реестр, хранящий и отслеживающий данные в хронологическом порядке, создающий защищенные записи транзакций. Вся зашифрованная цепь видна участникам, что делает транзакции транспарентными, при этом сохраняя персональные данные закрытыми [Минина URL].

Вместе с тем мною впервые в России, с 2018 г. применяется уникальная для органов прокуратуры Российской Федерации практика выявления латентных преступлений в сфере экономической деятельности о легализации (отмывании) денежных средств, приобретенных совершением наркопреступлений.

Причастность наркобытчиков к легализации вскрывается детальным анализом результатов оперативно-розыскной деятельности, свидетельствующей о совершении финансовых операций по банковским счетам и электронным платёжным Интернет-сервисам, в том числе с использованием технологии блокчейн (цепочки блоков финансовых транзакций), а также криптовалюты биткоин (платёжной системы, при которой фигуранты взаимодействуют между собой, минуя центральный сервер).

Во исполнение требований положений Федерального закона Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в Управлении по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по Свердловской области в ходе проверок в порядке надзора проанализированы результаты оперативно – розыскной деятельности по материалам, направленным МРУ Росфинмониторинга по Уральскому федеральному округу в порядке ст. 8 Федерального закона Российской Федерации от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

По результатам проведённых в 2018–2019 г.г. надзорных мероприятий постановлениями прокуратуры области в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ 16.02.2018, 17.06.2019, 21.06.2019 и

26.08.2019 в ГУ МВД России по Свердловской области направлены сведения о совершении Антроповым Л. В., Сентябовым А. В., Тухватуллиным А. А., Каличонок Д. С., Бабиковым А. В. и Поповым Д. С. финансовых операций с денежными средствами, приобретенными ими в результате совершения наркопреступлений, в целях придания правомерного вида их владению, пользованию и распоряжению.

Так, содержащиеся в делах оперативного учета сведения свидетельствовали о совершении указанными наркобытчиками финансовых операций по банковским счетам и электронным платежным Интернет-сервисам, в том числе с использованием технологии блокчейн и криптографической валюты биткоин.

В действиях Каличонок Д.С. установлено наличие признаков отмывания денежных средств на общую сумму более 11 000 000 рублей, в действиях Бабикова А. В. – на сумму более 3 000 000 рублей, Попова Д. С. – 1 800 000 рублей, в действиях остальных – менее значительные суммы.

К примеру, наркобытчик Каличонок Д. С., являясь участником организованной преступной группы, совершил по банковскому счету № 40817810716543651749 в период с 01.01.2018 по 28.01.2019 44 банковские операции на общую сумму 5 414 348 рублей; в период с 08.04.2018 по 15.07.2018 – 4 банковских операции на общую сумму 540 000 рублей; в период с 26.06.2018 по 03.01.2019 – 3 банковских операции на общую сумму 3 865 000 рублей. По банковскому счету № 40817810216543652167: в период с 26.11.2018 по 02.12.2018 – 2 банковских операции на общую сумму 200 000 рублей; в период с 06.01.2019 по 28.01.2019 – 4 банковских операции на общую сумму 623 000 рублей. По электронному кошельку № 79024455777 АО «Киви-банк» в период с 07.09.2018 по 05.12.2018 – 49 банковских операций на общую сумму 415 963 рубля.

После чего указанные денежные средства Каличонок Д. С. вывел в наличный оборот через банкоматы кредитных организаций г. Екатеринбурга.

На момент прокурорских проверок материалы дел оперативного учета содержали агентурные сообщения, справки о результатах финансовых расследований, свидетельствующие о поступлении денежных средств, полученных от реализации наркотиков, на цифровые Интернет-кошельки в различных криптовалютах, а также об использовании фигурантами ряда онлайн-сервисов обмена цифровых валют на другие финансовые активы, включая рубли и иностранную валюту.

Несмотря на наличие указанной информации, оперативные сотрудники, мотивируя свое бездействие особой сложностью анализа данных, не принимали каких-либо мер к установлению последующих сделок и иных финансовых операций по переводу денег на счета в банках и общей суммы легализованных средств.

В материалах соответствующих уголовных дел какая-либо информация об указанных финансовых операциях и сделках также отсутствовала, меры к ее получению следствием не принимались.

По результатам рассмотрения постановлений в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокуратуры области ГСУ ГУ МВД России по Свердловской области в отношении каждого из перечисленных выше фигурантов приняты процессуальные решения о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ. Виновные должностные лица оперативных подразделений привлечены к строгой дисциплинарной ответственности.

Подводя итог и учитывая изложенное, нужно отметить необходимость законодательного регулирования блокчейн и, как следствие, деятельности провайдеров обмена виртуальных цифровых криптографических валют, а также процессов совершения сделок с их использованием [Аминов, Антонян 2019: 167–177].

Исследуемые проблемы представляется возможным решить посредством интегрального влияния на формирующуюся обстановку.

Правоприменительным органам требуется постоянное повышение специализации и квалификации, своевременный обмен оперативной информацией, активизация международно-правового сотрудничества и обмена опыта с зарубежными коллегами, нормативно-правовое закрепление легального определения блокчейн.

ЛИТЕРАТУРА

Allman K. *The dark side of the Bitcoin* // *Law Society of NSW Journal*. Iss. 42 (Mar 2018).

Аминов И. И., Антонян Е. А. *Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму* // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 6. С. 167-177.

Галушкин А. А. *К вопросу о кибертерроризме и киберпреступности* // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2014. N 2. С. 44-49.

Жубрин Р. В., Лавроненко Р. А. *Легализация преступных доходов в кредитно-финансовой сфере* // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации* № 2 (64) 2018. С. 12.

Жубрин Р. В., Ларьков А. Н. *Профилактика преступных доходов: монография*. М., 2012. С. 204.

Информационно-аналитический бюллетень Прокуратуры Свердловской области, г. Екатеринбург. 1-е полугодие 2019 г.

Колчевский И. Б., Кузнецов А. Г. *Криптовалюты на территории стран Содружества: оценка вероятных криминальных рисков и угроз* // М.: ВНИИ МВД России, 2018. С. 10.

Лавроненко Р. А. *Актуальные проблемы в деятельности правоохранительных органов при выявлении, раскрытии и расследовании легализации преступных доходов, совершаемой в кредитно-финансовой системе* // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации* № 1 (69) 2019. С. 123.

Лапунин М. М. *Особое мнение* // *Проблемные вопросы противодействия незаконным финансовым операциям: материалы научно-практической конференции* (г. Пенза, 28.06.2018).

Ларичев В. Д. *Совершенствование законодательства о борьбе с «отмыванием» денег, полученных преступным путем* // *Государство и право*. 1992. № 11. С. 100.

Минина А. *Блокчейн и его влияние на право [электронный ресурс]* // URL: [https:// zakon.ru/](https://zakon.ru/) (дата обращения 13.02.2020).

Нам К. В. *Правовые проблемы, связанные с применением блокчейна* // *Судья*. 2019. № 2. С. 24-27.

О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2019 № 1.

О контроле за обращением криптовалют (виртуальных валют): Письмо ФНС России от 03.10.2016 № ОА-18-17/1027.

О национальной оценке рисков: Информационное письмо Банка России от 14.08.2018 № ИН-014-12/54 вместе с Публичным отчетом: «Национальная оценка рисков легализации (отмывания) преступных доходов. Основные выводы 2017 – 2018».

О причинах вынесения судами реабилитирующих решений по уголовным делам о легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30.07.2018 № 12-09-2018.

О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон Российской Федерации от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Российская газета, № 151-152, 2001.

О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, за-

ведомо добытого преступным путем: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2015 № 32.

Об использовании криптовалют: Информационное письмо Федеральной службы РФ по финансовому мониторингу от 06.02.2014 [электронный ресурс] // URL: <https://fedsfm.ru/> (дата обращения: 12.02.2020).

Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн: Информация Банка РФ от 27.01.2014 // Вестник Банка России, № 11, 2014.

Обзор материала «Блокчейн» [электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia/> (дата обращения: 12.02.2020).

Сигаев Р.А. Вопросы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и альтернативным схемам обналичивания денежных средств в практике работы контролирующих и правоохранительных органов Пензенской области // Проблемные вопросы противодействия незаконным финансовым операциям: материалы научно – практической конференции, 2018, С. 11.

Юристы в век Блокчейна [электронный ресурс] // URL: [https://pravo.ru./](https://pravo.ru/) (дата обращения 14.02.2020).

Семякин Михаил Николаевич

Уральский государственный юридический университет

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема гражданско-правового обеспечения прав граждан в контексте совершенствования законодательства об интеллектуальной собственности в условиях развития цифровой экономики.*

***Ключевые слова:** защита, обеспечение, права, граждане, цифровая экономика, интеллектуальная собственность.*

В современных условиях переход к цифровой экономике, очевидно, существенным образом затронет не только соответствующие экономические парадигмы, но и потребует формирования новых методологических подходов в сфере теоретического правоведения, а также создания адекватного законодательства и правоприменительной, которые способствовали бы развитию современных технологий, цифровизации правовой среды и в этом контексте обеспечению охраны прав и законных интересов граждан. Как справедливо отмечает А. Н. Козырев, «вступая в цифровую экономику, большинство людей даже не задумывается о том, какие перспективы эта эпоха открывает перед мошенниками, наделёнными интеллектом и квалификацией в области информационно-коммуникационных технологий [Козырев 2018: 7].

Действительно, в современных условиях, к сожалению, нередки случаи, когда с использованием цифровых технологий осуществляется похищение денежных средств с банковских карт граждан, изготавливаются и распространяются контрафактные аудиовизуальные произведения, незаконно используются музыкальные произведения, нарушаются права потребителей в сфере предоставления услуг с использованием цифровых платформ. Так, в частности, пассажиры в крупных аэропортах, в последнее время сталкиваются с такими ситуациями, когда они не могут воспользоваться услугой каршеринговой компании по аренде автомобиля, поскольку все автомобили буквально одновременно оказываются «сданными в аренду» неким другим лицам.

Ясно, что такие «трансформации» производятся для того, чтобы прилетевшие пассажиры вынуждены были пользоваться услугами обычных такси с оплатой по повышенным в два-три раза тарифам.

В настоящее время в условиях цифровой трансформации правовой среды [Вайпан, Егорова 2019: 19] с целью обеспечения охраны прав и законных интересов граждан уже сделан ряд шагов в этом направлении. Так, в законодательство введено новое положение о том, что лицо, чьё право собственности на недвижимость зарегистрировано в установленном порядке, вправе подать заявление о внесении в Единый государственный реестр (ЕГРН) записи о невозможности проведения любых действий с его недвижимостью без его личного участия (ст. 36 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218 –ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»).

В соответствии с Приказом Министерства экономического развития РФ от 16 декабря 2015 г. № 943 (ред. от 25.12.2018) запись о наличии заявления вносится в качестве дополнительных сведений к записи о регистрации права лица, в отношении которого принято данное заявление. Внесение записи заверяется электронно-цифровой подписью государственного регистратора. Аналогично, заявление о возражении в отношении зарегистрированного права на недвижимость, внесённое в качестве дополнительных сведений (п. 7 ст. 81 ГК РФ), также заверяется электронно-цифровой подписью государственного регистратора.

В Законопроекте «О цифровых финансовых активах», подготовленном Минфином РФ – первым документе, регулирующем рынок криптовалют в России, – предлагается признать криптовалюты имуществом и разрешить неквалифицированным инвесторам обменивать их на другие криптовалюты либо реальные деньги только на биржах. Таким образом, граждане смогут совершать сделки с криптовалютой только на биржах, что преследует цель – уменьшение рисков физических лиц (граждан) при совершении указанных сделок.

Однако наиболее остро необходимость совершенствования законодательства, в том числе с позиций обеспечения охраны прав и законных интересов граждан, проявляет себя в институте интеллектуальной собственности (интеллектуальных прав) – сфере, где результаты творческой и иной связанной с ней деятельности, достаточно широко приобретают специфические свойства цифровых продуктов. В этом контексте представляется необходимым обратить внимание на следующее.

Современное инновационное развитие, безусловно, нуждается не только в широком вовлечении имущественных интеллектуальных прав в гражданский оборот, но также и в надлежащем обеспечении охраны и защиты прав и законных интересов лиц в отношении объектов интеллектуальной собственности. При этом очень важно понимание того, что цифровая трансформация в сфере интеллектуальной собственности может быть эффективной лишь в том случае, когда гражданское законодательство будет находиться в гармонии с техническими (технологическими), экономическими и иными закономерностями, обуславливающими развитие цифровых технологий, не будет противоречить им.

Цифровые технологии, с одной стороны, выступают в качестве стимула для совершенствования правового регулирования, а с другой – являются важнейшим средством (инструментом) для такого совершенствования, например, установление новых форм использования объектов интеллектуальной собственности [Блажеев, Егорова 2020: 458] .

Ряд трансформаций в сфере института интеллектуальной собственности предусмотрен в Проекте Федерального закона «О внесении изменений в часть четвёртую Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Законопроект) [Проект: 2018], который направлен на создание новых форм правового регулирования оборота прав на программы для ЭВМ и базы данных в соответствии с потребностями цифровой экономики, текущего и прогнозируемого состояния технического развития. В законопроекте также предлагается ряд уточнений терминологии, применяемой в законодательстве к программам для ЭВМ и базам данных, а также предусмотрены

некоторые меры, направленные на повышение уровня охраны прав авторов и правообладателей, увеличение оборотоспособности прав на программы для ЭВМ и базы данных.

В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на отдельные моменты в контексте цифровой трансформации института интеллектуальной собственности.

1. В Законопроекте предлагается ввести в Гражданский кодекс РФ наряду с терминами «программа для ЭВМ» и «ЭВМ или иное компьютерное устройство» также такие термины, как «компьютерная программа» и «компьютер или иное компьютерное устройство», что вполне соответствует современным тенденциям в законодательстве об интеллектуальных правах и само по себе вряд ли может вызывать принципиальные возражения.

Однако «встраивание» указанной терминологии в отдельные контексты названного законодательства вызывает некоторые возражения. Так, в Законопроекте предлагается дополнить подпункт 2 пункта 1 статьи 1225 ГК РФ после слов «программы для ЭВМ» словами «компьютерные программы», что внешне порождает представление о том, что здесь в отношении одного и того же использованного в законе выражения – «программы для электронных вычислительных машин» – используется помимо уже имеющегося сокращённого термина («программы для ЭВМ») вводится ещё одно сокращённое название «компьютерные программы». Однако в действительности термин «компьютерные программы» это просто иное название того же самого объекта – «программы для электронно-вычислительных машин».

В рассматриваемом Законопроекте имеются и некоторые другие случаи терминологического несоответствия. Например, статья 1261 ГК РФ называется «Программы для ЭВМ», однако в тексте этой статьи в редакции Законопроекта речь идёт уже только о «компьютерных программах».

2. Предложенное в абзаце 2 пункта 1 статьи 1261 ГК РФ в редакции Законопроекта понятие аудиовизуального отображения находится в противоречии с определением аудиовизуального произведения, сформулированным в пункте 1 статьи 1263 ГК РФ.

3. Некоторые новые положения Законопроекта носят достаточно неопределённый характер с точки зрения их применения на практике. Так, в пункте 3 статьи 1261 ГК РФ в редакции Законопроекта речь идёт о закреплении авторских прав на так называемые «версии» программ для ЭВМ и баз данных как результаты модификации, то есть производные произведения, созданные в результате переработки оригинальной программы для ЭВМ или базы данных, когда авторы или иные правообладатели используют «уникальное символьное обозначение», позволяющее отличить такой модифицированный вариант от других вариантов той же программы или базы данных.

Однако, в связи с этим возникает неясная ситуация, когда, например, «модификация» конкретной программы для ЭВМ или базы данных не достигает в силу тех или иных обстоятельств «уникального символьного обозначения» и, следовательно, не является «версией» определённой программы или базы данных. Должна ли такая «модификация» программы для ЭВМ или базы данных получать правовую охрану в качестве «производного произведения», что в настоящее время вытекает из общих требований, предусмотренных в статье 1260 и подпункте 9 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ.

Трансформации в сфере цифровой экономики обуславливают необходимость формирования чёткого, взаимосогласованного терминологического аппарата, конкретных и непротиворечивых юридических правил, стимулирующих необходимое поведения субъектов правоотношений, а также восприимчивой к инновациям судебной практики, что в совокупности может обеспечить синергетический эффект от внедрения цифровых инноваций в российскую экономику и будет способствовать повышению уровня надлежащей охраны прав и законных интересов граждан.

ЛИТЕРАТУРА

Козырев А. Н. Цифровая трансформация рыночных институтов // Электронный журнал «Цифровая экономика». Москва, ЦЭМИ РАН, 2018.

Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М., 2019.

Проект разработан Центром компетенции (Фондом «Сколково») в целях реализации Плана мероприятий федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждённого на заседании президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию инновационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности 27 декабря 2018 г. (протокол № 6).

Цифровое право: учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. Москва: Проспект, 2020. С. 458 (авт. гл. 9 – О. А. Городов).

Сидоров Юрий Вадимович

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ПРОБЛЕМА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ РОССИИ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ НАЧАЛА XX в.

Аннотация. Автором осуществлена реконструкция точек зрения российских правоведов – специалистов в области государственного права по проблеме преобразования государственного строя России в начале XX в. Сделан вывод, что, несмотря на различие позиций, всех правоведов объединяло общепозитивистское понимание закона как исключительно акта государственной власти.

Ключевые слова: государственный строй, государственное право, позитивизм.

Преобразования государственного строя Российской империи, происходившие в 1905–1906 гг., традиционно расцениваются историками и историками права как начало эволюции российской самодержавной монархии в монархию конституционную. Революция 1917 г., сокрушившая здание российской монархии, оставила без ответа вопрос, вставший тогда перед российским обществом или, во всяком случае, его образованной частью, – как далеко способна продвигаться Россия по пути конституционализма, возможно ли, учитывая многовековую «самодержавную наследственность», эволюционное преобразование традиционной русской монархии в конституционную монархию европейского типа.

Отсутствие ответа на этот вопрос со стороны самой истории не делает лишенным научных оснований рассмотрение конституционной эволюции государственного строя России *imperfectum* – как действия совершенного, но незавершенного. До начала мировой войны, резко ограничившей потенциал продолжения такой эволюции, государственная система Российской империи все же успела пройти дистанцию, на протяжении которой все акторы совершили немало действий, способных предоставить современникам возможность попытаться разглядеть во внешнем хаосе смен государственных дум и правительственных бюрократов, суть внутрисистемных изменений.

В первом ряду таких современников, казалось бы, должны были находиться российские правоведы, избравшие своей научной специализацией государственное право. Именно им предстояло «на ходу» определить, что же происходило с предметом их профессионального научного интереса.

В представленной статье автор реконструирует основные интерпретации эволюции государственного строя России, данные в работах юристов-государствоведов начала XX века.

Исходные координаты будущего осмысления юридической мыслью преобразования российской государственности были заданы А. Д. Градовским в фундаментальном труде «Начала русского государственного права». Принимая, как и положено юристу позитивистского склада мышления, государственный строй Российской империи в качестве объективного историко-юридического факта, подлежащего чисто логическому анализу, он счел необходимым провести четкое разграничение между конституционной монархией (европейского образца) и монархией самодержавной (российского генеза).

Определяющей или системообразующей чертой первой формы он полагал связанность всех властей конституцией: «Сущность конституционного устройства состоит именно в том, что совокупность юридически формулированных основных начал государственного устройства (конституция) имеет обязательную силу для всех властей в государстве» [Градовский 1875: 1]. Или, варьируя ту же мысль в позднейших лекциях по курсу государственного права европейских держав: «Конституция является как бы законом, поставленным над всеми факторами государственной власти, которые должны сообразовать с этим высшим законом свои действия в области законодательства, суда и управления» [Градовский 1895: 3].

Напротив, констатировал ученый, возвращаясь к российской действительности, русский император «не разделяет своих верховных прав ни с каким установлением или сословием в государстве, т. е. каждый акт его воли получает обязательную силу независимо от согласия другого установления». Но это означает, что, будучи единственным творцом закона, «власть самодержавная делает все подчиненные установления, не исключая высших, установлениями подзаконными, т. е. ограничивает их права пределами закона» [Градовский 1875: 2, 16].

Следуя этой траектории мысли своего учителя, другой ведущий государствовед Н. М. Коркунов лапидарно определил в работе, впервые изданной в 1893 г., системообразующие начала российской самодержавной монархии как «верховность, самодержавие, неограниченность». «Обозначение власти монарха верховной, – подчеркивал он, – показывает, что ему принадлежит высшая безответственная власть в государстве» [Коркунов 1909: 210].

Н. М. Коркунову, как и А. Д. Градовскому, не суждено было дожить до 1905 г., поэтому можно только строить догадки, что, впрочем, не является функцией науки, относительно определения ими государственного строя России, перелегитимированного «Основными законами Российской империи» от 23 апреля 1906 г. Но обращение к трудам следующего поколения российских государствоведов, ставших свидетелями и отчасти участниками эволюции российского государственного строя 1906–1914 гг., обнаруживает расхождение путей, в принципе выходящих из одной и той же начальной точки признания своеобразия российской самодержавной власти. С некоторой долей условности можно говорить о возникновении в отечественном государственном праве первых полутора десятилетий XX в. сложной комбинации конституционных «оптимистов», «пессимистов» и «реалистов».

Движение государственного строя в направлении конституционного строя европейского образца необратимо, утверждал, к примеру, профессор Санкт-Петербургского политехнического института, в прошлом выпускник Новороссийского университета В. М. Гессен, понятие самодержавия лишилось своего юридического смысла, превратилось в «историческую реминисценцию», в «исторический пережиток» [Гессен 1909: 11]. Отнюдь, был убежден профессор того самого Новороссийского университета П. Е. Казанский, «государственный строй России остался прежним. Он лишь обновлен или реформирован», поскольку «главные основы последнего: верховенство (= неограниченность) монарха и самодержавие царской власти остались неприкосновенными» [Казанский 1913: 854, 879].

Государствооведам-реалистам в ситуации противоположности интерпретаций, заданных их коллегами, волей-неволей приходилось попытаться опереться на авторитет А. Д. Градовского,

подчеркивавшего, что конституционная монархия «является не делегированной каким бы то ни было образом ... монарх пользуется своей властью в силу своего собственного права» [Градовский 1895: 109]. Российская конституция, которой стали называть «Основные государственные законы Российской империи» 23 апреля 1906 г., признавал профессор Казанского университета В. В. Ивановский, явилась продуктом самой монархической власти, имеет «всцело октроированный характер». Благодаря такому характеру возникновения конституционного строя, центр тяжести государственной власти неизбежно сосредотачивается в особе монарха, следовательно, по сути, это «самодержавная конституция», формулировки которой заставляют сомневаться в существовании в России конституционного строя [Ивановский 1908: 337]. Правда, нельзя не заметить, что либеральные настроения, которым В. В. Ивановский совсем не был чужд, побуждали его найти и некоторый противовес такой, скорее сближавшей с «конституционными пессимистами» оценке. Да, соглашался он, российская конституция – это «непосредственный плод бюрократической работы», но, тем не менее, «какими бы несовершенствами ни отличалась современная русская конституция, ее истинное достоинство состоит в том, что она результат народной жизни» [Ивановский 1908: 339].

«Оставив за скобками» государственной науки конституционные наклонности народной жизни, коллеги В. В. Ивановского предпочли сосредоточиться на толковании текста самих «Основных законов» или, точнее, обнаружившихся в статьях этих законов противоречий, не позволявших однозначно решить вопрос, конституция перед ними или нет.

У «пессимистов» был простой ответ, восходящий к латинско-европейскому: «*A verbis legis non est recedendum*». «Выражения конституция, конституционный и пр. в нашем законодательстве не встречаются, – не без торжества констатировал П. Е. Казанский. – Конституционных гарантий вовсе нет. Присяги конституции не существует. Верховная власть принадлежит только Государю Императору» [Казанский 1913: 895].

Действительно, тщетно было бы искать во всем российском законодательстве вплоть до самого крушения империи упоминания конституции. Но подлинным «камнем преткновения» для «реалистов», полагавших, что отсутствие слова «конституция» не означает отсутствия конституционных, по сути, законов, например, вводящих представительное правление, стало наличие в «Основных законах» таких определений положения монарха в государственной системе России, которые вызывали вполне очевидные правовые коннотации.

«Для науки права, – справедливо отмечал Н. И. Лазаревский, – обязательны нормы права, установленные законами, но никак не попытки учинить насилие над установившимся значением слов» [Лазаревский 1908: 128]; следовательно, если слова с определенным значением, не совпадающим с пониманием «Основных законов» как конституции, присутствует, то надо понять причины их появления и, исходя из этого, верно истолковать смысл данных слов в контексте всех законов, а не отдельных их фрагментов.

В этой связи он сосредоточил внимание на ст. 4 «Основных законов», в которой при определении существа «верховой самодержавной власти» исчезло имевшееся в предыдущих изданиях (последнем 1892 г.) упоминание неограниченности власти. Такое сокращение юридической формулы верховной власти не могло быть случайным, но тогда не случайно было и сохранение определения «самодержавная». Именно последнее служило главным юридическим аргументом для интерпретаций, как конституционных «пессимистов» (П. Е. Казанский), так и «реалистов» (В. В. Ивановский).

Самодержавие и конституция, согласно теории государственного права, полагал Н. И. Лазаревский, понятия противоположные. Поэтому определение власти императора как самодержавной в сравнении, например, со статьей 44 «Основных законов», утверждавшей, что никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы, требует рационального объяснения.

По его мнению, слово «самодержавный» «весьма неудачно хотели применить для указания на внешнюю независимость России», но «внешняя независимость есть понятие, которое может применяться лишь к государствам, а не государям». Так, «по существу дела вопрос сводится к очевидному недоразумению, к простому недосмотру со стороны авторов наших Основных законов». Не без труда, но преодолел Н. И. Лазаревский и другое препятствие, обнаружившееся в «Основных законах»: упоминание неограниченности самодержавной власти в Учреждении о Императорской фамилии, также в этих законах оставшемся. Он утверждал, что, будучи употреблен в данной части законов, термин означал лишь, что власть императора является неограниченной единственно в отношении самих лиц его фамилии [Лазаревский 1908: 126-128].

Толкование Н. И. Лазаревского с некоторыми видоизменениями было воспринято другими специалистами в области государственного права, которые постарались остаться «реалистами» даже перед лицом политической действительности России 1906–1914 гг., далеко не всегда подтверждавшей, что дело заключается в простом «недоразумении» составителей «Основных законов» [Грибовский 1912: 25-26; Елистратов 1915: 39-40].

Подведем итог предпринятого краткого анализа. Налицо расхождение позиций российских юристов-государствоведов в трактовке государственного строя России предреволюционного десятилетия. Но эти расхождения, как явствует из самой логики их аргументации, оставались в пределах познания и толкования действующих законов, вне соотнесения законов с политической действительностью России того времени. Нам представляется, что в этом обнаруживается общая методологическая позиция, проистекавшая из преобладавшего в российской государственной науке (и не в ней одной) юридико-позитивистского мышления.

Впрочем, вряд ли возможно видеть в этом какую-либо особенность российской государственной науки, поскольку той же склонностью отличалось основное течение и в европейском государственном праве. «В правоведении и правовой практике в целом царил, – авторитетно свидетельствовал К. Шмитт, характеризуя политико-правовую мысль первых десятилетий XX в., – ряд простых уравнений. Право = закон, закон = государственное установление, принятое при участии народных представителей» [Шмитт 2016: 186]. Следовательно, раз в Российской империи существовали и монарх, и «народные представители», то и не стоило ожидать от российских государствоведов отказа от юридического позитивизма, подтверждавшего, благодаря надлежащему истолкованию буквы закона, любую из возможных интерпретаций правовой эволюции российской государственности начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

- Гессен В. М. Русское государственное право. СПб.: Тип.-лит. И. Трофимова, 1909.
- Градовский А. Д. Государственное право важнейших европейских держав. Лекции, читанные в 1885 г. СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1895.
- Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Т. I. О государственном устройстве. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1875.
- Грибовский В. М. Государственное устройство и управление Российской империи. Одесса: Тип. «Техникъ», 1912.
- Елистратов А. И. Очерк государственного права (Конституционное право). Изд. 2-е, перераб. М.: Тип. и цинкограф. «Мысль», 1915.
- Ивановский В. В. Учебник государственного права. Казань: Тип.-лит. Импер. ун-та, 1908.
- Казанский П. Е. Власть Всероссийского императора. Очерки действующего русского права. Одесса: Тип. «Техникъ», 1913.
- Коркунов Н. М. Русское государственное право. Изд. 6-е. Т. I. Введение и общая часть. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909.
- Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. I. Конституционное право. СПб.: Тип. СПб. Акц. Общ. «Слово», 1908.
- Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.

**Силин Егор Дмитриевич
Токарева Екатерина Алексеевна**

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются особенности правового регулирования удаленной работы, выделяются виды удаленной работы и рассматриваются отдельные особенности каждого из видов.*

***Ключевые слова:** работник, работодатель, удаленная работа, надомники, дистанционные работники, фрилансеры.*

В настоящее время актуальность удаленной работы растёт с каждым днём, так как появляются новые, усовершенствованные способы для выполнения одной и той же работы не в условиях офиса или производственного цеха, а в домашних или более комфортных условиях для работника. А в связи с тем, что в мире семимильными шагами развивается пандемия Коронавируса, людям рекомендуется как можно меньше контактировать с другими людьми, чтобы уменьшить скорость распространения инфекции и остановить распространение опасного заболевания. Ведь, благодаря возможности работать удалённо от офиса, где, как правило, большое количество людей, и риск заразиться опасным заболеванием также высок, у работника остается меньше шансов стать носителем опасного вируса. Также, работнику не нужно тратить время на то, чтобы добраться от дома до работы и от работы до дома. Согласно исследованиям сайта «the-village.ru» за 2020 год, в большинстве жителей Москвы требуется около часа для того, чтобы добраться от дома до работы, и еще час обратно. В Екатеринбурге такие исследования проводились в 2016 году, по данным сайта «Российская газета» у жителей Екатеринбурга, в среднем, уходит около 40-45 минут для того, чтобы добраться от дома до работы и ещё столько же обратно. А работникам, работающим удалённо от офиса, не требуется тратить столько времени впустую, ведь им не нужно добираться до работы. Таким образом, сэкономленное время можно потратить с максимальной пользой для работника, от чего возрастает эффективность труда. Также, удаленная работа работника может стать выгодной и для работодателя, так как снижаются затраты на большой офис, на содержание работников на рабочем месте (электроэнергия, вода, кофе, чай и др.)

Итак, разберемся с тем, какие бывают виды удалённой работы и в чем особенность каждого из них.

1. Надомники.
2. Дистанционные работники.
3. Свободные работники (фриланс).

Особенности правового положения надомников регулирует 49 глава Трудового кодекса РФ. Легальное определение надомников дано в 310 статье Трудового кодекса РФ и сформулировано следующим образом: Надомниками считаются лица, заключившие трудовой договор о выполнении работы на дому из материалов и с использованием инструментов и механизмов, выделяемых работодателем либо приобретаемых надомником за свой счет. Судебная практика арбитражных судов связывает выполнение работы надомниками с производством продукции, которая имеет натурально-вещественную форму.

Вместе с тем, работа, которую работодатель поручает работнику, должна соответствовать требованиям охраны труда, выполняться в безопасных для работника условиях и не может быть противопоказана работнику по состоянию здоровья.

В остальном на надомников распространяется действие трудового законодательства и других норм, регулирующих особое положение таких работников, кодекс не предусматривает, значит, в остальном порядок остался общий, чего не скажешь о дистанционных работниках.

Особенности правового положения дистанционных работников регулирует глава 49.1 Трудового кодекса РФ, которая была введена Федеральным законом от 05.04.2013 № 60-ФЗ.

Легальное определение дистанционной работы закреплено статьей 312.1 Трудового кодекса РФ и сформулировано следующим образом: Дистанционной работой является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети «Интернет».

То есть, для выполнения работы дистанционно необходимо включить в трудовой договор условие о дистанционной работе, либо заключить об этом дополнительное соглашение.

Отличительной чертой данного вида удаленной работы является то, что тут предполагается полное взаимодействие работника и работодателя с помощью дистанционных средств связи, к примеру, в случае необходимости ознакомления работника с внутренними локальными нормативными актами, дистанционный работник может быть ознакомлен с ними путем обмена электронными документами между работодателем и дистанционным работником. Для обмена электронными документами между работодателем и дистанционным работником используется усиленная квалифицированная электронная подпись и каждая из сторон обязана направлять другой стороне подтверждение получения электронного документа в срок, определяемый трудовым договором о дистанционной работе. И при этом сам трудовой договор о дистанционной работе также заключается путём обмена электронными документами. Лицо, впервые заключающее данный договор, получает документ, подтверждающий регистрацию в системе индивидуального (персонифицированного) учета (см.: Постановление Правления ПФ РФ от 13.06.2019 № 335п «Об утверждении формы документа, подтверждающего регистрацию в системе индивидуального (персонифицированного) учета, и порядка его оформления в форме электронного документа» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 18.09.2019).

Также особенностью является то, что при наличии соглашения между работодателем и дистанционным работником, сведения о дистанционной работе могут не вноситься в трудовую книжку дистанционного работника, а при устройстве на работу впервые, трудовая книжка может не оформляться. Тогда основным документом для подтверждения трудового стажа будет трудовой договор о дистанционной работе.

В отличие от надомников, дистанционные работники снабжаются работодателем не сырьем, материалами и полуфабрикатами, а оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами. Также законодательно предусматривается возможность электронного предоставления отчетности о выполненной работе.

Что касается режима рабочего времени дистанционного работника, то он определяется дистанционным работником по своему усмотрению.

Таким образом, мы видим, что с первого взгляда похожие категории работников надомники и дистанционные работники имеют различное правовое регулирование.

Теперь переходим к свободным работникам, так называемым, «фрилансерам». Трудовой кодекс РФ, как и другие, нормативно-правовые акты РФ на данный момент, не содержит легального определения свободного работника. Тут стоит заметить, что по своей сути, свободные работники не состоят в трудовых отношениях с работодателями, поскольку эти отношения, как

правило, краткосрочные, и направлены на получение результата от выполнения работы, а не сам процесс выполнения работы. Однако, проанализировав сферу их деятельности, специфику работы, можно понять, что свободные работники – это физические лица, предлагающие свои профессиональные услуги на специализированных онлайн-ресурсах – биржах фриланса и сайтах для поиска удаленной онлайн-работы. Особенно данный вид удалённой работы распространён в областях деятельности с написанием различных текстов (рерайтинг (обработка исходных текстовых материалов в целях их дальнейшего использования, переписывание текста своими, понятными словами), копирайтинг (написание текста с целью рекламы или других форм маркетинга)) юриспруденция, компьютерное программирование, дизайн во всех его проявлениях, услуги переводчика, консультационная деятельность.

Данный рынок услуг фрилансеров хорошо развит в западной Европе и США, именно оттуда он и перекочевал в Россию. По оценкам, проведенным Высшей Школой Экономики и интернет-порталом по поиску удалённой работы «FL.ru» за 5 лет, начиная с 2014 года по 2019 год процент фрилансеров на рынке труда существенно вырос до отметки 52 % всех работников, а доля штатных сотрудников начала стремительно снижаться и достигла уровня 28 % от всех работников.

Такой стремительный рост самозанятого населения, не мог остаться без государственного контроля и с 01.01.2019 года в России вступил в силу новый федеральный закон от 27.11.2018 №422-ФЗ «О проведении Эксперимента по установлению специального налогового Режима "налог на профессиональный доход"» (см.: Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» // Российская газета. 2018. 30 ноя.). Данный закон ввёл новое понятие «Налог на профессиональный налог», применять который вправе физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, местом ведения деятельности которых является территория любого из субъектов Российской Федерации, включенных в эксперимент. На данный момент, данный эксперимент проводится с 1 января 2020 года в городе федерального значения Санкт-Петербурге, в Волгоградской, Воронежской, Ленинградской, Нижегородской, Новосибирской, Омской, Ростовской, Самарской, Сахалинской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областях, в Красноярском и Пермском краях, в Ненецком автономном округе, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, Ямало-Ненецком автономном округе, в Республике Башкортостан. Данный эксперимент проводится до 31.12.2028 года включительно. Данный федеральный закон позволяет фрилансерам с минимальными потерями легализовать свою деятельность, так как ставка налогового тарифа для самозанятых составляет всего 4 %.

Данный режим налогообложения может стать перспективной альтернативой трудовым отношениям, поскольку фрилансер, благодаря регистрации себя в качестве самозанятого, обеспечивает себе достойную пенсию в будущем.

В каждом из перечисленных выше видов удалённой работы есть свои плюсы и минусы, каждый из них приспособлен для определенного вида деятельности и настроен либо на продолжительное выполнение работы, либо на единовременное выполнение какой-либо работы.

ЛИТЕРАТУРА

The village [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://www.the-village.ru/village/city/news-city/375421-doroga> (Дата обращения: 14.03.2020).

Постановление Правления ПФ РФ от 13.06.2019 № 335п «Об утверждении формы документа, подтверждающего регистрацию в системе индивидуального (персонифицированного) учета, и порядка его оформления в форме электронного документа»// Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 18.09.2019, Российская газета. 2019. 4 окт. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2016/10/04/reg-urfo/skolko-vremeni-doroga-do-raboty.html> (Дата обращения: 14.03.2020).

Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» // Российская газета. 2018. 30 ноября.

Сипатин Андрей Валерьевич
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

О ПОНЯТИИ СУДЕБНОГО АКТА КОНСТИТУЦИОННОГО (УСТАВНОГО) СУДА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Вопрос об установлении понятия судебного акта является дискуссионным в юридической науке, законодательно данное понятие так же не установлено. В данной работе проводится анализ существенных признаков актов конституционных (уставных) судов, их общих черт с судебными актами иных судов, а также специфических признаков. Предлагается дефиниция понятия судебный акт конституционного (уставного) суда субъекта РФ.*

***Ключевые слова:** Конституционный (уставный) суд; правовой акт; судебный акт; судебное постановление.*

Попытки дать определение судебного акта предпринимались многими учеными, и заслуживают внимания, однако, зачастую авторы базируются на какой-то одной методологической составляющей, например, на функциях судебных актов, рассмотрении их как одного из правовых средств и т.д. В связи с этим, полагаем необходимым в рамках данного исследования провести анализ основных особенностей судебных актов, дать им характеристику.

Судебные акты принимаются уполномоченными органами – судами.

В Российской Федерации действуют федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации, составляющие судебную систему Российской Федерации.

Однако, так же функционируют, например, третейские суды, которые принимают определенные акты в рамках рассмотрения дела. Можно ли говорить о таких актах как о судебных?

Полагаем, что нет. Принципы третейского разбирательства (конфиденциальность, закрытость процесса, неформальный характер разбирательства, упрощенный порядок сбора и представления доказательств, отсутствие информации о принятых решениях, а также невозможность их проверки и пересмотра по существу), процедура создания и упразднения указанных органов, ограниченная сфера деятельности, не позволяют назвать принимаемые третейскими судами акты судебными.

Следующий признак судебных актов – способность создавать, изменять или прекращать правоотношения. Любой судебный акт влечет правовые последствия. При этом последствия могут быть как процессуального характера, которые влияют на дальнейшее рассмотрение дела, права и обязанности субъектов процесса, так и материального характера.

Судебные акты связаны как с материально-правовыми нормами, так и с процессуальными. Основой для вынесения судебного акта выступают первые, в то время как сам процесс принятия, требования к акту, устанавливаются вторые.

Данная взаимосвязь процессуальных и материальных норм так же прослеживается в последствиях для субъектов процесса при принятии судом судебного акта. Так, при вынесении определения об истребовании доказательств у одной из сторон возникает обязанность по их предоставлению, при этом ответственность за их непредоставление предусматривается

как нормами процессуального, так и нормами материального права. Нельзя не обратить внимание и на преюдициальное значение итоговых судебных актов, влияющих на принятие решений по иным делам, в указанном случае правовые последствия принятого судебного акта могут распространиться не только на субъектов первоначального спора, но и на иных лиц.

Важным признаком судебных актов является их властный, волевой характер, этот признак неразрывно связан с субъектом их принятия. Именно благодаря возможности государственного принуждения как в процессе рассмотрения дела, так и в процессе исполнения принятого решения по делу, непосредственно обеспечивается правовое регулирование общественных отношений. В противном случае невозможно говорить о правоприменительной деятельности и функционировании механизма правового регулирования.

Отсюда следуют признаки обязательности и исполнимости судебных актов. Исходя из вышеизложенного, возникает вопрос о правовой природе таких судебных актов как постановления высших судов, содержащие разъяснения, обзоры судебной практики, послания Конституционного суда РФ, конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Указанные акты принимаются не по конкретному делу, не индивидуализированы, не направлены на урегулирование конкретных споров, как правило, процедура их принятия предусмотрена в общем виде и не обладает какой-либо стадийностью. При этом принимаются данные акты специально уполномоченным судебным органом, обязательны для исполнения, указание на обязательность исполнения может быть предусмотрено опосредовано.

Из изложенного следует вывод, что рассмотренные выше примеры судебных актов не являются правоприменительными актами, хоть и частично содержат в себе их черты. Поэтому было бы обоснованным проводить классификацию судебных актов по их содержанию и цели принятия на правоприменительные и иные судебные акты.

Еще одним признаком судебных актов является их специфическая форма, они всегда принимаются в письменном виде, надлежащим образом оформляются. При этом в зависимости от вида судебного акта его документальная форма может отличаться. Поэтому указанный признак нельзя назвать исключительным. Указание на то, что в судебном акте содержатся вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная части не свидетельствует о специфике судебных актов как таковых, а является свойством лишь некоторых из них, как и иных правоприменительных актов вообще. Строгая процессуальная форма предусмотрена именно для правоприменительных судебных актов, для иных же требования могут быть более гибкими.

Представляется не совсем верным выделение в качестве специфических следующих черт судебных актов:

– Судебные акты выносятся на основе юридически установленных и иных жизненных фактов.

– Судебные акты непосредственно влияют на спорные правовые отношения, ибо суд вершит правосудие: определяет судьбу юридического дела, окончательно решает его.

– Судебные акты однозначны. Акт суда не может быть многозначным, иначе каждая сторона имела бы возможность истолковать его в свою пользу, что не позволило бы суду осуществлять главную функцию – разрешать социальноправовые конфликты [Малько URL].

Первый тезис относится скорее к правоприменительным судебным актам, тогда как в иных установление фактических обстоятельств не является приоритетным.

Второй тезис так же характеризует именно итоговые правоприменительные судебные акты, но при этом так же не учитывает наличия иных судебных актов, носящих обеспечительный или промежуточный характер, последствия принятого судебного акта для иных субъектов, преюдициальное значение, содержащиеся разъяснения и толкование правовых норм.

Третий тезис содержит в себе скорее не характерную черту судебного акта, а требование к нему.

Некоторые ученые полагают, что к числу наиболее существенных черт можно отнести следующие: правоприменительные акты выносятся исключительно государственными органами и должностными лицами, ведущими судопроизводство; они выражают властно-волевое указание государственных органов, поскольку порождают, изменяют или прекращают процессуальные правоотношения; подтверждают наличие или устанавливают отсутствие материально-правовых отношений; решения должны быть вынесены в установленном законом порядке, выражены в определенной законом форме; носят познавательный и удостоверительный характер, кроме того, судебные акты должны обладать такими признаками, как законность, обоснованность, мотивированность, справедливость и исполнимость. Если судебный акт отражает вышеуказанные свойства в своем содержании и форме, то он признается законным, обоснованным и справедливым, если нет, то не может признаваться судебным актом [Пастельняк 2013].

Аналогичная ситуация с требованием однозначности складывается с требованиями обоснованности, мотивированности, справедливости и исполнимости. Сложившаяся судебная практика свидетельствует, что далеко не всегда принятый судебный акт может быть воспринят однозначно, возможны юридические, лексические, арифметические и иные пороки судебных актов, неоднозначность толкования тех или иных фактов и правовых норм. Но даже при наличии указанных дефектов сущность судебного акта как такового не меняется. Так, например, при обнаружении какого-либо порока в судебном акте, он автоматически не признается не судебным, это не влечет его отмены и не лишает законной силы.

При рассмотрении понятия судебного акта стоит обратить внимание на еще один существенный признак – законности. Судебный акт, будь то правоприменительный или любой другой, должен соответствовать требованиям законности. Указанный признак раскрывается в двух направлениях: с одной стороны, суд, принимает решение в рамках установленных законом полномочий для данного органа; с другой стороны, должен быть соблюден установленный порядок принятия. Однако, возникает вопрос, если, скажем, судом нарушены те или иные законодательные положения, то можно ли в таком случае сказать, что принятый акт не является судебным? Полагаем, что нет. Во-первых, так или иначе, все суды действуют в пределах своей компетенции, принимают акты, руководствуясь соответствующими нормами права. Во-вторых, для большинства судебных актов предусмотрена возможность их обжалования, для которой так же характерна своя процедура, в том числе возможность последовательного обращения в несколько судебных инстанций, и отмена судебного акта апелляционной инстанцией, которая бы признавала обжалуемый акт не судебным, лишала бы возможности его пересмотра в вышестоящих инстанциях. В-третьих, можно говорить о презумпции законности судебных актов, пока не доказана их незаконность.

Таким образом, судебный акт – это правовой акт, принятый уполномоченным органом – судом, на основе норм материального и процессуального права, имеющий специфическую форму, обладающий властным, волевым характером и отвечающий признаку законности.

Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» содержит указание на обязательность судебных постановлений, казалось бы, устанавливая общее понятие для всех судебных актов.

При этом Конституционный суд РФ принимает решения в форме постановлений, заключений и определений. Так же в заседаниях принимаются решения по вопросам организации деятельности суда. Таким образом, понятие решения используется как родовое.

Конституционные (уставные) суды субъектов РФ принимают судебные акты в виде постановлений, определений, заключений. Органы конституционной (уставной) юстиции так же принимают решения об организации своей деятельности. В законах субъектов РФ родовым понятием служит судебное решение.

В соответствии со статьей 13 Гражданского процессуального кодекса РФ, суды принимают судебные постановления в форме судебных приказов, решений суда, определений суда, постановлений президиума суда надзорной инстанции.

Согласно статье 15 Арбитражного процессуального кодекса РФ, арбитражный суд принимает судебные акты в форме судебного приказа, решения, постановления, определения.

Как видим, в качестве родового понятия в гражданском судопроизводстве используется судебные постановления.

В административном судопроизводстве суды выносят судебные акты (родовое понятие) в виде решений, судебных приказов, определений и постановлений. В Кодексе административного судопроизводства так же указывается на обязательность законных распоряжений, требований, поручений, вызовов и обращений судов.

В уголовном процессе понятие судебного решения является родовым, судебными актами являются приговор, определение, постановление, вердикт (довольно спорно).

Из изложенного следует, что в настоящее время имеет место различие терминологических подходов в определении видов судебных актов, отсутствие четкого терминологического аппарата. То есть несмотря на положения ФКЗ «О судебной системе РФ», по каким-то причинам законодателем допущено несоответствие указанных понятий в различных видах судопроизводства.

Данная проблема существует уже давно, она поднималась во многих научных работах, однако, не нашла своего решения.

Так, некоторыми учеными вносились предложения о принятии специального закона, которым бы устанавливалась терминология и иерархия судебных актов [Семикин 2008].

Полагаем, что введение отдельного закона в данном случае не целесообразно. Для устранения терминологической путаницы достаточно внести необходимые поправки в ФКЗ «О судебной системе РФ». Соответственно, если указанным нормативно-правовым актом предполагается применение в качестве родового термина использовать понятие постановления суда, то в качестве отдельных видов судебных актов можно определить приговор, решение, определение, заключение и т. д.

Как уже было указано, Конституционный суд РФ принимает решения в форме постановлений, заключений и определений. Так же в заседаниях принимаются решения по вопросам организации деятельности суда.

Конституционные (уставные) суды субъектов РФ принимают судебные акты в виде постановлений, определений, заключений. Органы конституционной (уставной) юстиции так же принимают решения об организации своей деятельности.

В конституционном судопроизводстве родовым понятием ко всем судебным актам служит судебное решение.

Судебные акты органов конституционной (уставной) юстиции субъектов РФ обладают всеми чертами, присущими судебным актам. Специфические же особенности заключаются в субъекте принятия, в нормах материального и процессуального права, регулирующих деятельность данных органов (кроме федерального законодательства применяются нормы законодательства субъекта РФ),

Судебный акт конституционного (уставного) суда субъекта РФ – это правовой акт, принятый конституционным (уставным) судом, по вопросам, отнесенным к его компетенции, на основе норм материального и процессуального права, имеющий особую форму, обладающий властным, волевым характером и отвечающий признаку законности.

ЛИТЕРАТУРА

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019), ст. 15. [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.03.2020)

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.03.2020)

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 N 21-ФЗ(ред. от 02.12.2019).ст. 16. [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.03.2020)

Пастельняк А. В. Проблема понимания термина «Судебный акт» // Общество и право. 2013. №1 (43). [электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ponimaniya..> (дата обращения: 11.01.2020)

Семикин Д. С. Судебные акты в системе правовых актов современной России: общетеоретический аспект. Автореф. дисс....к.ю.н. 2008. Саратов. [электронный ресурс] // URL: <https://www.disscat.com/content/sudebnye-akty-v-sisteme-pravovykh-aktov-sovremennoi-rossii-obshcheteoreticheskii-aspekt> (дата обращения: 15.03.2020)

Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) О судебной системе Российской Федерации [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.03.2020)

Соболева Светлана Михайловна

Дальневосточный федеральный университет

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЧЕСТНОСТЬ В ЖУРНАЛИСТИКЕ – ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТА-ЛИНГВИСТА

***Аннотация.** В статье поднимается вопрос о профессиональной ответственности журналиста за опубликованные материалы. Эксперты часто сталкиваются с ситуациями, когда в рамках действующего законодательства беспринципный журналист не может быть привлечён к юридической ответственности, но вред, наносимый обществу оскорбительными публикациями, не получившими должной юридической оценки, не менее ощутим, чем от неприкрытых экстремистских призывов или пропаганды расистской идеологии.*

***Ключевые слова:** профессиональные этические нормы в журналистике; социальная ответственность журналиста; экстремистские публикации; манипулятивные техники в СМИ; лингвистическая экспертиза текстов СМИ.*

Публикация журналиста в СМИ по поводу события, вызвавшего широкий общественный резонанс, привлекает внимание не только как источник информации, но и как источник компетентных оценок. Журналист несёт социальную, гражданскую и юридическую ответственность за свои публикации. Принципы профессиональной деятельности журналиста зафиксированы в международных документах: Международной декларации принципов поведения журналистов и Международных принципах профессиональной этики журналиста.

Главными являются следующие постулаты:

- Граждане имеют право на достоверную информацию;
- Объективное освещение событий – долг журналиста;
- Журналист несёт социальную ответственность за сообщаемую информацию;
- Журналист обладает профессиональной честностью;
- Общество должно иметь возможность участвовать в деятельности СМИ;
- Журналист обязан уважать общественные интересы.

В Российской Федерации журналист руководствуется прежде всего Конституцией Российской Федерации и Гражданским кодексом РФ. Статьи 23, 24 и 29 Конституции гарантируют неприкосновенность частной жизни и свободу слова. Статьи 150, 151 и 152 Гражданского кодекса, трактующие нематериальные блага, предусматривают защиту достоинства личности, чести и доброго имени граждан Российской Федерации, как живых, так и умерших.

В 1991 году был принят Федеральный Закон «О средствах массовой информации», призванный регулировать отношения между государством и СМИ. Некоторые его статьи довольно расплывчаты. Так, Статья 49 этого закона, трактующая обязанности журналиста, в частности, гласит: «Журналист ... обязан проверять достоверность сообщаемой им информации... При осуществлении профессиональной деятельности журналист обязан уважать права, законные интересы, честь и достоинство граждан и организаций».

Очевидно, что в такой трактовке профессиональные обязанности журналиста выглядят размытыми и «необязательными».

Но в этом законе есть положения, позволяющие чётко определить область недопустимых для журналиста действий. Например, Статья 4, устанавливающая ряд запретов с целью недопущения злоупотребления свободой массовой информации, напротив, отличается жёсткостью формулировок: «Не допускается использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний... для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, и материалов, содержащих нецензурную брань».

Все вышеназванные нормативные документы, как международные, так и российские, отражают серьёзную обеспокоенность общества колоссальным влиянием, которым пользуются в наше время СМИ, и которое зачастую направлено во вред и отдельным гражданам, и обществу в целом. Однако определения основных общечеловеческих понятий и ценностей, на защиту которых направлены данные правовые документы, весьма расплывчаты и неопределённые. Действительно, представления о «социальной ответственности», «общественных интересах», «объективном освещении событий» и «достоинстве личности» скорее относятся к области благих намерений, чем к конкретным юридическим нормам. В случае нарушения журналистом профессионального кодекса или неуважения им чести и достоинства граждан весьма трудно привлечь его к ответственности. Даже если Интернет кипит от справедливого возмущения оскорблённых людей, Роскомнадзор весьма неохотно реагирует на подобное поведение представителей СМИ.

В отличие от Международной декларации принципов поведения журналистов и Гражданского кодекса Российской Федерации, Уголовный кодекс РФ предметно и недвусмысленно определяет нарушения, за которые журналист несёт ответственность. Эти нарушения прописаны в Статье 282. «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Уголовный кодекс трактует эти деяния с позиции мотивации, т. е. цели, лежащей в основе того или иного действия. Так, уголовному преследованию подлежат действия, «направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе».

Очевидно, что в основе формулировки диспозиции этой статьи лежит определение преступного намерения как основного признака правонарушения: уголовное наказание наступает в результате совершения действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды. Таким образом, основной задачей эксперта-лингвиста, работающего со Статьёй 282, является доказать наличие у автора печатного материала агрессивной интенции.

Эта позиция закреплена в другом важном нормативном документе Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», принятым 25 июля 2002 года, положения которого во многом совпадают со Статьёй 282 УК РФ.

Публикации в СМИ, нарушающие Уголовный кодекс, как правило привлекают внимание Роскомнадзора и Следственного комитета, которые поручает эксперту-лингвисту ответить на ряд вопросов, например:

– содержат ли представленные на исследование материалы публичное оправдание терроризма и иной террористической деятельности;

– присутствует ли в представленных материалах информация, направленная на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

– содержат ли представленные материалы информацию с признаками публичного призыва и (или) подстрекательства к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации;

– присутствуют ли в представленных материалах информация с признаками распространения публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности либо массового распространения заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовления или хранения в целях массового распространения;

– содержат ли представленные материалы информацию с признаками пропаганды и публичного демонстрирования нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичного демонстрирования атрибутики или символики экстремистских организаций.

Но вряд ли хотя бы одному эксперту-лингвисту ставилась задача ответить на вопросы типа:

– присутствуют ли в представленных материалах признаки неуважения общественных интересов;

– содержат ли представленные материалы признаки необъективного освещения событий;

– присутствует ли в представленных материалах признаки наличия недостоверной информации;

– содержат ли представленные материалы признаки безответственного отношения автора к выполняемым им профессиональным обязанностям при освещении описываемых им фактов и событий;

– содержат ли представленные материалы признаки использования манипулятивных речевых техник.

А ведь вопросы из первой группы, как правило, коррелируют с вопросами из второй группы – в публикациях, оправдывающих терроризм, всегда присутствует неуважение общественных интересов; подстрекательства к насильственному изменению конституционного строя осуществляются на фоне необъективного освещения событий; а пропаганда нацистской символики и идеологии сопровождаются использованием манипулятивных вербально-визуальных приёмов.

Таким образом, нормы достойного профессионального поведения, за нарушение которых журналист не несёт никакой ответственности, оказываются тесно увязанными с нормами гражданского и уголовного права. А демонстрируемые автором предвзятость, злорадство и неуместная язвительность действуют на общественное сознание не менее разрушительно, чем экстремистские призывы и пропаганда расистских теорий. Анализируемая ниже публикация – один из тому многочисленных примеров.

Седьмого мая 2014 года еженедельная газета Приморского края «Арсеньевские вести» опубликовала статью «Я вам не скажу за всю Одессу». Автор публикации – корреспондент газеты Марина Завадская [Завадская URL].

В статье освещаются трагические события 2 мая 2014 года в Одессе, когда во время пожара в Доме профсоюзов погибли несколько десятков человек. Эти события получили большой общественный резонанс не только в России. Ряд авторитетных зарубежных СМИ откликнулись на

трагедию многочисленными комментариями, которые продолжаются до сих пор. Следственные мероприятия, проводимые украинскими правоохранительными органами, ещё не завершены, и официальные результаты следствия пока не известны. Параллельно официальному расследованию были начаты расследования неофициальные, поскольку ни в тот момент, ни сейчас нет единства мнений о причинах и виновниках трагедии. Однако, уже через три недели после страшной гибели нескольких десятков людей стало очевидным, что расследование будет долгим и непростым:

«Москва, 24 мая. Расследование украинскими властями событий в Одессе не внушает доверия из-за склонности правительства оправдывать сторонников единства страны, заявила РИА Новости заместитель директора европейского и центральноазиатского отделения правозащитной организации Human Rights Watch Рейчел Денбер.

«Эти тяжелые преступления требуют серьезного, беспристрастного и тщательного расследования. Мы понимаем, что ведется четыре расследования, но тут важно не их число, а четкость и эффективность в плане привлечения виновных к ответственности», – сказала Денбер. По ее словам, это должно быть сделано ради жертв и пострадавших. «Склонность правительства оправдывать сторонников единства в преступлениях не внушает доверия, это по меньшей мере. HRW будет тщательно следить за расследованием, и мы будем призывать международное сообщество внимательно все это изучать», – заявила представитель правозащитной организации» [Расследование событий... URL].

Российская сторона настаивала на всестороннем международном расследовании трагических событий. В программе НТВ от 27 мая 2014 года министр иностранных дел Сергей Лавров сказал: «Я вчера видел, что в интервью господин Порошенко заявил, что он заинтересован в международном расследовании, что он собирается пригласить экспертов из ЕС, в частности, Германии и России, для расследования трагедии в Одессе 2 мая» [Москва ... URL].

Несмотря на то, что представители разных сторон и организаций склонны по-разному оценивать ответственность и вину участников одесской трагедии, все сходятся в том, что это было тяжким преступлением. Так, ещё 6 мая 2014 года в новостном портале NEWSLAND Пётр Порошенко назвал одесские события терактом: «На закрытом заседании Верховной Рады Украины во вторник были предъявлены доказательства того, что произошедшее в Одессе 2 мая является терактом, а в Доме профсоюзов применялось отравляющее вещество.

Сегодня на закрытом заседании Верховной Рады прозвучали доказательства, что то, что произошло в Доме профсоюзов, называют терактом», – цитирует «Интерфакс» заявление кандидата в президенты Украины, народного депутата Петра Порошенко на пресс-конференции в Кировограде. Он пояснил, что против людей в Доме профсоюзов применялось отравляющее вещество» [Порошенко URL].

Сергей Нарышкин, занимавший в мае 2014 года пост спикера Госдумы, назвал эти события геноцидом: «Все мы потрясены гибелью десятков жителей Одессы от рук бесчинствующих радикалов, мы скорбим вместе с семьями и близкими погибших 2 мая, сгоревших заживо в одесском Доме профсоюзов, – заявил Нарышкин на Балканском форуме в Белграде. – Мы имеем дело с настоящим геноцидом, геноцидом и русского и украинского народа уже в нынешнем XXI веке». По его словам, одна из возможных причин того, что в центре Европы XXI века стала возможна чудовищная трагедия, уже названная в народе одесской Хатынью, в том, что «политика лиц, захвативших власть в Киеве, изначально открыто строится на логике гражданского противостояния и даже логике гражданской войны» [Нарышкин URL].

Приведённые выше оценки трагических событий в Одессе принадлежат официальным лицам России, Украины и стран Европы, людям информированным, компетентным и несущим ответственность за свои слова. Новостные агентства, приводящие эти цитаты (РИА Новости, BaltInfo, НТВ, Newsland) опубликовали их в период с 6 по 27 мая и отказались от собственных

комментариев и выводов, понимая, что делать их было бы преждевременно. Журналисты проявили сдержанность и корректность, как того требуют профессиональные этические нормы.

«Арсеньевские вести», выходящие во Владивостоке, городе, расположенном на расстоянии 10 тысяч километров от Одессы, уже 7 мая, через 5 дней после трагедии, напечатали следующее: «Вообще Одесса была вполне мирным и благополучным городом. Ну да, были там и пророссийские активисты, кучковались на Куликовом поле, но на них почти не обращали внимания... На Первое мая, кстати, эти пророссийские прошли демонстрацией – и никто их не тронул. Пусть ходят... А второго пройтись решили футбольные фанаты ... так называемые ультрас, за Украину – откуда бы они ни были. Ну песенку при этом спеть. Ту самую, из трех слов (два приличные: Путин и ла-ла-ла-ла-ла). Многие одесситы тоже хотели послушать эту живую музыку.

Пророссийцы тоже собирались... и писали об это в соцсетях... Намерение тоже было обозначено – побить «заезжих фашистов». Ну, скажем, ультрас – не подарок: подарки так не называются. Но фашисты? Это слишком сильно. Впрочем, для пророссийцев эти детали неважны... У пророссийцев на рукавах, помимо традиционных уже георгиевских ленточек, были красные повязки, а точнее – наклейки красным скотчем...

А еще у пророссийцев было оружие – не только биты, но и огнестрелы, и из-за милицейских щитов они стреляли. И были раненые, и были убитые. Точно – два трупа, возможно – четыре. Не так много, хотя... Вряд ли кто-нибудь из родителей хочет получить сообщение: «Ваш сын убит на Дерибасовской. Заберите тело». Тут одного достаточно» [Завадская URL].

Этот текст представляет собой с небольшими сокращениями фрагмент статьи Марины Завадской. Ни один эксперт не сможет найти в этом материале признаков публичного оправдания терроризма или пропаганды неполноценности человека на основании его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. Тем не менее этот текст является бесконечно оскорбительным. Высказывания авторитетных специалистов и политических деятелей, рассматривавших события в Одессе как страшную трагедию и преступление, которое необходимо тщательно расследовать, появились уже в первые часы после злодеяния. Журналист не могла об этом не знать. Почему же в таком случае она использует такой игриво высокомерный тон, приступая к рассказу о мученической гибели десятков людей? При этом очень ненавязчиво, но настойчиво автор проводит мысль – в случившемся виноваты «пророссийцы». Действительно, ведь ультрас, которые «за Украину», собирались всего лишь пройтись и спеть неприличную песенку про Путина, в то время как «пророссийцы» намеревались их побить и обзывали фашистами, у них было оружие, они стреляли из-за милицейских щитов и именно они убили и ранили несколько человек. Причём, обвиняя «пророссийцев» в том, что они застрелили людей, автор пользуется косвенными речевыми актами и неполными синтаксическими структурами, лишёнными субъектов действия, что делает невозможным указать на конкретную фразу, которая могла бы быть использована для верификации изложенной автором информации. Иными словами, Марина Завадская в своей статье не использует высказывания, относящиеся к классу утверждений. Это не просто стилистический приём, а весьма грамотный юридический ход – ведь в соответствии с постановлением пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 года «судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности».

В той или иной степени, эксперт-лингвист постоянно сталкивается с необходимостью выделять из вербального массива утверждения как особую разновидность речевых актов. Лингвистическая экспертиза, являясь отдельной отраслью прикладного языкознания, рассматривает утверждение с позиций и лингвистики, и юриспруденции, предлагая трактовку, которая син-

тезирует оба подхода: «Утверждение – это вербально передаваемая кому-либо информация о том, что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна, причём говорящий в той или иной степени берёт на себя ответственность за сообщаемое, а сама информация передаётся в грамматической форме повествовательного предложения, допускающего истинностную оценку (верификацию), которое реализуется в различных синтаксических позициях... со сказуемым в индикативе и не соотносится в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности» [Баранов 2009: 32]

Очевидно, что в вышеприведённом фрагменте нет ни одного предложения, которое бы отвечало требованиям, предъявляемым лингвистической экспертизой к категории утверждения. Таким образом, несмотря на то, что автор недвусмысленно даёт понять, что в трагедии виноваты «пророссийцы», в тексте невозможно найти ни одной фразы, которая давала бы основания упрекать Марину Завадскую в разжигании национальной розни или пропаганде превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности (в рамках Статьи 282 УК РФ), либо в умалении чести и достоинства граждан (в рамках Статьи 152 ГК РФ).

Начинается статья «Я вам не скажу за всю Одессу» следующим абзацем: «Еще в апреле прошла информация: в Одессе готовилась провокация на день Победы* [здесь и далее сохраняется авторское написание названия праздника «День Победы»]: нападение на какого-нибудь ветерана Великой Отечественной. И чтобы приписать это нападение Правому Сектору* [здесь и далее сохраняется авторское написание названия украинской националистической ультраправой организации «Правый сектор»], в худшем случае – просто украинцам. Ныне никто не пользуется зашифрованными записками-переписками, все пишут открытым текстом в соцсетях – и провокацию раскрыли» [Завадская URL].

Данный абзац интересен во многих отношениях. На уровне семантического описания он необычен тем, что ни в одном из его предложений нет семантической роли, называемой агенсом. В структурной лингвистике агенс понимается как «одушевлённый инициатор действия, контролирующий его (способный по своей воле начать его и прекратить)» [Тестелец 2001: 213]. Ситуация, сложившаяся в Одессе и разрешившаяся таким страшным образом, как бы развивалась «сама собой», без организации и руководства. Но если по воле автора текста в этой ситуации отсутствует активное, действующее лицо, то в ней чётко обозначены участники, выполняющие роль пациенса, т. е. «партиципанта, больше остальных вовлечённого в действие и претерпевающего в ходе него наиболее существенные изменения по сравнению с другими партиципантами» [Тестелец 2001: 213]. В анализируемом фрагменте это «ветеран Великой Отечественной», «Правый Сектор» и «просто украинцы». Изменения, которые происходят с этими участниками негативны – ветеран становится жертвой нападения, а «Правый Сектор» и просто украинцы превращаются в жертвы приписывания им этого нападения. Таким образом, «ветеран Отечественной войны», «Правый Сектор» и «просто украинцы» образуют группу пострадавших от провокации неких неназванных лиц, некоего имплицитного агенса. В дальнейшем в тексте статьи выстраивается чёткая оппозиция «пророссийцы» versus те, кто «за Украину». В группе тех, кто «за Украину» оказывается «Правый Сектор», «футбольные фанаты» (они же «ультрас»), «многие одесситы» (которые хотели послушать неприличную песенку про Путина) и «ветеран Великой Отечественной». Вся эта большая группа оказывается противопоставленной немногочисленным «пророссийским активистам», которые «кучковались на Куликовом поле», но на них почти никто не обращал внимания. Из того, что читатели далее узнают о «пророссийцах» (они намеревались побить ультрас, у них было оружие, они стреляли из-за милицейских щитов, они убили и ранили несколько человек), нетрудно достроить недостающие звенья семантической структуры первого абзаца, а именно – восстановить агенс, т. е., того, кто задумывал провокацию на «день Победы» и готовил нападение на «какого-нибудь ветерана Великой Отечественной», планируя приписать это нападение или «Правому Сектору», или «просто укра-

инцам». Этим агенсом являются «пророссийцы». Так при помощи семантических трансформаций реализуется стратегия более высокого, прагматического плана, состоящая в дискредитации «пророссийцев», т. е., сторонников России. Такое речевое поведение является манипуляцией. Но манипуляция – не единственное нарушение этических профессиональных норм, которое допускает автор в этом небольшом фрагменте. Пытаясь при помощи манипулятивных приёмов скрыть своё пристрастное отношение к участникам описываемых событий, Марина Завадская не указывает источник полученной ею информации. Между тем, указание на источник сведений – одно из основных требований современной журналистики. Большое жюри Союза журналистов России, Фонд защиты гласности, гильдия судебных репортёров и главные редакторы региональных газет определили, что публикации о том или ином критическом событии не могут основываться на неизвестных источниках [Лозовский 2007: 16]. Нарушение этого требования чревато необъективностью и предвзятостью журналистского текста. Впрочем, если журналист не выполняет правило указания на источник и «вбрасывает» информацию, он ничем не рискует.

В своей статье Марина Завадская помимо семантических трансформаций, на которых построен весь её дискурс, использует ещё одно мощное средство речевого воздействия – иронию. Ирония – оружие, против которого нет защиты. Оскорблённый и оклеветанный человек может обратиться в суд и восстановить свою честь и доброе имя, осмеянный человек беспомощен и нелеп, и в случае обращения в суд будет выглядеть ещё более смешно и нелепо. Клевета, оговор и оскорбление, облечённые в форму иронии, привлекают симпатии публики не к жертве глумливых насмешек, а к бойкому остро слову. Ирония Марины Завадской в отношении «пророссийцев» носит оттенок снисходительного пренебрежения: «На Первое мая, кстати, эти пророссийские прошли демонстрацией – и никто их не тронул. Пусть ходят...» [Завадская URL].

Что означает в контексте статьи безобидная фраза «Пусть ходят...»? Что недоговаривает автор своим многоточием? Ключом к пониманию служит сочетание прошли демонстрацией. Русский семантический словарь под редакцией Н. Ю. Шведовой относит глагол «пройтись» к классу глаголов со значением «спорт, физкультура, игры, отдых, развлечение». Этот глагол входит в семантическое подмножество «прогулка, гуляние» [Русский семантический словарь 2002: 757, 922]. Таким образом, фраза прошли демонстрацией низводит участие «пророссийцев» в первом майском выступлении до уровня увеселительной прогулки.

Далее глагол «пройтись» используется для описания действий ультрас, которые «решили пройтись... по случаю футбола» и спеть песенку «из трёх слов» про Путина. В представлении автора и эта акция – не более, чем увеселение. Таким образом автор ставит дедуктивно определяемый знак равенства между двумя событиями – первом майской демонстрацией «пророссийцев» и оскорбительной акцией украинских футбольных фанатов. Но если жители «вполне мирного и благополучного города» Одессы были снисходительны по отношению к «пророссийским активистам» и их «не трогали», то сами «пророссийские активисты» в представлении Завадской намеревались побить «заезжих фашистов», т. е. проявили ничем не мотивированную агрессию.

Есть ещё один важный вопрос: в чей адрес возможна фраза «никто их не тронул»? Каковы отношения между теми, «кого не трогают», и окружающими их людьми? Скорее всего эти отношения настороженные и не слишком приятные. Причём, те, кого «не трогают» представляют собой отрицательно маркированную группу меньшинства. Большинство, представляющее здесь жителей Одессы, проявляет к ним снисходительно насмешливое равнодушие, выраженное в форме побудительного наклонения «Пусть ходят...»

В адрес «пророссийцев» направлен косвенный речевой акт обвинения, реализованный в предложении «Впрочем, для пророссийцев эти детали неважны...». В контексте анализируемого дискурса это высказывание означает «пророссийцам всё равно кого оскорбить словом «фашист», они могут назвать фашистом любого непонравившегося им человека».

Вот ещё один пример иронии в адрес людей, которые к моменту написания статьи были уже мертвы: «Вспыхнуло на третьем этаже, изнутри. Возможно, загорелся коктейль у криворуких защитников здания – технику безопасности при работе со взрывчатыми и горючими веществами никто не отменял» [Завадская URL].

Так, прибегая к трудноуловимым, но регулярно повторяющимся семантическим подменам, направленным на дискредитацию «пророссийцев», автор создаёт образ неловких неумелых бестолковых провокаторов, которые получили поделом.

Завершает статью пост Аркадия Бабченко, размещённый в сети 4 мая, через два дня после трагедии. Марина Завадская целиком включила его в заключительную часть своего текста в качестве эффектной концовки. Сейчас имя Аркадия Бабченко является токсичным, и лишь открыто русофобские СМИ рискнут на него ссылаться, однако в мае 2014 года его репутация у оппозиционных изданий была высока, и они его охотно цитировали. Пост Бабченко, начинающийся словами «По поводу Одессы могу сказать только одно. Вооруженные люди пришли за спинами ментов, желая бойни и трупов? Вооруженные люди получили бойню и трупы. Они думали, что это будут не их трупы? Нет. Это будут и их трупы тоже» [Завадская URL] усиливает и делает более острой коммуникативную интенцию Завадской, которую можно выразить фразой «Сгоревшие заживо люди получили то, что заслужили».

Завуалированные обвинения Марины Завадской, направленная в адрес сторонников России, не оставляет сомнений в том, к кому обращены угрозы Аркадия Бабченко. Его угрозы – не просто фигуры речи. Бабченко обещает повторение убийств по одесскому сценарию и предрекает смерть «всем русским патриотам»: «Если людей начать убивать – они будут убивать в ответ. Кто бы мог подумать, да? «Никто цветы под гусеницы кидать не будет. Здесь будет тотальная партизанская война» - вас же предупреждали? Вас же предупреждали, правда? Что посеяли, то и пожали. По-другому не бывает. Будет именно так» [Завадская URL].

Статья 119. «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» Уголовного кодекса Российской Федерации квалифицирует такое речевое поведение как 1. угрозу «убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы... 2. То же деяние, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а равно в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга».

Но угрозами публикация не заканчивается. Марина Завадская в предвкушении новых трагедий, теперь на территории России: «А впереди – еще один праздник. День Победы. Кстати, Одесса – один из четырех первых городов-героев (Ленинград, Сталинград, Севастополь и Одесса). Чем отметят этот праздник?» [Завадская URL].

Роскомнадзор не нашёл оснований считать статью «Я вам не скажу за всю Одессу» экстремистской. Однако читатели восприняли публикацию как глубокое оскорбление и засыпали газету гневными комментариями. Ниже один из этих комментариев: дачница (не бабушка) 16:01, 08.05.2014

Читала рубрики Земля-кормилица, поэтому заходила на сайт, открыла эту статью – в шоке, лучше уж про дачу в другую газету, здесь пахнет смрадом, что вообще делают в этой стране люди, которые ее так ненавидят [Завадская URL].

Поток возмущённых откликов на статью был настолько интенсивным, что автору пришлось вмешаться в обсуждение. Сделала она это ожидаемым способом: Марина Завадская 18:31, 08.05.2014

Мне на ваше мнение, уважаемые читатели, НАПЛЕВАТЬ!!! Я все равно буду писать так, как я считаю нужным!! И мне никто и никогда рот не заткнет!!!! [Завадская URL]

Комментарии вскоре закрыли, и статья до сих пор находится на сайте Приморской краевой газеты «Арсеньевские вести», позиционирующей себя как общественно-политическое периодическое издание, преимущественное содержание которого «составляет информация, освещающая актуальные социально значимые вопросы и события общественной, политической, экономической, культурной жизни Российской Федерации, других стран, в том числе проблемы внутренней, внешней или международной политики, путем публикации новостей, статей, мнений, интервью, критических, сатирических материалов, обзорной, аналитической, статистической и (или) иной информации по какой-либо из указанной тем» [Информация Роскомнадзора от 15.11.2012 URL].

Представляется, что случай, подобный вышеописанному, далеко не единичен в российских СМИ. Наше государство имеет нормативные инструменты для регулирования своих отношений с прессой и в тех случаях, когда считает свои интересы нарушенными, активно эти инструменты использует. Это было продемонстрировано в нашумевшем деле с публикацией в «Новой газете» статьи Юлии Латыниной «Если мы не Запад, то кто мы?» [База данных URL]. Но как быть в тех случаях, когда государство в лице Роскомнадзора не усматривает нарушений, а общество, возмущённое публикациями, оскорбляющими честь и достоинство граждан Российской Федерации, кипит от негодования? Механизмы для регулирования отношений между обществом и СМИ, где во главу угла будут поставлены социальная ответственность журналиста, его профессиональная честность и общественные интересы, ещё предстоит создавать.

ЛИТЕРАТУРА

Amos H. "There was heroism and cruelty on both sides": the truth behind one of Ukraine's deadliest days // *The Guardian* (2015, April 30). [Electronic resource]. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/apr/30/there-was-heroism-and-cruelty-on-both-sides-the-truth-behind-one-of-ukraines-deadliest-days> (date of access 20.02.2020)

Heyden U. *Parlament gegen Untersuchung von Odessa-Brand* // *Der Freitag* (31.10.2019) [Electronic resource]. URL: <https://www.freitag.de/autoren/ulrich-heyden/parlament-gegen-untersuchung-von-odessa-brand-1> (date of access 20.02.2020)

International Principles of Professional Ethics in Journalism. [Electronic resource]. URL: <https://research.uta.fi/ethicnet/country/international-principles-of-professional-ethics-in-journalism/> (date of access 20.02.2020)

Journalists' Code of Ethics. (2014). Revised September 6, 2014 at SPJ's National Convention in Nashville, Tenn. [Electronic resource]. URL: <https://www.spj.org/ethicscode.asp> (date of access 15.01.2020)

База данных Российской судебной практики по информационному праву. [электронный ресурс]. URL: <http://www.media-pravo.info/case-resolution/view/id/1514> (дата обращения 15.01.2020)

Баранов А. Н. *Лингвистическая экспертиза текста*. М.: Флинта: Наука, 2009.

В Москве прошла премьера фильма о трагических событиях в Одессе 2 мая 2014 // *ИА REGNUM* (30 апреля, 2019). [электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/cultura/2621926.html> (дата обращения 15.02.2020)

Завадская М. Я вам не скажу за всю Одессу // *Арсеньевские вести*. (7 мая, 2014). [электронный ресурс]. URL: <https://www.arsvest.ru/rubr/3/12390> (дата обращения: 19.02.2020)

Информация Роскомнадзора от 15.11.2012 «Об определении понятия "издание, специализирующееся на распространении информации общественно-политического характера"» // *Кодификация РФ: действующее законодательство Российской Федерации*. [электронный ресурс]. URL: <https://rulaws.ru/acts/Informatsiya-Roskomnadzora-ot-15.11.2012/> (дата обращения 21.02.2020)

Лозовский Б. Н. *Журналистика: профессиональные стандарты*. Екатеринбург, 2007. [электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1618/1/1323207.pdf> (дата обращения 21.02.2020)

Москва будет добиваться международного расследования одесской трагедии и «дел снайперов» (27 мая, 2014). // НТВ.Ru. [электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/993756#ixzz32урјq4Oу> (дата обращения 21.02.2020)

Нарышкин: события на Украине - геноцид русского и украинского народов // РИА Новости (6 мая, 2014). [электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20140506/1006700879.html> (дата обращения 21.02.2020)

Порошенко: в Одессе был устроен теракт // новостной портал Newsland (6 мая, 2014) [электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/user/4296648049/content/poroshenko-v-odesse-byl-ustroen-terakt/4600529> (дата обращения 21.02.2010)

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения 21.02.2020)

Расследование событий в Одессе не внушает доверия – Human Rights Watch // Балтийское информационное агентство BaltInfo.ru (24 мая, 2014). [электронный ресурс]. URL: <http://www.baltinfo.ru/2014/05/24/Rassledovanie-sobytii-v-Odesse-ne-vnushaet-doveriya--Human-Rights-Watch-427381> (дата обращения 21.02.2020)

Русский семантический словарь. Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Российская Академия Наук, 2002. т. IV.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001.

Уголовный кодекс Российской Федерации. [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 15.02.2020)

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» [электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения 30.01.2020)

Федеральный закон «О средствах массовой информации». [электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10164247:0> (дата обращения 28.01.2020)

Тараборин Роман Сергеевич

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

**МЕЖДУ ПАРТИКУЛЯРИЗМОМ И УНИФИКАЦИЕЙ:
ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

***Аннотация.** В статье предложена авторская интерпретация особенностей государственной политики в сфере гражданского права в Российской империи как частного проявления системных свойств империй – особых исторических форм государственной организации гетерогенных ресурсных пространств.*

***Ключевые слова:** империя, ресурсы, гражданское право, партикулярное право, унификация законодательства.*

Получившая распространение в современной российской юридической теории тенденция отнесения системы права дореволюционной России, во всяком случае, в хронологических

пределах Российской империи, к романо-германской правовой семье (в рамках классификации Р. Давида) пока еще во многом остается утверждением, нуждающимся, как минимум, в историко-правовой конкретизации.

Даже убрав «за скобки» различие источников, на основе которых формировались системы права основных западноевропейских государств и исторической, то есть «допетровской» Руси, историку права нельзя не увидеть, что правовая действительность Российской империи оставила немало свидетельств «обособленности», по определению Г. В. Мальцева, пребывания российского права в романо-германской семье [Мальцев 1999: 17].

К числу таких свидетельств, на наш взгляд, следует отнести неоднородность пространства официального, то есть исходящего от императорской власти, позитивного гражданского права в территориальных пределах империи: одновременность действия общегражданского законодательства, консолидированного в 1832 г. в Своде законов гражданских, и местных (партикулярных) гражданских законодательств западных национальных регионов. Эта неоднородность начала формироваться с первых десятилетий XVIII века и приобрела свои завершённые формы в первой трети XIX века.

Законодательной легитимацией такого состояния гражданского права служила ст. 48 «Основных государственных законов» 1832 г., остававшаяся в силе (с незначительным изменением формулировки) до 1906 г.: «Законы в Империи действуют или единообразно в общей их силе, или с местными в некоторых их частях изменениями. Пространство сих изменений, места, где они допускаются, и связь их с законами общими, определяются в Уставах особенных» [Свод законов... 1833: 18].

В измененных «Основных государственных законах», утвержденных 23 апреля 1906 г. Николаем II, в ст. 46 предусматривалось, что «законы, особо изданные для какой-либо местности или части населения, новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой отмены не постановлено» [Полное собрание законов... 1909: 459]. Таким образом, двойственное положение гражданского права, официально признанное императорской властью в 1832 г., просуществовало до самого крушения империи в 1917 г.

В настоящей статье представлена авторская интерпретация данной особенности российской правовой системы в имперском ракурсе – как частного проявления общесистемных свойств Российской империи.

В современной российской историко-правовой науке, по нашему мнению, все еще недостаточно полно и всесторонне учитываются качественные изменения, которые произошли в отечественной правовой системе при переходе от относительно моноэтнического и моноконфессионального Московского государства к полиэтнической и поликонфессиональной Петербургской империи. В результате продолжается традиция рассмотрения правовых процессов *per se*, когда их взаимосвязь с общесоциальными процессами, происходившими в российском обществе, скорее декларируется, нежели предметно анализируется.

В значительной мере подобная традиционность историко-правовой методологии является, по нашему убеждению, следствием определенной дисциплинарной замкнутости, при которой вне поля зрения исследователей остаются кардинальные сдвиги, происходившие в методологии социально-гуманитарного знания на протяжении последних десятилетий. Так, за редким исключением, в современных российских историко-правовых исследованиях отсутствует междисциплинарность – научный подход, позволяющий использовать методологические и концептуальные достижения смежных социальных наук.

В частности, это касается применения в изучении истории российского права XVIII – начала XX вв. теоретических разработок проблемы империи как особой исторической формы государственной организации гетерогенного ресурсного пространства.

В данном случае для понимания причин возникновения и устойчивости территориальной двойственности официального позитивного гражданского права в Российской империи необ-

ходимо учесть одну принципиально важную системную характеристику империй, выявленную в науке на основе сравнительного изучения исторически существовавших имперских цивилизационных образований. Она определяется как «высокий уровень выделенности центра, который воспринимался как особое в символическом и организационном планах образование». Возникшие в процессе формирования империй центры, «как правило, стремились не только извлекать ресурсы из периферии, но и проникнуть в нее, перестроить ее духовно-символические принципы, а организационно – мобилизовать ее для своих целей» [Эйзенштадт 1999: 134–135].

В результате такой направленности действий имперских центров как не только политических, но и культурно-организационных структур, соединяющих в единое целое территорию и население, формировалось внутрисистемное противоречие, метафорически выражаясь, между «душой и телом империи». Иначе говоря, это было противоречие между исполнением трансцендентной («космической») миссии империи как средства переустройства земного мира на высших началах (чаще всего, религиозного геноза) и текущей посюсторонней организацией природных и людских ресурсов для повседневного функционирования империи. Трансцендентная миссия требовала для своего исполнения достижения тотальной унификации духовно-культурного пространства, в то время как повседневное функционирование имперской системы организации общества обеспечивалось гетерогенным ресурсным потенциалом, любая попытка унифицирования которого, как правило, этот потенциал ослабляла.

Указанное противоречие имперской идеи и имперской практики принято относить к «родовым свойствам» данной формы государственной организации, принципиально неустранимым, но регулируемым в определенных пространственно-временных пределах. Во всех исторически существовавших империях, включая, естественно, и Российскую империю, существовали свои собственные «наборы» использовавшихся регулирующих средств, но всегда в их число входили инструменты правового регулирования.

Поэтому в имперском ракурсе эволюция российского права XVIII – начала XX вв. вообще и гражданского права в частности приобретает вполне определенное объективное, вытекающее из сущностных свойств империи содержание. Она предстает в форме динамического регулирования средствами права имманентного противоречия между исполнением миссии Российской империи как хранительницы и защитницы истинного – православного – христианства, то есть миссии, требующей максимальной унификации имперского духовно-культурного пространства на православных основаниях, и сохранением материальной (природной и человеческой) гетерогенности пространства как ресурсного потенциала, необходимого для функционирования империи в качестве мировой державы.

Гражданское право оказалось одним из необходимых и эффективных средств правового регулирования, динамика применения которого соответствовала динамике формирования и эволюции империи как таковой. На разных фазах имперской эволюции России в соответствии с развитием указанного противоречия идеи и практики, миссии и функционирования происходила соответствующая территориальная эволюция позитивного гражданского права, являвшегося, как и все право в условиях самодержавной империи, продуктом деятельности верховной власти: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный» (ст. 1) [Свод законов Российской империи... 1833: 3].

Так, на фазе включения новой территории, прежде обладавшей собственной государственностью или бывшей частью другого государства, в состав империи для имперского центра превалировало решение ресурсной задачи. Дело заключалось не только в использовании материального потенциала новой территории, гораздо большее значение имело использование ее стратегического потенциала.

С начала XVIII в. основным направлением территориального продвижения Российской империи стало западное, европейское направление, успехи на котором, собственно говоря, и позволили обрести стране имперский мировой статус. Экономическое значение присоединения

Прибалтики или части Речи Посполитой, во всяком случае, в первые десятилетия их включения в состав России, было невелико, но военно-стратегическое и политическое (особенно во втором из названных случаев) – огромно.

Превалирование ресурсной задачи закономерно требовало обеспечения политической лояльности всего населения присоединенной территории, а не только элиты. Именно таким образом наиболее надежно можно было обеспечить безопасность империи на новых западных границах, непосредственно соединявших её с главными и также имперскими европейскими конкурентами. Сохранение основной части прежде действовавшего гражданского законодательства было самым естественным средством создания условий для массовой политической лояльности населения, поскольку нигде так болезненно не ощущалась жителями новой российско-имперской территории утрата самостоятельности, как в решении повседневных и насущных вопросов материального благополучия. Поэтому во всех без исключения присоединенных к империи на протяжении XVIII – первой трети XIX вв. западных регионах гражданское законодательство было оставлено практически в прежнем виде, несмотря на более чем существенные в ряде случаев (Польша, Финляндия) расхождения с русским гражданским законодательством.

На следующей фазе имперской эволюции, когда на первый план выходила адаптация или, так сказать, «переваривание» империей своей новой части, гражданско-правовой партикуляризм начинал проявлять свою негативную для имперского центра сторону – как источник сохранения национальной, в том числе и религиозно-культурной, идентичности местного населения. За исключением восьми православно-славянских по основному населению губерний («от Польши возвращенных»), и этнически не родственной, но также православной Бессарабии, другие западные регионы отличались и этносами, и религиями. Значит, не только имперская миссия, но в известной мере и решение ресурсно-стратегических задач потребовали теперь ограничения сферы действия местного гражданского права. Эта линия стала преобладающей на протяжении большей части XIX в., но в разных вариантах, в зависимости от степени сопротивляемости конкретного региона.

С наибольшими трудностями изменение прежней политики в отношении местного права столкнулось в Царстве Польском не только в силу исторической традиции польско-русского противостояния в Восточной Европе, но и чисто правовых причин – значительности расхождений местного и общероссийского гражданского права. В результате имперский центр вынужденно переориентировался, особенно в последней трети XIX в., на культурную унификацию этой территории, в правовом отношении ограничившись восполнением нормами российского гражданского права пробелов в местном законодательстве.

В политически лояльных прибалтийских губерниях (бывший Остзейский край) и Финляндии гражданско-правовая политика центра не изменилась. Но на западные губернии, не в последнюю очередь в стремлении ликвидировать правовые основания местной славянской идентичности, сформировавшейся в Великом княжестве Литовском, еще в 1840 г. было распространено действие Свода законов гражданских. Достаточно последовательно и тоже не без политико-культурной мотивации параллельно происходило вытеснение, в основном благодаря судопроизводственной практике, общегражданским правом восходившего к греческо-византийской правовой традиции местного права в Бессарабской губернии.

На заключительной третьей фазе эволюции Российской империи, когда под воздействием интенсивно развивавшихся модернизационных процессов началась и политическая трансформация имперской системы, политика в гражданско-правовой сфере в национальных регионах утратила единый стержень в силу перехода по необходимости к решению прагматической задачи удержания контроля над этими территориями, главным образом, с политической и военно-стратегической точек зрения.

Показательным для доказательства восторжествовавшего в имперском центре бюрократического прагматизма и инерционного правового мышления являлось, на наш взгляд, изменение,

произошедшее в ходе разработки проекта Гражданского уложения, предназначавшегося для замены свода законов гражданских, между первой и второй его редакциями.

В первой редакции Кн. I «Положения общие» (1895) ст. 1 устанавливала, что «Гражданское уложение применяется как закон общий на всем пространстве Империи». Но в ст. 2 делалась оговорка: «В тех губерниях и областях, для коих изданы особенные местные законы, правила сего уложения применяются: 1) в случае недостатка или неполноты законов местных, и 2) по тем делам, которые должны быть разрешаемы на основании общих законов Империи» [Проект Книги... 1895: 1, 7–8].

В «Положении о введении в действие Гражданского Уложения», которым открывалась вторая, официально правительством одобренная редакция проекта, упоминание о действии Уложения на всей территории империи вообще исчезло, а ст. 2 получила гораздо большую территориальную конкретность: «В губерниях Царства Польского и Прибалтийских правила сего уложения применяются: 1) в тех случаях, в которых в местных законах сих губерний сделаны ссылки на общие гражданские законы, либо в которых до сего времени должны были применяться общие гражданские законы, и 2) в случае полного отсутствия в местных законах определений по каким-либо предметам гражданского права» [Гражданское уложение... 1910: 1–2].

Очевидно, что бюрократический прагматизм имперского центра, выразившийся в инерционном поддержании сформировавшегося на рубеже веков регионального статус-кво между местным и общегражданским правом и нашедший столь ясное выражение в проекте Гражданского уложения, на деле объективно содействовал усилению культурно-правовой идентичности населения данных регионов как источника его политической идентичности. В этом плане вряд ли можно было ожидать иного варианта, кроме как активного политического самоопределения западных регионов, в том числе польского и прибалтийского прежде всего, после крушения империи.

Таким образом, предлагаемая нами интерпретация территориальных особенностей эволюции российского гражданского права (его законодательных оснований) в имперском ракурсе доказывает, что именно системные закономерности функционирования империй следует рассматривать как глубинные основания этих, как, впрочем, и всех остальных особенностей эволюции правовой системы Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. (С объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной Комиссии) / Под ред. И. М. Тютрюмова / Сост. А. Л. Саатчиан. Т. I. Изд. Кн. маг. «Законоведение», 1910.

Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. 1906. Отделение I. СПб.: Гос. тип., 1909.

Проект Книги первой Гражданского Уложения с объяснительной запиской. СПб.: Гос. тип., 1895.

Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1832 года. Т. I. Ч. I. Изд. 2-е. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1833.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999.

Тепляков Игорь Игоревич

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

КОНСУЛЬТАЦИИ КАК НОВОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПОЛНОМОЧИЕ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

***Аннотация.** В статье исследуется новое конституционное полномочие высших органов государственной власти – консультации. Дается авторское определение данного полномочия, установлено его сущность как выражение конституционного взаимодействия органов власти в форме «общего федерального согласия».*

***Ключевые слова:** изменения в Конституцию РФ, Президент Российской Федерации, Совет Федерации, консультации, общее федеральное согласие.*

Начало 2020 года ознаменовалось значительными переменами в процессе государственного строительства России. Предложенные главой государства поправки к Конституции Российской Федерации охватывают значительный спектр конституционных отношений: экономических и социальных прав граждан, правового статуса лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, и, разумеется, компетенции органов публичной власти Российской Федерации.

В частности, значительно меняется порядок назначения высших должностных лиц федеральных органов исполнительной власти. Значительно усиливается роль представительных органов власти в решении кадровых вопросов при формировании Правительства Российской Федерации. Например, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации наделяется полномочиями по утверждению по представлению Президента Российской Федерации кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации, его заместителей и отдельных федеральных министров [п.11 ст. 1]. В свою очередь, полномочия Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации были дополнены проведением консультаций по предложенным Президентом Российской Федерации кандидатурам на должность руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности [п. 10 ст. 1].

Последняя норма требует отдельного пояснения ввиду особенностей ее новации. Во-первых, любопытным представляется тот факт, что категория «консультации», изначально диспозитивная по своему содержанию, получила закрепления в форме императивного полномочия. Во-вторых, конституционная практика Российской Федерации до внесения рассматриваемых конституционных поправок не содержала в себе такой формы взаимодействия как «консультации» высших органов государственной власти. Ранее полномочия Совета Федерации, помимо одобрения законов, принятых Государственной Думой, характеризовались весьма скупо, с использованием всего пяти терминов: «утверждение изменения границ/указа», «решение вопроса», «назначение выборов», «отрешение от должности», «назначение на должность». Таким образом, последние конституционные изменения требуют от научного сообщества продолжать исследования, посвященные проблемам компетенции органов публичной власти, актуальной уже на протяжении достаточного продолжительного периода времени [Чацин 2009, Бялкина 2006, Тепляков 2015].

Ввиду описанной выше новизны консультации как властное полномочие еще не получили ни полноценного законодательного, ни доктринального определения. Вместе с тем, разумным

представляется считать консультации частным случаем согласительных процедур. Данная категория имеет разные интерпретации. Под согласительными процедурами понимают «регламентированную законом совместную деятельность субъектов конституционно-правовых отношений по устранению возникающих между ними разногласий на взаимоприемлемой основе [Юридический энциклопедический словарь 2001: 46]. Согласно позиции Бобраковой Е. Е. «согласительные процедуры – это урегулированные нормами конституционного права определенный порядок взаимосвязанных и последовательных действий, совершаемых сторонами конституционно-правовой коллизии, направленных на ее урегулирование путем восстановления или достижения согласия между ними» [Бобракова 2001: 26]. Представляется, что данное понимание согласительных процедур применительно к консультациям нуждается в корректировке. Прежде всего, в рамках исследуемого вопроса, консультации подразумевают согласование кандидатур должностных лиц, но не подразумевают обязательное наличие противоречий между субъектами конституционно-правовых отношений по данному вопросу. Наконец, цель консультаций в данном случае не разрешение противоречия, а надлежащее конституционное закрепление процедуры назначения должностных лиц. То есть консультации следует понимать как форму согласительной процедуры, в рамках которой надлежащим правовым порядком закрепляется согласие субъектов конституционно-правовых отношений по назначению отдельных должностных лиц. Данное определение отражает юридическую сущность консультаций как согласительной процедуры позитивного характера.

С точки зрения объективной стороны данных консультаций Президент Российской Федерации, как глава государства и гарант Конституции Российской Федерации определяет кандидатуры руководителей федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых он осуществляет непосредственно, с точки зрения профессионализма кандидатов, готовности взаимодействовать с ними в рамках конституционно-административного взаимодействия. Совет Федерации в рамках консультаций в данном случае подтверждает компетентность, профессионализм, соответствие личных качеств кандидатов предполагаемым должностям.

Таким образом, сущность консультаций высших органов власти по данному вопросу следует охарактеризовать как «общее федеральное согласие» (common federal agreement). Оно выражается в том, что руководители отдельных органов исполнительной власти, в рамках своего назначения получают одобрение федеральной власти (со стороны Президента Российской Федерации), так и одобрение всех субъектов федерации (со стороны Совета Федерации). В результате обеспечивается общее согласие государственной власти при назначении кандидатов на должности руководителей органов власти, имеющих особое значение для обеспечения обороны, безопасности, защиты граждан и государства.

В заключение следует отметить, что процедура проведения исследуемых консультаций должна получить соответствующее нормативное закрепление. С точки зрения содержания «общего федерального согласия» разумным представляется ее дифференцированное закрепление, включающее определение порядка выдвижения кандидатур руководителей органов исполнительной власти правовыми актами Президента Российской Федерации и закрепление процедуры проведения консультаций в Регламенте Совета Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

Бобракова Е. Е. Согласительные процедуры в конституционном праве: общие основы и особенности применения в федеральном законодательном процессе: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2001.

Бялкина Т. М. Компетенция органов местного самоуправления: проблемы теории и правового регулирования. Воронеж, 2006.

Проекта закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от № 885214-7 от 20.01.2020 // СПС Консультант-плюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения 20.02.2020)

Тепляков И. И. Идентификация предметов ведения органов местного самоуправления в Российской Федерации // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2015. № 4. С. 134-140.

Чащин О. В. Компетенция органов государственной власти республики – субъекта Российской Федерации в сфере организации и деятельности милиции: Монография. Уфа, 2009.

Юридический энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2001.

Файзуллина Эльмира Фоатовна

Казанский юридический институт МВД России

ФИРМЕННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ: ТОЖДЕСТВЕННОСТЬ ЛИБО СХОДСТВО

***Аннотация.** В статье приводится конкретный пример лингвистической экспертизы спорного фирменного наименования, включающий не только звуковой, графический и семантический анализ, но и так называемый ассоциативный эксперимент, проведенный с целью придания убедительности заключению лингвистической экспертизы.*

***Ключевые слова:** фирменное наименование, товарный знак, лингвистическая экспертиза, ассоциативный эксперимент.*

В последнее время участились случаи обращения Федеральной налоговой службы в арбитражные суды с исковыми заявлениями об обязанности изменить фирменное наименование тех или иных организаций и предприятий. Исковые требования, как правило, основываются на статье 1473 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Под фирменным наименованием понимается уникальное (как правило, словесное) обозначение товара, работы, услуги, учреждения, организации или предприятия. Как правило, именно это средство индивидуализации появляется у компании в первую очередь. Фирменное наименование – это обозначение, под которым юридические лица осуществляют свою деятельность (выступают в гражданском обороте) [Товарный знак... URL]. Фирменное наименование товара, работы или услуги называется «товарным знаком» («торговой маркой»), который может быть зарегистрирован в установленном законом порядке [Фирменное наименование... URL].

В апреле 2019 года Арбитражным судом РТ был рассмотрен подобный иск к ООО «Кореяна ПФО», в фирменном наименовании которого усматривалось слово «КОРЕЯ», являющегося кратким наименованием иностранного государства – Республика Корея. Руководство ООО заявило ходатайство о проведении лингвистической экспертизы. Как известно, при определении сходства фирменных наименований исследуются звуковое, графическое и смысловое сходство обозначений.

В случае с наименованием «Кореяна ПФО» было проведено исследование фонетического и графического соответствия представленных обозначений. Фонетический анализ показал, что признаки сходства звукового состава исследуемых обозначений обеспечиваются вхождением в них фонем [к...р'...й...]. При этом гласные фонемы [о], [е] и [йа] представлены разными звуками. Признаком сходства в фонетически сильных позициях обладают согласные [к...р'...]. Различными являются ударные слоги, в том числе ударные гласные исследуемых обозначений. Различно также количество слогов. Таким образом, степень фонетического сходства представленных к исследованию наименований недостаточна для их взаимного смешения носителями современного русского языка.

Графический анализ показал, что исследуемое обозначение Кореяна ПФО оформлено в виде цепочки букв кириллицы, с разделителем в виде пробела и прописных букв. В современном русском языке написание слова прописными буквами используется для передачи аббревиатур (побуквенных сокращений) и для выделения слова в тексте. Исследуемое обозначение Кореяна ПФО является комбинированным. По графическому критерию сравниваемые словесные обозначения характеризуются сходным написанием, однако тождеством обладают лишь пять из десяти графем (одинаковое расположение букв, использование одного алфавита). Вместе с тем использование суффикса *-ян-*, а также аббревиатуры ПФО делает наименования различными.

Исследование суффиксов существительных позволяет говорить о возможности использования в слове «кореяна» двух суффиксов:

Суффикс *-н-*, который образует:

1. название ягоды (по её признаку: вишня [”висящая”]).
2. название дерева (по его признаку: яблоня [этимология пока неясная]).

Суффикс *-ян-*, который образует:

1. части тела, характеризующейся интенсивным внешним признаком: пузан, губан;
2. лица, склонного к тому, что названо исходным словом: грубиян;
3. названия животного: орлан.

Наличие в современном русском языке женских имен с суффиксом *-ян-* (Татьяна, Марьяна, Ульяна, Даяна) позволяет провести параллель с наименованием Кореяна и говорить об использовании суффикса *-ян-*.

Слово «кореяна» отсутствует в известных словарях русского языка. Библейская энциклопедия приводит слово *кореяне*, дети Корея [Библейская энциклопедия Бракгауза URL], что может позволить рассматривать образование Кореяна как трансформу лексической единицы русского языка. Поиск в известных словарях не выявил вхождения указанной словоформы в эти словари.

Слово «Корея» действительно целиком входит в слово «Кореяна ПФО» как форманта, что графически сближает знаки. Вместе с тем суффикс *-ян-* и часть «ПФО», находящиеся в наименовании «Кореяна ПФО», акцентируют на себе внимание и значительно удлиняют данное обозначение.

В «Правилах составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания» говорится, что «обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия» по мнению М. Е. Новичихиной, И. А. Стернина, ассоциативные связи дают наиболее точную информацию о возможности смешения тех или иных коммерческих обозначений [Новичихина 2013: 34]. «Многочисленные психолингвистические исследования свидетельствуют о том, что нередко единицы, принципиально отличающиеся как в фонетическом, так и в семантическом плане, вызывают у носителя языка сходные ассоциации и, как следствие, смешиваются в индивидуальном сознании. Именно поэтому исследование лишь звукового (фонетического) и смыслового (семантического) сходства видится нам необходимым, но недостаточным при вынесении суждения о сходстве обозначений до степени смешения [Новичихина 2016: 129]».

В связи с этим был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 47 человек разного возраста и уровня образования. Респондентам были предложены как графические, так и звуковые варианты слова Кореяна. Эксперимент дал следующие результаты:

Страна Корея – 12, женское имя – 6, название организации – 5, мясо, особым образом приготовленное, – 4, корейская девушка – 2, корень – 2, автозапчасти – 2, автосервис – 1, еда – 1, зубная паста – 1, индийский орех – 1, косметика – 1, лекарство – 1, овощ – 1, приправа – 1, соревнование – 1, соус – 1, страхование – 1, фамилия – 1, не дали ответа – 2.

Данные эксперимента показывают, что коэффициент ассоциативного сходства исследуемых названий по визуальному и звуковому облику составляет 31 %. Как утверждают некоторые исследования, для формулировки вывода о сходстве обозначений важна сама принципиальная

возможность смешения [Новичихина 2016: 132]. В «Правилах составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания» говорится, что «обозначение считается сходным до степени смешения с другим обозначением, если оно ассоциируется с ним в целом, несмотря на их отдельные отличия».

Учитывая проведенный фонетический, словообразовательный, графический анализ, а также результаты ассоциативного эксперимента, экспертом-лингвистом был сделан вывод об отсутствии тождественности либо сходства до степени смешения исследуемых словесных обозначений.

Таким образом, проведенное лингвистическое исследование не позволило сделать вывод о том, что словесное обозначение «Кореяна ПФО» тождественно либо сходно до степени смешения по написанию и звучанию с названием страны Корея.

ЛИТЕРАТУРА

Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. *Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ // Сборник материалов. М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).*

Библейская энциклопедия Бракагуза [электронный ресурс] // URL: https://bible_dic_ru.academic.ru/2342/Корей

Бринев К. И. *Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009.*

Жарков И. В. *Сходство товарных знаков: есть вопросы/ «Патентный поверенный», № 1, 2009, с. 33–35.*

Новичихина М. Е. *О количественных критериях ассоциативного сходства в лингвистической экспертизе товарного знака // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 2. С. 129-132.*

Новичихина М. Е. *Экспертиза товарного знака в системе лингвистической экспертизы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 4. С. 112-115.*

Новичихина М. Е., Стернин И. А. *Экспертиза товарного знака: учебное пособие. Воронеж: факультет журналистики ВГУ, 2013.*

Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака из знака обслуживания (утв. приказом Роспатента от 5 марта 2003 г. № 32, зарег. в Минюсте России 25.03.2003 г., рег. № 4322. М., 2003 г.).

Товарный знак, фирменное наименование и другие средства индивидуализации бизнеса. Особенности их использования [электронный ресурс] // Patentus. URL: <https://patentus.ru/statyi/tz/sredstva-individualizatsii.html>

Фирменное наименование [электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фирменное_наименование

Фрига Надежда Васильевна

Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития в сфере административно-правового регулирования на базе государственных информационных систем. Проведен анализ суперсервиса, его параметров и характеристик.

Рассмотрен зарубежный опыт в области государственных информационных систем. Предложены пути решения проблем автоматизированных информационных систем.

Ключевые слова: суперсервисы, характеристика и параметры суперсервисов, государственные информационные системы, административно-правовое регулирование.

На современном этапе развития общества цифровизация является неотъемлемой и прогрессивной составляющей любого развитого государства и государственное управление так же приобретает характерные черты сервисного государства, которое позволит совокупно решать проблемы граждан на базе суперсервисов, а также свести к минимуму участие государственных служащих в принятии важных решений по тому или иному вопросу и ликвидировать документы на бумажных носителях непосредственно при процессе предоставления услуг и при работе между ведомствами. Поэтому большое значение приобретает именно совершенствование информационно-телекоммуникационных сетей, образование различных информационных систем, детальная проработка технических устройств, приспособленных для хранения, обработки и передачи соответствующей информации [Соловьева 2019]. Стоит отметить, что данная задача является достаточно сложной, поэтому российское законодательство должно приспосабливаться к нарастающим темпам развития информационных систем и технологий. Проблема отсутствия суперсервисов в России состоит в том, что в настоящее время автоматизированные информационные системы слабо интегрированы между собой, что, в свою очередь, ведет к несоответствию и расхождению в данных.

Сегодня под суперсервисами понимается новый вид технологических услуг, способных легко оформить определенные документы, получить страховые возмещения, пособия, прикрепиться к нужной поликлинике и в случае дорожно-транспортного происшествия направление на ремонт можно будет оформить без посещения компании по страхованию, а также поступать в высшее учебное заведение без непосредственного его посещения. Все это позволит экономить огромное количество времени и денег.

Развитые страны уже давно работают с этой системой и активно ведут работу в этой сфере. Например, в Европейском союзе действует EU eGovernment Action Plan 2016-2020, который создан улучшить работу государственных органов, используя при этом основные и самые значимые цифровые инструменты поддержки, проводить взаимодействие между гражданами государства и администрацией на цифровом уровне, а также предприятиями для предоставления специализированных и высококачественных услуг. Планируется, что ежегодная экономия стран Европейского союза от данной программы составит до 5 млрд долларов США. Аналогичная ситуация происходит и в Дании, в настоящее время там каждый гражданин и каждый бизнес имеет свой личный кабинет, где происходит взаимодействие между государственными органами в режиме онлайн. Стоит отметить, что все органы государственного управления и муниципалитеты связаны в единую сеть, которая способствует взаимодействию со всеми учреждениями с помощью единого личного кабинета, причем, как бизнесу, так и гражданам и гражданам имеют свой цифровой паспорт, все это позволяет государству избавиться от затрат от 10 до 20 % [Банке... URL]. Кроме того, цифровое правительство в Великобритании доказало свою эффективность и согласно отчету, определено, что цифровые транзакции приблизительно в 20 раз дешевле телефонных, в 30 раз – почтовых и в 50 раз – очных [Цифровое правительство 2020].

В Российской Федерации создано множество автоматизированных информационных систем, которые огромны по своим масштабам и на обслуживание и содержание данных систем государство ежегодно тратит около 30 млрд рублей [10 самых дорогих ИТ-систем... URL]. К данным системам можно отнести автоматизированные информационные системы пенсионного фонда России (ПФР), инфраструктуру электронного правительства (ИЭП), информацион-

но-вычислительная система Росстата (ИВС Росстата), автоматизированная система федерального казначейства (АСФК) и другие.

Автоматизированные информационные системы слабо интегрированы между собой, что, в свою очередь, ведет к несоответствию и расхождению в данных, а также к созданию новых, дополнительных подобных систем, которые способны выполнять только узкоспециализированные функции. Для решения данной проблемы следует выстроить план по развитию единой системы по объединению всех сайтов, официальных-информационно-сервисных интернет-порталов и интернет-приложений органов государственной власти, а также создание цифровой платформы юридически значимого электронного документооборота. Предполагается также создание и развитие национальной системы управления информацией. Государственная закупка на реализацию приведенных планов может осуществляться в рамках 44-ФЗ.

Для перехода к совершенно новой, стабильной и качественной системе управления в рамках государства в Российской Федерации потребуются большие ресурсы, поскольку процесс достаточно затратный и сложный, но он нужен государству для того, чтобы не отставать от развитых стран. Государство с помощью цифровизации сможет создать такие условия, способные обеспечить бизнесу снижение затрат и административных барьеров, а также показать скорость оказания услуг, их качество, комплексность обслуживания и электронный документооборот путем принятия нормативного-правового акта об использовании информационной системы федеральным органом исполнительной власти. Стоит отметить, что требуется также внести поправки в ст. 13.11 КоАП, которые предполагали бы нарушение за утечку данных пользователей супер-сервисов и несение ответственности за ненадлежащее оказание услуг.

ЛИТЕРАТУРА

10 самых дорогих ИТ-систем в госсекторе России сегодня [электронный ресурс] // URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения 15.03.2020).

Банке Б., Бутенко В., Мишенина Д., Полунин К., Степаненко А., Сычева Е. Россия онлайн: четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике [электронный ресурс] // URL: http://imagesrc.bcg.com/Images/Russia-Online_tcm27%E2%80%9393178074.pdf (дата обращения 15.03.2020).

Соловьева В. В., Гидзева С.Х. Цифровая судебная система: за и против // Актуальные проблемы развития правовой системы в цифровую эпоху (Самара, 03 декабря 2019 г.). Самара, 2019.

Цифровое правительство 2020: перспективы для России [электронный ресурс] // URL: <http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS> (дата обращения 15.03.2020).

Хоменко Анна Юрьевна
НИУ «Высшая школа экономики»
Зиновьев Дмитрий Евгеньевич
Цыганов Андрей Алексеевич
Жукова Валерия Валерьевна
ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН»

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ВЗГЛЯД ЭКСПЕРТА

***Аннотация.** В статье представлен параметризованный ряд технических, процессуальных и гносеологических неточностей, встречающихся в документах о*

назначении фоноскопической (фонографической) экспертизы. Для каждого вида неточностей авторы приводят способы их устранения на этапе назначения и/или производства экспертизы. В статье речь пойдет о том, как в случае наличия в постановлении или определении органа или лица, назначившего экспертизу, ошибки следует вести себя эксперту, какие процессуальные действия предпринимать и как взаимодействовать с ведомственными органами.

Ключевые слова: фоноскопическая экспертиза, судебная экспертиза.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-31-27001 (19-312-90022).

Криминалистическая экспертиза звукозаписей – это «исследование магнитных или каких-либо других записей звука с целью установления фактов, имеющих доказательственное значение, и составление по данным указанного исследования экспертного заключения для использования последнего в судопроизводстве» [Каганов 2005: 6]. Данный вид экспертизы в ведомственных документах называется также экспертизой фоноскопической [Приказ от 27 декабря 2012 года N 237]. Объектом фоноскопической экспертизы являются аудио- или видеофайлы, зафиксированные на различных носителях (в современном обществе это чаще всего оптические диски и флеш-носители) и почти всегда содержащие звучащую речь. Предметом исследования данного вида экспертиз является информация, которую можно вычлениить из звучащей речи и акустической обстановки, а также условия записи файлов, отраженные в их метаданных.

В силу сложности и многомерности объектов исследования, их частой отнесенности к цифровой сфере, а также специфики предмета исследования при назначении фоноскопических экспертиз компетентные органы и их представители нередко допускают ошибки и неточности, которые могут привести к признанию заключения эксперта недопустимым доказательством и с которыми, как правило, приходится в дальнейшем справляться эксперту. В настоящем исследовании будут приведены некоторые типичные ошибки следователей и судей, имеющие место при назначении экспертизы звукозаписи, а также будут показаны алгоритмы, которые следует использовать эксперту при работе с такими постановлениями и определениями.

Многие из приведенных ниже ошибок могут быть характерны не только для назначения фоноскопических или видеофонографических экспертиз, но и для иных видов криминалистических исследований. Тем не менее именно фоноскопия первой после компьютерно-технической экспертизы перешла на исследование в подавляющем числе именно цифровых объектов, что делает ее одной из прототипических для рассмотрения ошибок, связанных с такого рода объектами. Каковы же эти ошибки?

Имеют место случаи, когда представитель органа, назначившего экспертизу, неверно указывает формат оптического диска, содержащего объекты исследования: CD-RW вместо CD-R (CD+R), DVD-R вместо CD-R и т. п. Эта незначительная на первый взгляд ошибка вполне может повлечь признание заключения эксперта недопустимым доказательством из-за несоответствия данных в нем действительности. Эксперты при проведении внешнего осмотра устанавливают истинный формат представленных дисков, обращая на это внимание в тексте заключения, опираясь на:

- общее количество предоставленных объектов на экспертизу;
- наличие исследуемых файлов, указанных в постановлении, на оптических дисках;
- инвентарные номера (идентификационные, фабричные и т.д.).

Часто в постановлениях и определениях о назначении фоноскопической экспертизы встречаются опечатки или ошибки в форматах файлов. Речь идет о том, что любой файл, текстовый, звуковой или иной, имеет свой формат: *.png, *.jpg для рисунков; *.MTS, *.MPЕG-4 для видео, *.wav, *.mp3 для аудио. Название любого файла представляет собой его наименование и формат через точку: «***Ноябрь.wav». Если формат отсутствует: «***Ноябрь», - или ука-

зан неверно: «***Ноябрь.mp5», - это является грубой ошибкой, причем не технического толка. Неточности в форматах файлов наряду с таковыми в наименованиях файлов («***Январь.wav» вместо «***Ноябрь.wav») также могут повлечь за собой признание заключения недопустимым доказательством из-за несоответствия имени файла действительности.

В случае наличия ошибок в имени файла при проведении внешнего осмотра эксперты, используя информацию из постановления и метаинформацию объектов исследования, устанавливают истинные названия исследуемых файлов. Например, сопоставляют продолжительности, размеры файла, схожесть имен файлов из постановления и имен файлов, зафиксированных на представленных дисках или флеш-картах (накопителях). Если сделать это не представляется возможным или подобный анализ не даёт результатов, органу, назначившему экспертизу, направляется ходатайство об уточнении объектов исследования. Тот же алгоритм действий используют эксперты в случае разночтений в количестве действительно предоставленных для исследования на носителях информации файлов и количестве файлов, указанном в постановлении или определении. Например, на диске зафиксировано 16 файлов, в постановлении имеется следующий текст: «установить дословное содержание разговора, представленного на экспертное исследование в 17 (семнадцать) фонограммах, зафиксированных на рабочем слое компакт-диска формата CD-R с инвентарным номером № 7*с, а именно...», - причем после приведенного фрагмента перечислено 16 файлов. В таком случае необходимо письменное уточнение реального количества исследуемых файлов от лица, назначившего экспертизу. Это уточнение чаще всего возможно только на этапе производства экспертизы.

Еще одной неточностью, которая может вызвать процессуальные последствия, является то, что в перечне предоставленных объектов перечисляются объекты, в действительности не предоставленные экспертам. Читаем в постановлении: «компакт-диски №№ 521, 542, 546, 540, 529, 530, 4, 2810, 545, 2815, 2811, 2812, 544, 532, 539, 528, 2813, 523, 2814, 549, 547, 533, 541, 548, 531, 2766». Диски с номерами 548, 531, 2766 фактически не были предоставлены на исследование. Тем не менее постановлением документально зафиксировано их наличие у экспертов. При условии, что эксперты не будут их исследовать (а они, конечно, не будут, поскольку это не представляется возможным), конечное заключение может быть оспорено по причине неполноты и невсесторонности исследования (нарушение ст.8 Федеральный закон от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ). В данном случае для соблюдения всех процессуальных догм эксперту следует обратиться к органу или лицу, назначившему исследование, с ходатайством об уточнении объектов исследования. Указанный вид ошибок часто встречается при назначении экспертиз с большим количеством объектов исследования (в приведенном примере число объектов было более 23). В подобных ситуациях эксперт обязан методично и скрупулезно работать с материалом постановления и самими объектами, дабы избежать будущих негативных последствий.

Существует еще ряд ошибок, уже не связанных собственно с цифровыми и нецифровыми объектами исследования, но также имеющих техническую подоплеку и могущих повлечь негативные процессуальные последствия как для органа, назначившего экспертизу, так и для эксперта. К таким техническим неточностям относятся, например, опечатки в номере уголовного дела или фамилии лица, речь которого представлена на анализ. Читаем в постановлении: в начале документа – «Принадлежит ли голос и звучащая речь на предоставленных на экспертное исследование фонограммах, зафиксированных на рабочем слое компакт-диска в файлах, изложенных в первом вопросе настоящего постановления Калантрова Р*** М*** оглы?»; в конце документа – «Предоставить в распоряжение эксперта материалы: Компакт-диск формата CD-R, содержащий образцы голоса Калантарова Р*** М*** оглы, полученные 0*.1*.201* в ходе изъятия образцов для сравнительного исследования». Любой специалист в области языка понимает, что даже отсутствие одной буквы в фамилии (или замена одной цифра в номере уголовного дела) придает содержанию разное значение и смысл, маркирует разный референт. Так, в приведенном примере, исходя из репрезентированного речевого материала, следователь задает

вопрос о принадлежности голоса и звучащей речи одному человеку, а образцы для сравнения предоставляет другого лица. Сходная ситуация может сложиться, если в постановлении или определении указан один номер дела, а дело фактически предоставлено с другим номером. То есть эксперт, по сути, может изучать обстоятельства совершенного другого дела и этот материал может стать решающим при формировании выводов.

В данном случае техническая ошибка перестает быть таковой, становясь уже процессуальной, значительно более грубой. То же происходит с ошибками, приведенными выше: неточности, имеющие техническую подоплеку, перестают быть просто техническими ошибками; они становятся ошибками процессуального характера, а значит, могут повлечь тяжелые процессуальные последствия.

Естественно, любой практикующий эксперт понимает, что такие ошибки нередки и в подавляющем большинстве случаев носят именно технический характер, тем не менее чтобы обезопасить себя, сделать свое заключение соответствующим всем процессуальным нормам в таких случаях однозначно необходимо обращаться к лицу или органу, назначившему экспертизу, с просьбой внесения изменений в постановление или определение, причем желательно на этапе подготовки к назначению или назначения экспертизы, а не на этапе ее производства, поскольку работать по документам с такими ошибками небезопасно, причем в первую очередь для эксперта. Тот же принцип должен действовать для эксперта, если в постановлении или определении есть опечатка в названии организации, в которую назначена экспертиза: «АНО «Центр экспертизы и оценки «ЕСЕН» вместо «АНО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН».

Следующая неточность, нередко встречающаяся в документах о назначении экспертизы, носит сугубо процессуальный характер. Это одновременное указание информации о разъяснении прав и обязанностей экспертам следователем/судьей и о поручении данного действия руководителю организации. Оба варианта разъяснения прав и обязанностей возможны: лицо, назначившее экспертизу, может разъяснить эксперту права и обязанности самостоятельно и отобразить об этом подписку, равно как может поручить это разъяснение руководителю организации, куда назначена экспертиза; эта информация тоже отражается в подписке. Тем не менее одновременно два этих процессуальных действия невозможны, то есть следующего текста в документе о назначении экспертизы быть не должно:

«Разъяснить экспертам права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, и предупредить их об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения.

Поручить: Директору ООО «Центр экспертизы и оценки «ЕСИН» Зиновьеву Д. Е. разъяснить эксперту права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, и предупредить его об уголовной ответственности в соответствии со ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения».

В этом случае от следователя или судьи тоже необходимо требовать внесения изменений в документ о назначении экспертизы (причем также желательно на этапе подготовки к назначению или назначения), иначе при составлении подписки эксперт не сможет достоверно указать, кто же разъяснял ему права и обязанности: следователь в постановлении или руководитель устно. Исходя из того, что подписка эксперта имеет колоссальное значение как процессуальный документ, неточности в ней могут повлечь признание всего процесса проведения экспертизы нелегитимным, а ее результата – заключения – недопустимым доказательством.

После рассмотрения ошибок, которые могут иметь место при назначении многих видов экспертиз, оперирующих дигитальными и нецифровыми объектами исследования, хотелось бы уделить внимание более специфическим для назначения фоноскопической экспертизы проблемам.

В данном блоке будут приведены ошибки правоприменителей, основанные, в первую очередь, на гносеологическом непонимании сути объектов фоноскопии. Такой базис имеет, напри-

мер, неверное присвоение экспертизе наименования фоноскопической. «Судебная фоноскопическая экспертиза – это предусмотренное законодательством процессуальное действие, объектами исследования которого являются как звуковая и речевая информация, зафиксированная на фонограммах, так и сами фонограммы» [Хоменко, Зиновьев, Цыганов и др., 2014: 404]. Тем не менее не вся аудиоинформация, зафиксированная на фонограмме, может относиться к предмету анализа фоноскопии. Предметом фоноскопической экспертизы является установление принадлежности звучащей речи конкретному лицу, установление наличие/отсутствия признаков монтажа, определение средств и условий аудиозаписи, описание акустической среды. Вопросы, связанные с содержанием того, что говорит диктор на фонограмме, с тем, что он под этим подразумевает, в какие коммуникативные отношения вступает, не относятся к сфере фоноскопии. На вопросы такого рода должна отвечать экспертиза лингвистическая экспертиза, интерпретирующая языковой знак и речевую его экспликацию. Так, нельзя называть фоноскопической экспертизу, в которой задается, например, вопрос: «Какова тематика разговоров, зафиксированных на рабочем слое компакт-диска CD-R (инв. № 2/0***1) в файле «201*-0*-1*_1*.2*.2*-7***835-7***266150.wav»?». Такого рода вопросы должны задаваться в рамках лингвистической экспертизы, проводимой специалистами в области языка. Если такой вопрос соседствует с вопросами, напрямую относящимися к фоноскопии, например, «Принадлежит ли голос и звучащая речь на представленных на экспертное исследование фонограммах, зафиксированных на рабочем слое компакт-диска CD-R (инв. № 2/0***1) в файле «201*-0*-1*_1*.2*.2*-7***835-7***266150.wav», - гр. А***у Дмитрию Ивановичу?», - то экспертиза должна быть комплексной лингвистической и фоноскопической и проводится экспертами разных специальностей. Если эксперты отвечают на первый вопрос из примера в рамках комиссионной фоноскопической экспертизы, это является выходом за пределы их компетенции, поскольку, даже обладая знаниями в лингвистике, эксперт-фоноскопист процессуально является при проведении фоноскопии лицом, применяющим знания в области анализа звукозаписей, а не продуктов речевой деятельности. Так, эксперт при получении постановления с неверным наименованием экспертизы обязан уведомить об этом лицо, назначившее экспертизу. Компетентный орган или лицо должны принять решение: убрать вопросы, выходящие за пределы компетенции эксперта-фоноскописта, из документа о назначении экспертизы и оставить экспертизу собственно фоноскопической; оставить вопросы, выходящие за пределы компетенции эксперта-фоноскописта, и в этом случае назначить комплексную фоноскопическую и лингвистическую экспертизу; назначить двумя разными документами а) фоноскопическую экспертизу по вопросам, входящим в компетенцию фоноскопистов, б) лингвистическую экспертизу с соответствующими вопросами.

Гносеологическую природу, связанную с непониманием объектов и предмета фоноскопической экспертизы, также имеет постановка вопросов, выходящих за пределы компетенции фоноскопистов (и даже лингвистов, если они обладают познаниями не только в фоноскопии, но и в лингвистике). Этой теме посвящено немало научных исследований (например, [Галяшина, Хуртилов 2005]), она обширна и требует глубокого освещения, не являющегося целью настоящей статьи. В любом случае при виде вопроса, выходящего за пределы экспертной компетенции, фоноскопист должен действовать в соответствии с нормами законодательства. Так, исходя из него заключение должно содержать в себе «вопросы, поставленные перед экспертом» (ст.25 ФЗ-73, ст.86 ГПК, ст.204 УПК), тем не менее после упоминания этих вопросов в той редакции, которая имеет место в постановлении или определении, эксперт может воспользоваться положениями ст. 41, 8, 16 Федерального закона N73-ФЗ, ст. 85 ГПК РФ, ст. 57 УПК РФ и изменить редакцию вопрос на соответствующую своей компетенции как специалиста в области фоноскопии [Хоменко, 2019: 123] или отказаться на них отвечать. В случае отказа отвечать на вопросы, выходящие за пределы компетенции фоноскописта, последний должен составить мотивированное ходатайство об удалении данных вопросов из постановления или определения. Если ходатайство эксперта не удовлетворено (такое бывает и нередко, поскольку зачастую следователь или

судья уже ознакомил участников делопроизводства с постановлением или определением, что делает невозможным внесение в него изменений; иногда участники процесса настаивают на постановке определенных вопросов, а лицо, назначающее экспертизу, не может им мотивированно возразить), эксперт должен поместить информацию о том, почему он не станет отвечать на вопросы, выходящие за пределы его компетенции, во вводную часть заключения и отвечать лишь на вопросы, находящиеся в его профессиональном поле.

Особым вниманием в свете рассмотрения аутентичных проблем, связанных с экспертизой аудиозаписей, следует отметить отсутствие в постановлении или определении о назначении экспертизы и сопроводительных документах к нему информации для отождествления объекта исследования, чаще всего голоса исследуемого лица. Так, возможна ситуация, когда на сравнительных образцах для исследования диктор не представляется, а следователь или судья не указывает, с какой секунды интересующих диктор начинает говорить, не сообщает и иных мета-данных говорящего лица, речь которого должна явиться объектом исследования. В таких ситуациях эксперт не имеет возможности установить, с чьей речью следует сравнивать речевой материал на спорных фонограммах. Безусловно, невозможность установления этого факта релевантна в первую очередь для образцов, на которых записаны два или более голоса (обычно речь следователя или дознавателя и иного лица), но с процессуальной точки зрения она может появиться и в ситуации, когда на образцах зафиксирована речь одного лица при условии отсутствия какой бы то ни было метаинформации, идентифицирующей это лицо (ФИО, данные паспорта и пр.), в его речи.

Итак, если на образцах присутствуют (они произнесены вслух диктором) сведения, которые могут считаться персональными данными лица (ФИО, дата и место рождения и пр.), речь которого зафиксирована на фонограмме, и эти сведения сопоставимы с информацией, присутствующей в документе о назначении экспертизы, специалист может ими пользоваться для определения объекта исследования. Если же эти сведения никак не репрезентированы в речевом материале на образцах, а лицо, назначившее экспертизу, не предоставляет иной информации для отождествления объекта исследования как интересующего эксперта (не пишет о том, с какой секунды начинается речь диктора, не приводит сведений о том, какой контент она содержит и пр.), эксперт должен ходатайствовать об уточнении объектов исследования. В ином случае вся экспертиза будет иметь нелегитимный характер и может быть оспорена в ходе судебного делопроизводства. Лицо или орган, назначивший экспертизу, в свою очередь, должен уточнить объект следующим образом: первоначально в постановлении – «Предоставить в распоряжение эксперта материалы: опечатанный конверт с компакт-диском № 9*0, на котором записаны образцы голоса (речи) Ат***ва Э.И.о., Ис***ва А.З.о.»; после уточнения объектов: «Предоставить в распоряжение эксперта материалы: опечатанный конверт с компакт-диском № 9*0, на котором записаны образцы голоса (речи) Ат***ва Э.И.о. в файле «12**.wav» с 06 мин 24 сек по 17 мин 15 сек от начала записи и Ис***ва А.З.о. в файле «12**.wav» с 18 мин 35 сек по 36 мин 20 сек от начала записи». Естественно, данные изменения могут быть внесены только после начала производства исследования, поскольку эксперту необходимо ознакомиться с его объектами, дабы выявить проблему при ее наличии.

Итак, в настоящей статье представлен ряд неточностей разного рода, встречающихся в документах о назначении фоноскопической (фонографической). Эти неточности могут быть типологически классифицированы следующим образом:

1) технические неточности, становящиеся процессуальными ошибками (неверные поименования объектов исследования и прочей информации, содержащейся в документе о назначении экспертизы);

2) собственно процессуальные ошибки (неверный способ разъяснения эксперту прав и обязанностей, постановка перед экспертом вопросов, выходящих за пределы его (эксперта) компетенции);

3) ошибки гносеологического свойства, связанные с непониманием лицами и органами, назначающими экспертизу, сути объектов и предмета фоноскопической экспертизы.

Использование экспертом документов о назначении экспертизы, содержащих любую из ошибок, перечисленных выше, может грозить серьезными негативными процессуальными последствиями вплоть до признания заключения эксперта недопустимым доказательством. Для каждого вида неточностей авторы приводят алгоритм, который поможет эксперту устранить эти неточности на разных этапах, начиная с момента подготовки к назначению экспертизы и заканчивая этапом ее производства.

ЛИТЕРАТУРА

Галяшина Е. И., Хуртилов В. О. *Фоноскопия: Пособие*. М.: ЭКЦ МВД России, 2005. 96 с.

Каганов А. Ш. *Криминалистическая экспертиза звукозаписей*. М.: Юрлитинформ, 2005. 272 с.

Хоменко А. Ю., Зиновьев Д. Е., Цыганов А. А., Калинина В. В. *Многообъектные исследования в судебной фоноскопической экспертизе // Язык. Право. Общество: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Издательство ПГУ, 2014. Гл. 69. С. 404-417.*

Хоменко А. Ю. *Пределы компетенции эксперта-лингвиста в рамках рассмотрения дел по ст. 152 ГК РФ и ст. 1281 УК РФ // В кн.: Допрос в юриспруденции и юридической лингвистике+. СПб. : ИД "Петрополис 2019. С. 120-124.*

Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ, URL: <http://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 03.03.2020).

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ, URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 03.03.2020).

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ, URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 03.03.2020).

Приказ от 27 декабря 2012 года N 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» (с изменениями на 13 сентября 2018 года). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 03.03.2020).

Хомякова Маргарита Александровна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

КОРРЕЛЯЦИЯ ПОСМЕРТНОЙ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ОСКОРБЛЕНИЯ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ

***Аннотация.** В статье рассматривается соотношение положений российского законодательства о посмертной трансплантации органов и тканей человека: презумпции согласия на данную медицинскую манипуляцию и положений ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за оскорбление чувств верующих.*

Автор рассматривает отношения представителей различных религиозных конфессий к посмертной трансплантации органов и тканей человека, изучено опре-

деление понятия «оскорбление чувств верующих» в российском законодательстве. В ходе разбора состава ст. 148 УК РФ, автором сделан вывод о не криминальности презумпции на согласие посмертной трансплантации органов и тканей человека.

Ключевые слова: трансплантация, трансплантология, оскорбление чувств верующих, донорство, посмертное изъятие органов и тканей человека.

Правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека играет важную роль в развитии права в современном мире, поскольку данное относительно молодое медицинское направление позволяет спасти множество жизней. Однако до сих пор подобные операции, несмотря на свою безусловную полезность, вызывают неоднозначную реакцию у некоторых слоев населения. Целью любого правоведа является достижение метабезопасности как атрибута государства, особенно это важно в современных непростых условиях. Говоря о внутренней безопасности государства с точки зрения уголовного права и процесса, следует не только выявлять и искоренять преступные деяния, но и не привлекать к ответственности невиновных, действующих в благих целях, чьи действия могут быть расценены неоднозначно некоторыми группами лиц. Трансплантационные операции попадают под данное описание, особенно если рассматривать их в соотношении с религией.

Российское законодательство предусматривает презумпцию на согласие посмертного изъятия органов и тканей человека для донорских целей. Иными словами, если человек при жизни не оставил прямого запрета на подобные трансплантологические манипуляции, а его близкие после его кончины также не выразили подобного запрета, то после смерти человека, пока его органы и ткани не утратили своей жизнеспособности, они могут быть изъяты для дальнейшей трансплантации реципиенту. Данное положение закреплено в ст. 8 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Несмотря на несогласие некоторых граждан Российской Федерации с указанной нормой, Конституционный Суд Российской Федерации её поддерживал (например в Определении Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»). Следует признать, что несовершенство законодательства, в том числе и уголовного, вызывает массу дискуссий относительно безнаказанности посмертного изъятия органов и тканей человека в криминальных целях [Гришин, Хомякова 2018].

В Конституции Российской Федерации закреплено право на свободу совести и вероисповедания, значительная часть граждан России являются верующими. Отношения у религии к трансплантации органов и тканей человека неоднозначное. Так Папа Римский Иоанн Павел II сказал: «Не забирайте свои органы с собой на небо. Там знают, что в них нуждаются на земле». Русская Православная Церковь поддерживает важность трансплантации органов и тканей человека, однако осуждает презумпцию согласия, указанную в ст. 8 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Мусульмане более негативно относятся к подобному явлению [Капитонова, Романовская, Романовский 2016]. Среди населения Российской Федерации присутствуют представители всех указанных конфессий. Иными словами, презумпция согласия на изъятие органов и тканей человека будет воспринята положительно католиками, но может оскорбить религиозные чувства правоверных православных христиан и правоверных мусульман.

Следует отметить, что в российском законодательстве нет определения понятия «чувства верующих», как и понятия «оскорбление чувств верующих», однако соответствующая терминология зачастую используется как в нормативных актах, так и в научной и учебной литературе [Федотова 2017: 23-24]. Оценочные, абстрактные понятия в уголовном законе вызывают сложности у правоприменителя [Хомякова 2019: 441].

В частности ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее в тексте – УК РФ) предусматривает ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих.

Федеральный закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека носит публичный характер. Является ли его принятие, а также соответствие его нормам оскорблением чувств верующих, учитывая, что ряд конфессий неодобрительно относится к отдельным видам трансплантации органов и тканей человека? Следует ли привлечь к ответственности законодателя, принявшего данный нормативный правовой акт и медиков, действующих в соответствии с указанными положениями? Вообще, как отмечается в научной литературе, статья 148 УК РФ трудно применима, поскольку в диспозиции данной нормы содержатся оценочные понятия, отсутствует единообразная практика применения данной нормы, в законе не прописано, какие именно религиозные чувства (во множественном числе) имеются в виду [Федотова 2016: 64].

Тем не менее, попробуем разобраться с точки зрения уголовного законодательства данную дилемму. В диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ указан факультативный признак субъективной стороны состава, который обязательно должен присутствовать для квалификации деяния по указанной норме. Речь идет о цели: согласно букве закона, публичные деяния должны быть направлены именно на оскорбление чувств верующих. Презумпция же согласия на посмертное изъятие органов и тканей человека была узаконена с целью спасения жизни реципиента, то есть человека, нуждающегося в донорском органе. Данная позиция подтверждена Конституционным Судом Российской Федерации.

Так же примем во внимание тот факт, что уголовный закон по общему правилу не имеет обратной силы [Бриллиантов, Иванова 2018: 6]. Закон «О трансплантации органов и (или) тканей человека» вступил в силу в 1992 году, в то время как действующий УК РФ вступил в силу в 1996 году, а статья 148 УК РФ в том виде, в котором она есть сегодня, была принята в 2013 году в соответствии с Федеральным законом от 29.06.2013 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан». Соответственно, при принятии нормативного правового акта, регулирующего отношения в области трансплантологии, действия законодателя не могли быть квалифицированы как преступные, поскольку в системе российского права не было соответствующей нормы.

Итак, подводя итоги сказанному, можно сделать вывод о том, что несмотря на неодобрение представителями различных религиозных конфессий российского трансплантационного законодательства, легальная трансплантология в России не может быть признана деянием, оскорбляющим чувства верующих.

ЛИТЕРАТУРА

Бриллиантов А. В., Иванова Я. Е. *Уголовное право России в схемах и определениях: учеб. Пособие.* М.: Проспект, 2018.

Гришин Д. А., Хомякова М. А. *Криминальная трансплантация и коллизии российского законодательства // Российское право: образование, практика, наука.* 2018. № 2. С. 22-27.

Капитонова Е. А., Романовская О. В., Романовский Г. Б. *Правовое регулирование трансплантологии: монография.* М.: Проспект, 2016.

О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: Федеральный закон от 29.06.2013 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 01.07.2013, № 26, ст. 3209

О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 // Ведомости СНД и ВС РФ, 14.01.1993, № 2, ст. 62.

Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и

(или) тканей человека»: Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 459-О // Вестник Конституционного Суда РФ, № 3, 2004

Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954

Федотова Ю. Е. Оскорбление религиозных чувств верующих: проблемы применения статьи 148 УК РФ // Российское право: образование, практика, наука. 2016. С. 64-66.

Федотова Ю. Е. Проблемы определения понятия «религия» и смежных с ним в российском законодательстве // Российский юридический журнал. 2017. № 4. С. 23-27.

Хомякова М. А. «Надругательство над телами умерших» как оценочное понятия в уголовном законе // Эволюция российского права: Материалы XVII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет. 2019. С. 441-442.

Чельшева Наталья Юрьевна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕНОВАЦИИ ЖИЛИЩНОГО ФОНДА В РОССИИ

***Аннотация.** В статье дано определение реновации как основания принудительного прекращения права собственности на жилое помещение. Кроме того, автором сформулированы собственные предложения по принятию рамочного закона о реновации, определяющего процедуру реновации, включая порядок предоставления гражданам другого жилого помещения; а также состав денежной компенсации, подлежащей выплате собственнику.*

***Ключевые слова:** реновация, принудительный выкуп, убытки, вред, причинённый правомерными действиями, неприкосновенность права собственности.*

Основная масса жилищного фонда РФ построена во второй половине прошлого века, а, значит, большинству домов необходим либо капитальный ремонт, либо реконструкция. В связи с этим в крупных городах России, особенно в Москве становится актуальным вопрос реновации жилищного фонда, сопровождаемый, помимо прочего, принудительным изъятием жилых помещений у граждан – собственников. При этом в ст. 25 и 35 Конституции Российской Федерации закреплены такие основополагающие нормы, как право на жилище и неприкосновенность права частной собственности. В свою очередь, в действующем законодательстве нет упоминаний о том, что имущество граждан, включенных в программу реновации, будет изыматься для государственных и муниципальных нужд. В связи с этим, появляется неопределенность в том, под какой вид оснований прекращения права собственности из указанных в Гражданском Кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) будет подходить реновация жилищного фонда Российской Федерации. Ведь не всегда она может проходить в добровольном порядке. Зачастую жильцы дома, включенного в программу реновации, могут быть не согласны переезжать из привычного жилья. Кроме того, законодательство не содержит указаний на то, как и когда можно оспорить решение о включении дома в программу реновации. Следовательно, возникает вопрос о том, в каком порядке могут быть защищены права граждан в случае противоречия предстоящей реновации их правам и охраняемым законом интересам: путем обжалования в суде решения общего собрания собственников многоквартирного дома, принявшего решение о включении такого дома в программу реновации; либо путём обжалования уполномоченных органов власти, принявших решение о включении жилых домов в программу реновации.

В различных источниках можно увидеть многообразие толкования понятия реновация. Так, Закон РФ № 4802-1 определяет реновацию жилищного фонда как совокупность мероприятий, выполняемых в соответствии с программой реновации жилищного фонда в городе Москве, направленных на обновление среды жизнедеятельности и создание благоприятных условий проживания граждан, общественного пространства в целях предотвращения роста аварийного жилищного фонда в городе Москве, обеспечения развития жилых территорий и их благоустройства (программа реновации устанавливает очередность сноса многоквартирных домов, включенных в программу реновации, очередность сноса указанных многоквартирных домов определяется с учетом их технического состояния). Постановление Правительства Москвы «О Программе реновации жилищного фонда в городе Москве» от 1 августа 2017 года № 497-ПП рассматривает реновацию жилищного фонда как совокупность мероприятий, направленных на обновление среды жизнедеятельности и создание благоприятных условий проживания граждан, общественного пространства в целях предотвращения роста аварийного жилищного фонда в городе Москве, обеспечения развития жилых территорий и их благоустройства. В Проекте Федерального закона № 550294-7 «О реновации жилищного фонда в Российской Федерации» дается следующее понятие реновации жилищного фонда: реконструкция или снос, не подлежащих капитальному ремонту объектов жилищного фонда, и жилищное строительство на высвобождаемой территории с обеспечением территории реновации объектами коммунальной, транспортной, социальной инфраструктуры, а также проведением мероприятий по благоустройству жилых территорий.

В литературе отмечено, что использование иностранного термина «реновация» в российских реалиях не совсем уместно [Дауди 2017: 39–41]. Исходя из словарного определения, реновация, это – экономический процесс замещения выбывающих из производства, вследствие физического и морального износа машин, оборудования, инструмента, новыми основными средствами за счет средств амортизационного фонда.

Реновация, далеко не новшество в сфере жилищных правоотношений, а наоборот явление, достаточно широко распространенное в современном мире. За границей подобные программы называются redevelopment (англ. – «перестройка»). Что трактуется как институт, позволяющий улучшить городскую застройку путем преобразования объектов недвижимости в новых видах [Коновальчикова 2017: 35–37]. Таким образом, законодатель по – разному определяет понятие реновации жилищного фонда и в различных нормах нет единого понятия, которое бы было применимо в случае возникающих разногласий.

Необходимо признать, что реновация жилищного фонда имеет ряд общих признаков с иными формами принудительного отчуждения объектов права частной собственности в пользу публично-правовых образований. В настоящее время И. В. Аксюк относит к формам принудительного выкупа все случаи выкупа недвижимого имущества в общественных целях, не связанных с чрезвычайными обстоятельствами [Аксюк 2006: 38–44]. В частности необходимо отметить такие черты, объединяющие все предусмотренные в ГК РФ формы принудительного выкупа имущества частных лиц: публичный характер интереса, реализуемого посредством принудительного выкупа; принудительный характер отчуждения имущества у собственника; возмездность отчуждения имущества [Чельшева 2018: 71–80].

Нормативное основание реновации жилищного фонда должно быть регламентировано двумя правовыми актами: рамочным и специальным. Рамочный закон о реновации должен определить процедуру реновации; условия и порядок предоставления гражданам другого жилого помещения; а также состав денежной компенсации, подлежащей выплате собственнику. Специальный правовой акт представляет собой программу, утвержденную нормативно-правовым актом органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, применительно к конкретным объектам жилищного фонда, подлежащим реновации.

В соответствии с ч. 2 ст. 44 Жилищного Кодекса РФ принятие решение о включении многоквартирного дома в программу реновации следует отнести к исключительной компетенции общего собрания собственников многоквартирного дома. С одной стороны, это ускорит процесс улучшения жилищных условий граждан, проживающих в домах, фактически непригодных для проживания. С другой стороны, выражение инициативы о реновировании конкретных жилых домов их собственниками минимизирует возможные предъявления исков об оспаривании решения о реновации относительно тех домов, жильцы которых заинтересованы в сохранении текущего состояния жилых помещений.

Решение органа исполнительной власти о включении либо об отказе во включении конкретного жилого дома в программу реновации по своей правовой природе является ненормативным актом (действием) органа исполнительной власти. Следовательно, за заинтересованными лицами, в том числе собственниками жилых помещений и иными законными владельцами, законом должно быть закреплено право на оспаривание соответствующих решений в порядке главы 22 Кодекса Административного Судопроизводства РФ.

Исходя из нормы ст. 35 Конституции РФ во взаимосвязи с нормами Гражданского кодекса РФ о принудительном выкупе имущества для государственных и муниципальных нужд в ходе реализации процедуры реновации с каждым собственником жилого помещения должен быть заключен гражданско-правовой договор, предусматривающий передачу права собственности на жилое помещение в собственность публично-правового образования на возмездной основе. Примером подобного договора может служить мена жилого помещения, подлежащего реновации, на новое жилое помещение, предоставляемое гражданину. Споры, возникающие относительно условий данного договора, разрешаются судом.

Исходя из общих начал гражданского законодательства всё имущество, включая денежные выплаты, предоставляемое собственнику жилого помещения, подлежащего реновации, следует квалифицировать в качестве возмещения убытков. В целях реализации принципа равенства всех участников гражданских правоотношений перед законом собственнику, против своей воли утрачивающему конкретное имущество против своей воли, должны быть выплачены не только стоимость изымаемого имущества, но также и компенсация убытков, возникших в результате такой утраты. Сложность в данном случае может представлять размер упущенной выгоды собственников нежилых помещений в многоквартирном доме, одновременно утрачивающих и возможность осуществлять определённый вид предпринимательской деятельности.

В заключение следует отметить, что неудовлетворительное состояние жилищного фонда в Российской Федерации, изношенность основных конструктивных элементов и систем жилых домов, устаревшие технические характеристики, которые создают ряд неблагоприятных условий для граждан нашей страны, наталкивает на необходимость принятия решений, направленных на обновление жилищного фонда, повышение его комфортности и безопасности для проживания граждан. Реновация жилищного фонда позволяет наиболее эффективно решить эту задачу, так как действующие механизмы расселения аварийного жилищного фонда носят точечный характер, а не затрагивают весь спектр жилых домов, требующих обновления.

ЛИТЕРАТУРА

Аксюк И. В. Изъятие недвижимости как основание принудительного прекращения права собственности // Право и экономика. 2006. № 7. С. 38–44. С. 40.

Дауди Т. М. О некоторых проблемах правового регулирования реновации в городе Москве // Закон и право. 2017. № 9. С. 39–41.

Коновальчикова С. С. Реновация жилищного фонда опыт России и Германии // Градостроительное право. 2017. № 2 С. 35-37.

Чельшева Н. Ю. Понятие и место национализации в системе оснований принудительного выкупа имущества в современном гражданском праве России // Право и образование. 2018. №6.

Шешукова Анна Варисовна
Фаас Елизавета Станиславовна
Каюрова Есения Игоревна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
Научный руководитель – Жилиева Н.А.

К ВОПРОСУ О КОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемные вопросы противодействия коррупции, которые приобрели характер угрозы национальной безопасности, нормальному функционированию государства, а также эффективному развитию экономики.*

***Ключевые слова:** коррупция, противодействие коррупции, национальная безопасность, антикоррупционная политика.*

В современном мире коррупция является одной из главных проблем, которая препятствует эффективному развитию государства, а также несет угрозу в социальной сфере. Противодействие коррупции является приоритетной задачей государственной политики. Несмотря на все усилия и меры, которые принимает государство, коррупция является угрозой национальной безопасности страны. Она наносит существенный ущерб стабильности и безопасности общества, а также снижает потенциал развития страны в социально-экономической сфере.

Цель настоящей статьи – проанализировать уровень коррупции, а также изучить позицию гражданского общества и дать рекомендации по минимизированию данной проблемы.

В современной России имеется не мало проблем, мешающих стабильному росту и развитию экономики страны, обновлению и модернизации многих сфер. Основными из них являются усиление криминализации общества, экспортно-сырьевая ориентация экономики, высокая степень износа основных фондов, а также коррупция, о которой мы бы и хотели поговорить. Коррупция, как явление, появилась вместе со становлением первого государства и со временем лишь росла и приобретала новые масштабы. Современное определение звучит так: коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами⁵. Большинство стран мира столкнулось с данной проблемой, и Россия не исключение. На данный момент Россия находится на 144 месте из 180 в рейтинге государств по уровню коррупции и имеет 28 баллов в индексе восприятия коррупции, который составляет международная организация Transparency International⁴. Такой высокий уровень коррупции в стране, в первую очередь, наносит вред государственному устройству и всей системе правового регулирования, что усугубляет сложившуюся экономическую ситуацию. Кроме того, успешно внедрившиеся в повседневную жизнь человека коррупционные практики только увеличивают разрыв между государственной властью и населением, во благо которого должно действовать государство, учитывая нужды и интересы всех слоев населения страны.

Многие эксперты, которые изучают коррупцию считают, что органы власти принимают только точечные меры, а также локальные поправки к законодательству, которые не способны кардинально изменить ситуацию в нашей стране. Одним из экспертов является Антон Поминов – директор Центра «Transparency International». По его мнению, чтобы произошли реальные

изменения в стране, то необходимо «выстраивать инклюзивную систему согласования интересов общественных акторов, которая не позволит власти принимать необдуманные решения в интересах узкой группы лиц»⁴.

Исходя из всего вышесказанного, становится очевидно, что коррупция является одной из наиболее опасных угроз национальной безопасности. Это подтверждает пункт 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. №6832, в котором коррупция указана как одна из основных угроз государственной и общественной безопасности. Также в пункте 4 говорится о важности искоренения причин и условий, порождающих коррупцию, что подтверждает особое внимание к данной проблеме.

Таким образом, в последние годы применяется все больше новых мер в рамках антикоррупционной политики, а также происходит постепенное ужесточение законов. Нормативно-правовая база в сфере борьбы с коррупцией обширна: существует широкий перечень действующих Федеральных законов, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ и иных нормативно-правовых актов по вопросам противодействия коррупции, в т. ч. ведомственные нормативно-правовые акты. Однако, исходя из данных, указанных в отчетах Генеральной Прокуратуры РФ, не все законодательно принятые механизмы эффективны (рис. 1).

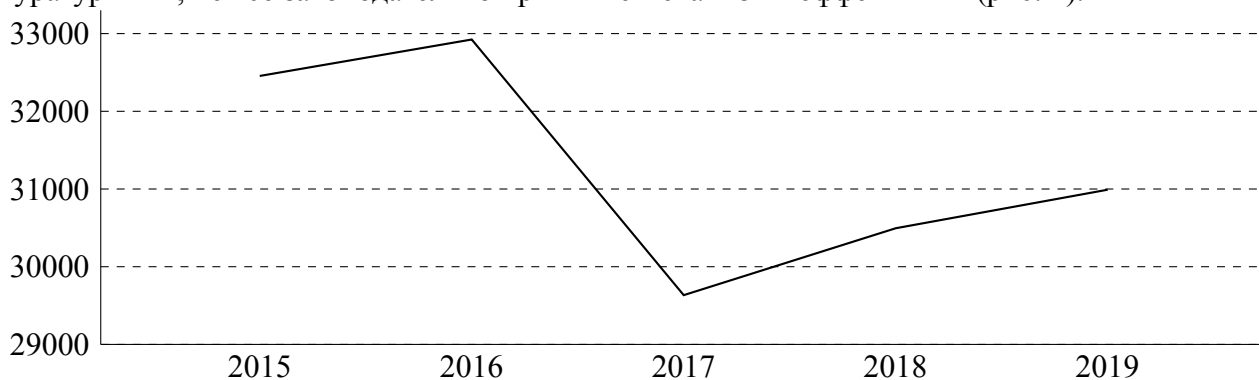

Рисунок 1 – Коррупционные преступления 2015–2019 гг. Источник: Состояние преступности в России. Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФЗ

Количество коррупционных преступлений остается на высоком уровне, и несмотря на то, что в 2017 году заметно снижение данных правонарушений, в последующие года наблюдается тенденция роста, что говорит о нестабильности применяемых мер и несистемном контроле за ситуацией. Данный график говорит об актуальности внедрения новых мер противодействия коррупции. Уровень коррупции остается на примерно одинаковом уровне (29–32 тысячи преступлений в год), что указывает на отсутствие мер предупреждения таких правонарушений.

Помимо приведённых выше статистических показателей, хотелось бы отдельно выделить отношение населения к рассматриваемой нами проблеме. Проведённое «Левада-центром»¹ исследование показало, что 74 % опрошенных негативно относятся к решению вопросов при помощи взяток, нейтрально относятся к даче взяток 25 % респондентов. Такие результаты говорят о том, что большинство населения осознает наличие такой острой проблеме как коррупция, и, вероятно, понимает те негативные последствия, которые она вызывает. Однако, учитывая то, что ежегодно количество коррупционных правонарушений остается на высоком уровне, общество никак не воздействует на данную ситуацию и осознание данной проблемы не влияет на ее. В России не сформирована нетерпимость к проявлениям коррупции.

Что касается проявления коррупции в органах государственной власти, то абсолютное большинство (89 %) считает недопустимой коррупцию во власти, обратной точки зрения придерживаются 5 %. Также по мнению 79 % жителей Российской Федерации коррупция полностью или в значительной мере поразила органы власти. Людей, считающих что органы власти поражены коррупцией незначительно – 13 %, а тех, кто считает, что в госаппарате коррупции нет – 1 %. Исходя из вышеперечисленного, можно отметить, что у населения отсутствует доверие к вла-

сти, поскольку общество считает, что органы власти реагируют на проявление коррупции не комплексными мероприятиями, а точно. К тому же это свидетельствует о недостаточной эффективности антикоррупционной политики в РФ, ведь годом ранее респондентов, считающих что органы власти полностью коррумпированы было на 3 % меньше.

Говоря о долгосрочных изменениях по данному вопросу 43 % опрошенных, считают, что ситуация с воровством и коррупцией в руководстве страны не изменилась по сравнению с началом 2000-х годов. Позитивные изменения заметили 15 % опрошенных, 31 % респондентов указал на увеличение числа подобных фактов, не смогли дать ответ 12 %. Эти данные говорят о стабильно высоком уровне коррупции на разных уровнях на протяжении многих лет. Граждане России периодически сталкиваются с различными ее проявлениями, не замечая никаких изменений и борьбы с ней. Более того, общество уже настолько привыкло к коррупционному механизму и взаимодействию с ним, что часть опрошенных не видит в коррупции проблем.

Подводя итог, можно сказать, что антикоррупционная политика действует, но слишком замедленными темпами, которые не позволяют стране развиваться и двигаться дальше во многих сферах. При нестабильном уменьшении коррупционных преступлений создаются условия, препятствующие эффективному развитию экономики страны, повышается уровень преступности и наносится большой ущерб безопасности общества. Данные явления значительно снижают уровень национальной безопасности страны. Для снижения коррупции необходимы усилия как государства, так и гражданского общества. Со стороны государства необходима не только эффективная борьба с последствиями, вызванными коррупционными правонарушениями, но и создание системы минимизации проявления коррупции. Со стороны гражданского общества необходимо формирование правового поведения граждан, нетерпимости к проявлению коррупции, повышение информированности населения об административной и уголовной ответственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аналитический центр Юрия Левады «Левада-Центр» [электронный ресурс] // Институциональная коррупция. URL: <https://www.levada.ru/2017/03/28/institutsionalnaya-korrupciya-i-lichnyj-opyt/> (дата обращения 14.03.2020)

2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 [электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 14.03.2020)

3. Состояние преступности в России. Официальный сайт Генеральной Прокуратуры [электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1773124/> (дата обращения 14.03.2020)

4. Центр антикоррупционных исследований «Трансперенси Интернешнл — Р». URL: <http://www.transparency.org/> (дата обращения: 14.03.2020)

5. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (последняя редакция) [электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения 14.03.2020)

Щукин Андрей Евгеньевич
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

**СОБЛЮДЕНИЕ И ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
НА ТЕРРИТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам регулирования общественных отношений в сфере соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина на территориях муниципальных образований. Особое внимание уделено проблеме взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина на территориях муниципальных образований. На основе анализа положений действующей Конституции Российской Федерации и законов Российской Федерации, делается вывод о том, что ограничение полномочий органов местного самоуправления приводит к потере связи между органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также создаются предпосылки к нарушению прав и свобод человека и гражданина на территории муниципального образования.*

***Ключевые слова:** права и свободы человека и гражданина, конституция, конституционное право, муниципальное право, органы государственной власти, органы местного самоуправления.*

В основах конституционного строя Конституции Российской Федерации установлено, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [ст. 2]. Данное положение обязывает государство признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина [ст. 2]. Несомненно, указанные в Конституции права и свободы, прежде всего, реализуются на территории муниципальных образований, одной из форм которой является осуществление охраны общественного порядка. Под общественным порядком, обычно, в научной литературе подразумевается «состояние урегулированности общественных отношений, основанное на реализации всех социальных норм и принципов» [Перевалов 2005: 269]. И как верно заметила Баглай М. В. «через права свободного человека складывается определенный общественный порядок: формы собственности, организация экономики, политическая система, социальные отношения и т.д.» [Баглай 2007: 18]. И в первую очередь, в рамках общественного порядка защите подлежат права и свободы человека и гражданина.

Данная концепция находит свое закрепление в части 1 статьи 132 Конституции РФ, однозначно указывающей на осуществление органами местного самоуправления на своей территории охраны общественного порядка. Таким образом, конституционное понятие «охрана общественного порядка» учитывая данную норму, на наш взгляд подразумевает реализацию функции органами местного самоуправления как по защите прав и свобод лиц проживающих на территории соответствующего муниципального образования, так и более широкие меры по обеспечению законности, правопорядка, общественной безопасности.

Данное положение нашло свое подтверждение в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в котором одним из вопросов местного значения является организация охраны общественного порядка на территории муниципального района [п. 8 ч. 1 ст. 15], а также на территории муниципального, городского округа [п. 9 ч. 1 ст. 16].

Однако, в настоящее время охрана общественного порядка осуществляется специальной системой правоохранительных органов, в состав, которой входит и полиция, являющаяся «составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел» [ч. 1 ст. 4]. В соответствии с частью 1 статьи 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» она предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, в том числе и путем осуществления охраны общественного порядка. Полиция в пределах своих полномочий оказывает содействие органам местного самоуправления и их должностным лицам в защите их прав [ч. 3 ст. 1]. В тоже время муниципальные органы и должностные лица должны оказывать содействие полиции при выполнении возложенных на нее обязанностей [ч. 4 ст. 10].

В рамках взаимодействия полиция обязана:

– при проведении на соответствующих территориях муниципальных образований собраний, митингов, демонстраций, шествий и других публичных мероприятий обеспечивать совместно с представителями, в том числе и органов местного самоуправления, безопасность граждан и общественный порядок [п. 6 ч. 1 ст. 12];

– принимать в соответствии с федеральным законом меры по пресечению в ходе избирательных кампаний, при подготовке и проведении референдумов противоречащей закону предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума, информировать избирательные комиссии, комиссии референдума о фактах выявленных нарушений и принятых в связи с этим мерах; предоставлять по запросам избирательных комиссий, комиссий референдума сведения о наличии неснятой или непогашенной судимости у лиц, являющихся кандидатами на должность Президента Российской Федерации, кандидатами в депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти, кандидатами на выборные должности местного самоуправления; осуществлять охрану помещений, где хранятся бюллетени для голосования на выборах, референдумах; участвовать в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка в помещениях для голосования и на территориях вокруг них; оказывать по запросам избирательных комиссий, комиссий референдума иное содействие в целях обеспечения беспрепятственного осуществления этими комиссиями полномочий, возложенных на них федеральным законом [п. 31 ч. 1 ст. 12];

– оказывать содействие государственным и муниципальным органам, депутатам законодательных (представительных) органов государственной власти, депутатам представительных органов муниципальных образований, зарегистрированным кандидатам на должность Президента Российской Федерации, зарегистрированным кандидатам в депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти, кандидатам на выборные должности местного самоуправления, должностным лицам, членам избирательных комиссий, комиссий референдума, представителям общественных объединений и организаций в осуществлении их законной деятельности, если им оказывается противодействие или угрожает опасность; информировать высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и выборных должностных лиц местного самоуправления (глав муниципальных образований) о состоянии правопорядка на соответствующей территории [п. 36 ч. 1 ст. 12];

– предоставлять по межведомственным запросам органов государственной власти, органов местного самоуправления, предоставляющих государственные или муниципальные услуги, сведения о наличии у лица непогашенной или неснятой судимости, если для предоставления государственной или муниципальной услуги предусмотрено предоставление таких сведений или документа, содержащего такие сведения, в указанные государственные органы или органы местного самоуправления [п. 39 ч. 1 ст. 12].

Органы местного самоуправления в соответствии с законодательством Российской Федерации вправе осуществлять по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъек-

тов Российской Федерации расходы на реализацию возложенных на полицию обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности [ч. 2 ст. 47]. Они обязаны предоставлять в пределах границ муниципальных образований сотруднику полиции, замещающему должность участкового уполномоченного полиции, помещения для работы на обслуживаемом административном участке [ч. 7 ст. 48].

Таким образом, органы местного самоуправления, взаимодействуя со специальными органами, осуществляющими свою правоохранительную деятельность на территории соответствующих муниципальных образованиях, тем самым только частично реализуют свою конституционную обязанность, предусмотренную частью 1 статьи 132 Конституции РФ. Непосредственную же охрану общественного порядка на территории муниципального образования органы местного самоуправления, согласно пункта 8 части 1 статьи 15 и пункта 9 части 1 статьи 16 Федерального закона № 131-ФЗ, должны осуществлять муниципальной милицией.

Следует заметить, что закон, определяющий порядок организации и деятельности муниципальной милиции, в настоящее время все еще не принят. Данный факт отсрочил вступление в силу вышеуказанного положения на неопределенный срок, до принятия соответствующего закона [абз. 2 ч. 3 ст. 83]. Проблема создания муниципальной милиции не раз обсуждалась в научных кругах. Тем не менее, законодатель кардинальным путем решает данную проблему. Как известно, в настоящее время подготовлен проект № 885214-7 Федерального закона о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». В соответствии со статьей 1 указанного проекта Федерального закона, предлагается часть 1 статьи 132 Конституции РФ изложить в следующей редакции:

«1. Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, вводят местные налоги и сборы, решают иные вопросы местного значения, а также в соответствии с федеральным законом обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи.»

Как, не трудно заметить законодатель исключает из данной части положение о самостоятельном осуществлении органами местного самоуправления охраны общественного порядка.

«Статья 132

1. Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения.»

Тем самым дает понять, что на конституционном уровне охрану общественного порядка может осуществлять, только Правительство Российской Федерации [п. «е» ч. 1 ст. 114].

В тоже время, Комитет Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера в своем Заключении от 11 марта 2020 г. № 3.2-05/672 по проекту закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (проект № 885214-7) не отметил важность исключения из Конституции права органов местного самоуправления осуществлять охрану общественного порядка. Умалчивая данный вопрос, профилирующий в области местного самоуправления Комитет, как орган государственной власти, не способствует созданию эффективных условий защиты прав и свобод человека и гражданина на территориях муниципальных образований.

Добавив к выше сказанному предусмотренное проектом № 885214-7 Федерального закона дополнение в статью 131 Конституции РФ частью 1.1, предусматривающей возможное участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления, то мы увидим явную тенденцию централизации публичной власти в Российской Федерации.

Таким образом, ограничение полномочий органов местного самоуправления приводит к потере связи между органами государственной власти и органами местного самоуправления, что, несомненно, дает предпосылки к нарушению прав и свобод человека и гражданина на территории муниципальных образований.

ЛИТЕРАТУРА

Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов / 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ [электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.03.2020).

О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: проект № 885214-7 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации [электронный ресурс] // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7/> (дата обращения: 13.03.2020).

Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ [электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.03.2020).

Перевалов В.Д. Теория государства и права: Учебник. М.: Высшее образование, 2005.

По проекту закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»: Заключение Комитет Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера от 11 марта 2020 года № 3.2-05672 [электронный ресурс] // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7/> (дата обращения: 13.03.2020).

Ягофарова Инара Дамировна

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ПРЕДЕЛЫ В ПРАВЕ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Аннотация.** Тема прав и свобод человека является одной из наиболее популярных, но, несмотря на это, достаточно дискуссионной, поскольку ставит множество вопросов перед исследователями. Одним из них является вопрос о пределах субъективных прав. В данной статье рассматривается вопрос о необходимости установления пределов прав субъектов в целях обеспечения безопасности самой личности, а также национальной безопасности государства в целом. Рассматриваются также виды пределов, которые обусловлены объективными (объективные пределы) и субъективными (субъективные пределы) факторами. В статье подчеркивается, что необходимость установления пределов в праве вызвана современными процессами глобализации, которые влекут усложнение форм общественных отношений.*

Ключевые слова: *пределы в праве, субъективное право, ограничения прав и свобод, право как ограничение, национальная безопасность.*

Право, представляя собой уникальный социальный регулятор, эффективно воздействует на субъектов права, с одной стороны, устанавливая определенные дозволения, предоставляя возможности, с другой стороны, устанавливая различного рода ограничения. Подобный амбивалентный характер права дает возможность субъекту оставаться в правовом поле, выбирая желаемую для него модель поведения. Однако, устанавливая дозволения или ограничения, право, тем самым, определяет предельность поведения субъектов.

Вопрос о пределах правовых установлений является одним из наиболее сложных в юридической науке. Цель установления пределов права была впервые сформулирована в ст. 4 Декларации прав человека и гражданина 1789 г., где записано, что «Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом». Необходимость установления пределов при реализации права давно уже известна и не является дискуссионной темой, но вот определение самих пределов, их обоснованности, это вопрос до сих пор остается открытым и требующим обсуждения и решения.

Рассматривая этот вопрос, необходимо использовать формулу «адекватного баланса интересов» [Лерхе 2004: 234–240], смысл которой в том, что в основе любого права лежит интерес субъекта. При реализации своего интереса между субъектами происходит определенный «конфликт интересов», что приводит к конкуренции прав. Для того, чтобы это предотвратить необходимо установить такие пределы реализации субъективных прав, дабы соблюсти разумный баланс интересов всех участников.

Говоря в целом о пределах прав субъектов, необходимо отметить, что они могут иметь как объективный, так и субъективный характер. Объективные пределы очерчиваются объективным правом через действующее законодательство. Объективные пределы зависят от конкретно-исторических условий, социально-экономического, политического уровня развития государства, также учитываются религиозные, национальные, культурные факторы и т.д. Соответственно, пределы осуществления субъективных прав могут отличаться в различных государствах, что активно наблюдается в современных странах, особенно в социальной сфере отношений (брачно-семейные отношения, гендерные отношения и т. д.). Теоретически, субъект может воспользоваться любым субъективным правом, которое официально закреплено. Но практически это возможно только при указании условий, при наличии которых субъект может воспользоваться своим правом. К примеру, это может быть возраст, половая принадлежность, наличие образования и т. д. Если условия, которые и определяют возможность и пределы пользования правом, не определены, то можно говорить о декларативности конкретного права и отсутствии определенного механизма пользования им.

Также немаловажным является и то, что при изучении пределов права, необходимо развести понятия «пределы права» и «ограничение права». Существенная разница между ними в том, что, по мнению, Б. С. Эбзеева, под пределами прав понимаются границы признаваемой и защищаемой Конституцией свободы индивидов. А под ограничением прав понимаются допустимые Конституцией РФ изъятия из конституционного статуса человека и гражданина в определенных государственно-значимых целях [Эбзеев 2015: 194].

Соответственно, полагаясь на все вышесказанное можно резюмировать, что пределы права – это тот объем прав, который предоставляется субъекту законодательством, за рамками которого он не может осуществлять свое право.

Субъективные пределы права определяются самим управомоченным субъектом по собственному усмотрению. Реализация субъективного права зависит от воли и желания субъекта. Вместе с тем при реализации права субъект должен учитывать те необходимые требования, которые

установлены как государством, так и обществом. К таким требованиям относятся обязанность не нарушать права другого субъекта, добросовестность и разумность при реализации права, моральные, нравственные основания реализации и т.д. Также на процесс реализации существенное влияние оказывают обычаи и традиции конкретного государства (во многих мусульманских странах высшее образование женщин не приветствуется, запрет на свободное передвижение и т.д.). Разумеется, что это относится к неюридическим пределам права, однако, они также играют немаловажную роль в современном обществе. Кроме того, особенность субъективного права заключается и в том, что субъект в любой момент может отказаться от его реализации, сохраняя, между тем, саму возможность его использования.

Рассматривая вопрос о пределах субъективного права, многие авторы не акцентируют внимание на выделении субъективных и объективных пределов, ограничиваясь лишь тем, что границы дозволенного поведения могут быть установлены государством [Вронская 2017, Эктумаев 2017]. Наиболее вероятная причина установления новых пределов прав в современный период являются процессы глобализации, влекущие за собой не только позитивные изменения, но и угрозу для безопасности граждан и национальной безопасности государства в целом. В связи с этим, государство путем законодательного закрепления вводит уточненные пределы субъективных прав, направленные на ограничение их осуществления [Колоткина 2018: 8–10].

Проблема определения пределов права достаточно спорная, поэтому нуждается в дальнейшем изучении. В данном контексте хотелось бы отметить, подводя итог, что в большинстве случаев пределы прав субъектов зависят от множества факторов объективного и субъективного свойства и все больше в последнее время привлекают внимание законодателя с позиции сужения субъективных прав, прежде всего, в целях обеспечения национальной безопасности. Субъекту же остается действовать по принципу «разрешено все, что не запрещено законом».

ЛИТЕРАТУРА

Вронская М. В. Феномен "злоупотребление правом": от дефиниции к правоприменительной практике // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 348-350.

Колоткина О. А. Приоритеты обеспечения национальной безопасности в контексте интересов личности: конституционно-правовой анализ // *Российская юстиция*. 2018. № 8. С. 8-10.

Лерхе П. Пределы основных прав // *Государственное право Германии*. Т. 2. М.: Дрофа, 2004. 320 с.

Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2015. 656 с.

Эктумаев А. Б. Пределы и границы права на свободу слова // *Общество: политика, экономика, право*. 2017. Выпуск №1. С. 1-5.

Научное издание

ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
достижение метабезопасности
как атрибута государства v.2020

МАТЕРИАЛЫ
Всероссийской научно-практической конференции

ВЫПУСК 1

Подписано в печать _____ . Формат 60 × 84 1/16.
Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 17,7. Гарнитура Times New Roman. Тираж 500 экз.
Бумага для множительных аппаратов. Ризограф. Заказ № _____ .
Редакционно-издательский отдел УИУ (ф) РАНХиГС
620114, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66.